

АБРАМ ГАННИБАЛ

Феликс
Лурье

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга петербургского историка Ф. М. Лурье рассказывает о невероятной судьбе прадеда А. С. Пушкина Абрама Петровича Ганнибала. С юных лет до трагической гибели Пушкин старательно собирал сведения о своей родословной. Все его предки принадлежали к старинным боярским родам, и лишь происхождение прадеда по материнской линии, А. П. Ганнибала, было окутано тайной. Исследователи до сих пор спорят о месте его рождения и родственных связях. Ф. М. Лурье на основании архивных документов, многочисленных публикаций и ценнейших сведений, полученных во время африканской экспедиции главным редактором журнала «Всемирный следопыт» И. В. Даниловым, воссоздает необычайную историю арапчонка, ставшего любимцем русского царя. Читатель узнает, как мальчик, похищенный из отчего дома в Африке, получил блестящее европейское образование, преодолел невзгоды и ссылку и сделался дипломатом и лучшим военным инженером Российской империи.

[Адаптировано для AlReader]

-
- [Феликс Лурье](#)
    -
    -
    - [АФРИКАНСКИЙ ПРАДЕД](#)
    - [Глава I](#)

- Глава II
- Глава III
- Глава IV
- Глава V
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

- [illegible]

- INFO

- [СЕРИЯ](#)
- [СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)

- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)

- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)

- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)

- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)

- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)

- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)

- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)

- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)

- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)

- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)

- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)

- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)

- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)

- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)

- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)

- [574](#)
  - [575](#)
  - [576](#)
  - [577](#)
  - [578](#)
  - [579](#)
  - [580](#)
  - [581](#)
  - [582](#)
  - [583](#)
  - [584](#)
  - [585](#)
  - [586](#)
  - [587](#)
  - [588](#)
  - [589](#)
  - [590](#)
  - [591](#)
  - [592](#)
  - [593](#)
  - [594](#)
  - [595](#)
  - [596](#)
  - [597](#)
  - [598](#)
  - [599](#)
  - [600](#)
  - [601](#)
  - [602](#)
  - [603](#)
  - [604](#)
  - [605](#)
  - [606](#)
  - [607](#)
-

ЖИЗНЬ® ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1981

(1781)

Феликс Лурье

АБРАМ ГАННИБАЛ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

---

*

© Лурье Ф. М., 2019

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2019

*Гордиться славою предков не только
можно, но и должно; не уважать оной есть
постыдное малодушие.*

А. С. Пушкин

АФРИКАНСКИЙ ПРАДЕД РУССКОГО ГЕНИЯ

Не «уловив тайну личности» поэта, не познакомившись с исследованиями, посвященными жизни и трудам Александра Сергеевича Пушкина, его родственным связям, друзьям, мы не можем ответить даже на самые простые вопросы, возникающие при чтении его произведений, не можем проникнуть в глубины замысла автора и, следовательно, понять его до конца. Почему Пушкин взялся за исторический роман «Арап Петра Великого», почему сделал это именно в 1827 году и не раньше, почему не завершил его, почему изобразил героя именно таким?.. А между тем на каждый из этих вопросов (и на многие другие) имеется ответ.

Пушкину повезло больше других русских литераторов — изучением его жизни и творчества занимались крупнейшие литературоведы и лингвисты. О нем написано чрезвычайно много, и многое столь блистательно, что пользуется неизменным успехом у широкого круга читателей. Книга «Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы», которую П. Е. Щеголев создавал как сугубо академический труд, совсем недавно дважды выдерживала двухсоттысячные тиражи. Пушкин притягивает и завораживает данной ему природой гениальностью, чертами характера, благородством души, кругом друзей, драматической кончиной. Мы знаем о нем чрезвычайно много, почти все, и тем не менее непрерывно всплывают вопросы, нуждающиеся в ответах, уточнениях, проверке, появляются новые исследования. И этот процесс бесконечен.

На внешность Александра Сергеевича, черты его характера, темперамент сильнейшее влияние оказала текшая в его жилах кровь африканского прадеда — Абрама Петровича Ганнибала. Происхождение поэта отобразилось и в его творчестве, поэтому все, что связано с загадочными африканскими предками Пушкина, нам особенно интересно. Первые попытки изучения жизни Ганнибала предпринял сам А. С. Пушкин. Вслед за ним с разной степенью полезности сбором материалов к биографии прадеда поэта и ее изложением занялись П. В. Анненков, М. Д. Хмыров, М. Н. Лонгинов, Я. К. Грот, Д. Н. Анучин, В. В. Стасов, Г. И. Сондоевский, С. И. Оpatович, С. Н. Шубинский, И. А. Шляпкин, А. С. Ганнибал, Н. А. Гастфрейнд, Б. Л. Мод-залевский, Т. Г. Цявловская, М. Вегнер, И. Л. Фейнберг, В. В. Набоков, И. В. Данилов, Н. К. Телетова, Н. П. Хохлов, Д. Гнамманку, Г. Леец, Д. Д. Благой, А. М. Гордин, Н. И. Грановская, А. М. Бессонова, Т. А. Лаптева, Н. А. Малеванов, Е. А. Прянишников, Н. Я. Эйдельман, В. С. Листов, А. М. Букалов, Т. Ю. Мальцева и др.

Среди упомянутых здесь лиц есть те, кто занимался исключительно поиском архивных материалов и их публикацией, подчас даже не комментируя их. Изучение архивных фондов, начатое А. С. Пушкиным, длится уже около ста восьмидесяти лет. Обследовано большинство архивохранилищ, где могли бы находиться документы, запечатлевшие жизнь и деятельность А. П. Ганнибала. Автору этих строк почти ничего нового в архивах и рукописных отделах институтов, музеев и книгоохранилищ отыскать не удалось. Однако изучение печатных источников показало, что до сих пор нет сравнительно полной биографии африканского прадеда: в разных исследованиях акцентируются разные периоды его жизни, используются не все архивные документы и отдельные статьи, раскрывающие важные подробности

биографии А. П. Ганнибала. К тому же обнаружилось, что ряд документов недостаточно глубоко проанализирован, в некоторые тексты вкрались существенные ошибки. Поэтому автор решил попытаться заново рассказать биографию А. П. Ганнибала — африканского прадеда русского гения.

Приступая к работе над этой книгой, автор частью просмотрел, частью перечитал сочинения А. С. Пушкина и извлек из них все, что, на его взгляд, возможно использовать при написании биографии его африканского прадеда. Исторические изыскания Александра Сергеевича остались незавершенными, не все документы ему удалось изучить. Разумеется, они обременены ошибками и отчасти устарели. Но значительное их число написано правнуком о том времени, когда жил его прадед. Поэтому в книге использованы в первую очередь именно они. Пушкинская трактовка исторических событий не введет читателя в заблуждение, как это может произойти при чтении некоторых современных исторических сочинений.

Автор выражает глубочайшую благодарность всем, кто содействовал изданию этой книги, и в частности И. В. Данилову, предоставившему ценнейшие документы, привезенные из Африки; О. П. Новиковой за неоценимую помощь в работе над рукописью; Ю. Н. Беспятым за тяжкий труд первого читателя, долготерпение и ценные замечания, а также Н. И. Абрамовой, Е. Л. Звягиной, А. М. Резниченко, О. Е. Соломенко, В. А. Степановой и Е. А. Цветковой за дружескую помощь. Душевно признателен своим старинным друзьям М. Л. и Л. М. Звягиным, позволившим опубликовать изображения ряда предметов из их грандиозной африканской коллекции.

Глава I

В ПОИСКАХ РОДИНЫ

Одним из самых выдающихся событий, ускоривших развитие человечества, следует назвать возникновение письменности — системы знаков и правил, способных запечатлеть мысль, знания, опыт. Древнейшие записи, дошедшие до нас, сообщают о событиях, современных писавшему или произошедших с его предками, то есть историко-географические и генеалогические сведения. Без генеалогии не обходится даже Священное Писание. Новый Завет открывается Евангелием от Матфея. Приведем первые его строки:

1. Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова.

2. Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его.

3. Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама <...>

17. Итак, всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов.

Что это, если не генеалогический список?

Все мы или почти все стремимся знать историю своей родины и историю своих предков: кто были наши деды и прадеды и какую роль сыграли они в событиях прошлого. Думая о жизни наших пращуров, мы представляем на их месте себя, изучение их жизни становится для нас самопознанием — узнавая больше о них, мы начинаем понимать, на что способны сами, какие поступки можем совершить, чего достигнуть. Многие из нас составляют генеалогические древа своих фамилий, узнают, откуда они «проросли», что

происходило с их предками во времена опричнины, на Бородинском поле, в Великую Отечественную войну...

Архивы полны документов, отыскать своих предков, даже отделенных от нас несколькими столетиями, нелегко, но вполне реально. Разумеется, родословие крестьянской семьи менее привлекательно, чем дворянской, но встречаются исключения, и еще какие...

Вплоть до Октябрьской революции дворянство придавало особое значение родственным связям, знатности происхождения, именитости. Родство и даже свойство содействовали карьере, получению наград, смягчению наказаний. Возможно, сказалось влияние неистребимого местничества, вплоть до конца XVII столетия игравшего решающую роль в распределении главных должностей и связанных с ними благ.

Непомерная гордыня властвовала над княжескими и боярскими родами с незапамятных времен, отвлекая от дел, обременяя, развращая, искушая. Чванство, заносчивость, тщеславие проявлялись в самых уродливых формах. На дворцовых церемониях, во время пиршеств, дипломатических приемов, церковных богослужений дородные бородачи в расшитых золотом кафтанах, надетых один поверх другого, толкались, рукоприкладствовали, сквернословили, отстаивая место попочетнее, доказывая превосходство в родовитости.

Для разрешения постоянно вспыхивавших распрей о первенстве и старшинстве в Московском государстве сложилось местничество — набор правил назначения на военные, статские и придворные должности, на место, занимаемое за княжым столом. Сложилась строгая система определения старшинства родов и первенства внутри рода, «военно-аристократический распорядок московского общества»^[1]. При Государевом дворе каждый род занимал соответствующее положение, внутри рода каждый имел свое место. Все споры о «бесчестии», «порухе» и «потерке» решал суверен, но и

он не был свободен при вынесении приговоров и назначениях на должности. Местничество мешало, наносило непоправимый вред державе. С XVI века на периоды войн объявлялось «безместие», суверен мог ставить воеводами и крупными чиновниками по способностям.

12 января 1682 года «Соборным деянием» Земского собора местничество было отменено навсегда. По повелению царя Федора Алексеевича почти все разрядные книги с записями местнических дел были сожжены, а составление новых прекращено. В том же году при Разрядном приказе возникла Родословных дел палата, занимавшаяся составлением родословных книг, куда вносились списки членов одной фамилии или нескольких по порядку нисхождения колен^[2]. Источниками для составления родословных книг служили официальный «Родословец» и частные родословные росписи. Конечным результатом деятельности Палаты стала «Бархатная книга», получившая свое название за обтянутый малиновым бархатом переплет. В день уничтожения местничества царь повелел «объявить на Земском соборе служилым людям, представителям княжеских, боярских и других именитых родов, что «впредь им и будущим их родов на память указал он, Великий Государь, быти в Разряде Родословной Книге родам их и тою Родословную Книгу пополнить, и которых имян в той Книге и в родех не написано — и тех имена в Родословную Книгу написать вновь к сродникам их, и для того взять у них росписи за руками». В другую книгу должны были быть занесены княжеские и иные честные роды, «которые при предках его, Государевых, были в честях: в боярах и в окольничих, и в думных дворянах, или которые старых же честных родов в таких вышеписанных честях и не являлись, а в царство прадеда его, Великого Государя, Государя Царя и Великого князя Иоанна Васильевича

всея России Самодержца и при его, государеве, державе были в послах, и в посланниках, и в полках и в городех в воеводах, и в знатных посылках, у него, Великого Государя, в близости, а в Родословную Книгу родов их не написано — и те роды с явным свидетельством написать в особую книгу»^[3].

В «Бархатной книге» оказались самые именитые дворянские фамилии из Рюриковичей, Гедиминовичей и наиболее к ним близких, отыскиалось место и для Пушкиных^[4].

Результаты деятельности Родословных дел палаты легли в основу возникшей позже специальной исторической дисциплины генеалогии, занимающейся происхождением родов, фамилий и отдельных лиц, родственными связями^[5]. Без обращения к генеалогии ничье жизнеописание составить невозможно. В конце XIX и главным образом в начале XX века ее развитию и изучению придавалось особое значение, многие пожелали знать свое происхождение.

Александр Сергеевич Пушкин ревностно изучал родословную семьи, с жадным любопытством отыскивал мельчайшие подробности жизни отдаленных родичей, бережно коллекционировал их. Со стороны отца и бабки по материнской линии все обстояло более чем благополучно: по отцу предки прослеживаются с XIII века, по матери — с IX века, Рюриковичи. Пятеро пращуров поэта поставили подписи под актом избрания на престол Михаила Романова^[6]. А вот прадед со стороны матери поэта Надежды Осиповны, в девичестве Ганнибал, был негром таинственного происхождения. Сказалось ли это на характере правнука? Да. Первый его биограф П. В. Анненков писал:

«Не надо быть рьяным поклонником учения о неотразимости действий физиологических и нравственных свойств родоначальников семей на все их потомство, чтобы верить в возможность фамильной

передачи некоторых крупных психических особенностей со стороны отца и матери своей ближайшей отрасли. Некоторое изучение характера и натуры А. С. Пушкина неизбежно приводит к заключению, что в основе их лежат унаследованные черты и отличия двух родов — Ганнибаловых и Пушкиных, только значительно переработанные и облагороженные их знаменитым потомком. Любопытно поэтому присмотреться ближе к двум элементам, которые, так сказать, вошли в состав нравственного существования А. С. Пушкина и частью определил его»^[7].

Пушкин всем существом ощущал присутствие в себе черт негритянского прадеда, от него он унаследовал внешность, характер; черный предок волновал, не давал покоя. Александр Сергеевич понимал, что его африканское происхождение обсуждается у него за спиной и стороннее любопытство не всегда доброжелательно. Это раздражало поэта с юных лет, принуждало болезненно реагировать на любое упоминание о Ганнибале. Дети нередко проявляют необузданную жестокость, нетерпимость, неистовую злость. Что мог случайно (или не случайно) услышать юный лицеист?.. Из всего русского дворянства только в нем и его родне текла африканская кровь. Кем ощущал он себя? Чужаком, человеком меченым, обладателем изъяна, физического недостатка, которого приходилось необъяснимо, стыдиться? Чувствовал ли он потребность доказывать другим, что он такой же, не хуже их? Это может объяснять его реакцию — заносчивость, нарочитую развязность, эпатаж, подозрительность, вспышки ярости даже в зрелом возрасте, стремление слыть дворянином самых голубых кровей.

Однокашник Пушкина С. Д. Комовский, отвечая в 1851 году на вопросы П. В. Анненкова, вспоминал: «И что сами товарищи его, по страсти Пушкина к французскому языку (что, впрочем, было тогда в духе времени),

называли его в насмешку французом, а по физиономии и некоторым привычкам обезьяною и даже смесью обезьяны с тигром». Другой лицеист, М. Л. Яковлев, прокомментировал это воспоминание: «Как кого звали в школе в насмешку, должно только оставаться в одном школьном воспоминании старых товарищей; для читающей же публики и странно и непонятно будет читать в биографии Пушкина, что его звали обезьяной, смесью обезьяны с тигром»^[8]. Ю. М. Лотман посвятил исследование прозвищам Пушкина^[9].

О. С. Павлищева передала нам содержание разговора брата с назойливой француженкой, пытавшейся узнать о его происхождении. На ее вопрос о том, кто был отцом прадеда, если прадед был негром, взбешенный Пушкин ответил: «Обезьяной»^[10].

Описаний внешности Александра Сергеевича множество, приведем три из них. Польский врач С.-А. Моравский (1802–1853) вспоминал: «Цветом лица Пушкин отличался от остальных. Объяснялось это тем, что в его жилах текла кровь Ганнибала, которая даже через несколько поколений примешивала свою сажу к нашему славянскому молоку»^[11]. Другой портрет нарисовала Аннет Оленина (1808–1888), в которую Пушкин был влюблен, даже сватался, но получил отказ: «Бог, даровав ему Гений единственный, не наградил его привлекательной наружностью. Лицо его было выразительно, конечно, но некоторая злоба и насмешливость затмевали тот ум, который виден был в голубых или, лучше сказать, стеклянных глазах его. Арапский профиль, заимствованный от поколения матери, не украшал лица его, да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрепанные волосы, ногти, как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взор на женщин, которых он отличал своей любовью, странность нрава природного и принужденного и неограниченное самолюбие — вот все *достоинства*

телесные и душевные, которые свет придавал Русскому Поэту XIX столетия»^[12]. Внучка М. И. Кутузова графиня Д. Ф. Фикельмон (1804–1863), возлюбленная Пушкина^[13], писала: «Невозможно быть более некрасивым — это смесь наружности обезьяны с тигром»^[14].

Все в один голос отмечали его вспыльчивость и энергию, приобретенные от африканских предков. С младенчества отличие от других лишало его душевного спокойствия, мешало творить. Не случайно самые плодотворные периоды в его творчестве приходятся на время жизни в Михайловском и Болдине: там, вдали от людей, наступало успокоение, ничто его не раздражало.

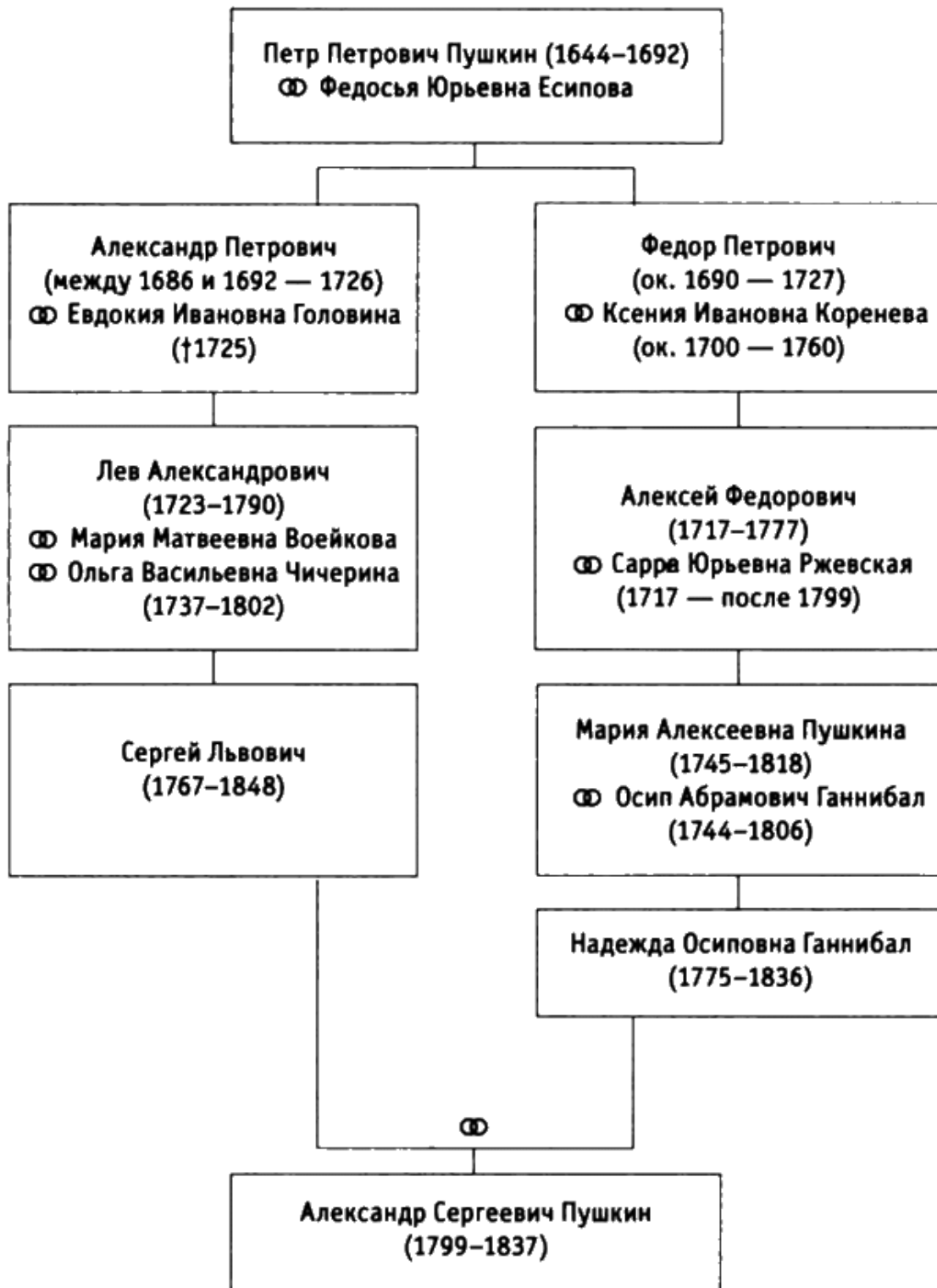
Изменится ли наше отношение к Пушкину оттого, что мы больше узнаем о его африканском прадеде? Нет, но мы глубже проникнем в его творчество. В. Ф. Ходасевич размышлял: «Нельзя написать «голую» биографию Пушкина, не связанную с историей и смыслом его творчества, — так же, как это творчество непостижимо, нерасшифровываемо вне связи с биографией... писания Пушкина и соблазнительно сопоставлять с его личной жизнью и исследовать в свете этой жизни, что их глубоко личная чуть ли не «дневниковая» природа лишь в этом случае довольно обнаруживается и позволяет их, наконец, прочитать в подлинном смысле»^[15]. У любого поэта жизнь и происходящие вокруг события теснейшим образом переплетены со стихами. В «Арапе Петра Великого» от автора, его интуиции, догадок, происхождения куда больше, чем от документов.

Приведем две краткие генеалогии — А. С. Пушкина и А. П. Ганнибала. Первая заимствована у Б. Л. Модзалевского^[16]; вторая составлена с использованием работы А. М. Бессоновой^[17], и в ней указаны лишь те представители 4–6 поколений Ганнибалов, которые позволяют проследить степень

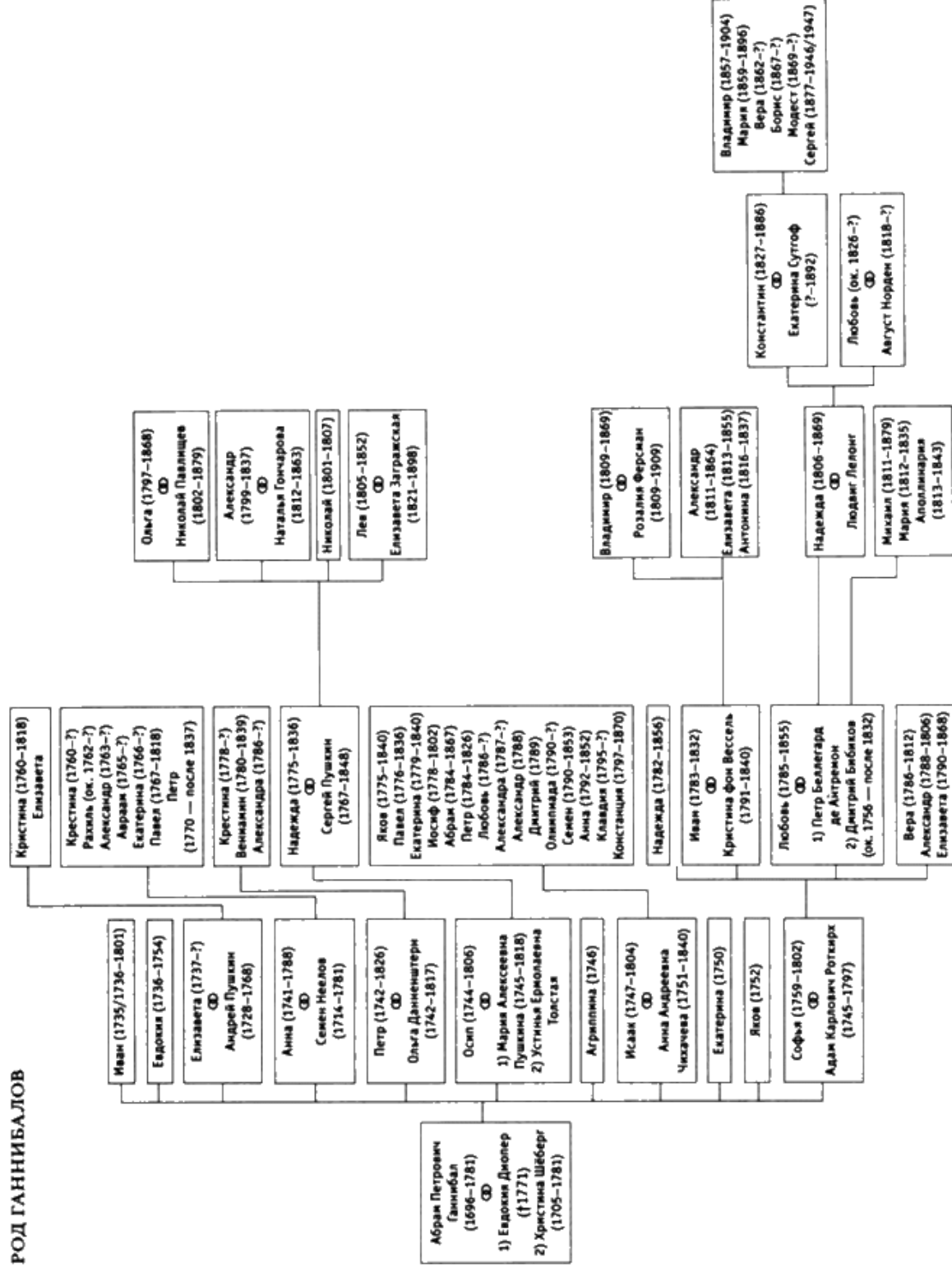

родства А. С. Пушкина с владельцами «Немецкой биографии А. П. Ганнибала» (о ней позже).

РОД ПУШКИНЫХ

РОД ГАННИБАЛОВ

Семейство Пушкиных породнилось с семейством Ганнибалов трижды.

Чтобы познать себя, Александр Сергеевич искал людей, чем-то похожих на него самого. Так, Байрон интересовал его не только как близкий по духу поэт. В домашней библиотеке Пушкина сохранились пятитомные мемуары великого англичанина, изданные по-французски в 1830 году. «Все тома разрезаны; первый том имеет ряд отметок карандашом. Отмечена характеристика Байрона ребенком, его любовь к чтению Библии, его исключительное положение среди товарищей по школе, страдание от физического недостатка и мечты о возможности в будущем пистолетом смыть все оскорбления»^[18].

25 июля 1835 года Пушкин начал писать о Байроне статью, но не завершил. Впервые ее опубликовали только в 1841 году. Приведем начало и последний абзац пушкинского текста:

«...имя Байронов с честью упоминается в английских летописях. Лордство дано их фамилии в 1643 году. Говорят, что Байрон своею родословною дорожил более, чем своими творениями. Чувство весьма понятное! Блеск его предков и почести, которые наследовал он от них, возвышали поэта: напротив того, слава, им самим приобретенная, нанесла ему мелочные оскорбления, часто унижающие благородного барона, предавая имя его на произвол молве...

Обстоятельство, по-видимому, маловажное, имело столь же сильное влияние на его душу. В самую минуту его рождения нога его была повреждена — и Байрон остался хром на всю свою жизнь. Физический сей недостаток оскорблял его самолюбие. Ничто не могло сравниться с его бешенством, когда однажды мистрис^[19] Байрон выбрала его *хромым мальчишкой*.

Он, будучи собою красавец, воображал себя уродом и дичился общества людей, мало ему знакомых, — опасаясь их насмешливого взгляда. Самый сей недостаток усиливал в нем желание отличиться во всех упражнениях, требующих силы физической и проворства»^[20].

Так мог написать настрадавшийся от чего-либо очень похожего, а Пушкин настрадался вполне. По поводу этой его статьи Б. И. Бурсов писал: «Байрон стал для Пушкина словно зеркалом, в которое рассматривает самого себя, написав с этой целью статью, которая так и называется — «Байрон»... Если Байрон тяготился хромотой, то Пушкин — тем, что он «потомок негров безобразный»^[21].

Отыскивая благородные корни в своем африканском происхождении, занимаясь генеалогическими изысканиями, Пушкин желал показать, что он не хуже других, не творениями своими и талантом, а знатностью происхождения. Наивно? Да, но с позиции нашего времени. Кичливость и Пушкина, и Байрона — их компенсация физической ущербности, якобы ущербности.

Журналист Н. И. Греч вспоминал: «Однажды, кажется, у А. Н. Оленина (президент Императорской Академии художеств. — *Ф. Л.*) [С. С.] Уваров (президент Императорской Академии наук. — *Ф. Л.*), не любивший Пушкина, гордого и не низкопоклонного, сказал о нем: «Что он хвастается своим происхождением от негра Аннибала, которого продали в Кронштадте (Петру Великому) за бутылку рома!» Булгарин, услыша это, не преминул воспользоваться случаем и повторил в «Северной Пчеле» этот отзыв. Этим объясняются стихи Пушкина «Моя родословная»^[22].

Мы не знаем реакции Оленина, слывшего порядочным человеком, но, услышав рассказ пакостника Уварова, он мог бы и урезонить говоруна. Греч никогда

не возражал близкому к трону Уварову. Приведу слова Греча о себе: «Между царем и мною есть взаимное условие: он оберегает меня от внешних врагов и от внутренних разбойников, от пожара, от наводнения, велит мостить и чистить улицы, зажигать фонари, а с меня требует только: сиди тихо! Вот я и сижу»^[23].

Возможно, будущий министр народного просвещения Уваров прочитал книгу секретаря саксонского посольства в Петербурге в 1787-1795 годах Георга фон Гельбига, изданную анонимно в 1809 году в Тюбингене. В ней содержалось сто двадцать биографий «русских фаворитов судьбы и карьеры». Приведем из нее биографию А. П. Ганнибала:

XXXII. АБРАМ ГАНИБАЛ

Абрам Петрович Ганибал был мавр, привезенный, в качестве юнги, Петром I из Голландии в Россию. Петр окрестил его, был восприемным отцом и назвал его — странное сопоставление имен — Абрамом Ганибалом; Петровичем он назывался потому, что Петр I был крестным его отцом. Император приказал научить его греческой вере и вообще дал ему хорошее образование. Молодой мавр имел светлую голову и выказал большие способности в изучении фортификационных наук. Он был чрезвычайно прилежен. Он временно служил в корпусе инженеров и мало-помалу стал занимать при всех последующих царствованиях весьма важные посты. Наконец, он стал генерал-директором корпуса генерал-лейтенантом и кавалером орденов Св. Александра Невского и Св. Анны. Он вышел в отставку, по своему желанию, при Петре III.

Ганибал умер в 1781 году, имея 87 лет.

Он был женат два раза. Говорят, будто от первой жены рожались все белые, от второй — черные дети.

Один сын от второй жены жил еще в конце 1790-х годов и был отставным генерал-лейтенантом и

кавалером орденов Св. Александра Невского и Св. Анны^[24].

Откуда Гельбиг черпал сведения для первой печатной биографии А. П. Ганнибала, мы не знаем, возможно, он перепутал историю его появления в России с историей другого арапа — Петра Елаева, служившего в 1706–1715 годах в русском галерном флоте. Екатерина II, узнав, что саксонский дипломат без ее соизволения пишет биографии русских деятелей, потребовала немедленного его удаления из России.

7 августа (№ 94) 1830 года в газете «Северная пчела» появилась анонимная статья «Второе письмо из Карлова на Каменный остров»^[25]. В ней есть следующие строки: «Рассказывают анекдот, что какой-то поэт в Испанской Америке, также подражатель Байрону, происходя от мулата или, не помню, от мулатки, стал доказывать, что один из предков его был негритянский принц. В Ратуше города доискались, что в старину был процесс между шкипером и его помощником за этого негра, которого каждый из них хотел присвоить, и что шкипер доказывал, что он купил негра за бутылку рому! Думали ли тогда, что к этому негру признается стихотворец! *Vinitas vinitatum*»^[26].

Разумеется, Пушкин не мог не узнать себя. Узнал он и анонимного автора статьи Ф. В. Булгарина (1789–1859), преуспевающего журналиста, «цыгана на Парнасе». 24 ноября 1831 года Александр Сергеевич писал командиру Корпуса жандармов, генерал-адъютанту графу А. Х. Бенкендорфу:

«Приблизительно год назад одна из наших газет напечатала сатирическую статью, в которой говорилось о некоем писателе, претендующем на благородное происхождение, тогда как в действительности он не более как мещанин во дворянстве. Прибавляли, что мать его была мулатка, отец которой, бедный негритенок,

был куплен одним матросом за бутылку рома. Хоть Петр Великий вовсе не походил на пьяного матроса, ясно, что имели в виду меня, ибо кроме меня нет в России писателя, имеющего среди своих предков негра. Так как упомянутая статья была напечатана в официальной газете, и неприличие довели до того в фельетоне, который должен бы быть литературным, говорили о моей матери, и так как наши газетчики не дерутся на дуэли, я считал себя обязанным ответить анонимному сатирику, что и сделал в стихах и очень резко. Я послал свой ответ покойному Дельвигу, прося напечатать в журнале. Дельвиг советовал мне взять ее обратно, указывая, что было бы смешно защищаться с пером в руках против нападок такого рода и афишировать аристократические чувства человеку, который, если хорошенько разобрать, не более, как дворянин в мещанстве, если не мещанин во дворянстве. Я послушал его совета, и на этом дело кончилось. Но по рукам ходило несколько копий этого ответа, что меня вовсе не огорчает, так как в нем нет ничего такого, от чего я хотел бы отказаться. Признаюсь, я дорожу тем, что называют предрассудками: я считаю себя таким же дворянином, как и всякий другой, хотя это и не приносит никакой выгоды; я дорожу, наконец, именем своих предков, так как это единственное наследство, которое они мне оставили. Но так как мои стихи могут принять за косвенную сатиру на происхождение некоторых известных фамилий, не зная, что это лишь очень сдержанный ответ на вызов, достойный крайнего порицания, я счел своей обязанностью дать вам откровенное объяснение и приложить при сем сочинение, о котором идет речь»^[27].

В письме Бенкендорфу речь идет о стихотворении «Моя родословная», начатом в Болдине 16 октября 1830 года. В нем Александр Сергеевич расправился с

Булгариным, автором анонимной статьи в «Северной пчеле».

История с выменным негретенком не только мерзкая, но и странная. В подражание европейским дворам Петр I для забавы с 1689 года завел арапчат. Один из них, Ганнибал, благодаря талантам выслужился в генерал-аншефы русской армии, его чин соответствовал II классу Табели о рангах, выше него в воинской графе располагался фельдмаршал и над ним — император. Благодаря личным качествам он вошел в историю России, его происхождение отступило на задний план. Был ли отец Ганнибала «африканским князем»? Ну — был, ну — не был. Кто был прадедом Уварова или Булгарина?..

Известный своей язвительностью Ф. Ф. Вигель, приятель Пушкина, писал: «Он по матери происходил от арапа генерала Ганнибала и гибкостью членов, быстротой телодвижений несколько походил на негров и человекоподобных жителей Африки»^[28]. Откуда этот шовинизм? А ведь Вигель слыл умным, талантливым и образованным. Натерпелись от шовинистов и прадед, и правнук.

Командир корпуса жандармов счел нужным с письмом поэта ознакомить императора, Николай I сделал на нем следующую «помету»: «Вы можете сказать от меня Пушкину, что я совершенно согласен с мнением его покойного друга Дельвига: такие низкие и подлые оскорбления, которыми его удостоили, обещивают не того, к кому они относятся, а того, кто их произносит. Единственное оружие против них есть — презрение; вот что я сделал бы на его месте. Что касается до этих стихов, я нахожу их остроумными, но в них больше злобы, чем чего-либо другого. Лучше было бы для чести его пера не распространять эти стихи»^[29].

10 декабря 1831 года Пушкин получил от Бенкендорфа ответ на письмо от 24 ноября, содержащий

копию «пометы» Николая I. Стихотворение «Моя родословная», приложенное к письму поэта шефу жандармов, опубликовали пол века спустя.

«Поэт, — писал Б. Л. Модзалевский, — историю своих предков Ганнибалов интересовался едва ли не более, чем родом Пушкиных: он тщательно собирал материалы для жизнеописания своего прадеда Абрама Петровича, а равно семейные предания, намереваясь издать полную биографию его самого, а также и его не менее известного сына Ивана Абрамовича; вывел его (А. П. Ганнибала. — Ф. Л.) как главное действующее лицо в своем неоконченном романе «Арап Петра Великого», посвятил ему вдохновенные историко-поэтические строки в «Моей родословной» и неоднократно вспоминал о своих африканских предках в своих стихотворениях; наконец, сообщил об «арапе» сведения Д. Н. Бантыш-Каменскому для «Словаря достопамятных людей Русской земли». В фактической части биографии прадеда своего Пушкин, однако, допустил неточности и ошибки, которые явилось возможным проверить лишь по позднейшим изысканиям»^[30].

Желание знать африканскую родословную возникло у Пушкина еще в Лицее, а возможно, и раньше и не покидало его всю жизнь. Пока дети Надежды Осиповны и Сергея Львовича Пушкиных росли, при них находилась Арина Родионовна Яковлева (1758-1828), вынянчившая Александра Сергеевича. Бывшая крепостная Ганнибалов, жившая в юности в пяти верстах от Суйды, где последние 20 лет жизни обитал Абрам Петрович, многое могла порассказать юному Александру «про стародавних бар», про «черного барина». Когда дети выросли, няня переехала в Михайловское. В годы ссылки поэта она спасала его от безрадостного одиночества. Приведем ее трогательное послание, отправленное после окончания ссылки поэта:

«Любезный мой друг Александр Сергеевич, я получила письмо и деньги, которые вы прислали. За все ваши милости я вам всем сердечно благодарна, вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только когда засну, забуду вас. Приезжай, мой Ангел, к нам в Михайловское — всех лошадей на дорогу выставлю. Я вас буду ожидать и молить Бога, чтоб Он дал нам свидеться. Прощай, мой батюшко Александр Сергеевич. За ваше здоровье я просвиру вынула и молебен отслужила, поживи, дружок, хорошенько, самому слюбится. Я, слава Богу, здорова, целую ваши ручки и остаюсь вас многолюбящая няня ваша Арина Родионовна (Тригорское, марта 6)»^[31].

Шестидесятивосьмилетняя неграмотная старушка отправилась к соседям в Тригорское: она знала, что там ей напишут весточку «любезному другу».

В январе 1801 года в Москву переехала бабушка поэта Мария Алексеевна Ганнибал (1745–1818) и вместе с сестрой Е. А. Пушкиной (f 1841) поселилась рядом с семейством дочери^[32]. В течение почти десяти лет Мария Алексеевна часто встречалась со своим африканским свекром, временами даже жила с ним в одном доме и успела хорошо узнать его. Со слов матери Л. Н. Павлищев записал: «Окончательно поселясь у Пушкиных, Мария Алексеевна Ганнибал была первой наставницей своей внучки и внуков. Обладая изящным слогом, которым любовались все, читавшие ее письма, она обучала мать мою и братьев Александра и Льва Сергеевичей сначала русской грамоте, а впоследствии и русской словесности»^[33]. Мария Алексеевна «любила вспоминать старину, Пушкин наслышался от нее семейных преданий, коими так дорожил впоследствии»^[34]. Приведем отрывки из воспоминаний внучки историка В. Н. Татищева Е. П. Янь-ковой (1768–1861), записанных ее внуком:

«Пушкины жили весело и открыто, и всем домом заведовала больше старуха Ганнибал, очень умная, дельная и рассудительная женщина; она умела дом вести как следует, и она также занималась и детьми: принимала к ним мамзелей и учителей и сама учила. Старший внук ее Саша был большой увалень и дикарь, кудрявый мальчик лет девяти или десяти, со смуглым личиком, не скажу, чтобы слишком приглядным, но очень живыми глазами, из которых искры так и сыпались...

Когда она (Мария Алексеевна. — *Ф. Л.*) выходила за Ганнибала, то считали этот брак для молодой девушки неравным, и кто-то сложил по этому поводу стишок:

Нашлась такая дура,
Что не спросись Амура,
Пошла за Визапура»^[35].

Визапур — имя мулата, жившего в конце XVIII — начале XIX века, женатого на московской купчихе Сахаровой. В 1812 году он, объявленный шпионом в пользу Франции, был расстрелян^[36]. Его имя сделалось нарицательным для презрительного обозначения арапа. Мария Алексеевна, скорее всего, слышала шовинистический стишок и знала об отношении московского общества к ее браку.

Обвенчавшись в 1772 году с Осипом Абрамовичем Ганнибалом, она с мужем поселилась во флигеле усадьбы Ганнибалов Суйды Копорского уезда Петербургской губернии. Здесь у Марии Алексеевны родилась дочь Надежда, мать Александра Сергеевича Пушкина. Потом Марию Алексеевну ожидали горестные годы развода с ветреным мужем, мытарства, его неблагоприятные поступки, но свидетельств о дурном к ней отношении свекра и братьев непутевого мужа не

обнаруживается. О браке своем она писала, что «была выдана в замужество за Ганнибала от родителей моих», то есть исполняла волю родителей^[37]. Абрам Петрович, сколько мог, помогал жене сына, постоянно принимая ее сторону в конфликтах, а один из братьев мужа впоследствии приютил ее с дочерью в родовом имении.

Происхождение загадочного прадеда по материнской линии было туманно и необычно. Правнук знал лишь, что А. П. Ганнибал — африканец, что он был похищен из родного дома, отправлен к туркам, выкраден из Стамбула и крещен Петром Великим, служил при нем, участвовал в Полтавской битве и Прутском походе, был отмечен царскими милостями, учился во Франции. После кончины крестного, преодолевая невзгоды и многие бедствия, благодаря уму и талантам сделал хорошую карьеру. Эти скудные сведения правнук почерпнул из семейных преданий, расспрашивая бабушку и няню.

Сегодня доступ в большинство архивов не затруднен излишними бюрократическими процедурами и в значительной степени зависит от самих архивистов; издано множество справочников и путеводителей, помогающих обнаружить место хранения интересующих исследователя документов, позволяющих сузить круг поиска. В царствования императоров Александра I и Николая I двери любого архива открывались для очень немногих личным разрешением суверена. Николай I полагал, что право проникновения в архив «может принадлежать единственно людям, пользующимся особенною доверенностью начальства»^[38].

Архивы хранят исторические источники: письма, воспоминания, секретные договоры, частные архивы, акты, расписки, протоколы, листовки, фотографии и другие материалы, запечатлевшие события, отразившие деятельность государственных учреждений, жизнь и интересы государства, отдельных личностей. Многие

документы являются наисекретнейшими, знание их содержания дает людям реальную власть. Правители всех стран во все времена ревностно охраняли архивы: проникновение в них постороннего влечет за собой опасность разоблачения. Не случайно слово «архив», которым уже с I в. до Р. Х. стали называть место хранения документов, происходит от греческого *ἀρχή* — власть.

Даже личные архивы представляли определенную опасность для властей. Иначе зачем бы Николаю I понадобилось с такой постыдной поспешностью опечатать все рукописи погибшего А. С. Пушкина, а Александру II засылать в Европу полицейских агентов, чтобы всеми правдами и неправдами заполучить бумаги князя-эмигранта П. В. Долгорукова? Николай II безуспешно охотился за архивом бывшего председателя Совета министров графа С. Ю. Витте. Делалось это ради того, чтобы опасные сведения не получили нежелательного распространения.

Лица для службы в архивах Российской империи отбирались тщательнейшим образом. Государственный архив располагался на последнем этаже здания Главного штаба в помещениях Коллегии иностранных дел^[39]. Всеми секретными документами архива ведал правитель Канцелярии министерства тайный советник В. А. Поленов (1776–1851), человек весьма образованный. С 1831 года и до кончины в 1837 году Александр Сергеевич часто посещал Государственный архив, знакомясь с бумагами, запечатлевшими деятельность Петра I и пугачевский бунт. Очень скоро Пушкин и Поленов прониклись друг к другу взаимным уважением и даже симпатией.

Почетная должность историографа, полученная Пушкиным по повелению Николая I после Н. М. Карамзина, не освободила Александра Сергеевича от сложной процедуры получения доступа к архивным

делам. 22 января 1832 года управляющий Коллегией иностранных дел граф К. В. Нессельроде докладывал императору: «Генерал-адъютант Бенкендорф объявил мне высочайшее повеление об определении в Государственную коллегия иностранных дел коллежского секретаря Пушкина с дозволением отыскивать в архивах материалы для сочинения истории императора Петра I. — Во исполнение высочайшей воли Пушкин определен был в Коллегию и потом всемилостивейше пожалован в титулярные советники; о допущении же его в Архивы сделано уже распоряжение. Но притом осмелюсь испросить, благоугодно ли будет вашему императорскому величеству, чтобы титулярному советнику Пушкину открыты были все секретные бумаги времен императора Петра I, в здешнем архиве хранящиеся, как-то: о первой супруге его, о царевице Алексее Петровиче; также дела бывшей Тайной канцелярии»^[40].

Три дня спустя Нессельроде сообщил министру внутренних дел, одному из учредителей литературного общества «Арзамас», давнему знакомому Пушкина графу Д. Н. Блудову: «Милостивый государь, я имел счастье докладывать государю императору о дозволении титулярному советнику Пушкину отыскивать в архивах Министерства иностранных дел материалы для сочинения истории императора Петра I. Его императорское величество, изъявив на сие высочайшее соизволение, повелел при том, чтобы из хранящихся в здешнем архиве дел секретные бумаги времен императора Петра I открыты были г. Пушкину не иначе, как по назначению вашего превосходительства, и чтобы он прочтением оных и составлением из них выписок занимался в Коллегии иностранных дел, и ни под каким видом не брал бы вообще всех вверяемых ему бумаг к себе на дом. О сей высочайшей воле, вменяя себе в обязанность уведомить ваше превосходительство, для

зависящего от вас, милостивый государь, во исполнение оной распоряжения, имею честь быть и т. д.»^[41]

Для полноты представления о бюрократических процедурах, через которые прошел Пушкин, чтобы получить доступ к архивным документам, приведем письмо министра юстиции Д. В. Дашкова графу Нессельроде от 21 февраля 1835 года: «Г. генерал-адъютант граф Бенкендорф от 2 сего Февраля сообщил мне о высочайшем его императорского величества повелении касательно допущения камер-юнкера Александра Пушкина в архив Правительствующего сената для прочтения дела о пугачевском бунте и составлении из оногo выписки; но поелику дело сие, как секретное, на основании правил, данных в руководство временной комиссии разбора дел архивов Сенатского и бывшего Государственного, должно быть передано в учрежденный при Министерстве иностранных дел государственный архив, то я входил о сем с всеподданнейшею к государю императору запискою. На сие г. статс-секретарь Танеев от 17 сего же месяца уведомил меня, что его величество, рассмотрев означенную записку мою, Высочайше повелеть соизволил: дело о пугачевском бунте в 8-ми запечатанных пакетах передать в настоящем виде в учрежденный при министерстве иностранных дел Государственный архив и вместе с тем уведомить ваше сиятельство о последовавшем высочайшем соизволении, чтобы камер-юнкер Александр Пушкин был допущен к прочтению помянутого дела и составлению из оногo выписки. О таковом Высочайшем повелении я имею честь уведомить вас, милостивый государь, присовокупляя, что к исполнению оногo повеления касательно передачи помянутого дела сделано надлежащее с моей стороны распоряжение и сообщено графу Бенкендорфу для объявления камер-юнкеру Пушкину»^[42].

Читать бумаги и делать из них выписки, «касающиеся до царствования Императора Петра Великого и из дел о бунтовщике Пугачеве» камер-юнкеру Пушкину разрешалось в специально для этого отведенной комнате на последнем этаже здания Главного штаба. После гибели Александра Сергеевича 10 февраля 1837 года граф Нессельроде получил от Бенкендорфа письмо, в котором говорилось:

«Приемлю честь покорнейше просить ваше сиятельство, не благоугодно ли будет вам приказать доставить ко мне ведомость всем бумагам, документам и рукописям, кои из разных архивов чрез посредство вашего сиятельства были выданы покойному камер-юнкеру двора его императорского величества Пушкину»^[43].

Шеф жандармов торопился узнать, какими сведениями располагал убитый поэт и какие выписки из архивных документов искать среди его рукописей. «Приказав тотчас после смерти поэта опечатать его бумаги, — пишет И. Л. Фейнберг, — Николай I затем повелел представить ему «все рукописи, касающиеся до истории Петра Великого»^[44]. Проработав почти шесть лет в архивах, Александр Сергеевич сделал массу выписок из документов, полагая часть из них поместить в «Историю Петра». Все они исчезли, и следов их пока не обнаружено, возможно, среди них были и документы, касавшиеся Ганнибала.

Николай I, прочитав подготовительные рукописи «Истории Петра», запретил их печатание^[45]. Лишь в 1938 году этот неоконченный труд Александра Сергеевича впервые увидел свет.

Получив доступ в архивы, Пушкин твердо знал, что ему требуется отыскать, об этом свидетельствует его письмо Поленову:

«Милостивый государь,

Василий Алексеевич.

Честь имею обратиться к вашему превосходительству с покорнейшею просьбою.

Государь император изволил мне приказать распечатать дело о Пугачеве для составления исторической выписки. В осьми связках, доставленных мне из С. п-аго сената, не нашел я главнейшаго документа: допроса, снятаго с самого Пугачева в следственной комиссии, учрежденной в Москве. Осмеливаюсь покорнейше просить ваше превосходительство дабы приказали снести о том с А. О. Малиновским, которому, вероятно, известно, где находится сей необходимый документ.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть

милостивый государь,
вашего превосходительства
покорнейшим слугою

Александр Пушкин.

28 Августа 1835. СПб»^[46].

В юности Пушкин не осмеливался испрашивать у императора дозволения на допуск к документам, касавшимся событий жизни А. П. Ганнибала, а если бы и осмелился, то, конечно же, получил бы отказ. К тому же тогда он еще не знал, что и где искать. Потом, работая в архиве, он обнаружил очень важную бумагу, касавшуюся А. П. Ганнибала, но всего лишь одну. Справочники и путеводители по архивам начали появляться много позже. Поиск документов требовал глубоких знаний, особого чутья и проницательности. Последними поэт располагал вполне, знания пришли позже.

Дар историка обнаружился у Пушкина рано, он увлеченно читал исторические сочинения, преумножая знания в течение всей жизни. Его сестра О. С. Павлицева вспоминала: «Учился Александр

Сергеевич лениво; но рано обнаружил охоту к чтению, и уже десяти лет любил читать Плутарха или «Илиаду» и «Одиссею» в переводе [на французский] Битобе. Не довольствуясь тем, что ему давали, он часто забирался в кабинет отца и читал другие книги; библиотека же отцовская состояла из классиков французских и философов XVIII века, страсть эту развивали в нем и сестре родители, читая им вслух занимательные книги. Отец в особенности мастерски читал Мольера»^[47].

На развитие кругозора, редкой образованности, разносторонних способностей юного Пушкина сильнейшим образом повлияла среда, окружавшая его с младенчества. Семейство поэта принадлежало к самой просвещенной части русского общества Александровской эпохи.

П. В. Анненков писал о его отце:

«Сергей Львович и брат его, столь известный Василий Пушкин, получили полное французское воспитание, писали стихи, знали много умных изречений и острых слов из старого и нового периода французской литературы и сами могли бойко размышлять о серьезных вещах с голоса французских энциклопедистов, последнего прочитанного романа или где-нибудь перехваченного суждения. Никто больше их не ревновал и не хлопотал о русской образованности, под которой они разумели много разнообразных предметов: сближение с аристократическими кругами нашего общества и подделку под их образ жизни, составление важных связей, перенятие последних парижских мод, поддержка литературных знакомств и добывание через их посредством слухов и новинок для неумолкаемых бесед, для умножения шума и говора в столице»^[48].

Характеристика язвительна лишь на первый взгляд, не следует забывать, что она написана во второй половине XIX столетия на людей рубежа XVIII–XIX веков, не следует воспринимать ее с позиции сегодняшнего

дня. Странность характеристики Анненкова еще и в том, что он приводит слова посаженного отца на свадьбе Сергея Львовича и Натальи Осиповны И. А. Ганнибала о женихе: «он не очень богат, но очень образован»^[49]. Наш современник Н. Я. Эйдельман совсем иначе пишет об отце поэта: «Сергей Львович, человек образованный, для времени своей молодости вполне передовой, воспитывался в совершенно других исторических понятиях, и дело тут совсем не в разнице талантов обыкновенного отца и гениального сына: для всего поколения *отцов* история совсем не то, что для сыновей, которые вместе с Пушкиным или вслед за ним в 1830—1840-х годах обретают новый взгляд на вещи»^[50]. Обратите внимание на характерную для Анненкова черту — он писал портреты своих героев всеми красками. В биографии боготворимого им Пушкина он сообщил нам и нелюбимые о нем мнения. Получился гений, но не все черты его характера столь уж идеальны. То же произошло и с батюшкой гения, тем более что Сергей Львович не всегда был справедлив в отношениях с сыном: известно, что в юности поэт страдал от равнодушия родителей и никогда им этого не простил. Самое главное, что сделал первый биограф Пушкина, — показал величие и масштаб его личности, первый ранжировал современников поэта, его предшественников и следовавшего за ним поколения и указал место Александра Сергеевича среди них.

Оказаться в кругу друзей Пушкина-отца почитали за честь. Сергей Львович и в начале XIX века слыл образованнейшим из людей своего времени, юный Александр мог многое воспринять от него и воспринял. Ближайшими друзьями родителей поэта в Москве, затем в Петербурге были Карамзины, Вяземские, Бутурлины, В. А. Жуковский, А. Ф. Малиновский, И. И. Дмитриев, В. Л. Пушкин, А. И. Тургенев, К. Н. Батюшков. Их влияние

на формирование личности Александра Сергеевича, на его интересы, занятия поэзией огромно.

Сергей Львович вспоминал, как во время одного из посещений Н. М. Карамзина маленький Пушкин «вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз»^[51]. П. В. Анненков пишет, что Сергей Львович позволял «детям присутствовать при приеме гостей и быть постоянными слушателями всех разговоров своего кабинета, только под условием молчания и невмешательства в беседу»^[52]. В доме Пушкиных разговоры касались истории и словесности, ценились не знатность фамилии и богатство, а образованность и талант. С взрослением поэта друзья родителей делались и его друзьями, некоторые из них сопровождали Александра Сергеевича всю жизнь.

Заметную роль в жизни поэта сыграли братья Малиновские. Алексей Федорович (1762–1840), начальник Московского архива Министерства иностранных дел, знаток русской истории, добрейший, образованнейший человек, консультировал Пушкина во время работы в его архиве над «Историей Петра», очень помог при поиске документов. Павел Федорович (1766–1832), сосед Ганнибалов по имению, был другом семейства, поручителем при венчании родителей. Василий Федорович (1765–1814), первый директор Царскосельского лицея, сделал его лучшим учебным заведением России. Воспитанники директора обожали, А. С. Пушкин называл его среди лиц, оказавших на него особенно сильное влияние. Быть может, не без участия В. Ф. Малиновского Пушкин оказался в стенах Царскосельского лицея.

У лицейских преподавателей Пушкин не числился среди любителей и знатоков истории. Профессор И. К. Кайда-нов (1782–1843) в «Ведомостях о дарованиях, прилежаниях и успехах воспитанников <...> по части географии, всеобщей политической и российской

истории» ставит Пушкина на 14-20 место, то есть убийственно далеко от наиболее успешных, однако отмечает его дарование при отсутствии прилежания^[53]. Тем не менее известно, что наряду с русской и французской словесностью лицеист Пушкин много и охотно читал исторические сочинения^[54]. Почему-то он нередко скрывал свои познания и уж никак не кичился ими, не выставлял напоказ. Добрейший Кайданов относился к юному оболтусу с теплотой, и в Пушкине до конца дней не угасало чувство признательности к первому учителю истории^[55]. Пушкин был выпущен из лицея 9 июня 1817 года девятнадцатым по второму разряду. Наверное, он вспоминал лицей, когда писал о Байроне: «Маленький Байрон выучился читать и писать в Абердинской школе. В классе он был из последних учеников — и более отличался в играх. По свидетельству его товарищей, он был резвый, вспыльчивый и злопамятный мальчик, всегда готовый подраться и отплатить старую обиду»^[56]. Похож? Да. Пушкин искал в характере Байрона схожие черты, оба имели отличительную метку среди однокашников.

Всем известен эпизод чтения лицеистом Пушкиным «Воспоминаний в Царском Селе» на публичном экзамене 8 января 1815 года, вызвавшего восторг всех присутствовавших. Министр народного просвещения граф А. К. Разумовский в тот же день устроил торжественный обед. Отец поэта получил на него приглашение. За обедом граф Алексей Кириллович, обращаясь к С. Л. Пушкину, заметил: «Я бы желал, однако же, образовать сына вашего к прозе». — «Оставьте его поэтом!» — пророчески и с необыкновенным жаром возразил Державин^[57]. Что-то почувствовал Разумовский, не просто же так он это сказал... Девятнадцатый по ранжировке лицейских

преподавателей, Александр Сергеевич уже тогда писал гениальные стихи.

В лицейские годы Пушкин при каждом удобном случае посещал Николая Михайловича Карамзина (1766–1826), писателя, основоположника русского литературного языка, мыслителя и историка. После переезда в Петербург нередко в теплые месяцы Карамзин с семьей жил в Царском Селе. Летом 1816 года юный Александр особенно много времени проводил в беседах с Николаем Михайловичем. Как раз в это время начала выходить его «История государства Российского», воспламенившая в русском обществе страсть к отечественной истории. В 1816–1824 годах увидели свет все двенадцать томов, почти сразу же издание пришлось повторить. В истории русской культуры нет иного примера столь трепетного ожидания читающей публикой каждой следующей книги. Пушкин сделался свидетелем небывалого и неповторимого успеха серьезного исторического исследования. Труд этот пробуждал интерес не только к истории, но и к углубленному, вдумчивому чтению вообще, к формированию фамильных библиотек. Триумф Карамзина кроется в его таланте литератора, философском складе ума, глубочайшем знании истории, трудолюбии и упорстве, личной порядочности, в появлении подготовленной Татищевым, Щербатовым и Новиковым публики, предвкушавшей приобретение давно желаемых знаний. Прочитав первый том, Толстой-Американец воскликнул: «Оказывается, у меня есть Отечество!» Н. М. Карамзин добился того, что не удалось ни одному русскому историку ни до него, ни после.

«Это было в феврале 1818 года, — писал А. С. Пушкин. — Первые восемь томов «Русской истории» Карамзина вышли в свет. Я прочел их в моей постели с жадностью и со вниманием. Появление сей книги (так и быть надлежало) наделало много шума и произвело

сильнейшее впечатление, 3000 экземпляров разошлось в один месяц (чего никак не ожидал сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать Историю своего Отечества, дотоле неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом»^[58]. Мы привели отрывок из неоконченных воспоминаний о Карамзине, пушкинисты датируют его 1826 годом. Далее там же Пушкин написал: «Повторяю, что *История Государства Российского* есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека»^[59].

Лучшего наставника для юного Пушкина не отыскалось бы во всем мире. В молодые годы он во многом не соглашался с Карамзиным, но чтит его безмерно, он очень рано понял, сколь велик этот человек. Александр Сергеевич открыто возражал против главенствующей идеи, заложенной автором в «Истории государства Российского», — «история народа принадлежит царю», и тем не менее называл его труд подвигом^[60]. Карамзиным восхищались, но и жестоко критиковали с разных сторон^[61].

Как определить отношение Карамзина к Пушкину? Очень уж они были разные. Историк знал мощь зревшего таланта поэта, не одобрял многие его поступки, не хлопотал за него перед Александром I, пытаясь облегчить вполне заслуженное наказание^[62]. Вот выдержка из письма от 17 августа 1824 года, написанного Н. М. Карамзиным П. А. Вяземскому: «Поэту Пушкину велено жить в деревне отца его — разумеется, до времени его исцеления от горячки и бреда. Он не сдержал слова, им данного в тот час, когда мысль о крепости ужасала его воображение: не переставал врать, словесно и на бумаге, не мог ужиться даже с графом Воронцовым, который совсем не деспот!»^[63]

Наверное, стареющий Карамзин уж очень суров по отношению к молодому бесшабашному Пушкину. Но и Пушкин хорош — ссора с Воронцовым не делала ему чести. Граф Михаил Семенович Воронцов (1782–1856), боевой генерал, отличившийся в наполеоновских войнах, после их окончания командовал Русским оккупационным корпусом во Франции, человек образованный, проявил себя в мирное время крайне либеральным военачальником. В 1823 году Александр I назначил его новороссийским генерал-губернатором и наместником Бессарабской области. Он много сил истратил на процветание края, не до коллежского секретаря Пушкина ему было, и желал он легкомысленному лоботрясу добра. Но терпение имеет свойство заканчиваться — и Пушкин оказался в Михайловском. Зная о его проделках на подвластных Воронцову территориях, наверное, можно утверждать, что Пушкину еще повезло. Если бы не заступничество друзей, не в Михайловском оказался бы он.

Пушкин восхищался Карамзиным не только как историком, но в большей степени как личностью, испытывая к нему глубочайшее уважение, возраставшее с годами. Николай Михайлович неоценимо помог Пушкину в его исторических разысканиях, побудил к серьезным занятиям историей, объяснил, что это значит, рассказал, где и что следует искать, каким свидетельствам доверять, сколь важен подлинный документ. Николай Михайлович беседовал с Пушкиным об Иване Грозном и его преемниках, когда тот готовился писать «Бориса Годунова». Автор посвятил трагедию своему наставнику: «Драгоценной для России памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностью посвящает Александр Пушкин». Замысел «Годунова» возник при чтении X и XI томов «Истории государства Российского», вышедших в марте 1824 года.

«Роль Карамзина, — писал Ю. М. Лотман, — в истории русской культуры не измеряется только его литературным и научным творчеством. Карамзин-человек был сам величайшим уроком. Воплощение независимости, честности, уважения к себе и терпимости к другим не в словах и поучениях, а в целой жизни, развертывающейся на глазах у поколений русских людей, — это была школа, без которой человек пушкинской эпохи, бесспорно, не стал бы тем, чем он сделался для истории России. Не случайно декабристы, порой очень остро критиковавшие сочинения Карамзина, неизменно с высочайшим уважением отзывались о его личности»^[64].

С каждым годом интерес Пушкина к истории, историческим исследованиям возрастал, дар историка был дан ему от рождения. Кто знает, кем бы стал великий поэт, проживи он еще лет тридцать... Александр I, побеседовав с Н. М. Карамзиным, поручил ему писать историю России. 31 октября 1803 года появился указ о его назначении историографом с «пенсией» две тысячи рублей ассигнациями и «невозбранном пользовании просителю читать сохранившиеся как в монастырях, так и в других библиотеках, от Святейшего Синода зависящих, древние рукописи до российских древностей касающихся»^[65]. Карамзину минуло 37 лет — возраст, до которого дожил А. С. Пушкин. К тому времени за плечами первого историографа были «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь», несколько переводов, «Марфа Посадница...», «Остров Боргольм», «Письма русского путешественника», статьи на всевозможные темы. Он редактировал журналы и имел репутацию крупнейшего литератора. В одночасье он все оставил и «записался» в историки. Карамзиным он сделался потом. Не станем перечислять созданного Пушкиным, его старт был ранний и скорый, он не затратил времени на разбег. По

словам Б. И. Бурсова, «Пушкин сразу начался как Пушкин». Думая о ранней его поэзии, невольно веришь в переселение душ — в ребенке почти с рождения нашел постоянную обитель зрелый поэт, зрелый ум, но и все ребяческое в нем осталось. Чем объяснить зрелость его юношеских стихов, глубокое проникновение в содержание, необыкновенное чувство музыки стиха? Только гений и одновременно опытный мастер мог так писать, а Пушкин был еще совсем ребенком. Превосходство художественного дара Пушкина над талантом всех его современников, включая Карамзина, очевидно. Его трезвая, точная оценка исторических событий, предельная честность, преданность достоверному документу, интуиция, непревзойденный образный язык могли дать на исторической ниве блистательные результаты. Напомним, что в то время история еще не успела окончательно отделиться от словесности, они некоторое время оставались тесно связанными: еще долго в Академии наук историки числились по Отделению словесности.

Находясь в бушующем революционном Париже, Карамзин писал: «Больно, но должен по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей российской истории, то есть писанной с философским умом, с критикой, благородным красноречием. Тацит, Юм, Робертсон, Гиббон — вот образцы! Говорят, что наша История сама по себе менее других занимательна; не думаю: нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, как из Нестора, Никона и проч, могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только Русских, но и чужестранцев. Родословная князей, их ссоры, междоусобия, набеги половцев, не очень любопытны: соглашусь, но зачем наполнять ими целые томы? Что не важно, то сократить, как сделал Юм в английской истории; но все черты, которые означают

свойства народа русского, характер древних наших героев, отменных людей, происхождения действительно любопытныя описать живо, разительно. У нас был свой Карл Великий: Владимир — свой Людовик XI: Царь Иоанн — свой Кромвель: Годунов — и еще такой государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий. Время их правления составляет важнейшия эпохи в нашей истории, и даже в истории человечества; его-то и надобно представить в живописи, а прочее можно обрисовать, но так, как делал свои рисунки Рафаэль или Микель Анджело»^[66].

Наверное, именно так — не курсом, а эпохами — излагал бы русскую историю Пушкин, проживи он дольше. Французский дипломат барон Франсуа-Адольф Лёве-Веймар (1801-1854) писал о нем весной 1837 года: «Его беседа на исторические темы доставляла удовольствие слушателям; об истории он говорил прекрасным языком поэта, как будто сам жил в таком же близком общении со всеми этими старыми царями, в котором жил с Петром Великим его предок Аннибал — любимец негр»^[67].

Сосланный в Михайловское, Александр Сергеевич оказался соседом своего двоюродного деда Петра Абрамовича Ганнибала (1742-1826). Десяти лет от роду он был записан сержантом, дослужился до полковника артиллерии, в 1783 году вышел в отставку в чине генерал-майора; будучи в отставке, избирался предводителем дворянства Псковской губернии; 11 декабря 1804 года одновременно с дедом Пушкина Осипом Абрамовичем Ганнибалом (1744-1806) был внесен в 1-ю часть Родословной книги (возведение в дворянство повелением императора); похоронен на Пятницком погосте рядом с Троицкой церковью села Сафонтьево Новоржевского уезда Псковской губернии^[68].

«Весьма возможно, — предположила Н. А. Белозерская, — что Петр Абрамович достиг бы более видного положения, если бы не попался в неприятном деле в виде растраты каких-то артиллерийских снарядов. Вследствие этого он долгое время состоял под судом и избавился от него только благодаря связям и влиянию своего старшего брата Ивана Абрамовича. Таким образом, о новой службе помышлять было нечего, и Петр Абрамович, после выхода в отставку поселился в своем наследованном псковском имении, доставлявшем ему возможность безбедного и праздного существования. Здесь он и зажил жизнью большинства тогдашних провинциальных дворян»^[69].

Военная карьера старшему брату Ивану Абрамовичу удалась успешнее, чем Петру, его авторитет в армии был чрезвычайно высок.

Армейское начальство, не обнаружив в поступках П. А. Ганнибала личной корысти, решило дать отставку провинившемуся артиллеристу обычным способом, будто ничего не произошло. Светлейший князь Г. А. Потемкин распорядился выправить ему паспорт: «Объявитель сего артиллерии господин полковник Петр Ганнибал, просящийся поданною на высочайшее ея императорского величество имя челобитную об отставке от службы, до получения на оную резолюции отпущен мною в дом его, состоящий в Санкт-Петербурге, во уверение чего дан сей паспорт за подписанием моим с приложением герба моего печати в Чернигове октября 15 дня 1783 года»^[70].

Петр Абрамович в 1777 году женился на дочери коллежского советника Ольге Григорьевне фон Денненстрен (1742-1818), женщине тихой и безответной. Жизнь их не была безупречной с самого начала. Муж оставил ее с детьми без средств к существованию, хотя она вошла в семью, имея приданым

деревни в Казанской и Саратовской губерниях с общим числом крестьян обоего пола 401 душа^[71]. «Петр Абрамович был человек грубый, вспыльчивый, деспотичный, — пишет А. М. Гордин. — Он был женат, имел сына и двух дочерей, но прожив с Ольгой Григорьевной девять лет, оставил ее, и, уехав в псковское имение, известил письмом, чтобы «она к успокоению его не жила более с ним вместе, а получала бы от него с детьми положенное им содержание». Брошенная жена жаловалась императрице, ее справедливые претензии разбирал статс-секретарь Г. Р. Державин»^[72]. В это время Гаврила Романович служил «секретарем у принятия прошений». Вся жизнь Ольги Григорьевны прошла в нужде и жалобах на несносное материальное положение, созданное мужем.

В Петровском Петр Абрамович поселился в 1786 году, сбежав от жены. Имение это отец его, Абрам Петрович, получил милостью Елизаветы Петровны в 1742 году в составе земель и деревень Михайловской губы. Село Петровское заложено им на месте деревеньки Кучане, новое название первый владелец дал в честь сына Петра, ему оно предназначалось, он получил его в 1781 году. Сегодня в Петровском можно увидеть превосходный парк с деревьями, видевшими Ганнибалов. Дом разграбили и сожгли в 1918 году, в 1977 году на частично уцелевшем фундаменте возвели новое здание^[73] и устроили в нем музей.

Первый раз Александр Сергеевич посетил Петра Абрамовича в июле 1817 года^[74] в Петровском, расположенном в четырех верстах от Михайловского. Колоритный старик произвел на него сильнейшее впечатление, позже в Кишиневе и в Михайловском он не раз вспоминал эту встречу в огромном усадебном доме, построенном стараниями прадеда. Оказавшись в изгнании, Пушкин решил расспросить двоюродного деда

об Абраме Петровиче, хоть что-нибудь узнать у последнего оставшегося в живых из детей прадеда.

Вторая их встреча состоялась между 9 августа и 20 октября 1824 года^[75] в имении Сафонтьево, куда из Петровского отставной генерал переехал в 1819 году^[76]. Ссылный поэт просил восьмидесятидвухлетнего старца записать для него все, что тот сможет вспомнить о своем отце. После их первой встречи прошло семь лет, Петр Абрамович давно уж не занимал никаких должностей и, всеми забытый, тихо угасал в своей деревне: соседи его избегали, он заметно переменялся, пристрастился к графинчику, мысли путались, выплеснулась навязчивая хвастливость. Это посещение внучатому племяннику запомнилось обильным возлиянием и пустыми разговорами.

19 ноября 1824 года Пушкин записал на клочке бумаги: «...попросил водки. Подали водку. Налив рюмку себе, велел он и мне поднести; я не поморщился — и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого Арапа. Через четверть часа он опять попросил водки — и повторил это раз 5 или 6 до обеда»^[77]. Отставного генерала порадовало поведение «не поморщившегося» от непривычного «грубого» напитка гостя — чай, не сладенькое заморское вино. После трапезы, бормоча о «незабвенном родителе», старик прослезился и впал в дремоту.

«Забавно, что водка, — пишет ворчливый П. В. Анненков, — которою старый арап подчивал тогда нашего поэта, была собственного изделия хозяина: оттуда и удовольствие его при виде, как молодой родственник умел оценить ее и как развязно с нею справлялся. Генерал от артиллерии, по свидетельству слуги его, Михаила Ивановича Калашникова, которого мы еще знали, занимался на покое перегоном водок и настоек и занимался без усталы, со страстию. Молодой крепостной человек был его помощником в этом деле,

но, кроме того, имел еще и другую должность. Обученный чрез посредство какого-то немца искусству разыгрывать русские песенные и плясовые мотивы на гуслях, он погружал вечером старого арапа в слезы или приводил в азарт своею музыкой, а днем помогал ему возводить настойки в известный градус крепости, причем раз они сожгли свою дистилляцию, вздумав делать в ней нововведения, по проекту самого Петра Абрамовича. Слуга поплатился за чужой неудачный опыт собственной спиной, да и вообще, прибавлял почтенный старик Михаил Иванович, — когда бывали сердиты Ганнибалы, все без исключения, то людей у них *выносили на простынях*. Смысл этого крепостного термина достаточно понятен и без комментариев»^[78].

Петр Абрамович занимался не одним изготовлением горячительных напитков, но еще и вел хозяйство. Калашников не только помогал ему в производстве главного продукта застолья, но и успешно обкрадывал хозяина. Позже он служил у Сергея Львовича управляющим в Михайловском, затем в Болдине и отменно разбогател. П. Е. Щеголев утверждает, что «крепостной любовью» сосланного в Михайловское поэта была дочь Калашникова, Ольга^[79]. У отца имелись основания крепко недолго любить Пушкиных и Ганнибалов.

Почему-то считается, что запись от 19 ноября 1824 года запечатлела первое посещение восемнадцатилетним Пушкиным П. А. Ганнибала. Вряд ли в 1817 году хозяин, находившийся в еще вполне здоровом уме, решился юного гостя, только что вышедшего из Царскосельского лицея, угостить самодельной водкой. От 6 рюмок он не устоял бы на ногах; и к чему описывать первую встречу через несколько дней после второй... На обратной стороне клочка бумаги, где запечатлен текст от 19 ноября 1824 года, Пушкин сделал запись: «Вышед из лицея, я почти

тотчас уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике...»^[80]. Разумеется, записи на обеих сторонах одного листка можно отнести к воспоминаниям об одном времени, но высказанные ранее доводы исключать не следует.

Поездка 1824 года ожиданий не оправдала: Александр Сергеевич услышал сомнительные «семейные предания» и, возможно, получил (или сделал сам со слов старика-хозяина) выписки из сочинения, автора которого не знал; Пушкин назвал его «Немецкой биографией А. П. Ганнибала» — под этим названием оно и вошло в научный оборот в первой половине XX века^[81].

Скудные сведения, добытые при второй встрече, легли в основу одиннадцатого примечания, написанного 20–31 октября 1824 года^[82] к пятидесятой строфе первой главы «Евгения Онегина», отправленной в Петербург 3–5 ноября с братом поэта^[83] и увидевшей свет 15 февраля 1825 года (цензорская подпись 29 декабря 1824 года). Это была первая историческая справка, сочиненная правнуком о прадеде и опубликованная в двух изданиях первой главы «Евгения Онегина». При подготовке полного текста романа в стихах, вышедшего в 1833 году, комментарий этот, кроме первой фразы, не печатался, но давалась отсылка на первое издание. Приведем комментарий полностью:

«Автор, со стороны матери, происхождения африканского. Его прадед Абрам Петрович Аннибал на 8-м году своего возраста был похищен с берегов Африки и привезен в Константинополь. Российский посланник, выручив его, послал в подарок Петру Великому, который крестил его в Вильне. Вслед за ним брат его приезжал сперва в Константинополь, а потом и в Петербург, предлагая за него выкуп; но Петр I не согласился возвратить своего крестника. До глубокой старости Аннибал помнил еще Африку, роскошную жизнь отца, 19

братьев, из коих он был меньшей; помнил, как их водили к отцу, с руками, связанными за спиной, между тем как он один был свободен и плавал под фонтанами отеческого дома; помнил также любимую сестру свою Лагань, плывшую издали за кораблем, на котором он удалялся.

18-ти лет от роду Аннибал послан был царем во Францию, где и начал свою службу в армии регента; он возвратился в Россию с разрубленной головой и с чином французского лейтенанта. С тех пор находился он неотлучно при особе императора. В царствование Анны Аннибал, личный враг Бирона, послан был в Сибирь под благовидным предлогом. Наскуча безлюдством и жестокостью климата, он самовольно возвратился в Петербург и явился к своему другу Миниху. Миних изумился и советовал ему скрыться немедленно. Аннибал удалился в свои поместья, где и жил во всё время царствования Анны, считаясь в службе в Сибири. Елисавета, вступив на престол, осыпала его своими милостями. А. П. Аннибал умер уже в царствование Екатерины II, уволенный от важных занятий службы, с чином генерал-аншефа на 92 году от рождения.

Сын его генерал-лейтенант И. А. Ганнибал принадлежал бесспорно к числу отличнейших людей Екатерининского века (ум. в 1800 году).

В России, где память замечательных людей скоро исчезнет по причине недостатка исторических записок, странная жизнь Аннибала известна только по семейственным преданиям. Мы со временем надеемся издать его полную биографию»^[84].

Александр Сергеевич невольно допустил ряд весьма существенных ошибок, не станем здесь на них останавливаться, ниже они будут исправлены. Заметим лишь, что он, безусловно, пользовался устными или письменными извлечениями из «Немецкой биографии». Странно, но И. Л. Фейнберг, не приводя никаких

доводов, утверждает, что «так называемое примечание Пушкина к первому изданию первой главы «Евгения Онегина» является отрывком из записок Пушкина, вскоре после 14-го декабря сожженных»^[85].

Почти год спустя ссыльный поэт решил в последний раз повидаться с Петром Абрамовичем. 11 августа 1825 года он пишет соседке по Михайловскому тригорской помещице П. А. Осиповой, находившейся в Риге:

«Я рассчитываю еще повидать моего старого негра — дедушку, который, как я полагаю, на этих днях умрет, между тем мне необходимо раздобыть от него записки, относящиеся до моего деда»^[86].

Это был третий, последний визит молодого поэта к «старому негру». Пушкин ошибся: его двоюродный дед прожил еще почти год.

Во втором томе «Летописи» помещена следующая запись:

«Август. 13(?)...25(?). Посещение Пушкиным двоюродного деда, Петра Абрамовича Ганнибала, в его деревне Са-фонтьево близ Новоржева (ок. 60 км от Михайловского). Получение от него биографии (на нем. яз.) Абрама Петровича Ганнибала и начала автобиографии самого Петра Абрамовича»^[87]. На самом же деле никакой биографии на немецком языке при этой встрече Пушкин не получил. Судя по всему, он не получил даже фрагментов копии «Немецкой биографии А. П. Ганнибала». Он бережно относился ко всем своим записям, но никаких следов фрагментов «Немецкой биографии» в его бумагах не обнаружено. Зато малосодержательный текст начатых и незавершенных воспоминаний П. А. Ганнибала^[88] превосходно сохранился.

«Вероятно, по просьбе внучатого племянника, А. С. Пушкина, — пишет П. В. Анненков, — этот генерал от артиллерии уступил ему листок своих записок, начатых гораздо раньше автором — в чине еще

артиллерии полковника. Этот листок, сохранный Пушкиным в своих бумагах, и служит печальным образчиком тех познаний в русской грамоте и той способности к логическому мышлению вообще, каким обладал генерал-от-артиллерии...»^[89]. Автор ошибается, воспоминания А. П. Ганнибала написаны на бумаге синего цвета с водяными знаками 1823 года, сочинил их «старый негр» между 1 ноября 1824 года и 13 августа 1825 года. Сведений о месте рождения прадеда и его жизни воспоминания П. А. Ганнибала не прибавили. В первой фразе он пишет, что Абрам Петрович «был негр, отец его был знатного происхождения, то есть владетельным князем»^[90]. Относительно грамматических познаний П. А. Ганнибала Анненков прав, свидетельство тому — прошение генерала в Сенат, опубликованное литератором и историком Н. А. Белозерской (1838–1912)^[91].

При последней встрече с П. А. Ганнибалом Александр Сергеевич наверное узнал о существовании полного текста оригинала «Немецкой биографии А. П. Ганнибала» и месте ее хранения. Но вот что странно — Петр Абрамович почему-то не назвал имени автора, хотя не знать он его не мог: они находились в близком родстве и были знакомы почти два десятилетия. Возможно, из-за прогрессирующего склероза он его забыл, возможно, ему казалось, что автор он сам, и Пушкин, разумеется, ему не поверил.

«По словам моей матери, — вспоминал Л. Н. Павлищев, — Ганнибал впал тогда в такую забывчивость, что не помнил своих близких. Так, например, желая рассказать о посещении его своим сыном, он говорил:

— Вообразите мою радость: ко мне на днях заезжал... да вы его должны знать... ну, прекрасный молодой офицер... еще недавно женился в Казани... как

бишь его... еще хотел побывать в Петербурге... ну... хотел купить дом в Казани...

— Да это Вениамин Петрович, — подсказала ему внучка Ольга Сергеевна.

— Ну да, Веня, сын мой, что же раньше не говорите? Эх вы!»^[92]

Позже, ссылаясь на «Немецкую биографию» прадеда, правнук писал: «сказано в рукописной его биографии», «говорит его немецкий биограф»^[93], следовательно, имени автора он не знал и не узнал до конца жизни.

К началу 1820-х годов автограф «Немецкой биографии А. П. Ганнибала», написанный на бумаге с водяными знаками 1786 года, хранился у двоюродного брата Надежды Осиповны Пушкиной Ивана Адамовича Роткирха (1783–1832) и его жены Христины-Елизаветы (1791–1840), урожденной фон Вессель, в их поместье Новопятницкое Ямбургского уезда С.-Петербургской губернии.

Лето 1826 и 1827 годов Надежда Осиповна с дочерью Ольгой проводила в Ревеле «на водах» (модных морских купаниях), их путь лежал через имение Роткирхов. Сохранились свидетельства добрых отношений брата и сестры^[94], возможно, при посещении кузена Надежда Осиповна выполнила просьбу сына и привезла ему изготовленную на бумаге с водяными знаками 1826 года копию «Немецкой биографии А. П. Ганнибала», но вероятнее всего, она лишь передала просьбу сына, желавшего иметь биографию прадеда, о коей невнятно поведал ему Петр Абрамович.

Первый публикатор копии «Немецкой биографии» Т. Г. Зенгер-Цявловская оставила следующее описание рукописи: «Текст написан неизвестной, может быть женской, рукой мелким, тонким, аккуратным почерком, без помарок. Чернила выцветшие. Шрифт готический, за исключением имен собственных, большей частью

написанных латинскими буквами. Написан текст, судя по перемене чернил и оттенкам в почерке, в несколько приемов»^[95]. Возможно, копию изготовила жена И. А. Роткирха и его старшие дочери. Текст подлинника размещается на 11 страницах большого формата, почерк мелкий, готическая скоропись, не всем по силам его разобрать. Аккуратное его копирование требует значительного времени.

Имеются косвенные подтверждения того, что Александр Сергеевич перед отъездом в Михайловское летом 1827 года посетил Роткирхов в их имении, но документального подтверждения этому нет^[96]. Если Александр Сергеевич делал перевод копии «Немецкой биографии» сам, то, вероятнее всего, он получил ее осенью 1826 года от матери^[97]. Пушкин слабо владел немецким языком^[98], летом 1827 года он появился в Михайловском с готовым переводом, торопливо написанным его рукой. В научной литературе он известен под названием «Сокращенный перевод», в Полном собрании сочинений А. С. Пушкина он озаглавлен «[Биография А. П. Ганнибала]»^[99], его объем в три раза меньше полного перевода. Если Пушкин сам получил текст «Немецкой биографии», разобрать который непросто даже знатоку языка из-за готической скорописи XVIII века, то, возможно, перевод был продиктован ему кем-то из Роткирхов, изготовивших эту копию для поэта. Тогда легко объясняется небрежность стиля перевода и пропуски, а также некоторые отсутствующие в немецком тексте детали: их могли сообщить Пушкину обитатели Новопятницкого. Все Роткирхи, современники Пушкина, превосходно владели немецким языком и, кроме текста «Немецкой биографии», возможно, располагали не дошедшими до нас записями. Нам представляется более вероятным то, что Пушкин получил копию «Немецкой биографии» в

Новопятницком и там же записал ее перевод со слов кого-то из Роткирхов. Не будем анализировать качество перевода, его опубликовали и старательно изучили еще 75 лет назад^[100], отметим лишь, что В. В. Набоков назвал Сокращенный перевод, написанный Пушкиным, анонимным и топорным, «судя по неотесанности, [писавшимся] под диктовку кого-либо, лучше, чем он, владевшего немецким»^[101]. Ни Пушкин, ни первые публикаторы не знали имени автора, и это особенно странно, потому что копию биографии поэт получил... от его сына! Получая рукопись и конспектируя ее перевод, Пушкин не мог не задать вопрос об авторе. Отыскать причину, по которой имя автора держалось в тайне, пока не удастся.

Автором «Немецкой биографии» был Адам Карлович Роткирх, сын лифляндского офицера Карла-Мангуста фон Роткирха, перешедшего на русскую службу. В 1782 году Адам Карлович женился на Софье Абрамовне Ганнибал (1759–1802), младшей из шести дочерей прадеда А. С. Пушкина и таким образом вошел в семью Абрама Петровича, правда, уже после его кончины. Приведем извлечение из замечательной книги А. М. Бессоновой:

«Адольф (Адам) Карлович Роткирх род. в 1745 г.; в 1759 г. зачислен в кадеты Сухопутного шляхетного кадетского корпуса; в 1766 г. — прапорщик; служил в Шлиссельбургском пехотном полку, принимал участие в походах 1770–1772 гг.; в 1770–1772 гг. — подпоручик, поручик; в 1776 г. — капитан; в 1780 г. вышел в отставку в чине секунд-майора; в 1781–1783 гг. — заседатель в Софийском уездном суде; с 1783 г. Софийский уездный судья; с 1785 г. надворный советник; с 1 сентября 1788 г. по 13 января 1789 г. исправлял должность Софийского уездного предводителя дворянства; в 1789–1792 гг. — судья в Софийском уезде; в 1792–1797 гг. директор села Павловское; главноуправляющий г.

Павловск с 3 июля 1797 г.; с ноября 1796 г. — коллежский советник; с декабря 1796 г. — статский советник; 5 декабря 1796 г. ему пожаловано в вечное потомственное владение 1000 душ в С.-Петербургской губ. Ямского уезда дворцового ведомства Падогской мызы деревни: Падоба, Юркина, Жабино, Колматки, Луцк, Александрова Гора, Старая Пятница, Новая Пятница, Кайбольской мызы Кайболово и Полянской мызы Молосковицы с принадлежащими к ним угодьями...»^[102]. Пожалованными владениями ему воспользоваться не удалось — он скончался в Павловске в ноябре — декабре 1797 года. После его смерти директором Павловска император назначил другого своего любимца — Карла-Генриха фон Кюхельбекера (1748–1809), отца однокашника Пушкина по Царскосельскому лицей.

Даже из этой кратчайшей сухой справки видно, сколь исключительно дружелюбно к Роткирху относился великий князь Павел Петрович (император Павел I) — за один месяц самодержец перевел его в статские советники, случай исключительно редкий. Адам Карлович отличался честностью, высокой внутренней организованностью, работоспособностью, стремлением к достижению во всем идеального порядка, доведением начатого до завершения. Император ценил его за строгость и справедливость, все отмечали в нем исключительную честность. За время службы в Софийском уездном суде был дважды удостоен высочайшей похвалы: «За рачительное должностное исправление» и «За похвальное и рачительное служение, сохранение узаконенного порядка и прилежание»^[103].

Вероятнее всего, в дом А. П. Ганнибала Роткирх попал благодаря его знакомству с Исааком (Саввой) Абрамовичем Ганнибалом (1747–1804). В 1781 году он был избран уездным судьей Софийского уезда, в это же

время Роткирха избрали одним из двух заседателей того же суда, впервые они встретились 8 января 1781 года^[104], более ранних контактов Роткирха с кем-либо из Ганнибалов не прослеживается. Его знакомство с прадедом поэта не могло произойти раньше конца января 1781 года, вероятнее всего, оно не состоялось вовсе.

Тридцатисемилетний секунд-майор в отставке вскоре после кончины А. П. Ганнибала обвенчался с его двадцатилетней дочерью. 17 октября 1782 года на свет появился первенец. Потрепанный жизнью, незавидный жених без приличного обеспечения (успехи по службе и награды последуют позже) посватался к перезрелой девице и, не соблюдая сроков общепринятого траура по случаю кончины ее родителей, поспешил встать под венец. Не сделалась ли причиной торопливости преждевременная беременность невесты? Не столь уж бравого отставного секунд-майора, суйдинского судебного заседателя никто никогда не подозревал в склонности к «прельщению». В семье Ганнибалов был прецедент — первенец Иван родился до непризнанного венчания родителей^[105], но на это была веская причина — Абраму Петровичу длительное время не удавалось получить развод с первой женой. Бракоразводная кампания тянулась десятилетия, окончательное решение было вынесено в 1753 году^[106], к тому времени у Ганнибала и той, на которой он собирался жениться, было уже четверо детей.

Приданым невесты занимались братья, после венчания молодожены поселились вблизи Петербурга в имении П. А. Ганнибала Елицы, где А. К. Роткирх сделался управляющим, и жили там до 1792 года, когда хозяин деревню продал. В Елицах с детьми оставалась брошенная Петром Абрамовичем жена Ольга Григорьевна. Жестокий владелец имения пригласил Роткирха, чтобы покинутая жена не чувствовала себя

хозяйкой. Ее распоряжения не выполнялись, а содержание, назначенное детям и ей, поступало через Роткирха не всегда регулярно и в обещанном количестве, а провиант бывал излишне залежалый^[107]. В Елицах родились все шестеро детей Роткирхов, здесь Адам Карлович написал биографию тестя. После смены владельца имения семейство управляющего перебралось на казенную квартиру в Павловск. Вслед за кончиной Адама Карловича Роткирхи переехали в сделавшееся родовым имение Новопятницкое (Новая Пятница).

Мог ли жених дочери Ганнибала (если он к тому моменту был уже женихом) сидеть у постели умирающего восьмидесятилетнего полуслеплого старца? У Абрама Петровича было одиннадцать детей, трое умерли в младенчестве, потомство дали шестеро, тринадцать внуков родились до кончины деда^[108]. Старший сын Иван писал 25 марта 1781 года брату Осипу: «Мать нашу мы похоронили, отец весьма болен и слабеет ежечасно, так что жизнь его в опасности и надежды никакой нет. Все наши домашние там находятся; когда болезнь твоя тебе допустит, то приезжай; во ожидание пребуду, твой доброжелательный брат, И. Ганибал»^[109]. Кроме деда А. С. Пушкина, рассорившегося с родителями из-за развода с женой, при постели умирающего находилось все семейство. Был ли среди них Роткирх?

Обращает на себя внимание следующая странность: Роткирх пишет, что Абрам Петрович скончался «14 мая 1781 года на 93-м году своего возраста», а его жена «умерла 13 мая 1781 на 76-м году своей жизни»^[110]. И возраст усопших, и обе даты ошибочны — Ганнибал умер 20 апреля^[111], его жена — 13 марта^[112]. Можно забыть, ошибаться в датах и возрасте, но запомнить, что супруг не скончался на другой день после жены...

Ошибся Роткирх и в указании места захоронения супругов, но об этом позже. Уж очень не верится, что автор находился при кончине «черного барина» и писал «Немецкую биографию» со слов ее героя. Вероятнее всего, Роткирх от самого Абрама Петровича ничего не слышал, а его самого и не видел. Войдя в семью, он в течение нескольких лет записывал то, что рассказывали ему близкие африканского прадеда Пушкина. Н. Я. Эйдельман полагал, что Роткирх принялся за свой труд по «настоянию» Ивана Абрамовича Ганнибала^[113]. Отчего же тот не читал «Немецкой биографии», а если читал, то отчего не исправил хотя бы даты смерти родителей — он-то их знал!?

Приведем первый, наиболее важный для нас, абзац текста оригинала «Немецкой биографии»:

«Абрам Петрович Ганнибал был генерал-аншефером, состоявшим в действительной российской императорской службе, кавалером ордена Святого Александра Невского и Святой Анны. Он был родом африканский арап (Mohr)^[114] из Абиссинии, сын одного из тамошних могущественных и богатых князей, возводившего свое происхождение по прямой линии к роду славного Ганнибала, грозы Рима. Его отец был вассалом турецкого султана, то есть Османской империи, вследствие гнета и налогов он восстал в конце прошлого века вместе с другими абиссинскими князьями, своими соотечественниками и союзниками, против султана, своего властелина, за этим последовали разные небольшие, но кровопролитные войны»^[115].

Анализируя текст копии «Немецкой биографии» (подлинник опубликован еще не был), В. В. Набоков писал: «Все, что мы знаем об этой «Немецкой биографии» (рукописи которой я не видел), сводится к следующему: она написана после смерти Абрама Ганнибала (1781); в ней есть подробности, вроде отдельных имен и дат, которые мог помнить только

Ганнибал; и при этом в ней много такого, что противоречит или историческим документам (например, прошению самого Ганнибала), или простой логике и явно вставлено биографом с расчетом подправить историю, заполнить все ее пробелы и истолковать выгодным для героя (хотя, в сущности, нелепым) образом то или иное событие его жизни. Поэтому я считаю, что, кто бы ни сплел это готическое изделие, он (или она) своими глазами видел(а) какие-то автобиографические наброски самого Ганнибала. В немецком языке, по моему, узнается житель Риги или Ревеля. Возможно автором был кто-то из ливонских или скандинавских родственников госпожи Ганнибал (урожденной Шеберг). Скверная грамматика, по-видимому, исключает авторство профессионального генеалога»^[116]. Набоков дал практически точные сведения о сочинителе биографии Ганнибала — Роткирх родился в эстляндской Нарве.

Известный пушкинист И. Л. Фейнберг, не соглашаясь с оценкой «Немецкой биографии», сделанной Набоковым, пишет: «Но почему-то не только литературоведы, но и писатель Набоков, говоря о «немецкой биографии», не замечают важной стороны дела. Биография эта представляет собой литературное произведение своего времени. Очень талантливое, хотя и частично тенденциозное. Сам Абрам Петрович писал, как сообщает Пушкин, автобиографические записки. Написал и, продолжает Пушкин, сжег их в припадке панического страха, ожидая фельдъегерского колокольчика»^[117].

Литературное произведение предполагает вымысел; отчего же тогда многие исследователи, включая Фейнберга, ухватились за утверждение, будто Абиссиния — родина Ганнибала, как за установленный факт и устремились там искать отчий дом черного прадеда? Разве биография — литературное

произведение? Вымышленная биография — да. В. В. Набоков поместил в приложении к комментарию «Евгения Онегина» обширную статью «Абрам Ганнибал»^[118]. Читая ее, еще раз убеждаешься в силе аналитического ума писателя. Что касается мемуаров прадеда, возможно, они в каком-то виде и существовали, возможно, их следует искать в бумагах И. И. Голикова (автор «Деяний Петра Великого» упоминает А. П. Ганнибала среди оказавших ему помощь^[119]), возможно, прадед Пушкина их уничтожил, но вовсе не оттого, что испугался фельдъегерского колокольчика — этого быть не могло: самый ранний известный нам колокольчик, закрепленный на дуге лошадиной упряжки, появился только в 1802 году^[120].

Копия «Немецкой биографии» хранилась в семье поэта, в 1880 году его сын, А. А. Пушкин, передал рукопись в Румянцевский музей, оттуда она была перенесена в Библиотеку им. В. И. Ленина и, наконец, в 1948 году — в Пушкинский Дом^[121].

В конце июля 1827 года Александр Сергеевич, живя в Михайловском и имея Сокращенный перевод, приступил к работе над романом из эпохи Петра Великого, где прототипом главного героя, как ему казалось, сделал своего прадеда, выходца из Африки, стремившегося добиться «равенства среди тех, кому неравен он по социальному положению»^[122]. Пожалуй, это одна из главных линий романа, случайно ли?.. В Петербург Пушкин возвратился в середине октября с шестью готовыми главами романа — скорость необыкновенная! «Романом этим Пушкин положил основание простому, безыскусственному, но точному и живописному языку, который остался его достоянием и не имел подражателей»^[123]. Прижизненные публикации автор назвал «Главами из исторического романа». Полный незавершенный текст увидел свет в шестом

томе «Современника», вышедшего в июне — июле 1837 года, и был озаглавлен (вероятнее всего В. А. Жуковским) «Арап Петра Великого (Отрывки из неоконченного романа)». С. А. Фомичев полагает, что Пушкин назвал бы роман «Царский арап»^[124]. Анализ пушкинского текста и «Немецкой биографии» показывает, что, начиная работу над романом, кроме Сокращенного перевода и «семейных преданий» автор никакими другими источниками не располагал. Наверное, в этом следует искать причину того, что он прервал работу над историческим романом, планируя предпринять поиск необходимых документов. Одновременно с «Арапом Петра Великого» Пушкин задумал «Историю Петра»^[125], начатую позже (разрешение императора Николая I датировано 21 июля 1831 года) и не завершенную по иной причине. Неслучайно эти два замысла возникли одновременно: Пушкин предполагал в бумагах о Петре I отыскать сведения о своем прадеде и «издать полную его биографию»^[126]. Судя по всему, автор собирался написать исторический роман-эпопею времен царствования Петра I, а быть может, почти всего XVIII столетия. Занимаясь Петром и Пугачевым, он изучал характеры и психологию, язык и быт их современников. Напомним читателю, что, принимаясь за «Капитанскую дочку» и посещая архивы, Александр Сергеевич собрал материалы для «Истории Пугачева».

Дочь историографа С. Н. Карамзина писала брату Андрею 13 апреля 1837 года:

«На днях Жуковский читал нам роман Пушкина, восхитительный: «Ибрагим, царский Арап». Этот негр так обворожителен, что ничуть не удивляешься страсти, внушенной им к себе даме двора регента; многие черты характера и даже его наружности скалькированы с самого Пушкина. Перо останавливается на самом

интересном месте. Боже мой, как жаль, какая потеря, какое все оживающее горе!»^[127]

Более сведущий и образованный А. И. Тургенев на другой день после кончины поэта писал своему кузену И. С. Аржевитову:

«Я видел последний вздох его. Лицо его прояснилось; с него сняли маску. Государь назначает пенсию жене его, берет двух сыновей в Пажеский корпус; вероятно, не оставит со временем и двух дочерей его. Пушкин получал 6000 жалованья; но после него в доме осталось 300 рублей, и он своею рукою подписал имена кому и сколько должен: тысяч до 25. Вчера в 8 часов вечера отслужили мы панихиду, в понедельник будут отпевать; но еще не знаем, здесь ли похоронят его или повезут в деревню псковскую. Последнее время мы часто видались с ним и очень сблизились; он как-то более полюбил меня, а я находил в нем сокровища таланта, наблюдений и начитанности о России, особенно о Петре и Екатерине, редкие, единственные. Сколько пропало в нем для России, для потомства, знают немногие; но потеря, конечно, незаменимая. Никто так хорошо не судил Русскую новейшую историю: он созревал для нее и знал и отыскал в известность, многое, что другие не заметили. Разговор его был полон жизни и любопытных указаний на примечательные пункты и на характеристические черты нашей истории. Ему оставалось дополнить и передать бумаге свои сведения. Великая потеря!»^[128]

Не одни русские видели в Пушкине незаурядного историка. Секретарь и поверенный в делах шведско-норвежского посольства Густав де Нордин в донесении своему правительству от 18 февраля 1837 года сообщал:

«Россия только что понесла чувствительную утрату со смертью г. Александра Сергеевича Пушкина, писателя высоких достоинств и как поэта не имевшего соперников в стране. Любимец русской публики, г.

Пушкин начал блистать на литературном горизонте лет двадцать назад, когда его пылкие и смелые стихотворения были встречены соотечественниками его с истинным энтузиазмом. Последние работы автора, отмеченные большим спокойствием духа, носят печать необыкновенной законченности; но, по мнению некоторых, в них менее поэтического вдохновения, хотя в отношении стиля г. Пушкин все более и более приближается к той благородной простоте, которая является печатью подлинного гения. Император поручил ему написать историю Петра Великого, и г. Пушкин в последние годы занимался изучением и исследованиями, необходимость коих вытекала из столь огромной задачи; те, кому довелось познакомиться с отрывками, написанными им уже на эту тему, способную действительно вдохновить русского историка, вдвойне оплакивают его преждевременную кончину»^[129].

Работа Пушкина в архивах с документами и печатными источниками в книгохранилищах при создании «Истории Петра» показывает, сколь вдумчиво и мастерски трудился он над сбором материалов, сколь тщательно изучал он источники, сколь внимательно конспектировал и копировал их. «Заметки по русской истории XVIII века», «История Пугачева», статьи и очерки свидетельствуют о превосходном литературном стиле, выработанном А. С. Пушкиным для изложения исторических сочинений.

Кто еще мог бы так писать серьезные исторические труды? Русской историей занимались литературно одаренные В. О. Ключевский, Н. М. Карамзин, М. М. Щербатов. Гениально одаренный Пушкин превзошел бы их всех.

Располагая он найденными в XX столетии документами, возможно, закончил бы роман о прадеде. По «Борису Годунову» и «Капитанской дочке», по незавершенной «Истории Петра» можно представить,

какую фигуру А. П. Ганнибала он вылепил бы, а материал для нее — выигрышный и благодатный. Мы теперь это знаем.

Возможно, генеалогические штудии брата вдохновили Ольгу Сергеевну и ее мужа И. П. Павлицева к самостоятельным поискам предка и написанию его биографии, но их труд страдает густым налетом субъективности. И все же П. В. Анненков счел возможным их «разыскания» опубликовать [\[130\]](#).

В XIX и начале XX века, пока не обнаружались документы, касающиеся жизни и деятельности А. П. Ганнибала, «Немецкая биография» А. К. Роткирха представляла первостепенный интерес. Сегодня мы видим в ней набор ошибок и полет фантазии автора. Поскольку отставной секунд-майор почти никакими документами не располагал, ему ничего не оставалось, как фантазировать, но и тут оказалось не все благополучно: он заимствовал чужую фантазию. Роткирх воспользовался модным романом Сэмюэля Джонсона «Расселас, принц абиссинский», который в 1785 году перевел на немецкий язык Фридрих Шиллер. Несколько изданий романа в конце XVIII и начале XIX века вышло по-русски, Пушкин его читал. В. В. Набоков первым из исследователей обратил внимание на поразительное сходство принца Расселаса и А. П. Ганнибала, описанного в «Немецкой биографии» [\[131\]](#). Назвав родиной Абрама Петровича Абиссинию, Роткирх на целое столетие отправил его биографов по ложному следу. Бесспорная ценность сочиненной Роткирхом биографии А. П. Ганнибала заключается в том, что, не обладая ею Пушкин, у него не было бы вовсе никакого материала для создания исторического романа об африканском прадеде.

Абиссиния — неофициальное название Эфиопии, употреблялось в прошлом, происходит от арабского слова «аль-хабаша» (сброд, бродяга). На картах XVII века

Абиссиния расположена в северо-восточной части Африки, на современных картах Абиссинии вы не обнаружите, приблизительно на ее месте находится Эфиопия (*греч.* — страна людей с пылающими или обожженными лицами)^[132]. Другой исследователь переводит Эфиопию с латинского и Абиссинию с турецкого как «земля черных людей»^[133]. Поисками родины Ганнибала мы займемся в следующей главе.

После кончины автора «Немецкой биографии» рукопись оказалась у его сына, скромного заседателя Ямбургского уездного суда Ивана Адамовича (1783–1832), в 1832 году ее владельцем сделался уездный судья, предводитель ямбургского дворянства Владимир Иванович Роткирх (1809–1889), так же как и отец живший в имении Новопятницкое. Не имея детей, он завещал часть недвижимого имущества и архив сыну двоюродной сестры судебному следователю С.-Петербургского окружного суда Константину Людвиговичу Лелонгу (1827–1886), праправнуку А. П. Ганнибала. В 1880 году его сын, судебный следователь Ямбургского уездного суда В. К. Лелонг (1857–1904), отправил в Петербург оригинал «Немецкой биографии» для экспонирования на Пушкинской выставке, развернувшейся в залах Императорской академии художеств. После ее закрытия рукопись возвратилась в Новопятницкое. В 1899 году пушкинист Б. Л. Модзалевский предложил В. К. Лелонгу возвратить «Немецкую биографию» в Петербург для публикации в журнале «Русская старина».

Приведем письмо Лелонга редактору «Русской старины», непременно секретарю Комиссии по устройству чествования А. С. Пушкина академику Н. Ф. Дубровину:

«Милостивый государь Николай Федорович! Согласно письму Бориса Львовича Модзалевского, при

сем прилагаемому, препровождаю к Вашему Превосходительству биографию Ибрагима Петровича Ганнибала для помещения ее на страницах «Русской старины», если Вы признаете ее интересной. Биография эта хранилась среди документов имения Ново-Пятницкое Ямбурге кого уезда, пожалованного Павлом Петровичем Адольфу Карловичу фон Рот-кирху, женатому на дочери Ибрагима — Софье Абрамовне Ганнибал. Надпись на обложке сделана дедом моим, внуком А. К. Роткирха Владимиром Ивановичем Роткирхом, троюродным братом А. С. Пушкина, а также лицеистом 20-х годов. Рукопись по миновании надобности покорнейше прошу мне возвратить по адресу: село Корсавка Витебской губернии Владимиру Константиновичу Лелонгу. Пользуюсь случаем выразить Вашему Превосходительству совершенное уважение.

Владимир Лелонг

Село Корсавка

10 мая 1899 года»^[134].

В. К. Лелонг допустил некоторые генеалогические неточности, они видны из сравнения с генеалогическим древом Ганнибалов (с. 16–17), поэтому не будем на них останавливаться. Столь бережное отношение Роткирхов-Лелонгов к «Немецкой биографии А. П. Ганнибала» объясняется, конечно же, тем, что она посвящена прадеду великого поэта.

В юбилейный пушкинский год Н. Ф. Дубровин не счел нужным публиковать «Немецкую биографию А. П. Ганнибала», не была она опубликована и позже, возможно, это связано с трудностью перевода с готической скорописи XVIII века. По-видимому, Б. Л. Модзалевский уговорил В. К. Лелонга подарить рукопись А. К. Роткирха Пушкинскому фонду, на базе которого основан Пушкинский Дом, где она сегодня и находится^[135]. Имя автора сделалось известным в 1880

году, когда в руки специалистов попал подлинник биографии. На листе, прикрепленном к рукописи, внук автора В. И. Роткирх написал: «Биография Абрама Петровича Ганнибала. Составленная, со слов его, зятем его Адольфом Карловичем Роткирхом»^[136]. Но почему-то ни Д. Н. Анучин, ни другие исследователи об этом не знали фактически до середины 1970-х годов. Впервые оригинал «Немецкой биографии А. П. Ганнибала» с обширным комментарием опубликовали в 1997 году^[137]. Различия между подлинником и копией почти отсутствуют.

Анализ текста копии «Немецкой биографии А. П. Ганнибала» и комментарии к нему выполнены Т. Г. Зенгер-Цявловской в 1935 году при публикации копии и Сокращенного перевода^[138], а также В. В. Набоковым в 1956 году (опубликованы в 1964 году)^[139], затем Н. К. Телетовой в 1997 году при первой публикации оригинала «Немецкой биографии»^[140]. Мы же обратим внимание читателя лишь на прихоть автора «Немецкой биографии», поместившего абиссинца Ганнибала «по прямой линии» в генеалогическое древо знаменитого карфагенского полководца «славного Ганнибала, грозы Рима». Карфаген, как известно, находится на территории современного Туниса, в самой северной точке Африки, а Абиссиния — на восточной территории континента, расстояние между ними по прямой составляет около полутора тысяч километров. Дело не только в километрах: эфиопы не имеют родословных списков и поэтому не располагают сведениями о своих предках^[141]; в конце XVII века в Эфиопии не было вассалов Османской империи^[142]. Что тут комментировать?

Пушкин назвал Абиссинию родиной Ганнибала лишь однажды — в Сокращенном переводе, но то был перевод. Помимо никогда не подводившей Александра

Сергеевича интуиции и чутья талантливого историка В. В. Набоков назвал еще одну причину: правнук не пожелал отождествлять жизнь исторической личности — прадеда с вымышленным героем Сэмюэля Джонсона. Среди выявленных материалов, касающихся А. П. Ганнибала, Абиссиния упоминается еще в одном — в биографии прадеда поэта, написанной внуком автора «Немецкой биографии А. П. Ганнибала».

Троюродный брат Александра Сергеевича Владимир Иванович Роткирх (1809–1889) после смерти отца постоянно жил в Новопятницком и 37 лет владел «Немецкой биографией». Возможно, под влиянием растущего во второй половине XIX века интереса к личности А. С. Пушкина В. И. Роткирх, взяв за основу труд деда, неоконченный исторический роман «Арап Петра Великого», появившиеся публикации хранившихся в архивах писем, а также неизвестные нам документы, в тиши старого усадебного дома написал по-русски еще одну биографию своего прадеда, назвав ее «Арап Петра Великого Ибрагим Петрович Ганнибал (Русская биография А. П. Ганнибала)». Архив бездетного В. И. Роткирха и помещичий дом в Новопятницком после смерти владельца перешли в семью его двоюродной сестры Н. П. Лелонг (троюродная сестра А. С. Пушкина). В 1874 году ее сын К. Л. Лелонг по просьбе дальней родственницы Ю. П. Целепи (1834–1887) разрешил снять копию с Русской биографии А. П. Ганнибала^[143]. Из архива Роткирхов, находившегося в Новопятницком, фактически уцелели только «Немецкая биография» и копия Русской биографии. После революции Русская биография вместе с семейным архивом Целепи поступила в Институт истории, где она и находится^[144].

Таким образом, сочинение А. К. Роткирха породило еще три документа: копию «Немецкой биографии А. П. Ганнибала», ее Сокращенный перевод и Русскую

биографию А. П. Ганнибала. Только в них упоминается Абиссиния, но источник — фантазия А. К. Роткирха.

Имеется еще один документ, сообщающий о месте рождения А. П. Ганнибала — его прошение в Правительствующий сенат о грамоте на дворянство и фамильный герб, поданное 13 января 1742 года^[145], по другим источникам — в феврале 1742 года^[146]. Александр Сергеевич ознакомился с ним между 1831 и 1834 годами, когда работал над «Историей Петра». Приведем полный текст этого документа по писарской копии, хранящейся в бумагах А. С. Пушкина:

«Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Государыня Императрица Елизавета Петровна, Самодержица Всероссийская, Государыня Всемиловитейшая.

Бьет челом Генерал-Майор и Ревельский Обер Комендант Аврам Ганибал, а о чем мое прошение, тому следуют пункты.

1.

Родом я низайший из Африки, тамошняго знатного дворянства, родился в владении отца моего в городе Лагоне, который кроме того имел под собою еще два города; в 1706 году выехал я в Россию из Царяграда при графе Саве Владиславиче волею своею в малых летах и привезен в Москву в дом блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго и крещен в православную Греческаго исповедания веру, а восприемником присутствовать изволил его императорское величество своею высочайшею персоною, и от того времени был при его императорском величестве не отлучно.

2.

По нескольких же летах по высочайшей его императорского величества милости послан я был для наук в чужие края и по всемиловитейшему его императорского величества соизволению был в службе

его королевского величества французского в лейб-гвардии капитаном, и потом после выехал в Россию и служил в лейб-гвардии Преображенском полку в Бомбардирской роте поручиком, и во время той моей службы был в разных многих военных походах, баталиях и акциях безотлучно.

3.

По кончине же его императорского величества и великой государыни императрицы Екатерины Алексеевны и государя императора Петра Второго; с 730-го года служил в Инженерном корпусе капитаном, а в 1714 году отправлен в Ревельский гарнизон подполковником, а в нынешнем 1742 году по всемилостивейшему вашего императорского величества указу за верный и беспорочный службы пожалован в генерал-майоры от армии в Ревель обер-комендантом и деревнями всемилостивейшее награжден, а на дворянство диплома и герба не имею и прежде не имел, понеже в Африке такого обычая нет.

И дабы высочайшим вашего императорского величества указом поведено было, дворянство мое, вашего императорского величества грамотою всемилостивейши подтвердить и в память потомкам моим в знак высочайшей вашего императорского величества милости герб мне пожаловать.

Всемилоостивейшая государыня! Прошу вашего императорского величества о сем моем прошении решение учинить. генваря — 1742 года. К поданию надлежит в Правительствующем Сенате. Прошение писал статс-конторы копиист Василий Власов»^[147].

По подлиннику, но с сокращениями, Прошение впервые опубликовано А. П. Барсуковым с комментариями П. И. Бартенева^[148]. Текст этого документа, составленного А. П. Ганнибалом, сомнений не вызывает, но и подтверждений содержания не имеет.

В нем многие факты упущены из желания сократить текст, скрывать от императрицы было нечего. Нет в нем упоминания об Абиссинии. Почему, если Абрам Петрович знал, что его родина Абиссиния? П. А. Ганнибал также в своих Воспоминаниях Абиссинии не называл, хотя об отце ему было известно куда больше Роткирха. Ни в письмах, ни в завещании, ни в других документах, составленных при участии А. П. Ганнибала, Абиссиния не упоминается. Можно заподозрить Абрама Петровича в том, что он приписал не принадлежавшие отцу титулы и владения. Косвенные подтверждения того, что и в этом он не лукавил, имеются, но о них — позже. Трудно предположить, чтобы генерал-майор русской армии, обер-комендант большого города осмелился в прошении на имя императрицы, дочери крестного отца, хоть что-нибудь присочинить. Елизавета Петровна, более четверти века знавшая Ганнибала и благосклонно к нему расположенная, просьбу его отклонила, сославшись на ожидаемое вскоре принятие новых законов. Новые законы появились лишь в 1785 году. Согласно Табели о рангах Ганнибал давно имел право на потомственное дворянство. Но он желал, чтобы его и его потомков причислили к старинным дворянским родам и внесли наравне с ними в «Бархатную книгу». Ему казалось, что так удастся оградить детей и внуков от шовинистических унижений, которых он натерпелся. Никакая «Бархатная книга» не защищает от шовинистов. Возможно, Рюриковичи, Шереметевы, Вяземские, Одоевские, Ржевские, Долгоруковы, именитые богачи, владевшие десятками тысяч крепостных, плотным кольцом стоявшие у трона, сумели убедить императрицу не пускать африканского Mohr в свою среду.

Абраму Петровичу объявили не об отказе, а об отсрочке решения. В том же 1742 году, 12 января, императрица возвела его в чин генерал-майора и пожаловала псковские деревни^[149], а год спустя —

эстляндское поместье^[150]. Так она решила показать свое расположение к крестнику отца.

Прошение вновь рассматривалось в царствование Екатерины II, в 1768 году помета чиновника, сделанная на нем, сообщала, что решение отложено до принятия нового Генерального уложения о дворянстве^[151]. Последнее рассмотрение злосчастного Прошения произошло за месяц до кончины просителя. 15 марта 1781 года в журнале Герольдмейстерской конторы появилась следующая запись:

«По челобитной Генерал-Майора и Ревельского Обер-Коменданта Ганибала, о подтверждении его дворянства и о пожаловании ему Диплома и Герба определено:

Как резолюцию Правительствующего Сената 1768 года, Генваря 11-го, велено: по сим делам Правительствующему Сенату не докладывать до того времени, когда в Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения Генеральное о том положение учинено будет, да и самый проситель Ганибал, с 1742 года хождения по делу не имеет, почему и жив ли он не известно, для чего сие дело и отдать в Архив»^[152].

Возможно, Абрам Петрович прекратил хлопоты, потому что согласился с мнением старшего сына — «княжескому достоинству должно соответствовать княжеское могущество и княжеское состояние»^[153].

К Прошению прилагался эскиз герба рода Ганнибалов, каким его желал видеть Абрам Петрович, с описанием атрибутики и объяснением ее выбора. Эта очень важная часть документов была утеряна еще в XIX веке и до сих пор не обнаружена.

Трудно предположить, как бы складывался поиск родины предков матери Пушкина, если бы Прошение пропало целиком или не было бы написано вовсе. Обратите внимание: фамилию свою прадед поэта писал с одним «н». Второе «н» появилось позже, его мы еще

коснемся, вероятнее всего, его придумал А. К. Роткирх^[154].

Прощение запечатлело два главных факта: родина подателя Прощения — город Логон в Африке (Абиссиния не упоминается); происхождение — семья султана, имевшего во владении кроме Ло-гона еще два города. Мы не вправе усомниться в точности приведенных в Прощении сведений — исследователям неизвестны случаи, когда бы Ганнибала можно было заподозрить в отсутствии памяти или желании исказить изложение событий, свидетелем которых он был.

Александр Сергеевич, играючи опередивший всех современных ему поэтов, хорошо знал цену своему дарованию. Поэтому он бережно сохранял все рукописи, среди них незавершенные, даже не предназначавшиеся для печати, все, что сходило с кончика его гусиного пера, поэтому нам доступны уцелевшие рукописи нереализованных замыслов поэта. В 1834 году в Болдине он сочинил набросок, получивший название «Начало автобиографии», иногда его называют «Родословная Пушкиных и Ганнибалов». Приведем из него отрывок, касающийся А. П. Ганнибала:

«Родословная матери моей еще любопытней. Дед ее был негр, сын владетельного князя. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом (*араб.*, заложник. — *Ф. Л.*) и отослал его Петру Первому вместе с двумя другими арапчатами. Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне, в 1707 году, с польской королевою, супругою Августа, и дал ему фамилию Ганибал. В крещении наименован он был Петром; но как он плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом. Старший брат его приезжал в Петербург, предлагал за него выкуп. Но Петр оставил при себе

своего крестника. До 1716 года Ганибал находился неотлучно при особе государя, спал в его токарне, сопровождал его во всех походах; потом послан был в Париж, где несколько времени обучался в военном училище, вступил во французскую службу, во время испанской войны был в голову ранен *в одном подземном сражении* (сказано в рукописной его биографии), и возвратился в Париж, где долгое время жил в рассеянии большого света. Петр I неоднократно призывал его к себе, но Ганибал не торопился, отговариваясь под разными предлогами. Наконец государь написал ему, что неволить его не намерен, что предоставляет его доброй воле возвратиться в Россию или остаться во Франции, но что во всяком случае он никогда не оставит прежнего своего питомца. Тронутый Ганибал немедленно отправился в Петербург. Государь выехал к нему навстречу и благословил образом Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но которого я не мог уж отыскать. Государь пожаловал Ганибала в Бомбардирскую роту Преображенского полка капитан-лейтенантом. Известно, что сам Петр был ее капитаном. Это было в 1722 году.

После смерти Петра Великого судьба его переменилась. Меншиков, опасаясь его влияния на императора Петра II, нашел способ удалить его от двора. Ганибал был переименован в майоры тобольского гарнизона и послан в Сибирь с препоручением измерить Китайскую стену. Ганибал пробыл там несколько времени, соскучился и самостоятельно возвратился в Петербург, узнав о плане Меншикова и надеясь на покровительство князей Долгоруковых, с которыми был он связан. — Судьба Долгоруковых известна. Миних спас Ганибала, отправя его тайно в ре вельскую деревню, где и жил он около десяти лет в поминутном беспокойстве. До самой кончины своей он не мог без трепета слышать звон колокольчика. Когда императрица Елисавета

взошла на престол, тогда Ганибал написал ей евангельские слова: помяни мя, егда придеши в царство свое. Елисавета тотчас призвала его ко двору, произвела его в бригадиры и вскоре потом в генерал-майоры и генерал-аншефы, пожаловала ему несколько деревень в губерниях Псковской и Петербургской, в первой Зуево, Бор, Петровское и другие, во второй Кобрино, Суйду и Тайцы, также деревню *Раголу*, близ Ревеля, в котором он несколько времени был обер-комендантом. При Петре III вышел в отставку и умер философом (говорит его немецкий биограф) в 1781 году, на 93 году своей жизни. Он написал было свои записи на французском языке, но в припадке панического страха, коему был подвержен, велел их при себе сжечь вместе с другими драгоценными бумагами.

В семейной жизни прадед мой Ганибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с нею развелся и принудил постричься в Тихвинском монастыре, а дочь ее Поликсену оставил при себе, дал ей тщательное воспитание, богатое приданное, но никогда не пускал ее себе на глаза. Вторая жена его, Христина Регина фон Шеберх, вышла за него в бытность его в Ревеле обер-комендантом и родила ему множество черных детей обоего пола»^[155].

И в этот раз воздержимся от комментариев пушкинского текста, отметим лишь, что это незавершенная и нередактированная рукопись. Судя по содержанию, автор в 1834 году знал много больше, чем в 1825 году и владел копией Прощения — на этот раз он писал фамилию прадеда с одним «н», как в Прощении. Если в первой биографии прадеда Александр Сергеевич упомянул Африку, то в этот раз он написал, что Ганнибал — негр, но нигде об Эфиопии или Абиссинии. Роткирху он не поверил, быть может, Набоков прав —

Пушкин заметил в биографии прадеда мотивы, придуманные Сэмюэлем Джонсоном, и это его насторожило.

В конце декабря 1831 года А. С. Пушкин познакомился с историком Д. Н. Бантыш-Каменским. В 1834–1835 годах правнук сообщил ему о собранных материалах, касающихся прадеда. На их основе историк поместил в «Словарь достопамятных людей русской земли» биографию А. П. Ганнибала:

«Ганнибал Авраам Петрович, арап, похищенный с берегов Африки на осьмом году своего возраста и купленный российским посланником в Константинополе, прислан в С.-Петербург к Петру Великому, который был его восприемником от св. купели и наименовал *Ганнибалом*, в воспоминание славного полководца карфагенского. Полюбив крестника за расторопность, природный ум и чрезвычайную чуждость, государь сделал его камердинером и велел ему ночевать в своей спальне. Каждую ночь он подносил Петру Великому несколько раз свечу и аспидную доску, а потом, когда выучился грамоте русской, записывал его словесные приказания. Несмотря на привязанность свою к Ганнибалу, Петр, желая образовать его для отечества, расстался с ним: отправил его в Париж и не оставлял денежными пособиями. Окончив науки с успехом, в особенности по части инженерной, Ганнибал вступил в французскую службу, участвовал в войне Гишпанской, был ранен в голову и, в мирное время, предался всем удовольствиям шумной столицы, до того завеселился, что не хотел ехать в Россию. Петр Великий поручил тогда герцогу орлеанскому уверить Ганнибала «что он может возвратиться без всякого опасения» и великодушием своим победил неблагодарность. Облагодетельствованный арап явился к монарху с повинною головой во французском офицерском мундире;

Петр сдержал свое слово: определил его поручиком лейб-гвардии во Бомбардирскую роту. По кончине государя императрица Екатерина I поручила Ганнибалу обучать математике великого князя Петра Алексеевича. Вскоре восстановил он против себя Меншикова и был удален в Сибирь (1727 г.) для построения Селенгинска на новом месте. Ганнибал, отзываясь своею неопытностью, не исполнил возложенного на него поручения и отправился обратно в С.-Петербург; но возвращен с дороги в Селенгинск и сослан (1729 г.) в Томск, где содержали его под стражею, выдавая на пищу по десяти рублей в месяц. Когда вступила на престол императрица Анна Иоанновна, он снова бежал в С.-Петербург, явился к графу Миниху и, по совету сего заслуженного воина, скрылся в деревне от преследования Бирона, управлявшего кормилом государства. В уединении Ганнибал описывал на французском языке историю своей жизни: но однажды, услышав звук колокольчика близ деревни, вообразил, что ехал за ним нарочный из С.-Петербурга, и предал огню любопытную рукопись. Императрица Елисавета Петровна возвратила свободу любимцу ее родителя, пожаловала его обер-комендантом в Ревель (1743), генерал-инженером в 1756 году, кавалером ордена св. Александра Невского, 30 августа 1760 г., наконец генерал-аншефом. Маститая старость заставила Ганнибала просить об увольнении от службы, на что императрица Екатерина II изъявила свое согласие 9 июня 1762 г. Он скончался в 1782 году на девяносто втором от рождения, был нрава горячего, ревнивого; отличался чрезмерною скупостью; любил воспоминать о своей молодости, о роскошной жизни африканской; помнил, как водили к отцу девятнадцать старших братьев его, с руками, связанными за спину; как он один наслаждался свободою под фонтанами отеческого дома; помнил также любимую сестру свою Лагань, плывшую

издали за кораблем, на коем он удалялся, и всегда с восторгом, с слезами говорил о Петре Великом»^[156].

Назовем еще две биографии А. П. Ганнибала, вышедшие в XIX веке: автор первой из них известный литературный и музыкальный критик В. В. Стасов^[157]; второй — псковский помещик Г. И. Сондоевский^[158], которому удалось отыскать и опубликовать шесть писем Екатерины II к Абраму Петровичу и Ивану Абрамовичу Ганнибалам (их подлинники хранились у В. Ф. Коротова, «жительствоющего в сельце Заречье, Новоржевского уезда»^[159]). Сондоевский пишет, что Ибрагим Ганнибал — «африканский негр, вывезенный из Константинополя»^[160]. Стасов сведения о происхождении А. П. Ганнибала извлек из собранных материалов А. С. Пушкина. В этих биографиях о месте рождения африканского прадеда ничего нет.

Лишь в «Немецкой биографии» и Прошении указано место рождения Ганнибала, о других документах речь пойдет ниже, а пока отправимся в Африку на поиск города, где провел он первые годы своей длинной необычной жизни.

Глава II

ОТ НЕСЧАСТЛИВОГО КОНТИНЕНТА ДО МОСКОВИИ

Древнейшее поселение человека обнаружено в Африке, в этой части света найдены ранние палеолитические орудия, более древние, чем в Европе. Десять тысяч лет назад на континенте появились скотоводство и земледелие, возникли очаги обработки меди и железа^[161]. Пять тысяч лет назад Европа и Африка ощутили сильнейшее влияние египетской культуры. На севере Африки две — три тысячи лет назад образовались греческие, финикийские и римские колонии. Внутри материка с давних времен происходили сложнейшие процессы взаимного проникновения различных рас и цивилизаций, их смешение и кристаллизация.

Старейшее из дошедших до наших дней описание Африки принадлежит греку Геродоту (между 490–480 — между 430–424 до н. э.). Он утверждал, что весь континент, кроме Египта, называли Ливией. Впервые наименование Африка встречается в III веке до н. э., так называли территорию Карфагена (ныне Тунис). После его разрушения в 146 году до н. э. римляне на руинах поработанного города образовали колонию и заимствовали для нее название Африка. В 43 году появилось сочинение Помпония Мелы «О положении Земли»; составленная им карта свидетельствует о том, что, по представлению римлян, основная часть материка принадлежит Эфиопии. Помпоний Мела пишет:

«С севера Африку омывает Ливийское, с юга — Эфиопское, а с запада — Атлантическое море. На побережье Ливийского моря непосредственно к Нилу примыкает область Кирены, затем идет область Африка, носящая то же имя, что и весь материк. Остальная часть побережья Ливийского моря населена маврами и нумидийцами. Мавры живут также на Атлантическом побережье, здесь их южными соседями являются нигеры, а еще южнее лежит область фарузийцев. Затем начинается территория эфиопов. Эфиопам принадлежит не только остаток Атлантического побережья, но и все южное побережье Африки — до самой границы с Азией»^[162].

О подвластных Абиссинии (Эфиопии) огромных территориях позволяют судить карта Клавдия Птолемея, датируемая I — началом II века, и французские карты второй половины XVII века. Владения Абиссинии (Эфиопии) в конце XVII века простирались по той части континента, которую мы называем Центральной Африкой, и опускались южнее экватора. Неслучайно воды Атлантического океана, омывающие западный берег континента, назывались Эфиопским океаном.

После завоевания Северной Африки арабами в VII веке их экспедиции не раз пересекали Ливийскую пустыню и пустыню Сахару, спускаясь к центру континента до озера Чад. Труды арабских ученых переводились европейцами^[163].

Во все времена Африка притягивала купцов и путешественников, торговые связи с другими континентами известны с незапамятных времен. Задолго до новой эры происходило переселение народов, немало специалистов уверено, что этот континент является колыбелью человечества. Вслед за древними к изучению Черного континента европейские географы и историки робко приступили лишь в XIV веке, хотя Европу и Африку разделяет Гибралтарский пролив

шириной в несколько километров. Возможно, проникновению ученых вглубь материка мешали труднодоступные джунгли, обиталище хищников, не менее опасные бескрайние пустыни, воинственные племена, враждебные к пришельцам, признающие только свои традиции, заменившие им законы, нежелание колониальных властей иметь свидетелей их злодеяний. И сегодня Африка остается слабоизученной, виной тому жесточайшая политика алчных европейских завоевателей, не заинтересованных в сохранении памятников культуры аборигенов. От колониальных войн, названных Великими географическими открытиями, пострадали и другие части света, но Африка, прародина человечества, оказалась разоренной больше других. Если можно назвать какой-либо континент нашей планеты несчастливым, то это, конечно же, Африка.

Европейские завоеватели, за ними путешественники и исследователи умышленно создали ложное представление об африканской культуре и африканцах. Среди обывателей оно сохранилось до сих пор. Некоторые сведения от древних времен до позднего Средневековья удастся почерпнуть из старинных географических карт и дневниковых записей арабских путешественников X–XVII веков (Аль-Истахри, Ибн-Халукала, Аль-Берки, Эдриза, Ибн-Саида, Абульфе-да, Ахмеда Баба). Начиная с XX века до н. э. об африканцах, кроме египтян, известны лишь фрагментарные сведения, менее всего мы знаем о народах Экваториальной Африки. Египет мы невольно отделяем от Африки как некий обособленный мир. Восстановить историю значительных территорий континента пока не удастся. Столетиями господствует миф о том, что весь материк, кроме Египта и отчасти Эфиопии, заселен «неисторическими», полудикими племенами. Известный

в свое время антрополог, академик Д. Н. Анучин (1843–1923) писал в 1899 году:

«Едва ли можно отрицать, что раса негров — в умственном, культурном отношении — стоит на низшей ступени сравнительно с белой расой, и позволительно даже сомневаться, чтобы она когда-нибудь достигла той же культурной высоты. В этом убеждает нас многовековой опыт истории: нигде неграм не удалось обосновать государства с сколько-нибудь развитой культурой, не только подобной культуре Европы, Вавилонии, Египта, Индии, Китая, Японии, арабов, но даже мексиканской, перуанской, малайской, древнетюркской, и т. д. Негры всегда были и продолжают быть, — там, где не приняли европейского языка и культуры, — полудикими-полуварварами, и во все времена соседние народы высших рас считали их как бы предназначенными своей природой для служения другим народам в качестве рабов. Начиная с древности и кончая новейшим временем, многие мыслители высказывали мнение, что негры не могли иметь одного происхождения с белыми, что они представляют совершенно особый род людей, что их характерные физические признаки стоят в связи с особенностями духовных свойств, определяющих их низшее положение сравнительно с другими расами. Если такие мнения высказывались людьми образованными и учеными, то общество, масса тем более должна была считать вполне естественным порабощение негров, как рабочей силы, в лице столь чужой по своему цвету и виду породы людей. И многие века самые различные нации, люди различных культур, вероисповеданий, степени развития, — не только вели торг неграми и насильно эксплуатировали их труд, но и считали такое дело справедливым, полезным, согласованным с истиною и с христианскими учениями любви»^[164].

Странно читать шовинистические тексты, написанные, казалось бы, образованным человеком. Наверное, он знал высказывание Шопенгауэра о том, что белые — это хорошо выцветшие негры, и это не просто слова. Неслучайно Набоков назвал Анучина увлекавшимся антропологией журналистом. Голоса возмущения слышались, но в хор они не слились. Вот так, например, высказалась М. И. Цветаева: «Памятник Пушкину есть живое доказательство низости и мертвой расистской теории, живое доказательство — ее обратного. Пушкин есть факт, опрокидывающий теорию. Расизм до своего зарождения Пушкиным опрокинут в самую минуту его рождения»^[165]. М. О. Вегнер писал более определенно: «...но вся его статья в целом для нас совершенно неприемлема. Анучин исходил из таких взглядов, из которых впоследствии махровым цветом распустились современные фашистские расовые теории, в корне антинаучные и глубоко вредные»^[166].

К столетию со дня рождения Пушкина Анучин выпустил книгу, изложив в ней результат предпринятого им поиска родины А. П. Ганнибала. Знаменитый антрополог первым устремился на поиск населенного пункта, в котором родился прадед поэта, места, где проросли корни генеалогического древа Ганнибалов. Вероятнее всего, об Абиссинии Анучин прочитал в книге Я. К. Грота, впервые опубликовавшего неполный текст Сокращенного перевода копии «Немецкой биографии»^[167], весь текст появился лишь в 1903 году^[168]. О Логоне Анучин мог узнать из Прощения о грамоте на дворянство и фамильный герб, его сокращенный текст в 1891 году напечатали А. П. Барсуков и П. И. Бартенев^[169]. Анучин решил, что достаточно взять географические карты Абиссинии и на них отыскать город Логон.

«Полагая, что в данном случае, — пишет Анучин, — для первоначальной ориентировки, всего полезнее могут быть сведения и указания, исходящие от специалистов, ближе знакомых с географией и историей Абиссинии, я обратился к известному знатоку северо-восточной Африки, профессору Пауличке, и новейшему французскому путешественнику по северной Абиссинии Saint-Yves»^[170]. Анучину консультанты указали на селения Лого, названное им городом «Логон», и Леготе, но ни то, ни другое Логоном не были, и все же автор делает следующий вывод:

«Все сказанное достаточно оправдывает сомнение, чтобы чистокровный негр, переселенный из Африки в Европу и предоставленный здесь влиянию воспитания, мог проявить в такой степени свои способности, в коих их проявил Ибрагим Ганнибал, чтобы из сыновей этого негра, мулатов, оказался один (Иван Абрамович), составивший себе почтеннейшую известность не только своей храбростью, но и своим талантом, как администратор, чтобы, наконец, правнук этого негра, А. С. Пушкин, отметил свою эпоху в литературно-художественном развитии европейской нации и приобрел себе славу великого поэта. Число негров и негритянок, привезенных в разное время в Западную Европу, а отчасти и в Россию, составляло, вероятно, тысячи; многие из них, несомненно оставили по себе потомство, в виде разнообразных помесей, и тем не менее ни об одном из этих темнокожих не сохранилось памяти, ни один из них ни сам, ни в своем ближайшем потомстве не заявил о себе ничем выдающимся, — по крайней мере в области литературы, науки, живописи, техники. Все это заставляет сомневаться в негритянском происхождении Ибрагима Ганнибала и побуждает отнестись с особым вниманием к вопросу о вероятной его родине»^[171].

Совестно за академика Анучина, вербовавшего факты, даже не вербовавшего, а притягивавшего, мистифицировавшего, фальсифицировавшего. Разумеется, у него ничего не получилось и получиться не могло. Абиссиния (Эфиопия) населена значительным числом христиан, в представлении Анучина ее народ был более развитым, чем в других государственных образованиях Африки, кроме Египта. Ему очень хотелось поместить родину предков Пушкина в Абиссинию, но не в Экваториальную Африку, где жили «дикие» племена. Устремляя свой взор на предполагаемую родину Ганнибала, он мог хотя бы бегло познакомиться с историей Эфиопии, убедиться, что в конце XVII века ни одна часть ее территории не находилась под властью турок или португальцев, именно в это время она имела достаточно сил, чтобы на нее опасались устраивать набеги. А значит, в том случае, если бы родиной юного Ганнибала действительно была Эфиопия, он не мог бы оказаться ни похищенным, ни заложником, в то время как насильственная отправка арапчонка из родного города в далекую Турцию в доказательстве не нуждается, но об этом ниже.

Эфиопская (абиссинская) версия Роткирха, подхваченная Анучиным, оказалась живучей, сравнительно недавно ею упорно занимались журналист-африканист Н. П. Хохлов^[172], известный пушкинист И. Л. Фейнберг^[173], были и другие. Если внимательно проанализировать работы сторонников этой версии, то станет очевидным, что при рассмотрении Эфиопии в современных границах именно они эфиопскую версию и расшатали. Хохлов обнаружил, что анучинский город «Логон» — деревня Лого, и никакого Лотона там не отыскал^[174]. Однако памятники А. С. Пушкину на территории Эфиопии поставлены были.

Первый удар по эфиопской версии нанес В. В. Набоков. В опубликованном в 1964 году

исследовании он писал о книге Д. Н. Анучина «А. С. Пушкин (Антропологический эскиз)»:

«В работе, стоящей ниже всякой критики в том, что касается истории, этнографии и географической номенклатуры, увлекшийся антропологией журналист Дмитрий Анучин сообщает, что, поговорив с французским путешественником Сент-Ивом и профессором Пауличке (речь идет, видимо, о Филиппе Пауличке), он пришел к выводу, что «L» (так Набоков обозначил Логон. — *Ф. Л.*) — это город и область, расположенные на правом берегу реки Марерб в провинции Хамазен. У «Логго», предполагаемого Пауличке (со слов Анучина), равно как и итальянской картой 1899 г. ^[175] (которой я не видел), и «Лого» Солта (которое нам предстоит рассмотреть) каким-то образом по ходу комментариев и выводов Анучина вырастает хвост сперва в виде «t», а потом в виде «п», чего не происходит ни в одном из моих «L», поэтому здесь я с Анучиным расстаюсь и пускаюсь в самостоятельные поиски» ^[176].

Набоков изучил доступные ему абиссинские и суданские хроники, старинные географические карты и дневники путешественников, но нигде не обнаружил города или деревеньки с названием Лагон, Логон или Логону, поиск на крупномасштабных современных картах также ни к чему не привел. В «Немецкой биографии», только в ней, сообщается о сестре Абрама Лагани, больше нигде о ней нет ни слова. Роткирх описал трогательную сцену неудавшейся попытки освобождения младшего брата, отчаяние старшей сестры и ее гибель. Бросается в глаза совпадение имени сестры Лагани и города Л огона, где родился Ганнибал, названного им в Прощении о грамоте на дворянство и фамильный герб. Набоков утверждает, что в Абиссинии женское имя на «Ла» чрезвычайно редко, а традиция давать имя детям по названию города ему неизвестна; в

закключение он высказывает предположение о том, не следует ли искать место рождения Ганнибала «в Лагоне» (в области Экваториальной Африки южнее озера Чад, населенной неграми-мусульманами)^[177].

Более детальную и резкую критику взглядов и географо-топонимических изысканий Анучина предпринял Д. Гнамманку, называвший его не иначе как расистом и фальсификатором^[178].

Шовинистические выводы академика Д. Н. Анучина относительно умственного развития народов, живущих в Экваториальной Африке, не нуждаются ни в каких опровержениях, стыдно и досадно говорить об этом. И все же нам представляется небезынтересным вместе с читателем взглянуть на фотографии предметов из коллекции замечательных петербургских художников отца и сына М. Л. и Л. М. Звягиных. Интуиция, знания и вкус помогли им отыскать более тысячи уникальных произведений африканского искусства^[179]. В России ни в государственных музеях, ни в частных собраниях ничего подобного нет. Наша страна не располагает ни одной постоянной экспозицией африканского искусства.

Все, кто интересуется европейской культурой середины XIX — начала XX века, знают об огромном влиянии на нее, оказанном африканской живописью, скульптурой, музыкой. Взгляните на представленные здесь иллюстрации и сопоставьте с произведениями Модильяни, Пикассо, художников парижской школы. Какими бы их полотна были без знания африканской скульптуры?.. Для этой книги отобраны произведения, созданные народами, проживающими южнее озера Чад, то есть там, где Набоков предлагал искать Логон, родной город Ганнибала. Можем ли мы назвать народ, создавший такие шедевры, диким, не способным достигнуть той же «культурной высоты», что и европейцы?.. Африканцы не подражали европейской культуре, они не имели о ней представления. Что

думали аборигены о белых людях, их «выцветших братьях», принесших им беды, убивавших их, глумившихся, грабивших, истреблявших все, что попадало под руку, лишивших их инстинкта собственности? Поэтому старинные африканские хроники и произведения искусства почти ненаходимы. Если о гибели государства Майя нам известны даже некоторые подробности, то об уничтожении племен и культуры народов Экваториальной Африки мы не знаем почти ничего.

Средневековому европейскому искусству повезло куда больше. В «темные века» Средневековья Великое переселение народов привело на территорию Римской империи варваров, многое разрушивших. Произошла варваризация римской культуры, вынужденной приспособливаться к новой эпохе, но также и романизация варваров. Варварство не тронуло Византию, король франков Карл Великий, все три Оттона, германские короли Саксонской династии, даже предводитель остготов Теодорих варварами не были, непрерывно действовали христианские монастыри — хранители культуры, варвары притесняли христиан-священнослужителей, но монастырей не разрушали. Взгляните на рукописные средневековые книги с интереснейшими текстами, изящнейшими миниатюрами и буквицами, на необыкновенной красоты шпалеры, мозаики, витражи, предметы прикладного искусства, архитектуру, скульптуру. Где тут варварство и невежество? Повторяю, средневековому европейскому искусству повезло больше, чем африканскому, оно развивалось и дало миру Ренессанс. Цивилизованные европейские колонизаторы в Африке вели себя куда хуже варваров в Европе. Великие географические открытия принесли аборигенам Африки ни с чем не сравнимый вред. Колонизаторы, прибывшие на кораблях мореплавателей, дали Черному континенту не

европейское просвещение, а варваризацию. Такого разгула мародерства и дикарского истребления всего, что попадало под руку, на исходе Средневековья не вспыхивало нигде. Искусство африканских мастеров, возникшее задолго до колонизации, в течение последующих веков почти не претерпело изменений, порабощение «заморозило» его развитие, законсервировало. Чудом уцелевшие произведения африканского искусства изменяют наше отношение к культуре африканских народов.

В конце XIX века в Императорский Эрмитаж поступила ценнейшая коллекция произведений средневекового прикладного искусства, собранная в Европе русским дипломатом А. К. Базилевским. Представьте некоторые предметы, принадлежащие Звягиным, экспонирующимися рядом с произведениями из коллекции Базилевского: они не будут диссонировать, более того, они не покажутся вам худшего достоинства. У африканского искусства много общего с европейским средневековым искусством, с лучшими его образцами. Предметы средневекового европейского и африканского прикладного искусства, кроме ювелирных изделий, всегда утилитарны, они не служили украшениями или элементами убранства жилищ; их украшали, превращая в произведения искусства. В Африке и средневековой Европе не существовало деления на творцов и ремесленников: одни ремесленники были талантливее других, одни создавали оригинальные произведения, другие эпигонствовали. В Африке скульптором был крестьянин, оставшийся при этом крестьянином, в Европе очень рано произошло разделение на профессии, образовались цехи, появился рынок изделий ремесленников, но не произведений творцов.

Взгляните еще раз на предметы африканского искусства — древние терракота и бронза не менее

интересны, чем греческие или этрусские, средневековые европейские, — сколько в них изящества, гармонии, выдумки.... Разве кто бы то ни было вправе предположить, что творцы этих произведений искусства, народ, сделавший это, сколько-нибудь хуже эфиопов, египтян, европейцев? Позволительно ли называть один народ хуже другого? Можно ли предполагать, что предки Пушкина из этого народа выйти могли, а из этого — нет?..

Возвратимся к В. В. Набокову и его версии. Более тридцати лет никто не обращал внимания на его предположение о том, что родной город Ганнибала находится в «области Экваториальной Африки, южнее озера Чад»^[180]. В начале 1990-х годов Дьедоне Гнамманку, уроженец Бенина, живущий в Париже, обратился в ЮНЕСКО с просьбой о предоставлении ему картографических и исторических материалов, относящихся к той территории, на которую указал Набоков.

«После тщательного изучения истории Африки XVII–XVIII вв., — пишет Гнамманку, — исторической географии Африки, всех топонимов, более или менее близких к имени Логон или Лагон, отношений между Оттоманской империей и Африкой XVII–XVIII вв. я пришел к выводу о том, что энигматический^[181] африканский город Лагон (в некоторых источниках — Логон) находится к югу от озера Чад в бывшем Центральном Судане (не следует путать древний Судан — по-арабски «страна черных людей» — с современным африканским государством Судан). Там, на берегу реки Логоне, располагалось княжество Лагон или Логон, которое в 1790 г. после принятия местным князем ислама стало Султанатом Лагон. Столицей этого княжества был сильно укрепленный город, носивший тоже имя Лагон, или Лагон-бирни (бирни — стена, крепость, столица, главный

город на местном языке). Ныне этот город находится на севере Камеруна»^[182].

Ссылаясь на материалы экспедиции Ж. П. Лебефа и А. М. Дедетурбе, изданные М. Родинсоном, Д. Гнамманку утверждает, что в Логон-Бирни одного из потомков миарре (князь, правитель) Бруа, предположительно отца А. П. Ганнибала, звали Анна Логон^[183]. Старшая сестра Абрама носила имя Лагони^[184]. В литературе, посвященной Эфиопии, Набокову этого имени отыскать не удалось.

Первым русским, побывавшим в Султанате Логон, был главный редактор журнала «Всемирный Следопыт» И. В. Данилов. Во второй половине апреля 1999 года он посетил Султанат Логон и столицу Республики Чад Нджамену. По результатам экспедиции была издана весьма содержательная книга (Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал: Материалы африканской экспедиции. СПб., 2001), в ней опубликован ценнейший материал, привезенный автором, а также наиболее важные документы, хранящиеся в российских архивах, и старинные географические карты. Данилов убедился в существовании города с названием Логон (напомним, что журналист Н. П. Хохлов в Эфиопии обнаружил деревеньку Лого, названную Анучиным городом Логон), расположенного на берегу реки Логоне, притока Шари, впадающей в озеро Чад. Названия эти происходят от растущей там травы — логум, — употребляемой местными жителями в пищу. На гербе и печатях, принадлежавших А. П. Ганнибалу, имеется девиз «FUMMO», в переводе с языка племени котоко, населяющего Султанат Логон, fummo переводится как родина^[185]. Наверное, после африканской экспедиции И. В. Данилова можно утверждать, что Абрам Петрович Ганнибал родился в Султанате Логон (ныне республики Нигерия, Чад и Камерун, в этом месте между ними отсутствует четкая разделительная линия), в городе

Логон-Бирни (Республика Камерун). Не все африканисты поддерживают версию Набокова — Гнамманку — Данилова, им нужны дополнительные подтверждения. Эфиопская версия безраздельно господствовала двести лет, возможно, требуется время, чтобы от нее отвыкнуть.

Судя по дальнейшей жизни Ганнибала, он не лукавил относительно «дворянского происхождения». И сегодня крестьянские дети Экваториальной Африки в большинстве своем не получают минимального образования, в конце XVII столетия стараниями колонистов в селениях была полная неграмотность. Маловероятно, чтобы мальчик, вышедший из этой среды, мог в восьмилетнем возрасте начать овладевать сразу несколькими языками, с блеском постигать науки, обгоняя сверстников, и к двадцати годам превратиться в европейски образованного человека. Наверное, в доме отца он получил хоть какое-нибудь начальное образование, вспомним о *futmo*: возможно, он умел читать и писать, что-то дала ему жизнь в Стамбуле, столице Ос-майской империи. Разумеется, история России и других государств полна примерами блистательных успехов крестьянских детей из далекой глуши, становившихся великими учеными, полководцами, художниками, но здесь случай особый, мальчику пришлось переместиться в другой мир, изучать язык, привыкать ко всему непривычному, чужому.

Небольшое княжество Логон, монархия с ограниченной традициями властью, в XVII-XVIII веках находилось в зависимости от могущественной соседней державы Борно. Народность котоко славилась бронзовыми изделиями и умением возводить фортификационные сооружения. В XVIII веке население княжества составляло около пятнадцати тысяч [\[186\]](#).

Первого имени, данного Абраму Петровичу Ганнибалу, мы не знаем, вероятно, в Стамбуле его называли Ибрагимом, при первом крещении нарекли Авраамом, а при втором — Петром. В конце концов он сам выбрал имя, отчество и фамилию, под которыми мы знаем его сегодня. Абрам Петрович родился в 1696 году, дату рождения ему установили 13 июля, предполагая, что это день его второго крещения^[187], первым наиболее вероятный год его рождения установил М. Н. Лонгинов^[188]. До недавнего времени некоторые исследователи сомневались в правильности этой датировки, как и в похищении Ганнибала из Стамбула.

Вероятнее всего, он родился в княжеском дворце. Нам известно, как выглядел этот дворец, его описание принадлежит Г. Барту, посетившему Логон в 1852 году: «Этот очень просторный дворец состоит из множества «крыльев», обрамляющих маленькие квадратные дворики, а на верхнем этаже расположены обширные апартаменты. Единственной частью его, не соответствовавшей великолепию остального здания, была лестничная клетка, довольно темная и неудобная. Мои собственные апартаменты были не менее тридцати пяти футов в длину и пятнадцать в ширину и соответственной высоты: в них проникало достаточно света из двух полукруглых окон, в которых, конечно же, не было стекол, но которые можно было закрыть с помощью тростниковых ставен. Потолок был двускатной формы и — поистине замечательное явление в подобных странах — выложен соломенными циновками.

Не только покои мои были великолепны, но и обращались со мной также крайне гостеприимно, ибо, едва я успел разложить вещи, как мне была подана чашка великолепного пудинга»^[189].

Г. Барт привык к суровой жизни путешественника, скудной пище, полнейшему отсутствию комфорта, после длительного перехода, изобиловавшего лишениями и

опасениями встречи с воинственным племенем, он радовался логонским яствам и сну не на природе, где того и гляди превратишься в добычу хищника.

Описание Барта можно сравнить с более поздним наблюдением, сделанным в 1999 году И. В. Даниловым (отрывок из его дневниковой записи):

«Затем правитель Логон-Бирни показал свои владения. Одноэтажные дома из глины и тростника выстроились в узкие немощеные улицы, разбегаясь от дворца к городским стенам. Они заросли мелким кустарником, а высотой оказались не более двух метров. Здесь я вспомнил описание, сделанное в середине прошлого века путешественником Бартом. Тогда это фортификационное сооружение выглядело внушительнее — высотой около шести метров. Леденящая кровь подробность: при закладке в стену живьем замуровали одного из детей правителя города. Считалось, что это сделает крепость неприступной. На площади перед дворцом современное одноэтажное здание префектуры — пожалуй, единственный объект, подтверждающий реальность происходящего. Прогулка по городу закончилась на холме, месте основания первого дома города. Здесь мы с султаном в знак дружбы между нами пожали руки.

Затем султан провел нас по самому дому. Перед поездкой я изучал план дворца по работе французского ученого Ж. П. Лебефа, и все же я запутался в лабиринте коридоров и комнат. Нам была оказана высокая честь: султан впустил нас в святая святых своего племени. Эта комната дворца внешне мало отличается от других: земляной пол и глиняные стены, нет крыши. Но заходить в нее никому нельзя. Не зная этого, я сходу перешагнул порог, но султан вежливыми жестами попросил меня вернуться. Это сокровенное помещение — вунэ мсанэ — на месте, где был до этого термитник. По традиции здесь султан проводил сорок дней и ночей с новой

женой, чтобы исполнить свою важнейшую оплодотворяющую роль.

Рядом со спальным помещением — комната коня султана. В темном помещении я едва не наступил в лошадиные экскременты.

На верхней террасе дворца султан показал мне фамильный герб. Геометрические фигуры, сгруппированные по какой-то неизвестной мне схеме, символизировали лошадь и всадника с копьем. Возможно, в одной из комнат дворца в 1696 году родился будущий прадед А. С. Пушкина.

Экскурсию закончили в приемном зале дворца. В помещении светло и уютно. Пол застлан коврами, по всему периметру мягкая кожаная мебель, на белых оштукатуренных стенах семейные фотографии в рамках. В центре — большой стол, заставленный экзотическими яствами. С трепетом придворные смотрели, как мы с султаном совершали обход, наполняя тарелки. Я попробовал все. При этом из головы не выходило наставление сотрудников нашего посольства: «Ваш организм не адаптирован к местной пище, и здесь другие санитарные нормы, поэтому без ущерба для здоровья можно есть только обработанные на огне продукты». А как отказать султану африканского племени? К тому же мне и самому хотелось вкушать частичку настоящей Африки. Из всех блюд я выделяю два: полутораметровую рыбу с родным названием «капитан» и соус из травы лагум. Если первое восхищало масштабом и вкусом, то второе содержало намек на историю этой земли. Ведь именно это растение, по мнению старейшин племени, дало название местности, затем реке, а потом городу и султанату.

После обеда из зала были убраны столы, присутствующие сели прямо на пол вокруг нас, и состоялась долгожданная беседа. Подключились несколько человек, в том числе главный имам Логона и

историк. Но вопросов у меня оказалось больше, чем ответов на них: все-таки интересующее нас событие скрыто покровом трехсот лет.

На прощание султан передал мне сказочные подарки: щит воина племени, модель рыбацкой лодки, ларец с землей Логона и предметы материальной культуры племени.

В посольство приехали к 8 часам вечера»^[190].

Мы знаем, что юного Ганнибала увезли из Логона в Турцию. Роткирх сообщает, что он был сыном одной из младших жен миарре Бруа, не располагавшей серьезным влиянием на мужа и его ближайшее окружение. Возможно, мать будущего прадеда А. С. Пушкина принадлежала к малочисленному племени (клану), и ее дети не могли рассчитывать на его защиту, а отца мало интересовала судьба сына, не имевшего никаких шансов унаследовать власть. Возможно, мальчишку Абрама почему-либо забрали в качестве заложника или в счет погашения долга правителю соседней державы Борно, возможно, он оказался добычей дерзкого набега работорговцев. Роткирх описал этот сюжет и назвал его похищением, так почетнее. Нам не дано узнать подробности — документов не существовало. Если сына миарре похитили во время набега, то среди бела дня на глазах у жителей. Как же так? Предоставим слово И. В. Данилову:

«На вопрос о том, как же могли похитить сына султана, миарре (так называют султана на языке котоко) Логона-Бирни, Махамат Баха Маруф сказал, что, поскольку мальчик не был старшим сыном правителя, он беспрепятственно мог выйти без охраны (она ему не полагалась) за городские стены к реке, а там стать легкой добычей случайно проплывавших или подкарауливавших его похитителей. Последний случай похищения сына султана Логона произошел в 1914 году. Мальчик оказался наследным принцем Маруфом

Юсуфом, будущим миарре Юсуфом II, и его выкупили. Впоследствии он правил Логоном в 1940—65 годах»^[191].

Одновременно с Ганнибалом из города исчез его старший брат, они не были единоутробными, в «Немецкой биографии» о нем нет ни слова, ниже мы приведем документы, отчасти подтверждающие его существование. То обстоятельство, что чужие люди захватили одновременно двух сыновей миарре, является веским аргументом в пользу того, что мальчиков взяли в залог или в счет погашения долга, но могло иметь место и похищение.

Как средство поставки рабов похищение и заложничество вплоть до середины XIX века имело в Африке широкое распространение. Многоступенчатая, годами отработанная система похищения, транспортировки, посредничества, перепродажи давала колоссальный барыш. Возникло выгодное ремесло со своими приемами и оснасткой. Главный поток рабов для европейских государств шел через Османскую империю, поэтому похищали людей из немусульманских племен. По утверждению Г. Барта, ислам в Логоне восторжествовал лишь в конце XVIII века^[192].

Историк Каке пишет: «После знаменитой победы марокканцев над войсками империи Сонгай (западный Судан) при Тондиби победители привели домой 40 верблюдов груженных золотым песком, и 1200 пленных. Один из пленников, Ахмед Баба, знаменитый юрист, ставший впоследствии советником в Томбукту, именем ислама воззвал к султану и был вознагражден — султан освободил его.

В 1611 году Ахмед Баба принял посланцев из Туа. Они были в ужасе от бесконечных караванов с «черным товаром», следовавших транзитом через оазис, и обратились к нему за советом...

Можно ли заниматься работоторговлей, не обрекая тем душу свою на мучения? Те, кто занимался этим,

прекрасно знали, что в Судане много мусульман; не следует ли задуматься над тем, что среди тех несчастных, кого отрывают от родного очага, есть братья по вере?

На эти вопросы Ахмед Баба ответил, что суданца или просто африканца, «добровольно принявшего» ислам, нельзя продать в рабство: иная религия — вот то единственное, что позволяет обратить в рабство. Положение черных немусульман таково же, как и других: христиан, иудеев и прочих.

Но не должен ли всякий чернокожий стать рабом — ведь он происходит из народа, на котором лежит «проклятье на Род Ханаанов»? Юрист ответил на этот вопрос: негра-мусульманина нельзя сделать рабом: «Напротив, всякий неверный может быть продан в рабство, если он отказывается принять ислам: независимо от того, принадлежит ли он к роду ханаанов, или нет. С этой точки зрения нет разницы между расами».

«Рабство, — уточняет Ахмед Баба, — вполне законно. Это священная война против неверных. Надо потребовать от язычников принять ислам. Если они отказываются — предложить заплатить выкуп, и тогда они смогут сохранить свою религию. Только два выхода дано неверному. Если же он отвергнет их, позволительно сделать его рабом»^[193].

Юный Ганнибал не был мусульманином, его можно было продавать и перепродавать сколько угодно раз. Лодка похитителей по реке Логоне доплыла до Шари и по ней до озера Чад, далее приходится фантазировать. Возможно, пленников повели караванным путем до средиземноморского порта Триполи, находившегося под властью Османской империи, и оттуда морем в Стамбул. Этим путем турецкие купцы пользовались с XV века, но маршрут мог быть и другим, например к берегам Красного моря. Прodelав опасный, полный невзгод путь,

Ганнибал прибыл в столицу Османской империи в середине лета 1703 года^[194]. Время похищения ничем не подтверждено, но по расчетам, сделанным Набоковым на основании надежных источников, переход из центральных территорий континента до Стамбула занимал около года^[195]. Следовательно, захват Ганнибала на берегу реки Логоне мог произойти летом 1702 года, когда ему исполнилось шесть лет.

Каждая партия «черного товара», прибывавшая в Турцию, попадала в руки особых чиновников, сортировавших рабов по внешнему виду, происхождению, общему развитию. Одни попадали на невольничьи рынки, другие в школы, где их обучали профессии и готовили к принятию ислама, третьих отправляли на стройки и сельскохозяйственные работы, четвертые оказывались во дворцах знати и даже султана. Сына логонского миарре Бруа, по утверждению А. К. Роткирха, отдали в сераль (внутреннее помещение дворца в мусульманской стране, его женская половина — гарем)^[196] султана Ахмеда III, только что лишившего власти своего старшего брата Мустафу II. Там будущий прадед поэта получил имя Ибрагим и навыки пажа. Возможно, это был роскошный Эски-Сарай, возведенный в Стамбуле (Царьграде, Константинополе) на территории бывшего форума Феодосия^[197]. Османские завоеватели Византии особенно в Константинополе стремились истребить все, что напоминало о прежних хозяевах страны — оплоте христианской религии.

Отношения между Московским государством и Османской империей с конца XVI века были чрезвычайно сложными и неустойчивыми из-за взаимных территориальных претензий и религиозной нетерпимости турок — воинственных мусульман. Ко всем христианам они относились настороженно, своих и пришлых «держали в великом утеснении». В процессе предварительной дипломатической подготовки к

Северной войне Россия в 1699 году подписала с турками в Карловицах договор о перемирии на два года. Летом 1700 года русский посол в Стамбуле думный дьяк Е. И. Украинцев (1641–1708) заключил выгодный для России Константинопольский мирный договор, но и после этого отношения между Россией и Турцией оставались напряженными.

Опасаясь, что турки начнут боевые действия и у России откроется второй, южный театр военных действий, Петр I в ноябре 1701 года решил учредить в Стамбуле постоянное русское посольство во главе со стольником Петром Андреевичем Толстым (1645–1729) с тем, чтобы он следил за изменениями отношения к России османских властей и пытался не допустить военного конфликта. Современники называли русского посла олицетворением честолюбия и хитрости, «умнейшей головой в России». Царь как-то сказал, что Толстой «очень способный человек, но, ведя с ним дело, надобно из предосторожности держать за пазухой камень, чтобы выбить ему зубы, если он надумает укусь»^[198]. И все же, давая Толстому такую характеристику, Петр I послал в Стамбул именно его. Царь собственноручно написал ему наказ, состоявший из семнадцати статей. Трудолюбивый Петр Андреевич стремился выполнить их все. 29 августа 1702 года русский посол прибыл в Адрианополь, где встретился с султаном Мустафой II, которому оставалось главенствовать в империи всего один год. В конце его правления в апреле 1703 года Толстой писал в Посольский приказ:

«На дворе ко мне ни одному человеку прийти нельзя, потому что отовсюду открыт и стоят янычары, будто для чести, а на самом деле, чтобы христиане ко мне не шли, а у французского, английского и других послов не стоят. Христиане и мимо ворот моих пройти не смеют,

Иерусалимский Патриарх с приезде моего до сих пор со мною не виделся»^[199].

Янычары — регулярная турецкая пехота, состоявшая на жалованье у государства. Толстой постоянно опасался, что, находясь в таком окружении, кто-нибудь из посольских примет «басурманскую веру» и сбежит или запросится к туркам в шпионы. Секретаря посольства, подозревавшегося в тайном переходе в мусульманство, следовательно, в измене, пришлось отравить. Возможно, дело вовсе и не в мусульманстве, несчастный секретарь мог обнаружить присвоение Толстым червонцев из сумм, отпускаемых казной на подарки часто менявшимся визирям (им дарили золотые червонцы и соболиные шкуры). Посол наш ангелом не был, он всегда вольно распоряжался казенными деньгами, никогда не забывал о своей выгоде, и не он один так поступал.

Лето 1703 года в Стамбуле сложилось тревожное, почти полтора месяца город бурлил беспорядками, 22 августа к власти пришел жестокий и мстительный султан Ахмед 111, постоянно менявший визирей. Захвативший власть путем переворота обязан подозревать всех. Он правил державой до 1730 года; с него начался период «изысканности и культурного расцвета, с тоской и нежностью называемой многочисленными турецкими авторами эпохой тюльпанов»^[200].

Традиция требовала одаривать каждого визиря, каждого крупного чиновника, без взятки они делать ничего не желали и, что еще хуже, — препятствовали исполнению дипломатической службы, срывая необходимые встречи, переговоры, даже выгодные для османов. Червонцев и соболиных шкурок вечно не хватало, Толстой постоянно сочинял жалостливые письма: «...вот уже при мне шестой визирь и этот всех хуже... у меня на визирские перемены уже и смысла

недостает... с подарками им не знаю, что и делать; я с новым визирем видаться не буду спешить, потому что мне в подарок отослать нечего». Несмотря на чинимые препятствия, Толстой все же ухитрялся исполнять пункты, сформулированные царем: «...будучи при солтановом дворе вывести и описать тамошнего народа состояние»^[201]. О положении в Турции христиан Петр Андреевич сообщал в Москву:

«Подданных своих греков держат в великом утеснении и так в них страх свой вкоренили, что греки ниже в мысли своей противного к ним чего иметь смеют, и заповедано им и оружие держать, а ныне заповедали грекам и платье равное с собою носить, чтобы ото всех были знатны (т. е. отличны); того ради повелели им носить платье худое, яко являет смирения образ. А другие народы христианские подданные их, сербы, мутьяне (население восточной части Валахии. — *Ф. Л.*), волохи, арапы и прочие, аще и тесноту и озлобление в несносных поборах от них терпят (не имеют ни откуду никакия помощи), обаче страха их не зело ужасаются и могли бы противу их ополчиться, ежели бы ощутили себе откуду христианскую помощь, как и венгры учинили с помощью цесаря римского»^[202].

Толстой не раз слал челобитные с мольбами отпустить его «от османского двора», но никакие слезные увещевания, напоминания о преклонном возрасте и тяжких болезнях не помогали, в России им были довольны, а равной замены у царя не обнаруживалось. Старый лис, так Толстого прозвали в Посольском приказе, понимал, что турки опасаются победы русских больше, чем шведы. Подозрительный султан Ахмед III не сомневался, что русские после разгрома шведов непременно нападут на него, а это Толстому грозило гибелью. После Полтавской победы Толстой писал в Посольский приказ: «И не изволь удивляться, что я прежде, когда король шведский в

великой силе был, доносил о миролюбии Порты, а теперь, когда шведы разбиты, сомневаюсь»^[203]. Порта — употребляющееся в европейских дипломатических документах и литературе официальное название правительства (Канцелярия великого визиря и Дивана) Османской империи.

В ноябре 1709 года Петру Андреевичу все же удалось возобновить мир с турками. В это время Карл XII (1682–1718), бежавший после Полтавского разгрома шведской армии, прятался на территории Османской империи. При поддержке французских и австрийских дипломатов ему удалось побудить Турцию разорвать мирный договор с Москвией. 20 ноября 1710 года в торжественном заседании Дивана османы объявили России войну. Толстого тотчас заточили в страшный Семибашенный замок и не спешили освобождать. «Когда турки посадили меня в заключение, — писал П. А. Толстой, — тогда дом мой конечно разграбили и вещи все растащили, малое нечто ко мне прислали в тюрьму и то все перепорченное, а меня, приведши в семибашенную фортецию, посадили прежде под башню в глубокую земляную темницу, зело мрачную и смрадную, из которой последним, что имел, избавился, и был заключен в одной малой избе 17 месяцев, из того числа лежал болен от нестерпимого страдания семь месяцев, и не мог упросить, чтобы хотя однажды прислали ко мне доктора посмотреть меня, но без всякого призрения был оставлен, и что имел, и последнее все иждивил, покупая тайно лекарства чрез многие руки; к тому же на всякий день угрожали мучением и пытками, спрашивая, кому министрам и сколько давал денег за содержание покоя (т. е. мира)»^[204].

Может, Толстой что-нибудь и преувеличил в надежде получить награду и компенсацию за нанесенный ущерб. Позже старый дипломат вторично оказался в

Семибашенном замке, но теперь в компании русских дипломатов, участвовавших в переговорах об условиях мирного договора. Лишь в 1714 году ему удалось вырваться из Турции, тогда же ее покинул и Карл XII.

В интересующее нас время с 16 ноября 1703 года по 28 сентября 1704 года султан назначил великим визирем своего зятя Хасана. «Это был честный и сравнительно гуманный паша, грек по происхождению, и его никак нельзя было заподозрить в продаже иностранцу пажа султана»^[205]. Как же ошибся Набоков: вероятнее всего, Хасан помог выкрасть и вывезти Ибрагима из пределов Османской империи, разумеется, если его действительно требовалось выкрасть^[206].

Мы почти ничего не знаем о пребывании маленького Ибрагима в серале, нам известна дальнейшая его жизнь, поэтому мы вправе предположить, что во дворец султана (если это не вымысел Роткирха) он попал не только из-за происхождения и внешних данных: наверное, обнаружились незаурядные способности арапчонка. Каким-то образом его увидели русские гости султана, не стали бы они похищать не зная кого. Наверное, султан держал у себя негрятят не для продажи.

В столице Османской империи русским «инородцам» из немусульманской державы, несмотря на подписанное 19 августа 1700 года перемирие, жилось тревожно и хлопотно: за посольскими неотступно следили, разрушали любые контакты с аборигенами, без объяснений сажали в тюрьму. Русские дипломаты нуждались в необычной помощи. Преуспевающий купец, хитрец и умница, владевший многими языками, босниец Савва Лукич Владиславич-Рагузинский (1669–1738)^[207] не занимал никаких должностей, среди аборигенов был своим человеком и фактически русским резидентом, осуществлявшим неофициальные контакты между русскими дипломатами и турецкой администрацией,

считавшей его чуть ли не на службе у султана, многие турки встречались с ним в Венеции и Валахии, заключали торговые сделки, он не был для них чужаком.

Приведем извлечение из «Обзора важнейших сношений России»:

«1702 г. По данному в бытность российского в Константинополе посла, стольника князь Дмитрия Михайловича Голицына, проезжему листу (от 26 сентября 1701 г.) приехал ноября 6 в Азов из Царяграда торгующий тамо венецианский грек или лучше рагузинец Сава Владиславов сын Рагузинский с деревянным маслом, кумачами, бумагой хлопчатой и пр., а с ним грек кавалер граф Николай Мандрикарий в российскую службу.

1703 г. марта 26 явился он, Рагузинский, в Москве и объявил, что он прибыл как для торгового своего дела, так и для обозрения Москвы, а паче для отведания Черным морем в Москву пути. Ему давано жалованье по 50 копеек на день.

Июля 6 уважая государь службу сего Рагузинского, оказанную российским в Цареграде послам, князю Голицыну и Украинцову, коим он о всяких тамошних ведомостях и о турецких намерениях извещал, дал ему жалованную грамоту торговать во всех российских городах на десять лет.

При отпуске его 19 июля в Царьград на Киев с соболями на 5000 р. для российского тамо посла Толстого дозволено и ему купить лисиц ленских и прочей рухляди. Выехал он из Москвы 18 октября»^[208].

Знавшие Савву-боснийца говорили о нем: «А человек он зело набожен и сведом на тамошние дела и не глупова состояния». Русский посол, «пребывающий при дворе султанова величества турецкого», П. А. Толстой писал о нем главе Посольского приказа адмиралу Федору Алексеевичу Головину (1650–1706): «Он человек искусен и на многие тайные вещи ведомец»^[209]. Петр I

ценил Рагузинского, свидетельство тому приглашение на русскую службу, привлечение к выполнению весьма ответственных заданий и «Жалованная грамота Савве Лукичу Владиславичу Рагузинскому», дававшая ему многие привилегии в торговле, таможне, перемещениях^[210]. Очень он был угодлив в отношении суверена, умел очаровать сильных, нужных, полезных.

Со временем Рагузинский оказался в тени более звучных имен Петровской эпохи, но не всех более достойных. Это была мощная самобытная личность, принесшая немало пользы второму отечеству, но и не забывавшая о своих интересах, угрызения совести его не мучили. А. С. Пушкин, работая над «Историей Петра», с особым вниманием изучал документы, относящиеся к графу Савве Лукичу Владиславичу- Рагузинскому.

Летом 1704 года Савва Лукич был оставлен Толстым вместо себя руководить посольством. В отсутствие Толстого все и произошло, возможно, в Москве сочли, что Рагузинский более подходит в качестве похитителя, возможно, решили, что в случае провала от боснийца-купца легче отречься, чем от русского дипломата. Заказ на арапчат Рагузинский получил от Головина, было решено, что Толстой узнает об этом по возвращении в Стамбул. Так оно и произошло. Забегая вперед, процитируем письмо Петра Андреевича главе Посольского приказа Ф. А. Головину, отправленное 22 июля 1704 года тотчас по его возвращении в Стамбул:

«Государь мой милостивой Федор Алексеевич, здравие тебе, государю моему, и всяких благ желаю во многие лета.

Господин Сава Владиславич сказал мне, что милость твоя изволил ему приказать купить двух человек арапов. И по тому твоему, государя моего, повелению он, Сава, арапов двух человек купил, и я их с его Савиным человеком отпустил к милости твоей, государя моего,

чрез Мутьянскую землю и дал им проезжей лист, чтоб им от Киева до Москвы давать подводы. А к государям к мутьянскому и к волоскому и к господину стольнику мутьянскому писал от себя с прошением, чтоб оных управили безопасно довести до Киева. И надеюсь, что при помощи Божией до милости твоей, государя моего, оные доведены будут сохранно.

А Господин Сава отпущен от меня на одном бастименте (корабле. — *Ф. Л.*) в Азов, и с ним к милости твоей, государя моего, писано о всем довольно. Слуга милости твоей, государя моего,

Петр Толстой, челом бью»^[211].

Выкуп Ибрагима, его старшего брата Ахмеда и еще одного совсем маленького арапчонка происходил втайне от властей, что подтверждают дальнейшие события. Кто помог Савве Рагузинскому, мы не знаем, это мог быть чиновник, очень приближенный к султану, мог быть и сам визирь Хасан, но трудно произвести такую операцию под носом подозревавшего всех султана. Роткирх в «Немецкой биографии» сообщает, что Рагузинский «познакомился с начальником сераля, где воспитывались и обучались пажи властелина, заметил нескольких лучших из них, пригодных для его целей, и, наконец, получил тайным и отнюдь не безопасным способом через посредство тогдашнего великого визиря трех резвых и способных мальчиков, что и обнаружило себя впоследствии»^[212].

А. П. Ганнибал ничего этого знать не мог, но жизнь сталкивала его с Рагузинским и в Париже, и в Сибири, у них было время для воспоминаний; дружеские отношения (хотя и не вполне искренние со стороны Саввы Лукича) они сохранили до конца 1720-х годов. Возможно, дошедшие до нас сведения о похищении арапчат, изложенные Роткирхом, — не его вымысел, а запечатленный рассказ Рагузинского, купец-босниец

очень много мог присочинить, свидетелей его стамбульских подвигов не существовало.

В цитируемом ниже письме от 21 апреля 1704 года Савва Лукич упоминает Константина Кантакузена из старинного византийского рода, богатого и влиятельного; в соответствии с происхождением пост он занимал высокий, выяснить его роль в похищении арапчат не удастся. Итак, Рагузинский писал Головину:

«...Настоящее писание до вашего превосходительства дойдет с слугою моим Андреем Георгиевым, которого я посылаю купно с тремя молодыми арапами. Сие есть 2-х вашему превосходительству, а 3-го послу вашему, которых я купил не без большого бедства и трудом и их блажности урожденного господина Константина Кантакузина врученных отправлял и ему явно объявлял, что оны пред вами суть. Дай Бог, чтоб они во здравии и в целости дошли. Я чаю, что они вам приятны будут, для того что они зело черны и хороши суть, они не турки, необрезаны суть. Ваше превосходительство может содержать тех, которые вам полюбят-ца, а третей послу да оставится, для того он сам за всякого деньги заплатил»^[213].

Обратите внимание на дату отправки письма из Стамбула в Москву: по другим, более надежным источникам арапчата выехали в Россию тремя месяцами позже. Босниец непременно должен был дожждаться возвращения Толстого в Стамбул. Возможно, Рагузинский поспешил сообщить об отправке сразу же после их приобретения. Если это так, то ловкий купец прятал арапчат где-то в городе и готовил их отъезд. Эти рассуждения справедливы лишь в том случае, если дата, стоящая на письме, правильная. Уж очень рискованно скрывать похищенных негритят столь долго и непонятно зачем. Если бы кто-нибудь из соучастников сделки попался, то выдал бы всех — турецкая полиция владела искусством пытки в совершенстве и умела узнавать все.

Попавшийся оговорил бы и невинных, Савва Лукич это знал: наверное, с датой произошла путаница или похищения не было вовсе.

Зная разносторонние таланты Рагузинского, не следует исключать совсем иного варианта появления арапчат в России. Купец-босниец не спеша выбрал в серале, а может — вовсе и не в серале, понравившихся ему пленников самым обыкновенным образом — поторговавшись, открыто приобрел их. Далее все произошло точно так, как будет описано ниже. Московским властям он сообщил о похищении и опасностях, сопровождавших его. Покупка негритят на стамбульском рынке банальна, подвигом ее не назовешь... И еще одна странность в тексте этого письма: третий арапчонок для Толстого куплен заранее, в его отсутствие. Почему без него? От Толстого операция с арапчатами скрывалась, он о ней узнал почти в день отправки арапчат.

Вернемся, однако, от догадок к документам. Следующее письмо Рагузинский отослал 29 июня 1704 года, его получатель — близкий друг отправителя, переводчик Посольского приказа Николай Гаврилович Милеску (1636–1708).

На родине в Валахии он занимал высокую должность спафария (спетар — оруженосец), придя на службу в Россию, он сменил фамилию Милеску на Спафарий. Письмо, по-видимому, написано уже в Азове, приведем из него извлечение:

«Хотя и господин посол будет писать об моих делах пространно, однакож и ты нижайший ему от мене поклон скажи и объяви, что бумага хлопчатая, которую приказано мне промыслить, также и полоненика, окупленного по его приказу [промыслил]. При сем и двух мальчиков арапов промыслил и чаю, что вскоре в мултянскую землю пришло их, и буде здравы приедут, чаю, будут годны его превосходительству. Верь мне,

друзе мой, что зело трудно сие делать и из турецкой страны вытащити их. Как сам я его превосходительству сказал, токмо Бог и чистота сердечная в том мне способствовала»^[214].

Еще одно очень важное письмо отправлено 15 ноября 1704 года Н. Г. Спафарием Ф. А. Головину; часть его касается похищения арапчат:

«Пред поездом своим из Царяграда июля 21-го дня господин Сава Рагузинский писал ко мне, что он по приказу Вельможности Вашия промыслил с великим страхом и опасением жития своего от турков двух арапчиков, а трети — его послу Петру Андреевичу. И тех арапчиков послал с человеком своим сухим путем через Мултянскую и Волоскую земли для опасения. И ныне, государь, ноября в 13 день тот человек Савин приехал с теми арапчиками к Москве в целости. И я из тех трех выбрал двух, которые лучше и искуснее, родных братьев, и отдал их в перечестном доме вашем перечестной госпоже матушке вашей и детям вашим благороднейшим. А третьего, который поплоше, оставил Петру Андреевичу, потому что так писал ко мне и господин Сава, да и человек его сказал, что тот негоден. Меньшей, именем Авраам, крещен от племянника господаря мултянского, а большой еще в бесурманстве»^[215].

В начале XVIII века Валахия (Румынская земля) с севера ограничивалась Австрийской империей, с юга — Османской империей, ее территорию с севера на юг разделяла река Олт, западная часть Валахии называлась Олтения (Малая Валахия), восточная — Мунтения (Великая Валахия), в письме Спафарий называет ее Мултянской землей. Страна лишь формально считалась самостоятельной, турки имели решающее влияние на все стороны ее жизни.

Сложнейшая, опаснейшая операция похищения арапчат из владений султана в случае раскрытия несла

всем действующим лицам неминуемую гибель после изощренных пыток, и не только им, но и всем, попавшим под подозрение. Савва Лукич впоследствии никогда не пересекал границ Османских владений. Константина Кантакузена, его брата и сыновей в 1716 году казнили в Стамбуле, возможно, обнаружилась их роль пособников похищения^[216], но возможно, и по иной причине, например дружба с русскими, а арапчата вовсе ни при чем. Задолго до описываемых событий Н. Г. Милеску (Спафария), заподозренного в неверности, турки лишили части носа, ему чудом удалось избежать смерти^[217]. Попытки заподозренного изложить доказательства невинности приводили власти в ярость, положение несчастного лишь ухудшалось.

Приведенные выше извлечения из писем Рагузинского и Спафария позволяют в общих чертах восстановить картину похищения.

Рагузинский, только что вступивший в русскую службу и нуждавшийся в укреплении своего авторитета, всеми силами желал выполнить просьбу Головина, потребовавшего привезти ему из Стамбула негрятят. В самом начале 1704 года Савва Лукич прибыл из Москвы в столицу Османской империи с мехами и другими товарами. Это было не первое его посещение Турции, он был знаком со многими турецкими чиновниками, его не считали русским подданным и дружбы с ним не опасались. Во время отсутствия посла, исполняя его обязанности, босниец приступил к осуществлению плана. Отобрав двух арапчат — Ибрагима и его брата Абдулу (третьего, совсем маленького, приобрели позже, но не без участия Кантакузена), заплатив турецким чиновникам, в конце апреля 1704 года спрятал негрятят где-то в Стамбуле и принялся готовить их вывоз из страны. Было решено, что арапчата отправятся в Москву сухим путем через православные европейские государства, хотя и оккупированные турками. С

мальчиками Рагузинский послал «челядника» своего Андрея Васильева «да товарища его» Константина Янова. Выйдя из Стамбула 21 июня 1704 года, группа двинулась на север, минуя Яссы; она пересекла русскую границу и 8 октября прибыла в Киев, где отдохнула до 31 октября. Тринадцатого ноября все пятеро вошли в Москву. В Посольском приказе их уже ждали: как только они покинули Киев, губернатор А. А. Гулиц отправил в Москву «отписку»:

«Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу всеа великия и малыя и белыя Росии Самодержцу холоп твой, Андрей Гулиц, челом бьет.

В нынешнем 1704-м году октября в 8 день приехали в Киев из Царяграда торгового человека галацкого жителя Савы Владиславова люди ево сербеня Андрей Васильев, Костянтин Янов, да с ними три человека арапов, и объявили мне, холопу твоему, проезжее письма от твоего великого государя посла, ближнего стольника и наместника алаторского от Петра Андреевича Толстова, пребывающего при дворе салтанова величества турецкого, за его печатью. А в письме его написано: когда они достигнут твоего великого государя российского государства богоспасаемого града Киева, принять б их с любовным приветствованием и дав им довольно подвод, и от города до города проводников, отпустить безо всякого задержания к Москве, чтоб они до Москвы допроважены были со всяким опасением и хранением. И по твоему великого государя указу тех приезжих Савы Владиславова людей ево двух человек, да с ними трех человек арапов, дав им подводы и до Севска провожатого, киевского рейтара Юрью Островского, отпустил я, холоп твой, к тебе великому государю, к Москве октября в 31 день нынешнего 1704-го году. А отписку велел я, холоп твой, подать в твоём

государственном Посольском приказе ближнему боярину Федору Алексеевичю Головину с товарищи»[\[218\]](#).

Волнения остались позади: необходимость прятаться от всюду сновавших турок, непривычный для негритят климат (меньший из арапчат болел, а доставить требовалось всех). В Стамбуле ожидал известия П. А. Толстой, в случае поимки беглецов его подстерегали самые большие неприятности: дипломатический иммунитет турки не соблюдали, на русских в пределах Османской империи он не распространялся.

Головина в Москве не было, поэтому явившегося в Посольский приказ Васильева тотчас допросили. Приведем целиком Расспросные речи в Посольском приказе приехавшего из Константинополя грека Васильева (Рагузинский называет его Григорьевым):

«Приезд из Константинополя грека Андрея Васильева, присланного от Савы Рагузинского с тремя малолетними арапами.

1704 ноября в 13 день явился в Посольском приказе по проезжим посла Петра Толстого и киевского губернатора листами и по ево, киевского губернатора, отписке приезжей из Царяграда сербянин венециянина Савы Рагузинского челядник Андрей Васильев да товарищ его Константин Янов.

А в роспросе сказал, что Господин ево, Сава Рагузинский, взяв царского величества у посла у Петра Толстого, помянутой проезжей лист, отпустил ево, Андрея, из Царяграда в нынешнем 1704-ом году в августе месяце сухим путем через Волоскую землю и послал с ним к Москве трех человек арапов, малых робят. И приехав, на Москве о тех арапах приказал он, Сава, ему, Андрею, объявить Посольского приказу переводчику Николаю Спофарию. А кому де те арапы

надлежат, и про то ведает он, Николай. И писал де он, Сава, о том наперед сего к нему, Николаю, имян-но. А с ним де, Андреем, к нему, Николаю, и них кому от него, Савы ни о чем писем в присылке не было, кроме того, что только одно письмо прислано с ним в дом посла Петра Толстого. И тех де арапов трех человек к Москве привез он, Андрей, во всякой целости и стал с ними ныне в Богоявленском монастыре, что за Ветошным рядом. А сколько де он, Андрей, на тех арапов в покупке лошадей, на чем они до Киева ехали, и на харчи и на иные употребления издержал денег, и тому принесет он роспись.

А как де он, Андрей, из Царяграда поехал, и господин ево Сава Рагузинский тогож дня, как он выехал, хотел ехать водяным путем к Азову. А где ныне тот Сава, про то он, Андрей, не ведает и не слыхал. А Посольского приказу толмача Кирила Македонского, посланного в Царьград, объехал он в Ясах августа в последних числах.

А старца де Исаяя, едучаго к Москве з греческими матросами, наехал он, Андрей, в Киеве. И ехал он, Андрей, с теми арапами до Москвы один. А тот старец Исаяя ехал особо. А ведомостей де никаких он, Андрей, едучи через Волоскую землю, ни о чем не слыхал и не ведает. Только де как он, Андрей, с теми арапами приехал в Ясы и тамошней де волоской государь, уведав об нем и о тех арапах, его, Андрея, тотчас из Яс выслал с теми арапами на загородный двор, на котором живет человек его господарской, от Яс с милю, в деревне Татарам, для того что де в то время в Ясах в приезде были из розных мест для своих потреб многие турки. И естли б де он, государь воложской, над ним так не помилосердовал, и его б де, Андрея, с теми арапами турки поймали, понеже турки в вывозе из турецкого государства в иные страны зело присмотривы и осторожны.

Из тех арапов 2 человека, один крещеной Авраам, а другой некрещеной Абдул, оба они братья родные, отосланы на двор к боярину Федору Алексеевичу [Головину], а третий арап по письму посла Петра Толстого отдан в дом его посольский»^[219].

Васильев запомнил или умышленно назвал неверную дату отправки из Стамбула, путешествие заняло 133 дня, более длительный путь оказался оправданным. Турецкие власти контролировали сухопутный маршрут не столь жестко, как передвижение по морю. С. Л. Владиславич-Рагузинский отплыл от турецких берегов 22 июля 1704 года, то есть на другой день после отправки похищенных, и через Азов прибыл в Москву.

Еще раз обратимся к «Обзору важнейших сношений»:

«1705 г. генваря 3 °Сава Рагузинский в Москву возвратился с тайными от посла Толстого письмами. При нем был писарь Петр Лукин и племянник его Ефим Иванов сын Рагузинский. Ему определено ежегодно кормовой дачи по 328 р.

Апреля 2 дана ему вторично жалованная купно с при-кащиками его грамота с дополнением вольной его в Малороссии, в Азове и везде всякими товарами торговли, кроме заповедных, также и свободного в окрестные державы с товарами проезда»^[220].

Несколько дней на глазах всего Стамбула Рагузинский готовил судно к отплытию. Деление отправлявшихся в Москву на две группы связано главным образом с попыткой отвлечь внимание турецких властей от бегства арапчат (если это бегство имело место). Сухопутный маршрут был более безопасен для беглецов — в море от турецкого флота никуда не спрятаться.

Из приведенных выше писем мы узнали, что Ибрагима похитили со старшим неединоутробным братом. Ни Роткирх, ни Абрам Петрович о нем свидетельств нам не оставили. Он упоминается позже в еще одном документе, получившем название «Дело об ограблении неизвестными людьми арапа Алексея Петрова, брата Абрама Петровича Ганнибала». Приведем этот документ полностью:

«1716 года марта в 9 день в Канцелярии Сената араплинин Алексей Петров допрашивай. А в допросе сказал: крещен де он в православную христианскую веру на Москве в Преображенском тому лет с двадцать, а восприемником был царское величество. И служит в Преображенском полку в гобоистах лет с восемь. И в нынешнем 1716 году в январе месяце по указу великого государя, а по прошению брата ево Алексеева государева камардина Авраама Петрова (первая фамилия А. П. Ганнибала. — *Ф. Л.*) отпущен он был в Пустозерский острог на четыре месяца для свидания с женою своею для того, что женат он из дому князя Василия Голицина на послуживице на девке Авдотье. А женился он на Пенежском волоку в то время, когда к городу был его царского величества второй приход. И жила она Авдотья в Пустозерском остроге при сыне князя Василия Голицина при князе Петре. А для проезду до Пустозерского острога дано ему было пропускное письмо за рукою секретаря Алексея Макарова и подорожная была ему дана на две подводы за печатью и прогонные деньги дал ему он же Алексей Макаров. И как он ехал в Пустозерский острог, в Олонецком уезде в Вытегорской волости напали на него воровские люди и платья с него кафтан и камзол и штаны сняли. А отпуск и подорожная у него были в том кафтане. И ево били смертным боем. И о том у него Алексея в Олонецком уезде на государевых заводах имеется словесное

челобитье. И по дороге на почтовых станах все явки записаны. И с тех заводов по прошению ево Алексея горожанин, который ехал из Санкт-Петербурха, Мартын Галкин взял ево Алексея и кормил своим хлебом до Каргополя. А от Каргополя до города Архангельска ехал он Алексей один на наемной подводе. А на наем подводы дал ему Каргопольский комендант Петр Львович Касаткин два рубли. И приехав он к городу Архангельску, не быв нигде на постоянных дворах, явился к вице-губернатору Петру Ефимьевичу Лодыженскому того ж числа и был у него два дни, а на третий послал он Вице-Губернатор ево Алексея [с] солдатом Ульяном Скорняковым в Санкт-Петербурх и велел его объявить в Канцелярии Сената. А кроме вышеписанных городов в иных городах он Алексей нигде не был». Приписка: «1716 года марта в 12 день по указу великого государя Правительствующий Сенат приказали: арапа Алексея Петрова отослать на Государев двор и отдать его Василию Мошкову с роспискою». «По сему указу в дом Царского Величества вышеписанного арапа Алексея Петрова Василей Мошков принял и расписался»^[221].

С тайным кабинет-секретарем А. В. Макаровым мы познакомимся позже, В. И. Мошков — дворцовый управитель Петра I. Желание отправить Алексея на Государев двор объясняется его родством с Ибрагимом. Далее следы Алексея Петрова теряются, имя его в других документах не обнаруживается, возможно, до конца дней своих он оставался полковым музыкантом. Наверное, могут быть две причины того, что А. П. Ганнибал никогда не вспоминал о брате и не поддерживал с ним отношений: обиды, нанесенные ему старшим братом; быстро образовавшийся разрыв в социальном положении. Некоторые исследователи называют «Дело об ограблении...» фальшивкой^[222]. Если это так, то непонятно, кому и зачем это надо...

В соответствии с устным распоряжением Рагузинского или по собственной инициативе Васильева (Григорьева) во время вынужденного отдыха на «загородном дворе» под Яссами Ибрагима крестили, и он сделался Авраамом. Авраам — Абрам — Абрахам — Ибрагим — имя одно и то же, поэтому Ибрагим не протестовал, когда его называли Абрамом (протестовать он будет после второго крещения, но об этом позже). Отчего ему и двум другим арапчатам не сделали обрезание в Стамбуле, почему их не сделали мусульманами? Возможно, в дальнейшем предполагалось их подарить в какие-либо европейские государства.

Знал бы А. С. Пушкин, каких усилий стоило похищение его прадеда, сколько человек рисковали жизнями, осуществляя желание Ф. А. Головина... Что бы было, если бы это предприятие не удалось?..

События, описанные выше, произошли именно так лишь в том случае, если Рагузинский правдиво запечатлел их в письмах Головину и Спафарию, правдиво рассказал о них Ганнибалу. Единственным источником наших знаний о пребывании Ибрагима в Стамбуле служит «Немецкая биография»^[223]. Только в ней назван сераль, ни в письмах Рагузинского, ни в других дошедших до нас документах о нем нет ни слова. Источником знаний А. К. Роткирха мог быть рассказ Рагузинского, сообщенный А. П. Ганнибалом или его сыновьями, фантазия кого-нибудь из Ганнибалов или самого автора «Немецкой биографии». Вряд ли мальчишка-негритенок понимал, где именно он находился в Стамбуле, быть может, он уверовал в правдивость слов купца-боснийца — куда приятнее считать себя похищенным из султанского дворца, чем купленным на грязном невольничьем рынке. Убедить или переубедить смутно помнящего о давнем не так уж трудно.

В эпистолярной осторожной Саввы Лукича есть намеки на преодолённые им опасности при приобретении арапчат, упоминания о Константине Кантакузене, некая таинственность. В чём опасности, зачем Кантакузен... и отправка арапчат окружным путем через всю Европу, если покупка легальная?.. Добравшись до России, Рагузинский мог дать волю фантазии, подготовленную письмами и поступками, а придумал сераль он ещё в Стамбуле.

Зная о бесцеремонной слежке за русскими дипломатами в Стамбуле, о тревожной обстановке вокруг посольства, весьма напряжённых отношениях Османской империи с Россией, заинтересованности Петра I в нейтралитете турецкого султана, можно задуматься над тремя вопросами:

Что больше интересовало Россию — нейтралитет Турции или тайное приобретение арапчат из сераля?

Как отразилось бы раскрытие похищения арапчат, принадлежавших султану, из его дворца на неустойчивом нейтралитете турок во время Северной войны?

Зачем похищать арапчат, когда можно открыто приобрести их на рынке?

Если, упаси Боже, похищение обнаружилось бы, то действия османских политиков развивались бы не на пользу России. Когда слуги султана следят друг за другом, а чиновники умеют вести счёт арапчатам, похищение рано или поздно должно быть обнаружено. Если виновникам необдуманных поступков удалось бы скрыться от янычар, то в России их настигла бы жесточайшая расправа. Могли ли разумные люди так рисковать собой и Россией? Толстой обдумывал каждый свой шаг, каждый поступок, даже пустяковый, лишь бы не оступиться, не испортить отношений с Портой, не подать повод к неудовольствию. Он всеми силами стремился избежать всего того, что могло вызвать

раздражение султана и его окружения. Кража из сераля должна была рассматриваться турками как циничное оскорбление, высшая форма неуважения. И тогда — война для России на два фронта...

С незапамятных времен в Стамбуле процветали невольничьи рынки, где спокойно, обстоятельно, без суеты выбирали из большого числа арапчат понравившегося, вдоволь поторговавшись, расплатившись и ни от кого не скрываясь, уходили с покупкой домой. Зачем сераль и безумный риск, если есть рынок? Таланты арапчонка вряд ли выявляются перед похищением или во время торга. Не все похищенные, попавшие в сераль, талантливы. Рагузинскому повезло, он сделал удачное приобретение. Один из трех арапчат оказался талантливым.

Савве-боснийцу, только что поступившему на русскую службу, требовалось зарабатывать репутацию. Что за заслуга — выторговать на рынке арапчат? Вот он и сочинил подвиг, не он первый, не он последний так поступил. Мы не располагаем сведениями о том, известны ли были подробности появления в Москве негрят (вымышленные или правдивые) Головину и царю и как они реагировали, если знали, говорил ли Рагузинский о серале или сочинил иные опасности и их героическое преодоление. В письме Толстого Головину от 22 июня 1704 года нет и намека на сераль и какие-либо опасности, сопровождавшие отправку арапчат из Константинополя. Не зная подробностей их приобретения русский посол никак не мог. Кража из сераля должна была его взбесить, и это хоть как-то отобразилось бы в переписке с Головиным. Возможно, сераль — плод индивидуальной фантазии Роткирха.

Многое в этой истории навсегда останется тайною.

Глава III

КРЕСТНЫЙ И КРЕСТНИК

В тот день, когда похищенные в Царьграде арапча́та добрались, наконец, до Москвы, ни царя, ни руководителя Посольского приказа в столице не было. Абрама и его брата поселили в доме бояр Головиных, что в Немецкой слободе, и они, страшась и озираясь, начали робко приспосабливаться к неведомому миру с людьми в странных одеждах, к беспощадным морозам, диковинному слепящему снегу и непривычной еде. Все их пугало, настораживало, удивляло, требовалось осваивать русскую речь, удивительные обычаи и традиции новой родины.

После блистательной Нарвской баталии Петр 119 декабря 1704 года победителем въехал в Москву. А. С. Пушкин писал:

«14 декабря (ошибка в дате. — *Ф. Л.*) имел он торжественный выезд в Москву — было 7 триумфальных ворот (из коих одни сооружены Меншиковым, пожалованным тогда в генерал-поручики). Ведены генерал-майор Горн и 159 офицеров, несено 40 знамен и 14 морских флагов, везено 80 пушек. При одних воротах митрополит Стефан Яворский говорил речь, при других — ректор Заиконо-спасской Академии с учителями и учениками. Знатнейшие люди всех сословий поздравляли государя. Народ смотрел с изумлением и любопытством на пленных шведов, на их оружие, влекомое с презрением, на торжествующих своих соотечественников и начал мириться с нововведениями.

Тогда же изданы географические карты, в коих Петр предозначил будущие границы России»^[224].

Упоминание о Заиконоспасской Академии нуждается в комментарии. При Заиконоспасском монастыре (Спас

на

Никольском кресте, что за Иконным рядом) отец царя Михаила патриарх Филарет учредил в 1619 году школу для подьячих Приказа тайных дел, в 1682 году на ее основе открыли Славяно-латинское училище, преобразованное в 1687 году в Славяно-греко-латинскую академию. С 1701 года ее президентом сделался Стефан Яворский (1658–1722), митрополит Рязанский и Муромский, местоблюститель Патриаршего престола (после кончины патриарха Адриана и отмены Петром I патриаршества), публицист, выдающийся оратор. Петр I ценил его за глубокие знания.

Царь Петр Алексеевич, не имевший систематического образования, воспитанный думным дьяком, забулдыгой Никитой Зотовым, не получивший от отца наставлений и напутствий, обладал редкостным умом и самыми разносторонними способностями. Интуитивно постиг тайны управления державою, накапливаемые опытом, передаваемые отцом сыну от поколения к поколению. Он владел ремеслом великого государственного деятеля, признанного всеми суверенами Европы, любые знания схватывал на лету, понимал с полуслова, мгновенно анализировал и придавал чужой идее наиболее полезную ему и державе форму, иногда изменяя ее до неузнаваемости. Ньютон и Лейбниц восхищались его умом и делами. Он умел лучше полководцев готовить победоносные баталии и командовать войсками, лучше правоведов писать законы, лучше дипломатов вести переговоры, лучше инженеров проектировать фортификационные (оборонительные) сооружения, лучше зодчих чертить планы городов, лучше всех знал, что надо России, и делал это. Попечительный монарх не стыдился учиться у кого угодно, спрашивать, перенимать... Увидев полезное для себя у заморских гостей или в заграничных вояжах, он тотчас желал заполучить понравившееся.

Необузданное варварство, отсутствие сдерживающих начал и политической культуры уживались в нем с европейским просвещением. Природный ум и здравый смысл сделали его великим государем.

В первое путешествие по Европе, находясь в 1698 году в Лондоне, Петр Алексеевич получил от швейцарца на русской службе адмирала Лефорта (1656–1699) письмо с просьбой «достать в Лондоне арапов»: крупнейшая колониальная держава не испытывала в них недостатка. «Быть может в угоду Лефорту, Петру действительно достали в Лондон ребенка арапа, о котором в 1699 г. Петр Апраксин доносил царю: «сего числа послал к тебе, государю, арап-чика Каптинер, который из английской земли прислан по твоему государеву указу ко мне с капитаном с Иваном фон Тарном; и русскому языку он ныне гораздо понавык; и которую имел трудную некоторую скорбь, от того, государь, за помощь Божию оздравел. А о крещении его к тебе, государю, преж всего писал, и указу твоего государева не было, и он доныне у меня не крещен»^[225]. Возможно, это был первый арапчонок при дворе Петра Великого. Наверное, царь видел в нем диковину, забаву, разновидность шута. Так воспринимали арапчат и придворные, такое отношение к себе испытывал и Ганнибал. За период с 1698 года по кончину Петр I приобрел и получил в дар около десяти негритят, арапчата были и при дворах Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, но в историю вошел лишь А. П. Ганнибал.

По приезде в Москву царь остановился в доме Ф. А. Головина, близкого ему человека, умного, образованного, крупного государственного деятеля. Увидев похищенных негритят, Петр Алексеевич пожелал взять их себе. Был ли это заблаговременно приготовленный подарок Головина или так получилось, мы не знаем, известно лишь, что глава Посольского

приказа подарил их царю. Из переписки Рагузинского, Толстого, Спафария, «Расспросных речей Васильева» следует, что заказывал похищение этих двух арапчат Головин.

Чернокожие рабы известны с незапамятных времен: вспомним Египет, азиатские империи... Многие суверены европейских держав имели при себе чернокожих слуг — такова была мода. Кем считал Петр I арапчат? Экзотическими существами для забавы? Шутами, прислугой? Существует предположение, будто царь «хотел доказать, что и темнокожие арапчата к наукам и делам способнее, чем многие упрямые российские недоросли. Иначе говоря, тут была цель воспитательная: ведь негров в ту пору принято было считать дикарями, и чванство белого колонизатора не знало границ»^[226].

Вряд ли царя, обремененного тяжелейшей войной, строительством новой столицы, нескончаемым каскадом реформ, прорывом в Европу, могла занимать мысль о состязании юношей со светлой и темной кожей. — Петр получил двух арапчат, старшего после крещения отправил в Преображенский полк, а младшего оставил при себе. Быстро обнаружилось, что мальчик смывленный, ловкий, работающий, услужливый, легко овладел языком, мгновенно понимает, что от него хотят. Уже через два месяца повелением царя на него истратили огромную сумму. В приходе-расходную тетрадь за 1705–1716 годы Петр I, стремившийся к порядку во всем, регулярно вписывал все денежные поступления и совершаемые траты, в одной из записей читаем следующее:

«...1705 года, 18 февраля, росписи купчины Чувашова Абраму Арапу к делу мундира и в приклад дано 15 рублей 15 алтын»^[227]. Бережливый царь на сей раз не поспешил на одежду арапчонка; судя по всему, он быстро привязался к маленькому Абраму и полюбил его, привязанность эта сохранилась до конца дней

Петра Алексеевича. Мы не знаем ни одного случая серьезного недовольства царя Ганнибалом. Приведем другой любопытный документ о тратах на арапчонка, сохранившийся в архиве Дворцовой канцелярии за 1709 год:

«Декабря в 20 день по приказу, деланы кафтаны Якиму карле, и Абраму арапу, к празднику Рождества Христова, с камзолы и штаны. Куплено сукна красного обеим по ось-ми аршин, по два рубля по шестнадцати алтын, по четыре деньги аршин; им же пуговиц медных вызолоченных пять портищ по шестнадцати алтын по четыре деньги портище; им же позументу золотого сорок девять аршин, весом 93 золотника, ценою по осьми алтын по 2 деньги золотник; камки на подпушку 6 аршин по 26 алтын по 4 деньги; ста-меду; им же на камзолы штофу 8 арш[ин] по 2 р[убля] по 10 алтын аршин; также пуговиц шелков[ых] на камзолы по два портища»[\[228\]](#).

Обращают на себя внимание два обстоятельства: Абрам был с «карлой» Якимом примерно одного роста, что подтверждает его возраст; в этом документе он стоит в одной строке с «карлой», то есть шутком, человеком для забав. С Якимом Абрама связывает еще один документ, сообщающий, что в 1707 году на их одежды израсходовано 87 рублей, 13 алтын и 2 деньги[\[229\]](#).

В преподнесенной 23 ноября 1726 года императрице Екатерине I писарской копии написанного им двухтомника «Геометрия и фортификация» имеется посвящение автора Екатерине I, в нем читаем: «... и был мне восприемником от святыя купели его величества в Литве в городе Вильне 1705-м году...»[\[230\]](#).

Абрам был уже крещен в Яссах в 1704 году, но царь, желая стать его крестным отцом, решил совершить обряд крещения вторично. Допускалось это лишь в случае смены имени повторно крещенному[\[231\]](#). Находясь

в Вильно между 9 июля и 3 августа 1705 года, царь вновь крестил арапчонка, дав ему в знак особой симпатии свое имя — Петр. Царь сделал это еще и потому, что крестный отец становился покровителем крестника и таким образом укреплял его положение в будущем. Крестной матерью А. К. Роткирх называет польскую королеву Христину-Эбергардину, супругу Августа II Сильного^[232], но ее в это время в Вильно не было, и кто на самом деле был крестной матерью, установить не удалось.

Ибрагим (в Турции) и Авраам (в Яссах) получил третье имя — Петр, оно ему не понравилось, и мальчишка выразил протест, как умел — плакал и не откликался на новое имя^[233]. Царь сдался, пришлось называть упряма Абрамом Петровичем Петровым, но фамилия эта оказалось не последней. Сегодня датой его второго крещения называют 13 июля 1705 года, возможно, это и так, возможно, Ганнибал помнил именно ее и праздновал в этот день свое рождение. Документы Виленского архива сегодня не доступны, настоящего дня рождения он не знал^[234].

В 1865 году по распоряжению генерал-губернатора Северо-Западного края графа М. Н. Муравьева на ограде Виленской церкви Параскевы Пятницы, возведенной в 1345 году повелением жены великого князя Литовского Ольгерда Марии, княжны Витебской^[235], появилась доска со следующим текстом:

В сей церкви Император Петр Великий в 1705 году служил благодарственное молебствие за одержанную победу над войсками Карла XII, подарил ей знамя, отнятое в той победе у шведов, и крестил в ней африканца Ганнибала, деда знаменитого поэта нашего А. С. Пушкина.

Курский купец Иван Иванович Голиков (1735–1801), многие годы собиравший документы, относящиеся к жизни и деятельности Петра I, автор «Деяний Петра Великого, мудрого преобразителя России...» (Ч. 1 — 12. М., 1788–1789) и «Дополнения к Деяниям Петра Великого» (Т. 1 — 18. М., 1790–1797), пишет в своем фундаментальном труде: «Сей Российский Ганибал между другими дарованиями имел чрезвычайную чудкость, так что, как бы он крепко ни спал, всегда на первый спрос просыпался и отвечал. Сия чудкость его была причиною, что Монарх сделал его своим камординером и повелел ночью ложиться или в самой своей спальне, или под оныя. Сей Ганибал сам передал нам сей анекдот, рассказывая всегда оный со слезами, то есть что не проходило ни одной ночи, в которую бы Монарх не разбудил его, а иногда и не один раз. Великий сей Государь, просыпался, кликал его: «Арап!» — и сей тот же час отвечивал: «Чего изволите?» — «Подай огня и доску» (то есть апсидную, которая с грифелем висела в головах Государевых). Он подавал оную и Монарх пришедшее к себе в мысль или сам записывал, или ему приказывал, и потом обыкновенно говорил: «Повесь и поди спи». По утру же неусыпный и попечительный Государь обделывал сии свои мысли, или, внеся оные в записную книжку, отлагал исполнение оных до другого времени, смотря по важности дела»^[236]. «Камординером своим» царь сделал Абрама Арапа не только из-за свойства его чутко спать, но и из-за ума и сообразительности, исполнительности и верности. Петр Алексеевич твердо знал, что его крестник о том, что происходило в царских покоях, ни с кем делиться не будет. Никаких подробностей о жизни Ганнибала в этот период в «Немецкой биографии» нет.

Голиков не раз встречался с Ганнибалом, и его свидетельства, запечатленные талантливым историком-самоучкой, помогают восстановить некоторые периоды

биографии прадеда Пушкина. Труды купца-самородка признаны надежным источником, А. С. Пушкин, работая над «Историей Петра», широко ими пользовался. Мысль царя Петра Алексеевича не знала покоя, даже дремать он не позволял ей, поэтому царь нуждался в ночном помощнике, надежном и преданном «припорожнике», чутко спавшем у порога царской спальни, по первому зову приносявшем грифельную доску, мел и свечу. Когда Абрам освоил грамоту, крестный диктовал крестнику свои ночные размышления. Роткирх роль «припорожника» неправдоподобно преувеличивает: «Что касается Ганнибала, то он постоянно спал в соседней с государевым кабинетом токарне и вскоре затем стал во многих важных случаях тайным писарем своего государя, у которого над постелью висело несколько грифельных досок; его великий дух, всегда занятый благом своих подданных, как бы он ни был утомлен и не нуждался в отрадном покое, этот никогда не отдыхающий дух часто пробуждал его и заставлял бодрствовать, и тогда в темноте, без света, на ощупь, вчерне записывал он важные и длинные свои наброски, которые его питомец наутро переписывал набело и после надлежащего подписания рассылал, как это требовалось, по коллегиям и присутственным местам в качестве нового закона и приказов для последующего их исполнения»^[237].

Известно, сколь тщательно царь формулировал законодательные документы, не раз переписывал их. И рассылкой такого рода бумаг занимался не «припорожник», а специальные службы. Поражает другое: мальчик девяти лет от роду, родившийся в Экваториальной Африке, становится помощником русского царя. Наверное, очень быстро Петр Алексеевич обнаружил в нем редкостные способности. Кто и как учил его языку и грамоте, другим предметам и каким, мы не знаем. Царь очень ценил образованность — если

бы не зримые успехи «припорожника», то вряд ли оставил его при себе. Возможно, в часы отдыха чему-то учил его сам Петр Алексеевич, наверное, он привил ему любовь к книге, и через нее арапчонок накапливал знания. Позже, попав во Францию, он оказался вполне подготовленным для учебы в высшей военно-инженерной школе.

Судя по тексту «Русской биографии»^[238], около 1716 года произошло следующее событие, описанное в «Немецкой биографии»:

«В это время его правящий единокровный брат, побуждаемый, я думаю, еще здравствующей матерью этого европейского Ганнибала, в предположении, что его полубрат еще находится в качестве заложника в Константинополе, захотел через посредников освободить его и с этим намерением передал такое поручение одному из своих младших братьев, который и отправился по следам этого силою похищенного второго Иосифа: сначала искал его в Стамбуле, затем был в Петербурге, откуда он думал при помощи больших денег выкупить его и взять с собой. Но было уже невозможно чувствовавшего себя убежденным христианином и столь многообещающего юношу возвратить в язычество и варварство, к тому же он привык уже к европейскому образу жизни и сам не проявил никакого желания, так что этому ищущему брату было отказано в его попытке, почему он, хотя и одарив своего младшего брата дорогим оружием и арабскими грамотами о их родословии, отбыл на свою родину ни с чем, к большой печали с обеих сторон»^[239].

Если этот эпизод не есть еще один плод фантазии

А. К. Роткирха, то возникает несколько вопросов: кто в Стамбуле мог знать, куда из сераля вывезли Ибрагима; почему ни в одном другом документе, кроме «Немецкой биографии А. П. Ганнибала» А. К. Роткирха и Русской

биографии «Арап Пера Великого Ибрагим Петрович Ганнибал»

В. И. Роткирха, об этом эпизоде нет ни слова?.. Зачем в Логоне понадобился младший сын младшей вдовы миарре из немногочисленного племени? Откуда мог взять вождь племени сокровища для выкупа у русского царя? Наверное, и этот эпизод — трогательный вымысел наивного Роткирха, он очень старался возвысить своего тестя в глазах потомков и переборщил. Жизнь А. П. Ганнибала полна почти неправдоподобных взлетов, сопровождавшихся необыкновенными приключениями, и не нуждается в вымысле, тем более что вымысел Роткирха меркнет перед правдой жизни.

Между тем русский царь был занят войной со шведами, он не мог не начать ее. России требовался выход к балтийским водам, чтобы каждый раз не унижаться, выпрашивая у соседних государств разрешения на проход торговых караванов по их территориям, платя за это непомерные пошлины; чтобы граничить через море со всей Европой и не сноситься с ней через далекий Архангельск, делая тысячи лишних верст до северного порта по суше и до западных портов по воде. Царь желал никого не спрашивая сотрудничать с любым европейским государством. Его оскорбляло то, что шведы владели Ижорской землей. С незапамятных времен она принадлежала Великому Новгороду, богатому торговому ганзейскому городу-государству. В ходе Ливонской войны (1558–1583), начатой Иваном Грозным, Московское государство утратило эти земли. Ослабленное войной и Смутным временем, оно по Столбовскому миру 1617 года вынужденно признало прибалтийские территории шведскими. После изнурительных переговоров с европейскими державами и Турцией, заключения с ними договоров — с одними о нейтралитете, с другими о союзе — 19(30) августа 1700 года Петр I объявил Швеции войну. Неудача под Нарвой

не обескуражила царя, он принялся за организацию армии и создание флота. На первом этапе войны успехи приносили корпус Б. П. Шереметева и отряд Ф. М. Апраксина, которые прежде всего поднимали дух армии после нарвского поражения.

Осенью 1702 года русские войска овладели крепостью Орешек (Нотербург), переименованной Петром в Шлиссельбург, весной 1703 года пала другая крепость, Ниеншанц — вся полноводная красавица Нева с ветвистой дельтой, изрезавшей берег Финского залива, оказалась в руках русских. Спешно требовалась ее защита от возможных шведских десантов. Вдыхая пороховой дым незавершенных баталий, царь Петр Алексеевич выискивал места для первоочередных построек, делал замеры, вычерчивал схемы, определял лучшие участки и наконец объявил, где закладывать крепость, порт, верфь, ставить первые дома, расквартировывать полки, освящать храмы, рубить просеки, осушать болота. 16 (27) мая 1703 года произошла закладка крепости и при ней военно-ремесленного поселения Санкт-Петербург, будущей северной столицы Российской империи.

Одновременно со строительством Петербурга Петр I создавал империю с новыми порядками, новой властью, осуществляемой новыми людьми. Царь понимал, что останься столицей Москва, его замысел реформирования державы или не осуществится вовсе, или потребует невероятных усилий, куда бóльших, чем ему предстояло потратить на перенос столицы. Бояре, боярские сынки — стольники, постельничие, сокольничие, привыкшие к сонной ленивой жизни, заплывшие жиром безделья, дьяки и подьячие, малограмотные мздоимцы не захотят жить иной жизнью, а если и захотят, то не смогут. Одной из важнейших задач, требовавших срочного решения, Петр I видел отыскание нужных ему людей, новых людей, не вросших в сложившуюся, устаревшую,

недееспособную систему государственного управления. Наверное, царь что-то разглядел в мальчике-арапчонке и не пожелал отпускать его от себя до 1717 года, то есть до его оставления во Франции для продолжения обучения.

Крестный видел постепенное появление радовавших его качеств в крестнике. Постоянно находясь вблизи царя, восхищаясь им, Абрам невольно испытывал сильнейшее влияние этого великого человека. Его поступки, его дела формировали в юном арапчонке личность, придавая ему черты, воспринятые от крестного. Б. Х. Миних, любимец Петра I, близкий к нему человек, умный и наблюдательный, писал на склоне лет:

«Я не ставил здесь своей задачей входить в детали всех благотворных установлений Петра Великого. Они бесчисленны и непостижимы, и описание их составило бы объемистую книгу; я скажу лишь в немногих словах, что он преобразовал нравы и обычаи нации: люди, не принадлежащие к простонародью, перестали носить бороды, длинные одежды, сабли, персидские сапоги и русские шапки, и оба пола стали одеваться по французской моде. Он завел ассамблеи, и благодаря ему прекрасный пол стал появляться в обществе.

Он устроил мануфактуры, поощрял промышленность и пригласил архитекторов и ремесленников из Италии и Франции и корабельных мастеров из Англии. Он покровительствовал многим иностранцам, и если случалось ему встретить среди них недостойных, то говорил, что он был бы удовлетворен, если бы, по примеру апостолов, на одиннадцать хороших приходился один негодяй.

Он строго наказывал преступление, невзирая на звание лиц, и щедро вознаграждал заслуги.

Небо создало этого великого мужа, чтобы посредством его деятельности и его высокого гения учредить порядок, ввести промышленность и науки в

государстве, почти неизвестном соседям; во время своего правления он проявил все добродетели души героической и государя совершенного, всех превосходящего.

Он все делал для своих подданных и ничего для самого себя; одевался он просто, и расходы всего его двора не превышали шестидесяти тысяч рублей в год. У него не было ни камергеров, ни камер-юнкеров, ни пажей; не было и серебряной посуды. Десять или двенадцать молодых дворян, называемых денщиками, и столько же гвардейских гренадер составляли его двор; там не было обычая носить ливреи, а шитья на мужском платье в России вообще не знали»^[240].

Миних не написал, что примерно к 1718 году русские корабельные мастера догнали английских и некоторые даже превзошли их. И тогда царь перестал приглашать из Англии новых мастеров и выпроводил из России нерадивых.

Вскоре по приезде в Москву (точное время установить не удастся) Петр Алексеевич записал Абрама барабанщиком Бомбардирской роты лейб-гвардии Преображенского полка, капитаном которой был сам царь^[241]. Многие добивались служить в этом самом привилегированном полку, его Бомбардирская рота была школой, готовившей офицеров, но в ней Абрам числился лишь формально.

Первым формулярный список А. П. Ганнибала изучал М. Н. Лонгинов, он обнаружил, что Петр Алексеевич взял Абрама на службу в девятилетнем возрасте, и арап «был при всех тех походах и баталиях, при которых Его Величество своею особою присутствовать соизволило»^[242]. Эта запись в формулярном списке сделана со слов пятидесятишестилетнего А. П. Ганнибала^[243]. В посвящении Екатерине I Ганнибал пишет: «Тогда я всеподданнейший имел честь служить с самого моего младенчества, а именно лет с семи или

ось-ми от возраста моего при стопах его величества». Мы располагаем копией всеподданнейшего доклада генерал-фельдмаршала Б. Х. Миниха от 30 апреля 1733 года, приведем из него извлечение:

«Инженерного корпуса капитан Авраам Петров бьет челом вашему императорскому величеству, а мне подал челобитную, в которой написал, что служит он вашему императорскому величеству с 1705 года. И при дяде вашего императорского величества высокоблаженные и вечнодостойные памяти государе императоре Петре Великом был при всех тех баталиях, при которых его величество своею особою присутствовать соизволил, а именно: под Добриным, под Лесным, под Полтавою, при Ангуте, под Прутом и во многих зело трудных походах всегда при его величестве»^[244].

Миних перечислил все главные сражения 1708–1714 годов в ходе Северной войны; во всех этих сражениях русские одержали победу над шведами:

30 августа 1708 года у села Доброе разбит отряд генерала Росса;

28 сентября 1708 года близ деревни Лесная одержана победа над генералом Левенгауптом;

27 июня 1709 года победоносный штурм Полтавы;

1711–1713 года вынужденная Прутская кампания против турок. После блистательных побед русских над шведами Порты, опасаясь нападения России, объявила ей войну;

27 июля 1714 года Гангутское сражение, фактически лишившее шведов флота.

Разумеется, мальчишка во время сражений не исполнял обязанности барабанщика и в атаках не участвовал, но стойко переносил все тяготы походной жизни, не ныл, не жаловался на судьбу, во время баталий находился вблизи поля боя и выполнял поручения царя, а ведь ему, негритенку из знойной Африки, было тяжелее, чем другим. Петр I знал, что на

него можно положиться, что он не подведет. Труса рядом с собой царь не потерпел бы. Старший брат Абрама назвал его «государевым камардином» (камердинер — комнатный слуга, слуга при господине) [\[245\]](#). Вплоть до 1718 года он постоянно находился среди войска, видел раненых и убитых, подвергался смертельной опасности. За эти годы царский камердинер приобрел опыт военного человека на суше и на воде. Присутствие царского крестника при подготовке Гангутской операции и при самом сражении зафиксировано записями в «Камер-фурьерском журнале» [\[246\]](#).

Во время тяжелейшего Азовского похода царь Петр Алексеевич поручил Государева двора подьячему, впоследствии главе Кабинета его императорского величества, тайному кабинет-секретарю, трудолюбивому и преданному А. В. Макарову (1675–1750) вести «юрнал или поденные записки» обо всем, что происходит с царем и вблизи него. Макаров, всюду сопровождавший Петра I, был скромного происхождения, имел влияние на царя. Впоследствии он содействовал возведению на престол Екатерины I, от нее получил чин тайного советника, сделался президентом коммерц-коллегии, в 1732 году был объявлен взяточником, до 1740 года сидел в тюрьме, потом был оправдан.

Первая запись появилась 6 мая 1695 года, когда царь во главе основного войска приближался к стенам турецкой крепости. Вслед за Макаровым тексты в «юрнал» писали разные лица: одни записи удивительно красочны, легко читаются, другие скучны и корявы, почерк неразборчив, встречаются явные пропуски, но все чрезвычайно интересно. Каждая запись проверялась Петром I и правилась его рукою. На черновых листах имеются также пометы генерал-аудитора барона Г.-Ф. Гюйсена. Возможно, записи за 1695 и 1696 годы

читал участник первого Азовского похода генерал Патрик Гордон.

Энергичный царь часто предпринимал отдаленные административные и дипломатические поездки, отправлялся в длительные военные походы. Всегда и везде его сопровождали лица, обязанные вести «поденные записки». Все последующие русские монархи продолжали начатое первым российским императором. С каждым годом «юрнал» приобретал все большую историческую ценность. Сегодня мы располагаем предметом жгучей зависти историков других государств — уникальным документом, запечатлевшим практически все, что день за днем происходило вблизи трона, многое мы знаем только благодаря «поденным запискам».

В царствование Петра I и его вдовы Екатерины I «юрналы» велись главным образом чиновниками Кабинета его императорского величества, учрежденного в октябре 1704 года. В 1727 году, вслед за кончиной императрицы, он был закрыт.

Вскоре по предложению будущего вице-канцлера графа А. И. Остермана возникла новая дворцовая служба камер-фурьеров (*нем.* каммерфурьер — придворный чин, наблюдающий за парадными обедами). Служба то исчезала, то возникала вновь, чин перемещался в Табели о рангах от 9-го до 6-го класса, что соответствовало воинским чинам от капитана до полковника. Камер-фурьеры имели массу обязанностей, в их подчинении находился целый штат низших придворных чинов. Одной из ответственных обязанностей камер-фурьера считалось ведение каждодневных записей. Отсюда пошло укоренившееся название всего корпуса текстов «Камер-фурьерский журнал», хотя в рукописях встречается множество других названий. В царствование Елизаветы Петровны записи, писанные камер-фурьерами, редактировал и приводил в порядок тайный кабинет-секретарь барон И. А. Черкасов,

многолетний друг Ганнибала. Последняя сохранившаяся запись датирована 23 февраля 1917 года.

В 1853 году главноуправляющий Вторым отделением Собственной его императорского величества канцелярии (законодательным) граф Д. Н. Блудов сделал Николаю I доклад о целесообразности издания Камер-фурьерского журнала. Император поручил ему приступить к публикации всего корпуса «поденных записок». В 1853–1857 годах под наблюдением Блудова журнал выпускало Второе отделение Собственной его императорского величества канцелярии, подготовку текста осуществлял литератор Б. М. Федоров, редактировал крупнейший археограф академик А. Ф. Бычков. Из законодательного ведомства издание Камер-фурьерского журнала перешло в Общий архив Министерства императорского двора. Руководство работами легло на плечи сменявших друг друга директоров архива Г. В. Есипова, А. В. Половцова и К. Я. Грота^[247].

Книги журнала печатались до Февральской революции, удалось опубликовать большую часть от всего объема — с мая 1695 года до конца 1817 года. Сначала тираж издания составлял 102 экземпляра, затем его довели до 200. В начале XX века часть первых томов допечатывалась. По мере выхода книг они раздавались или рассылались членам императорской фамилии, немногие дарились наиболее близким к трону лицам. В России сохранилось не более пяти исчерпывающе полных комплектов. Среди записей о придворных церемониях, приемах, обедах нет-нет да и мелькнет упоминание о Ганнибале — некоторые уточнения его деятельности можно почерпнуть оттуда.

Пожалуй, правильнее было бы называть Абрама Петрова все же не камердинером, а царским денщиком (солдат, состоящий при офицере для личных услуг), нередко исполнявшим обязанности ординарца (военнослужащий, состоящий при офицере или штабе

для служебных поручений), что подтверждают записи Камер-фурьерского журнала, касающиеся Петра I.

Походная жизнь, сражения, опасность турецкого плена, проявленная при этом смелость, услужливость и преданность Абрама Петрова еще больше сблизили его с царем. Об одном из свидетельств тому сообщает исследователь жизни и деятельности А. П. Ганнибала Г. А. Леец: «С лета 1714 года он (Петр I. — *Ф. Л.*) обычно останавливался в небольшом домике (ныне Дом-музей Петра I), спешно построенном весной того же года в Екатеринен-тальском (Кадриоргском) парке [Ревеля]. В спальне этого дома и сегодня стоят две простые кровати; одна побольше под пологом служила постелью для Петра, другая поменьше (рама) предназначалась, вероятно, для камердинера. Надо полагать, что этим камердинером в 1714 и 1715 годах был питомец и любимец Петра Абрам Петров — в будущем генерал и обер-комендант города Ревеля Абрам Петрович Ганнибал»^[248].

Известен анекдот, характеризующий крестного и его отношение к крестнику:

«Петр 1-й собирался с Екатериною ехать морем из Петербурга в Ревель. Он брал с собою хирурга Лестока (впоследствии графа и тайного советника) и камергера Жон-сона, сына одного архитектора в Ливонии, женатого на госпоже Медем, которая три раза расходилась с мужем и жила отдельно от него в Ливонии, в Старом Салисе (Vieux-Salis). Накануне отплытия Лесток и Жонсон, заметив царского шута Тюринова, крепко спавшего на палубе, перемигнулись и сыграли с ним следующую штуку. Тюринов носил длинную бороду, которую они накрепко присмо-лили ему к груди. Проснувшись, шут завопил и разбудил царя. Петр вскочил взбешенный, схватил канат и бросился на крики. Шалуны, услышав его шаги, попрятались. Первым попался царю на глаза араб Ганибал и был отхлестан не

на шутку. За обедом Лесток и Жонсон, глядя на несчастного Ганнибала, не могли удержаться от смеха. Петр узнал, чему они ухмыляются, сам расхохотался и сказал арабу: «Я поколотил тебя напрасно; за то, если в чем-нибудь провинишься, напомни мне, чтобы тебя простить». Таких случаев представлялось немало, и Ганибал долго пользовался терпением государя»^[249].

Иоганн Герман Лесток (1692-1767), француз по происхождению, интриган и аферист, был лейб-медиком сначала Екатерины I, а затем Елизаветы Петровны. Фаворит Елизаветы, он был в числе инициаторов переворота 25 ноября 1741 года, после восшествия Елизаветы Петровны на престол был назначен архиатром (главным лекарем империи) в чине действительного тайного советника. В 1748 году он был сослан в Углич, освобожден в 1762 году.

Пожалуй, кроме царя, к юному Абраму отчасти дружелюбно относился С. Л. Рагузинский — он знал его с малолетства, оба были для России инородцами. Значение Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского в жизни Абрама Петрова огромно, они не раз еще пересекутся в Париже и Сибири, не раз рагузинец в будущем доставит крупные неприятности бывшему Ганнибалу. Приведем извлечения из «Обзора внешних сношений России»:

«1708 г. генваря 5 государь Петр I, уважая верную Савы Владиславича Рагузинского службу и усердное радение, оказанное ему, государю, и всему Российскому государству во многих случаях при дворе турецком, пожаловал ему в Москве на Покровке двор, бывший прежде сего боярина Василья Федоровича Нарышкина, в котором заведена была под ведением ингерманландской канцелярии (в 1705 г. февраля 25) для общия всенародная пользы и для учения разных наук всяких чинов людей детей школа, коею управлял Глик, и которой двор 3 сентября 1707 г. в бывший пожар весь

обгорел, а школа переведена была на Новгородское подворье.

1711 г. Он же, Сава Рагузинский, Марта 10 поехал из Москвы и был с государем Петром I в Молдавии при Прут-ской с турками акции.

Сентября 7 дан ему, Владиславичу, диплом от республики рагузинской на графство с засвидетельствованием, что он от знатнейших происходил предков сербских, или иллирийских, и что родитель его был граф Дука Владиславич.

1712 г. июня 3 возвратился Владиславич в Москву из похода.

1714 г. марта 5 он же просил государя поновить ему жалованную грамоту еще на десять лет о свободной ему и прикащикам его как внутри, так и вне России торговле, поелику прежний грамоты срок вышел. Вследствие сего апреля 5 решено подтвердить ему за многия его службы оную грамоту.

1715 г. июня 15 дозволено Саве Владиславичу ехать в Киев и в другие города с купеческими товарами.

1716 г. в начале февраля возвратясь он, Владиславич, из Малороссии, просил дозволить ему съездить в его отечество Италию, снабдить его рекомендательными в Венецию и Рагузу грамотами и написать во оных фамилию его иллирийский граф Владиславич, а не рагузинский. Государь, снисходя на его просьбу, дал 14 июня ему в городе Пирмонте две грамоты в Венецию и в Рагузу, прося явить ему, яко посланному в отечество его не токмо для своих собственных дел, но и для порученных ему от него, государя, во всяких случаях и требованиях его всякое удовольствие.

1717 г. июня 10, по приезде в Париж, Сава Владиславич повторил просьбу свою к государю о признании его и родственников его иллирийскими графами, приложив в доказательство сего два

свидетельства: первое, в Венеции данное ему 20 марта того же года от тамошних дворян; второе от 11 мая того же года за подписанием Викентия Змаевича, архиепископа зарского, папского в Албании, Сербии, Македонии и Булгарии посла. (Какое о сем учинено определение — не видно по делам)»^[250].

В этой последней записи важно вовсе не то, что купец-босниец навязчиво домогался признания его графского достоинства, — Рагузинский назначался русским представителем в Париже, ведавшим финансами и не подчинявшимся послу. В это время там уже находился Абрам Петров. С начала 1716 года Петр I готовился к заграничному вояжу, военные дела шли хорошо, люди, оставленные им управлять державою, четко выполняли все его указания, и он мог позволить себе длительное отсутствие. Все даты и места пребывания царя в этой второй длительной заграничной поездке взяты из труда А. С. Пушкина «История Петра»^[251].

В апреле предполагалась свадьба царской племянницы Екатерины Ивановны (1691–1733), впоследствии бабки несчастного малолетнего императора Иоанна Антоновича (1740–1764) и старшей сестры будущей императрицы Анны Иоанновны (1693–1740). Жениха подыскивал Петр Алексеевич сам, выбор пал на герцога Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского (1678–1747). Будущий родственник нуждался в военной помощи для защиты главным образом от внутренних врагов, поэтому вслед за русским царем в Европу морским путем двигались войска. Петр предполагал воспользоваться сложившимся положением и прибрать к рукам ослабленное междоусобицами государство, сделав его плацдармом для высадки русских солдат на шведский берег. В течение лета 1716 года на территориях немецких княжеств сосредоточилась двадцатичетырехтысячная русская

армия, оснащенная флотом, способным к ее десантированию, что «перетревожило» (А. С. Пушкин) всех европейских суверенов, союзников и врагов России. Впервые «ветхая» Европа услышала хруст собственных ребер под мягкими объятиями молодого восточного соседа. Высадку отложили на год, потом от нее отказались — не понадобилась. Карлу-Леопольду этот брак не помог, уж очень ничтожен был герцог, вскоре он вынужденно покинул герцогство, а в 1723 году практически его лишился.

Ворчливым критикам деяний Петра Великого хотелось бы напомнить о том, что до него защиту России от внешних врагов и охрану общественного порядка внутри страны осуществляло стрелецкое войско. Возникшее при Иване Грозном, оно почти не реформировалось, в конце XVII столетия насчитывало около пятидесяти пяти тысяч человек, подчинялось Стрелецкому приказу^[252] и местным властям, а во время войны — военачальникам. Служба в нем была пожизненная и наследственная, почти как в княжьих дружинах. Значительная часть стрельцов занималась сельскохозяйственными работами, ремеслами, торговлей; войско семьями размещалось преимущественно в особых слободах, где устанавливало свои порядки. Все это сближало стрельцов с посадскими и превращало в подобие сословия. Организованное таким способом войско страдало отсутствием дисциплины и обладало слабой боеспособностью.

После смерти царя Федора Алексеевича на трон в 1682 году избрали десятилетнего Петра. Восставшие стрельцы «вручили царевне Софии правление, потом возвели в со-царствие Петру брата его Ивана»^[253]. Петр не забыл эти дни, гибель половины родичей, кровавое месиво, животный страх. Уже тогда он понял, что стрелецкая вольница и самодержавие не уживутся, что без регулярной армии Россия погибнет. Неслучайно его

мальчишеское увлечение «потешными» отрядами, превращенными царем в Преображенский и Семеновский гвардейские полки, сделалось первыми шагами будущей военной реформы.

Многие страницы «Истории Петра», посвященные борьбе царя со стрельцами и укреплению его самостоятельного правления, несмотря на незавершенность читаются с огромным интересом. Стрелецкий бунт 1698 года прервал присутствие Петра в Великом посольстве, первом его заграничном путешествии. Восставшие намеревались «выкликнуть» Софью, заточенную в Новодевичий монастырь. Бунт стрельцов и поражение под Нарвой в самом начале Северной войны побудили царя срочно взяться за создание новой регулярной армии. В 1701 году Петр упразднил Стрелецкий приказ, в 1705 году, опередив всех европейских суверенов, подписал указ о рекрутских наборах. Реформа шла постепенным вытеснением наименее боеспособных стрелецких формирований хорошо обученными рекрутами.

Не начини Петр I заниматься созданием новой армии, не замени стрельцов рекрутами, не укомплектуй ее современными боевыми подразделениями, чем противостояла бы Россия шведам, полякам, туркам, жадно взиравшим на ее богатства и просторы? Военной реформой Петр Великий защитил Россию от распада. Необходимость реформы предопределила судьбу Абрама Петрова.

19 февраля 1716 года Петр Алексеевич с племянницей-невестой в сопровождении свиты торжественно прибыл в Данциг, там 8 марта они встретились с женихом, свадьбу играли 8 апреля. За время путешествия по Европе русский царь посетил десятки городов почти всех европейских государств, дал массу аудиенций, провел несколько важнейших переговоров, осмотрел различные инженерные

сооружения и механизмы, музеи, парки, дворцы, университеты, лаборатории, мануфактуры. Он просил европейских суверенов не устраивать обременительные пышные приемы, отнимавшие силы и время, вместо них дать ему возможность увидеть как можно больше его интересующего. Царь исколесил тысячи верст в каретах, кибитках на жестких рессорах, в седле и в это же время успел завершить последнюю редакцию «Устава воинского» — первого российского военно-уголовного кодекса. Читая «Историю Петра», невозможно не поражаться энергии этого человека, уму, разносторонности интересов. Одновременно он закупал корабли, коллекции минералов, книги, картины, наблюдал, как «тискают» медали на монетных дворах, интересовался сельскохозяйственными работами и деревенскими ремеслами, нанимал специалистов для работы в России, договаривался об обучении русских в Европе.

Во все время путешествия вплоть до 9 июня 1717 года Абрам Петров был неотлучно при царе, лишь ненадолго покидая его для выполнения различных поручений. Разумеется, ни на переговоры, ни на званые обеды его не брали, но и без этого было чему, где и у кого учиться; присутствуя при царских трапезах с крупными военачальниками и статскими, он многое слышал и впитал.

Приведем в хронологическом порядке несколько выписок из бумаг Петра 1, составленных во время заграничной поездки:

«1716 года октября в 5-й день царское величество указал выдать Абраму арапу на седло, против денщиков, 7 ефимков. Аврам арап семь ефимков принял и росписался»^[254].

9 декабря 1716 года. «Дано Абраму арапу в зачет его жалованья на предбудущий 1717 год 10 червонных, ему

же заплачено, что он по указу царского величества отдал в Фест-фалии нищим, три червонных»^[255].

1716 года декабря в 11-й день. «Царское Величество указал выдать Юрью Кологринову, Алексею Юрову, Семену Баклановскому, Авраму Арапу к празднику Рождества Христова на платье и на рубашки и на обувь по сороку по пяти ефимков албертусовых, человеку с роспискою. Алексей Макаров»^[256].

18 апреля 1717 года. «... отправлены из Кале наперед в Париж его царского величества служители: Авраам арап, Лакоста, три сержанта, Черкасов, солдат Овсяников, которых велено в дороге кормить и квартиры платить из денег его величества»^[257]. Иван Антонович Черкасов (1692-1757) начал службу в провинции, в 1711 году сделался подьячим в московской Оружейной палате, год спустя, замеченный царем, переведен подьячим-копиистом в Кабинет Петра I, вскоре стал кабинет-секретарем. Царь особенно ценил в нем смелость и правдивость, Черкасов не страшился возражать самым влиятельным лицам империи. В поездке по Европе он руководил Кабинетом, царь дважды жаловал его деньгами «против прочих служителей его величества». На многие годы сохранил он дружеские отношения с Абрамом Петровичем, не раз помогал ему в 1740-е годы; он еще много раз встретится с читателем.

Сопровождаемый свитой царь тремя днями позже прибыл в Кале и оттуда через Амьен и Булонь проследовал в Парнас. О его пребывании в этих городах нам известно из писем управляющего армейским округом кавалера де Бернажа, хранящихся в Парижской библиотеке. Приведем отрывок из его письма к неустановленному лицу:

«Имею честь вас известить, что маркиз де-Нель прибыл вчера сюда (в Кале. — *Ф. Л.*) в 11-ть часов утра и имел аудиенцию у царя в час пополудни. Он был им

принят весьма милостиво, и нам показалось, что его величество остался доволен этою честью. Вчера была Пасха, его величество пробыл в своей церкви с 4-х час. утра до 9-ти, после чего он обедал. Я ходил смотреть церемонию; она довольно торжественна, и пение при этом недурно. Царь целовал всех своих вельмож и слуг, и кушал при публике; но после обеда остался наедине с своею свитою, и тут пили до вечера; многие удалились мертвецки пьяными, нам объяснили это обычаем их, по случаю праздника. В 8 часов вечера его величество вышел из дому инкогнито, для посещения своих певчих, квартирующих в харчевне. Попев с ними с полчаса, он возвратился к себе спать. Ради торжественного праздника царь оделся богато, чего он давно не делал, одеваясь очень просто в коричневое платье. На нем была и лента его ордена Св. Андрея.

Прибывший за три часа до него г. де-Либоа (de Liboy) подтвердил мне, что царь, повидимому, намерен здесь (в Амьене. — Ф. Л.) переменить лошадей, а ночевать в Бове, или в Бретёле. Хотя я об этой перемене распоряжения, как вам сообщал, узнал только в полночь, тогда как я, согласно с прежними распоряжениями, полагал, что царь переночует у нас, и стало быть лошади, которых его привезут, пригодятся ему для дороги на другое утро, почему я и не заготавливал здесь свежих лошадей, — однако, несмотря на это, я с пяти часов утра до десяти, успел таки собрать до шестидесяти лошадей, готовых везти царя, в случае, если б он настоял на своем намерении — ехать не останавливаясь. В то же время я сговорился с г. де-Либоа о приводе всех лошадей во двор епископского дома, предоставленного царю за отсутствием епископа, и занятого моими чиновниками, которым поручено было позаботиться об обеде для царя, если бы он прибыл довольно рано, или об ужине, если бы он приехал позже, для ночлега. Маркиз де-Нель (de Nesle), прибыв час

спустя, одобрил эти распоряжения. Один из чиновников был отправлен навстречу царю с тем, чтобы он проводил его до епископского дома; я также отправил за ворота города карету, которую считал нужным предложить царю взамен того экипажа, в роде открытого фаэтона на дорогах, служившего его царскому величеству для проезда из Кале сюда. Так как царь не любит торжественных встреч, то г. наместник, маркиз де-Нель, г. де-Либоа и я, мы ожидали его в доме епископа, в том предположении, что царь на здешней станции сколько-нибудь закусит; как вдруг пришли нам сказать, что царь присылал своего курьера за лошадьми, сел за городом в мою карету и промчался через город, не желая ни останавливаться, ни видеть кого-либо. Он даже до того боялся преследования, что вышел из моей кареты, запряженной парой, не ближе четырех верст от города, потом уж пересел в свою. Таким образом, все мои трехдневные приготовления были напрасны, кроме одного, что свита царская на здешней станции поотдохнула и пообедала. Говорят, царь оттого так скоро проехал через Амьен, что его напугали назойливым любопытством здешних обывателей, а он терпеть не может глазеющей на него толпы. Одно, что меня радует, это исправность, с какою доставлены были царю, во все время его прихотливого путешествия, и экипажи, и лошади»^[258].

Завершая образование в Париже, историк, этнограф и социолог М. М. Ковалевский отыскал в архиве эти письма и снял с них копию; декабрист М. И. Муравьев-Апостол и дочь декабриста П. Н. Свистунова М. П. Свистунова доставили их в редакцию журнала «Русская старина».

В начале «Арапа Петра Великого» автор рисует картину Франции, представившуюся герою романа:

«По свидетельству всех исторических записок, ничто не могло сравниться с вольным легкомыслием,

безумством и роскошью французов того времени. Последние годы царствования Людовика XIV, ознаменованные строгой набожностью двора, важностью и приличием, не оставили никаких следов. Герцог Орлеанский, соединяя многие блестящие качества с пороками всякого рода, к несчастью, не имел и тени лицемерия. Оргии Пале-Рояля не были тайною для Парижа: пример был заразителен. На ту пору явился Law (Джон Лоу. — Ф. Л.); алчность к деньгам соединилась с жаждою наслаждений и рассеянности; имения исчезали; нравственность гибла; французы смеялись и рассчитывали, и государство распадалось под игривые припевы сатирических водевилей.

Между тем общества представляли картину самую занимательную. Образованность и потребность веселиться сблизили все состояния. Богатство, любезность, слава, таланты, самая странность, всё, что подавало пищу любопытству или обещало удовольствие, было принято с одинаковой благосклонностью. Литература, Ученость и Философия оставляли тихий свой кабинет и являлись в кругу большого света угождать моде, управляя ее мнениями. Женщины царствовали, но уже не требовали обожания. Поверхностная вежливость заменила глубокое почтение. Проказы герцога Ришелье, Алкивиада новейших Афин, принадлежат истории и дают понятие о нравах сего времени»^[259].

Герцог Филипп Орлеанский (1674-1723), регент Франции (1715-1723) при малолетнем Людовике XV, дал согласие на обучение Абрама Арапа во Франции; Пале-Рояль был его резиденцией. С финансистом Джоном Лоу мы встретимся чуть позже. Герцог Арман Ришелье (1696-1788), маршал Франции, упоминается Пушкиным в «Пиковой даме». Афинский полководец V века до Р. Х. Алкивиад прославился безнравственностью.

И Петр I, и царская свита оказались в совсем другой Франции. Пушкин не выдумал описанного им общества, но не в это общество попали русские ученики и среди них Абрам Петров.

26 апреля 1717 года Петр I прибыл в Париж, под этой датой в расходных книгах появилась следующая запись: «26-го, переехав 6 миль, обедали в Сендени, 2 мили от Парижа, и тут были до вечера, понеже его величество от того места был в близости, заплачено за обед и за питье и камору всего 36 ливров 7 штиверов. Тогож числа, приехав в Париж, заплачено за корету, в которой ехали от Тюлереи до Л отель Деледигнер (отель «Ледигьер». — *Ф. Л.*), в котором его величество стоял, 4 ливра»^[260]. Утром 27 апреля русского царя посетил регент Франции герцог Филипп Орлеанский, через день состоялась аудиенция у малолетнего Людовика XV.

«В мемуарах Сен-Симона, — пишет И. Й. Фейнберг, — которые являются, как принято считать, важнейшим источником для истории того времени, описана встреча, визит малолетнего короля Людовика XV. Мальчика привезли к Петру, который перебрался из Лувра, где ему не понравилось, в отель «Ледигьер». Тут Петр, желая преодолеть церемонии и проявить внимание — он любил детей, — взял на руки, принял из кареты короля Людовика XV и сказал ставшие знаменитыми слова: «Всю Францию на себе несу»^[261].

Царь не пожелал жить в торжественно-обременительной атмосфере Лувра. О встрече двух суверенов Петр I писал 2 мая 1717 года жене Екатерине Алексеевне:

«Объявляю вам, что в прошлый понедельник визитовал меня здешний каралища, которой палца на два более Луки нашава, дитя зело изрядная образом и станом, и по возрасту своему довольно разумен, которому семь лет»^[262].

Луи де Рувруа Сен-Симон (1675-1755), герцог, член Совета регентства при малолетнем Людовике XV, неоднократно встречавшийся с Петром I в Париже, нарисовал превосходный портрет русского самодержца:

«Петр I, царь Московии, как у себя дома, так и во всей Европе и в Азии приобрел такое громкое и заслуженное имя, что я не возьму на себя изобразить сего великого и славного государя, равного величайшим мужам древности, диво сего века, диво для веков грядущих, предмет жадного любопытства всей Европы. Исключительность путешествия сего государя во Францию по своей необычайности, мне кажется, стоит того, чтобы не забыть ни малейших его подробностей и рассказать об нем без перерывов...

Петр был мужчина очень высокого роста, весьма строен, довольно худощав; лицо имел круглое, большой лоб, красивые брови, нос довольно короткий, но не слишком, и на конце кругловатый, губы толстоватые; цвет лица красноватый и смуглый, прекрасные черные глаза, большие, живые, пронизательные и хорошо очерченные, взор величественный и приятный, когда он владел собой; в противном случае — строгий и суровый, сопровождавшийся конвульсивным движением, которое искажало его глаза и всю физиономию и придавало ей грозный вид. Это повторялось, впрочем, нечасто; притом блуждающий и страшный взгляд царя длился лишь одно мгновение, он тотчас приходил в себя.

Вся его наружность обличала в нем ум, глубокомыслие, величие и не лишена была грации. Он носил круглый темно-каштановый парик без пудры, не достававший до плеч; темный камзол в обтяжку, гладкий, с золотыми пуговицами, чулки того же цвета, но не носил ни перчаток, ни манжет, — на груди поверх платья была орденская звезда, а под платьем лента. Платье было часто совсем расстегнуто, шляпа была всегда на столе, он не носил ее даже на улице. При всей

этой простоте, иногда в дурной карете и почти без провожатых, нельзя было не узнать его по величественному виду, который был ему свойствен.

Сколько он пил и ел за обедом и ужином, непостижимо... Свита за его столом пила и ела еще больше, и в 11 утра точно так же, как в 8 вечера...

Царь понимал хорошо по-французски и, я думаю, мог бы говорить на этом языке, если бы захотел; но, для большего величия, он имел переводчика; по-латыни и на других языках он говорил очень хорошо...»^[263].

Во время переговоров с регентом решался вопрос об обучении во Франции русских юношей военным и инженерным наукам. Царь пробыл в Париже полтора месяца, Абрам все свободное время носился по городу и окрестностям, весь день 23 мая «проездил в Версалию». Петр Алексеевич оплачивал эти полезные развлечения крестника с радостью, в этот же день ему купили отменную шляпу^[264]. 9 июня произошло прощание крестного с крестником, наверное, оба были печальны, привязавшимся друг к другу людям— двенадцать лет арап состоял неотлучно при царе — предстояла долгая разлука. Петр возвращался в Россию, Абрам Петров оставался в Париже для получения образования. Отобедав перед отъездом, царь распорядился выдать «Аврааму арапу достальное его жалование на нынешний 1717 г., по выписке, 15 червонных»^[265]. Обратный путь царского поезда лежал через Амстердам, Магдебург, Бранденбург, Берлин, Митаву и Ригу. «3 октября за Ревелем встретил Государя Апраксин и войско. Царь и подданные плакали от радости»^[266]. 10 октября Петр Алексеевич со свитой прибыл в Петербург.

Абраму шел двадцать первый год, он давно перерос «припорожника». Незаурядные способности молодого человека, знания и опыт, приобретенные им в походах и баталиях, служба при царской особе подтолкнули крестного принять решение оставить крестника в

Париже для обучения военному делу и «главнейше же инженерству». Решение это царь принял еще в России — не оставаться же способному юноше в денщиках или камердинерах, вечным «приживалой». Никто из русских суверенов не пекся так о просвещении, как Петр Великий, лучше других понимая его пользу, он больше нуждался в образованных помощниках. В Париж Абрам привез сундучок с книгами. Вместе с ним приехал его старый знакомый — талантливый молодой человек, царский крестник Алексей Юров (1690–1732), ему предстояло «обучение в науках и делах гражданских и политических». До приезда в Париж Алексей числился царским денщиком, прощаясь, Петр I поручил ему отыскивать во Франции для закупки картины. В некоторых документах он назван «агентом по мануфактурной части»^[267]. После возвращения летом 1724 года в Россию Юров в 1725 году занимался финансами в Академии наук, потом служил в Казначействе^[268]. Вдвоем с Ганнибалом они оказались в чужой стране, без знакомств, деньги исчезали катастрофически быстро. П. П. Пекарский, занимавшийся изучением образования при Петре I, писал:

«Говоря о русских, учившихся за границей во времена Петра Великого, невозможно пройти молчанием обстоятельства, несомненно бывшего важным препятствием тому, чтобы наша молодежь могла приобретать там основательные знания — это недостаток в материальных средствах и вообще крайняя беззаботность, по милости которой молодые русские оставались в отдаленных краях совершенно на произвол судьбы, без всякой почти помощи. Конечно, в этом никто не решится обвинять Петра Великого: он везде и всюду должен был работать за всех, без усталости, часто не имея ни днем, ни ночью покоя. Исполнители его воли, за весьма редкими исключениями, делали только

то, что им наказывал или подтверждал царь, а он, при разнообразии занятий, при многочисленности замыслов, которые ему хотелось осуществлять, легко мог не помнить о подтверждениях раз данных им приказаний. Неудивительно поэтому, что бедные молодые люди, заброшенные «для науки» по разным городам Европы, нередко терпели нужду и всевозможные лишения от недостатка заботливости о них»^[269].

Учеников, отправлявшихся за границу для обучения и получавших от государства содержание (пенсия), называли пенсионерами. Чаще всего Россия посылала для продолжения образования молодых художников. При Петре I и после него, даже в начале XX века русские пенсионеры почти все время пребывания за рубежом страдали от недостатка средств для самого скромного существования^[270]. Особенно тяжело жилось художникам: их ремесло требовало приобретения красок, холстов, карандашей, бумаги. Разумеется, это не относится к дворянским сынкам, имевшим при себе штат слуг и получавшим от родителей немалые деньги.

О жизни и учебе Абрама Петрова во Франции нам известно из его немногочисленных писем, сохранившихся в российских архивах, посвящения Екатерине I рукописной книги «Геометрия и фортификация» и формулярного списка. Попытки Д. Н. Анучина (через французских друзей) и Д. Гнамманку (лично) отыскать во французских архивах документы, имеющие к нему хоть какое-нибудь отношение, ни к чему не привели.

Абрам Петров писал 23 ноября 1726 года Екатерине I о желании Петра Великого облегчить его пребывание во Франции: «Того ради сам монарх великий Отец Отечеству изустно меня рекомендовать соизволил дюку Дюмену принцу Домберу и великому генерал фелтцейхместеру Франции сыну натуральному славного короля французского Людовика Великого; где я имел

честь быть в службе от 1717 году, и дослужился до капитанского рангу, на который ранг имею потенты за рукою его королевского величества Людовика 15 от начала моей службы»^[271].

Эти три высокие персоны, охотно изъявившие согласие покровительствовать юношам из России, ровным счетом никакой помощи им не оказали. Петру I было не до пенсионеров, его целиком поглотило следствие по делу царевича Алексея, не закончилась еще Северная война, а чиновники ничего без окрика царского делать не желали, а может даже и не умели. А. С. Ганнибал, правнучка Абрама Петровича, пишет: «Деньги заграничных учеников пересылались через Савву Рагузинского, и, по-видимому, учеников обсчитывали при промене, да кроме того Джон Ло наводнил тогда Францию бумажными деньгами. Ганнибал и его товарищи неоднократно писали и царю, и кабинет-министру Макарову, жалуясь на свое бедственное положение»^[272]. Не хочется верить, чтобы Рагузинский так бессовестно наживался на нищенствующих пенсионерах и среди них на подростке арапчонке Ибрагиме, и все же это так: дальнейшие события, случившиеся десять лет спустя, косвенно подтверждают, что граф Савва Лукич оказался и не на такое способен. Купец, сделавшийся графом, дипломат, остававшийся купцом, снабжал пенсионеров обесцененными бумажными деньгами, сам же из России получал ефимки^[273]. Возможно, в Париже случился первый конфликт между горячим африканцем, всю жизнь боровшимся с лихоимцами, и боснийцем, никогда на государственной службе не забывавшем о своих интересах.

Финансист Джон Лоу (1671–1729), занимаясь в 1716–1720 годах денежными операциями во Франции, основал частный банк с правом неконтролируемого выпуска банкнот, что привело к подрыву финансовой системы;

пострадавшими оказались многие, а Лоу тайком покинул Францию. Алексей Юров в 1718 году приобрел акции банка Джона Ло, а когда предъявил их к оплате, то обнаружилось, что ловкий финансист объявил себя банкротом^[274]. Участвовал ли Абрам Арап в операции с акциями, мы не знаем. Положение Абрама Петрова и Алексея Юрова сделалось бедственным. Повинным в этом оказался не только Лоу: им не слали и не досылали обещанные царем деньги. Приведем несколько писем к Петру I и кабинет-секретарю А. В. Макарову с воплями о помощи:

Письмо А. В. Макарову от 18 октября 1718 года:

«На плечах ни кафтана, ни рубахи почитай нет, мастер учит в долг. Просим по некоторому числу денег, чтобы нам мастерам дать, но наше прошение всегда вотще, токмо взяли резолюцию обмывать ваши ноги слезами, милосердие отеческое над нами показать, иметь об нас попечение к его царскому величеству о прибавки нам жалования, чтобы нам не явиться к его величеству с пустыми руками, к нашему возвращению в Петербург»^[275].

Письмо Петру I от 5 марта 1718 года:

«Всемиловитый государь!

На что себя определили по желанию нашему, и мы оное управить с совершенным прилежанием, яко должность наша повелевает, вашему величеству обещаем, дабы могли удостоиться вашего милостиваго покрову. Того ради, не имея никакой надежды, ниже какое заступление, опричь единого вашего величества призрения, молим всепокорнейшее о призрении нашего убожества и определить нас своим Государевым жалованием, которым бы нам мочно прожить здесь без долгов. Истинно, яко самому Богу, верно доносим, что в сих странах не можно прожить двумястами сорокью ефимками французскими, без всяких прихотей. Умилосердись, государь, не учини нас отчаянными

исполнить и исполнять по желанию, по должности и обещанию нашему к вашему величеству. Мы не смеем определить сумму, но полагаемся на Ваши Царския и отеческия щедроты и на верное об нас доношение г. капитан поручика Конона Зотова.

Итак, ожидая онаго призрения, пребываем вашего величества сыны и раби преспокойнейше и вернейше — Алексей Юров. Абрам»[\[276\]](#).

Капитан-поручик граф Конон Никитич Зотов (1690–1742), сын первого учителя Петра I думного дьяка Н. М. Зотова, знаменитого «князь-папы», в 1715 году был послан во Францию с поручением «сыскать все, что ко флоту надлежит, на море и в портах». В Париже он оказался почти случайно. Его отец, первый собутыльник царя, нередко исполнявший роль шута, овдовев, решил вновь жениться. Петр Алексеевич, любивший всевозможные грубые развлечения, принялся устраивать потешную свадьбу, в невестах оказалась Анна Ефимовна Пашкова, вдова капитана Стремоухова. Конон, узнав о затее отца, написал царю тревожное письмо, умоляя его отказаться от недостойной шутовской забавы с участием пожилого человека, и отослал его 14 января 1715 года[\[277\]](#). Петр I, ценивший умного, образованного старшего сына «князь-папу», перед самой свадьбой отправил его во Францию, подальше, чтобы не помешал «счастью» отца. Через два года «новообвенчавшийся» умер, а его вдова графиня А. Е. Зотова вышла замуж за нового «князь-папу» П. И. Бутурлина — новая свадьба, новое веселье. Этой свадьбы Абрам Арап, слава Богу, уже не видел.

В обязанности графа К. Н. Зотова входило наблюдение за обучением русских учеников в Париже. Еще до появления там Абрама Петрова он писал в 1717 году А. В. Макарову: «Приняли их в гардемарины весьма ласково и охотно; только прискорбна душа моя даже до

смерти, смотря на их нищету... для чести государевой, я от всей ревности роздал парик, кафтан, рубахи, башмаки и деньги. Желал бы сам быть палачем и четвертовать того, который на смех вас обнадеживал, что здесь гардемаринам хорошее жалование и мундир и квартиры. На день им идет по 12 копеек только, и больше нет ни мундиру, ни квартир. Так мне прискорбно, что легче бы было видеть смерть перед глазами моими, нежели срамоту такую нашему отечеству, и лучше бы их перебить, что просят, нежели ими срамиться и их здесь с голоду морить. Многие хотят в холопы идти, только я их стращаю жестоким наказанием, истинно против своей совести, ибо знаю, что худо умирать с голоду. Надобно одноконечно им присылать по 300 ефимков в год хотя из казны»^[278].

Между двумя этими «воплями» Алексей и Абрам писали Макарову и царю, но никто им не отвечал. Судя по текстам, бедствовали российские ученики жестоко, но царю было не до них, а без его вмешательства никто ничего не решал. Странное государственное устройство российское — один лишь царь в силах решить вопросы быта русских учеников, находившихся за границей.

«Всемиловитейший царь и государь!

Не здоровый ищет врача, но болящий: как я уже конечно нахожуся внешна и внутренне скорбяща, не имеяй иного дохтора, ни лекарства, разве высокою вашего величества милостию исцелити бедность мою можете. Ей, всемиловитый государь, в крайней нищете уже есмь, и препятствует много бедность наша вам угодное по желанию нашему исполнить, ибо вся науки за ничто здесь не даются, но всякая заплаты своей требует. Я никогда не забуду милости-ваго указу вашего величества, который при отъезде Вашем из Парижа нам дан устно не так, как рабам, но как детям своим, дабы не попасться в тюрьму. Но я воистину сего бо-юся, не

ради мотовства, ни гулянья, но ради бедности нашей скорей может статья, ибо милостиво определенным жалованием вашего величества защитить себя двемастами ефимками французскими ни по которому образу невозможно. Умилосердися, великий государь, над бедностью нашею по обыкновенной своей высокой милости, повели прибавить вашего государева жалованья! Призри, милостивый государь и отче, слезно вопиющих к тебе, которые не имеют иныя надежды, ни прибежища, ни заступника, кроме вашего величества!

Истинно, не гипокрицким образом простираем прошение, но слезным, и будем ожидать высокой нам милости вашего величества, всемилостивейшаго нашего царя и государя всенижайший раб Алексей Юров.

Из Парижа, Ноября 1 дня 1718 года»^[279].

Письма, подписанные одним Юровым, имеют также самое прямое отношение к Абраму Петрову, к Петру I обращается он не от себя одного.

«Всемилоостивейший царь государь!

По многом нашем слезном вопле паки ваше величество трудить кровно принуждены о прибавке вашего государева жалования. Истинно, всемилостивейший государь, мучимся совестью нашею, чтобы за такою нашею бедностию не упустить времени; умилосердися, всемилостивейший государь, утверди высокою вашею государевою милостию то, за что ухватились, дабы из рук нам не упустить. Мы видим, колико миллион душ питаются милостивым призрением вашего величества и все радуются, как и мы оною милостию воспитаны; порадуи, всемилостивейший государь, истинно скорбящих, повели прибавить вашего государева жалованья, а нам Сава Рагузинский здесь дает через своего корреспондента только по 200 рублей,

которыми не токмо пропитатися, ни от долгов себя защитить невозможно.

Всемилоостивейший государь
вашего величества всенижайшие рабы
Алексей Юров, Абрам.
Декабрь 24 1718 г.
Из Парижу»^[280].

Абрам и Алексей вместе и порознь продолжали жаловаться на жизнь то царю, то кабинет-секретарю, и опять их письма оставались без ответа. 24 июня 1718 года не стало царевича Алексея, и у царя отыскалось время на прочтение отчаянных криков изголодавшихся парижан. Материальное положение российских учеников временно улучшилось. Жизнь Абрама Петрова в Париже его правнук опишет с фантазией и интуицией в «Арапе Петра Великого». Наверное, изображенная в романе жизнь все же далека от действительности: Абрам всеми силами стремился выполнить то, чего желал царь и он сам, — овладеть специальностью военного инженера, но не светскими красавицами.

В 1720 году предполагалось открыть в Ла-Фере высшую военную школу (Ecole de l'Artillerie) с обучением в ней офицеров артиллерии и инженерных войск. Зачисление в нее иностранца разрешалось только в случае, если он вступит во французскую армию. Рискуя жизнью, Абрам год прослужил в действующих войсках и был принят в военную школу. Об этом его поступке М. Д. Хмыров пишет:

«Между тем, с наступлением 1719 г., Испания и Франция объявили одна другой войну, маршал Берквик повел французскую армию к границам испанским — и Ганнибал, вступив в ряды этой армии, инженерным учеником, участвовал при взятии французами Фонтарабии и Сан-Себастиана, был ранен «в подземной войне» (в траншеях) и, за отличие, награжден чином

инженер-поручика. Дело в том, что царский крестник-арап, усердствуя оправдать надежды на него Петра, хотел непременно попасть в инженерную школу, которая с 1720 г. открывалась в Меце (ошибка, в Ла-Фере. — *Ф. Л.*), но не для иностранцев, не служивших Франции. В этой школе Ганнибал учился почти два года...»^[281].

Возможно, М. Д. Хмыров ошибся лишь отчасти. До открытия в Ла-Фере военной школы подобные учебные заведения во Франции уже существовали, была военная школа и в Меце. Мы не имеем документов, отобразивших учебу Абрама Петрова во Франции до поступления в Лаферскую военную школу. Из его писем нам известно, что он брал частные уроки, возможно, некоторое время посещал классы в Меце^[282]. Для поступления во вновь открытое в Ла-Фере учебное заведение требовалось сдать экзамены по общеобразовательным предметам и представить рекомендательное письмо персоны, близкой к короне. На каждое место претендовали три человека. Абрам Петров поступил с первой попытки. Французские офицеры, обучавшиеся в военных школах, были вполне обеспечены материально, «их содержание соответствовало рангу, который они занимали в корпусе»^[283]. Получал ли Абрам Петров деньги от французских властей, мы не знаем, вероятнее всего — нет.

Ранение в голову, полученное Ганнибалом 17 июля 1719 года в бою под Фуэнтерабией^[284], давало о себе знать всю его продолжительную жизнь. Служба Абрама во французской армии насторожила Петра I, он не желал терять талантливого молодого человека; к тому же до него доползли слухи о том, что французы не прочь оставить у себя храброго офицера^[285]. Пытаясь объяснить свой поступок, Абрам отправил 5 февраля

1722 года А. В. Макарову длинное обстоятельное послание, приведем его заключительную часть:

«Р. S. прошу донести цесарскому величеству, что я был в службе здесь порутчиком инженерским, в котором полку я служил полтора года учеником. Понеже сделали здесь школу новую для молодых инженеров в 1720 году, в которую школу не принимали иностранных, кроме тех, которые примут службу французскую, но я надеялся, что не будет противно его величеству, что я принял службу для лутчего учение, нежели его величество изволит повелит мне пребыть сей год для учение, понеже мы зделали сами без мастеров город для учение атакон разных, также и для подкопов.

Ежели вы разсудите за благо сие мое прошение, чтоб меня оставить на год здесь, также чтоб не противно было его величеству, то прошу вас, моего милостиваго государя и отца, чтобы доложить.

Ежели вы призрите, что будет противно его величеству мое прошение, то не изволте упоминать: я готов ехать с тем, что могу знать и что учил, токмо прошу Христа ради и Богородицы, чтобы морем не ехать.

О школе, о котором я вам доносил, и она не здесь, около Парижа, токмо сто миль в ростояни от Парижа. Но ко мне писали, чтоб приехать в Париж, и я сегодня приехал.

Светлейши князь указ объявил, чтоб ехать в Петербурх; я чаю его светлость писал к двору об моем прошении, чтоб меня оставить на год здесь.

Ежели вы предвидите, что сие будет противно императорскому величеству, вы меня позвольте по своей отеческой милосердие меня охранить от гневу его величества и чтоб не упоминать ничего об моем прошении, что я просил, чтоб здесь остаться.

Мой милостивый государь
батюшка Алексей Василевич, хотя

единую строчку прикажи отписать сюда ваш все послушных

кому изволите, что будет и верны слуга Абрам.
обо мне указ и чтоб мне не упоздать от других»[\[286\]](#).

Учеба в военной школе шла хорошо, открылись незаурядные математические способности Ганнибала, а его усидчивость и чувство ответственности проявились еще в России. Нужда, судя по содержанию писем, Абрама продолжала мучить, финансовые дела не налаживались, почти все время пребывания во Франции накапливавшиеся долги держали за горло. Находиться в разношерстной среде будущих офицеров, среди молодых людей с немалым достатком, стесненному в средствах тяжело; если он при этом еще и иностранец, то особенно тягостно. Пребывание в чужой стране диктует свои условия проживания, накладывает свой отпечаток на поведение, образ жизни, денежные траты. Бывший «припорожник» нигде не упоминает, что он как французский офицер получал жалованье и дела его с 1719 года пошли существенно лучше, а он все продолжал плакаться и назойливо выклянчивать деньги, что не воспринималось ни постыдным, ни зазорным. Справедливости ради заметим, что мы не знаем, какие суммы получал офицер французской армии Абрам Петров, вычитали ли у него (и если да, то сколько) за обучение, получал ли он жалованье, когда учился?..

«Новая школа, — пишет Д. Гнамманку, — открытая под высочайшим покровительством короля, стала первой военной школой, дававшей диплом военного инженера. «Она самая старая из всех, что существовали во Франции, воспитала многие поколения выдающихся офицеров, среди которых такие имена, как Вальер, Грибовель, Друо: среди ее воспитанников-иностранцев — Джордж Элиот, английский генерал, который героически защищал Гибралтар в 1782 году. Занятия

сначала велись в здании, примыкавшем к арсеналу (построен герцогом де Мазреном в 1666 году), а позже и в самой городской крепости, когда последняя была приобретена в собственность казны. Открытие школы повлекло за собой необходимость постройки казарм». Но «работы, начатые в 1720 году, позже приостановлены из-за нехватки денег...». В итоге горожане и даже мэр города были вынуждены приютить учеников новой школы в своих семьях. Логично предположить, что Абрам, первый офицер-африканец, вышедший из дверей этой школы, жил в одной из лаферских семей более двух лет.

В результате по окончании учебы Абрам получил великолепное образование. Ведь среди преподавателей школы были лучшие люди эпохи, например, Бернар Форе де Белидор, автор нашумевшего труда «Краткий курс фортификации и гидравлики» (Париж, 1720). Звание профессора новой школы Бернару де Белидору присвоил сам герцог Орлеанский. Этот факт свидетельствует о том, что самые значительные люди королевства заботились об уровне научного и технического образования учеников школы.

Из писем Абрама можно получить представление о том, как было организовано обучение будущих инженеров. Первые два года — теория: ученики слушали лекции по математике, фортификации, артиллерии и т. д. на последнем году обучения были запланированы и практические занятия. Они состояли в разработке и испытании снарядов и мин. На специальных полигонах будущих офицеров обучали правильно организовывать осаду и строить укрепления, чтобы ей противостоять»^[287].

Покровительство членов королевской семьи и близость расположения к Парижу способствовали привлечению к преподаванию в Лаферской военной школе лучших учителей. Математике, фортификации и

артиллерии Абрам учился у профессора Бернара Форе де Белидора (1698–1761), его имя он помнил всю жизнь, не раз пользовался конспектами его лекций. Окончивший военную школу держал публичный экзамен по математике, баллистике, механике, геодезии, географии, строительному искусству и рисунку (наверное, черчению)^[288]. С некоторыми освоенными Абрамом Петровым дисциплинами в России знакомы не были.

В год поступления царева крестника в военную школу в Париж приехал новый русский посол, крупнейший дипломат Петровской эпохи князь Василий Лукич Долгорукий (1670–1739), сменивший барона Ганса Христофора Шлейница, покинувшего Францию не без стараний А. И. Юрова^[289]. Царь, отправляя во Францию своего «любезноверного» министра, дал ему три поручения: убедить французов сделаться посредниками при «примирении» Швеции с Россией, признать русского царя императором (с 30 октября 1721 года), устроить брачный союз Людовика XV с Елизаветой Петровной. Первое поручение удалось исполнить легко, на второе французы согласились после подписания мирного договора между Россией и Францией, третье отвергли, предложив в женихи дочери Петра I не короля, а на выбор герцога Бургундского или Шартрского, но при условии получения женихом польского трона. Разгневанный оскорбительным предложением Петр I не пошел на эти условия. Вообразите, как бы изменилась наша история, если бы Елизавета Петровна покинула Россию и сделалась королевой польской, как сложилась бы жизнь прадеда Пушкина и история Польши.

И все же Петр Алексеевич остался доволен деятельностью Долгорукого в Париже. Неожиданно в январе 1722 года В. Л. Долгорукий объявил Абраму царский указ о возвращении весной этого года в Россию всех молодых людей, обучавшихся во Франции.

Завязалась нервная переписка, посыпались уговоры оставить его на год для окончания курса наук. При чтении писем нашего пенсионера иногда кажется, что он колеблется — возвращаться ли ему в Россию, от которой за пять лет успел основательно отвыкнуть, не остаться ли во Франции, где образовался круг друзей и начала складываться карьера.

Натерпевшись нужды в чужой стране, бедствуя и голодая первые годы учения, он не ощущал себя здесь чужаком столь остро, как в России. Там в юности грубые, обидные насмешки исходили от челяди, желавшей его унижить и наслаждаться этим, от придворных, видевших его кто шутом, кто лакеем, от администраторов, не доверявших ему, инородцу, от завистников, желавших также близко стоять к царю. Лишь один человек на всю Россию относился к нему с теплотой и любовью — суровый царь Петр Алексеевич, его крестный. Решение о возвращении в Россию, судя по письмам, крестник принял, желая не покидать любимого человека и царя, но и опасаясь быть затерявшимся во Франции.

5 марта 1722 года Абрам Петров отправил А. В. Макарову очередное письмо, приведем из него заключительную часть:

«...Мой милостивый государь, я надеюсь, что его императорское величество оставит меня не прикажет, понеже по отезде своем изволил нам с Алексеем Юровым из уст своих сказать, что ежели мы будем моты или в тюрьму попадем, то бы нам не иметь никакого милости от его величества для наше выкупки, потом изволил сказать, ежели мы будем прилежно учиться, также чтоб иметь доброе житие, то я вас не оставляю. И я вам, мой государь, доношу, что всем русским известно, какое я имел старание к моей учении: искал всякое оказание, где бы можно лучше учиться, также и принял службу, чтоб лучше знать мое дело, где не примали никакого иностранных, кроме тех, которые службу

примут во Франции, то ли я выслужил, живучи при его величестве 17 лет, выгоняют отсюда, как собак, без денег, хотя бы на подъем не давали, ежели не достанет, то бы милостину стал бы просить дорогой, а морем не поеду, воля его величества.

Князь Долгоруки сказал мне, ежели я не доучился, чтоб мне остаться здесь для учение, чтоб доучится, но я боюсь, ежели в будущем году также указ придет, чтобы выгонять, как скотин, без денег, то я пропаду, как собака, лучше я теперь поеду к одному концу — выиграть или пропасть, нежели угодно будет его величеству, чтобы мне здесь остаться год, то как я имел честь к вам писать в моих 2-х писмах, то прошу пожаловать приказать мне отписать. Истенно доношу вам, моему государю, что я не терял время и государевых денег напрасно не проживал, как другие делают. Прошу вас, моего милостиваго государя и отца, донести его императорскому величеству о моем нижайшем прошении Христа ради и Богородицы, понеже я к вам пишу третье письмо, чтоб вам напомнить почаще.

Милостивый Государь

Ваш моего Государя верный слуга Абрам.

Христа ради, мой милостивой государь, прикажите прислать жалования на 1722 год, истенно бумажные денги форанцуские умарили с голоду, что поят и кормят в долг. Ежели не верите, то я вам привезу половину жалования, которое вы изволили прислать на 1721 год»^[290].

Последствия авантюры Лоу с банкнотами все еще не покинули Францию. Нищета русских учащихся отчасти смягчалась поддержкой соотечественников. В частности, Абраму Петрову существенную материальную помощь оказал живший в Париже граф П. И. Мусин-Пушкин^[291]; старался помочь ему заступничеством и В. Л. Долгорукий, 9 марта 1722 года он писал Макарову:

«... Которые учатца другим наукам, держав их столько лет в здешних краях и понещи убыток, а выслать их недоучас, оне будут не ученики, ни мастера, только напрасно пропадет убыток, которой от них понесен, того для не повелит ли его императорское величество дать им время те их науки здесь окончать, как Авраам мне сказал, что ему нужно от сего времени еще год жить, чтоб гораздо видеть практику...»^[292].

Долгорукий хлопотал и об улучшении материального положения русских пенсионеров в Париже, но безрезультатно. Некоторые исследователи полагают, что Абрам Петров в письмах к царю и кабинет-секретарю усугубляет свое бедственное положение, пытаясь подтвердить свои сомнения тем обстоятельством, что он вывез из Парижа «очень порядочную библиотеку, около 400 томов, которая во всяком случае стоила немалых денег»^[293]. Как мог он не привезти нужные ему книги, которых в России нет?.. Вот он и отрывал от еды, гардероба, удовольствий... Из России крестник приехал во Францию с сундучком книг, он понимал ценность книг и знал, как к ним относится крестный.

Жалобы учеников и просьбы Долгорукого возымели успех, жалованье за 1722 год пришло, наконец, в Париж, что подтверждено следующим документом:

«1722, Генваря в 30 день.

Перевестъ из соляных денег в Париж на жалованье нынешнего 1722 года обретающимся там ученикам Алексею Юрову, Авраму Арапу, Гавриле Резанову по 400 рублей человеку, Степану Коровину 350 рублей, итого 1550 рублей (выдать).

Потом рукою секретарскою: те денги перевестъ к послу князю Василью Лукичу Долгорукову, дабы он теми деньгами долги их платил и выслал бы их по указу наперед или с собою вывесь в Питербурх»^[294].

Деньги шли два с половиной месяца, их не хватало на погашение всех долгов и оплату дороги до Москвы. К этому времени крестник окончательно решил возвратиться в Россию под крыло крестного, пусть не доучиться, но вернуться обратно. В последнем из сохранившихся писем Абрама из Парижа он просит А. В. Макарова, «чтобы приказали доложить Его Величеству, чтобы приказал за меня заплатить долг, который я имею — 250 рублей»^[295]. Приведем заключительную часть этого письма, отправленного 11 апреля 1722 года:

«Пожалуй, мой милостивой государь, прикажи надо мною показать милость свою, чтоб я не был оставлен, а что мне велено ехать с его светлостью, и о том прошу вас, моего государя, чтоб к нему отписат, пока он изволит здесь жить в Париже, чтоб меня приказал поить и кормить у себя, чтоб мне опять в долг не входить, понеже я не имею за душою единую копейку, а он сказал: хотя де с голоду умирайте — у меня вам нету хлеба, а мне де на то указу нет, чтоб вас кормить; также, чтоб в дороге нас не оставил, чтоб нас приказал вести на своих и кормить дорогою, чтоб с голоду не помереть.

Прошу вас, моего милостиваго государя для Христа и Богородицы, чтоб приказали доложить его императорскому величеству, чтоб было прислано к нему князю Долгорукому указать по моей прошении в сей грамотке, чтоб мне опять в долги не зайти и чтоб не пропасть от добрых люде, как Мичурин и Лихачинский в Англии, о чем я вас моего государя всегдашны...

...остаюся вам моему милостивому государю
верный и покорный слуга
Абрам»^[296].

На это письмо царь Петр Алексеевич откликнулся лишь через полгода; 16 октября 1722 года он из

Астрахани дал следующее распоряжение канцлеру графу Г. И. Головкину, сменившему в 1706 году умершего Ф. А. Головина:

«Писали сюда из Парижа Абрам арап, Таврило Резанов и Степан Коровин, что они по указу в свое отечество ехать готовы, токмо имеют на себе долгу каждый ефимков по 200, да сверх того, им всем надобно на проезд 300 ефимков. Того для те деньги, как на оплату долгов, так и на проезд их, по приложенной при сем ассигнации, взяв от соляной суммы, переведите в Париж к послу, князю Долгорукову, а буде он уже выехал, то князю Александру Куракину, и отпишите, чтобы их немедленно оттоль отправил в Петербург»^[297].

Расплатившись с долгами, царский крестник мог с чистой совестью покинуть Францию. Назойливые просьбы об отсрочке отъезда из Франции были не напрасны. Ему практически удалось завершить курс обучения в военной школе. Уезжая, он получил патент на чин капитана французской армии. Дождавшись зимней дороги, молодой офицер в начале января 1723 года, приписанный к свите князя В. Л. Долгорукого, двинулся в Россию. А. К. Роткирх не удержался и сочинил совершенно невероятный пассаж по поводу возвращения Абрама Петрова и его встречи с Петром I вблизи Петербурга: «Император получил известие о его приближении, выехал со своей супругой императрицей Екатериной ему навстречу до Красного Села, на 27-ю версту, и назначил затем на 28-м году жизни капитан-лейтенантом бомбардирской роты Лейб-гвардии Преображенского полка, в котором каждый правящий монарх сам всегда являлся капитаном: для чина капитан-лейтенанта в то время было обязательным обыкновением ежедневно без предварительного уведомления являться к своему капитану с докладом»^[298].

В это время Петр Алексеевич находился в Москве. Увы, А. С. Пушкин поверил фантазиям Роткирха и повторил их в «Родословной Пушкиных и Ганнибалов»^[299], а до того в «Арапе Петра Великого»:

«Путешествие не показалось ему столь ужасно, как он того ожидал. Воображение его восторжествовало над существенностью. Чем более удалялся он от Парижа, тем живее, тем ближе представлял он себе предметы, им покидаемые навек.

Нечувствительным образом очутился он на русской границе. Осень уже наступала, но ямщики, несмотря на дурную дорогу, везли его с быстротою ветра, и в 17-й день своего путешествия прибыл он утром в Красное Село, чрез которое шла тогдашняя большая дорога.

Оставалось 28 верст до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагим вошел в ямскую избу. В углу человек высокого роста, в зеленом кафтане, с глиняною трубкою во рту, облокотясь на стол, читал гамбургские газеты. Услышав, что кто-то вошел, он поднял голову. «Ба! Ибрагим? — закричал он, вставая с лавки. — Здорово, крестник!» Ибрагим, узнав Петра, в радости к нему было бросился, но почтительно остановился. Государь приблизился, обнял его и поцеловал в голову. «Я был предуведомлен о твоём приезде, — сказал Петр, — и поехал тебе навстречу. Жду тебя здесь со вчерашнего дня». Ибрагим не находил слов для изъявления своей благодарности. «Вели же, — продолжал государь, — твою повозку везти за нами; а сам садись со мною и поедем ко мне». Подали государеву коляску; он сел с Ибрагимом, и они поскакали. Чрез полтора часа они приехали в Петербург»^[300]. Тут же император представил Абрама Арапа императрице и дочери Елизавете и вскоре принялся его сватать.

Но так бывает в одних лишь романах, монарх не выезжал встречать припорожника, и хоть окончившего

высшую военную школу во Франции. В «Обзоре внешних сношений» за 1722 год читаем:

«Майя 4-го послан указ к находившемуся в Голландии камер-юнкеру и советнику посольства князь Александру

Борисовичу Куракину о бытии ему на место князя Долгорукова при дворе французском; вследствие сего июня 14, выехал он из Гаги, 30-го прибыл в Париж, где имел ав[густа] 1 у короля с государевою от 30 апр[еля] верующею грамотою аудиенцию обще с князем Долгоруковым, из коих последний получа, в Реймсе 18 октября] отпуск, приехал в Москву 27 генв[аря] 1723 года, и являсь государю в селе Преображенском, подал от короля и от регента (от 15 окт[ября] 1722) рекредитивы (отзывные грамоты правительства аккредитованному дипломатическому представителю. — Ф. Л.) с уверением верности и ревности онаго князя Долгорукова в исполнении повелений и искусства в поведении его...

Окт[ября] 17-го отозваны из Парижа обучавшиеся тамо ученики Авраам арап, Резанов и Коровин; за коих и нажитые тамо долги уплачены были»^[301].

Камер-фурьерский журнал за 1723 год под датой 27 января запечатлел следующее:

«Сегодня явился его величеству поутру тайный советник князь Василий Долгорукий, который был министром в Париже и оттуда приехал по указу; а потом после обедни он, Долгорукий, был на аудиенции у ея величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны»^[302].

Наверное, на эту царскую аудиенцию Абрам Петров приглашен не был, впрочем, никаких документов, подтверждающих или опровергающих его присутствие в царских покоях 27 января 1723 года, не обнаружено.

Император остался весьма удовлетворен пребыванием В. Л. Долгорукого в Париже и его коллеги А. Н. Головкина в Берлине, поэтому велел им обоим «в

назначенный день одновременно приехать в Петербург, выехал к ним навстречу за несколько верст от города, в богатой карете, запряженной в шесть лошадей цугом в сопровождении отряда гвардейцев; им было оказано особое уважение»^[303]. Царь посадил послов на самые почетные места и в сопровождении эскорта отправился по главным улицам столицы «ко дворцу», чтобы все видели, сколь ценит он этих своих послов.

Среди участников встречи император мог лицезреть своего крестника и даже выделить его среди других входивших в свиту посла. Н. Я. Эйдельман предположил, что более чем через пол века в голове состарившегося А. П. Ганнибала нарисовалась его встреча с крестным, описанная А. К. Роткирхом с его слов или с пересказа кого-то из его детей^[304]. Чего только не бывает, но все дети и окружающие понимали, что император не мог выехать встречать Ганнибала, даже если император этот — Петр I.

В первые же дни пребывания крестника в России состоялась его встреча с Петром Алексеевичем. За пять с половиной лет отсутствия они отвыкли друг от друга, потребовалось время, чтобы царь присмотрелся к возвратившемуся из дальних краев капитану французской армии; Ганнибал преуспел в языках, фортификации и математике, сделался превосходно образованным военным инженером. О его личных пристрастиях и общем развитии лучше всего можно узнать из реестра книг, приобретенных в России и во Франции и привезенных в Россию^[305]. Книжное собрание насчитывало около четырехсот томов на немецком и французском языках как по военному делу, фортификации, инженерному искусству, так и по истории, философии, географии, литературе и искусству. Анализ реестра показывает, что такой частной библиотекой мог владеть человек весьма образованный, хорошо знавший пользу книги. В первой

четверти XVIII столетия частная библиотека в четыреста томов была большой редкостью. По неизвестным причинам некоторую ее часть в 1726 году Абрам Петров продал в Библиотеку Академии наук, на что имеется соответствующий документ, подписанный первым президентом Академии наук Лаврентием Лаврентьевичем Блументростом (1692–1755):

«По приказу ея императорского величества велено капитану-лейтенанту от гвардии Преображенского полка, Авраму Петрову, за его книги, которые взяты в библиотеку ея императорского величества, выдать денег двести рублей, с роспискою, и на счет академический поставить.

Санкт-Питербурх. 1726 г. марта 26.

Laurent Blumentrost»^[306].

В 1730 году Абрама Петрова арестовали в Селенгинске, оставшиеся у него в Петербурге книги описали и также передали в Библиотеку Академии наук, в 1742 году их возвратили владельцу по описи, поэтому нам известно, каков был состав его книжного собрания.

Петр Алексеевич, безусловно, видел книги, привезенные крестником, и оценил поступок молодого человека, понимая, чем он жертвовал, чтобы их приобрести. Известно трепетное отношение Петра I к книгам, к частным и государственным библиотекам, сколь много он тратил на приобретение изданий, как пекся о развитии в России книгопечатания. При образовании Библиотеки Академии наук в ее основу легло царское книжное собрание. Крестный не разочаровался в возвратившемся в Россию возмужавшем арапчонке, на его прошении о принятии на службу император лаконично начертал: «дать чин»^[307]. О его службе до февраля 1724 года почти ничего не известно. Принято считать, что он получил в заведование Кабинет его величества и одновременно исполнял кратковременные поручения императора. Первое

предположение основано на переписке давно находившегося в отставке генерал-аншефа А. П. Ганнибала и императрицы Екатерины II:

«Абрам Петрович. Мне не безызвестно, что многие чертежи в сохранении вашем находились, в то время когда блаженные памяти государь Петр Великий по способности вашей употреблял вас по многим делам, почему я думаю, что вы сохраняя память сего великаго государя и своей тогдашней при нем службы, сберегли в своих в своих руках все любопытства (Sie) достойныя бумаги. А как мне известно же, что он помышлял о строении канала от Москвы до Петербурга и к тому уже и проект зделан был, то вы мне особливую благоугодность зделаете, ежели чертеж тому отыскав (когда он у вас был), пришлете ко мне со своими принадлежащими к нему бумагами, хотя бы он в чернее только был зделан. Но ежели вы ничего о сем деле в руках своих не имели, то по крайней мере укажите мне, где оный отыскать можно, который я с нетерпеливостию видеть хочу; так же есть ли вы о сем проекте от Его Величества разсуждении слышали, прошу, сколь вы о том вспомните, ко мне отписать, остаюсь к вам доброжелательна ЕКАТЕРИНА

2 Сентября 1765 г. Царское село»^[308].

Последняя фраза написана императрицей собственноручно. А. С. Пушкин располагал двумя писарскими копиями этого письма императрицы. Откуда получены им эти копии, выяснить не удалось. К владельцу оригиналов писем императрицы мы еще вернемся. Подлинник мог поступить в Псковский археологический музей между 1897 и 1903 годом^[309].

Ответ Ганнибала тотчас привез для передачи императрице один из его сыновей, вероятнее всего Иван Абрамович, к тому времени полковник артиллерии.

«Всемиловейшая государыня
На всевысочайшее вашего императорского
величества всемиловейшее повеление я
всеподданнейше доношу: хотя прежде сего счастье
имел при блаженны и вечны достойныя памяти государя
Петра Великого всмотрение моем иметь собственной его
величества кабинет, в котором все чертежи, прожекты и
библиотека имелось; только ныне за долговременноем о
прожекте Московского до Санкт Петербурха канала я и в
разсуждении слышать не упомню, окр-ме о кратчайшей
Першпектива до Москвы, который совершить его
величества всегда напоминать изволил, а после смерти
сего великого государя уже в нонешних временах видел
я книги и другие достопамятныя вещи сего Кабинета в
Академии наук, а как все те прожекты и чертежи всегда
вместе содержались, следовательно и ныне под
сохранением там же быть надлежат или в Архиве
Собственного Кабинета.

Вашего императорского величества,
всемиловейшей Государыне всеподданнейшей раб
А. Ганибал»^[310].

Судя по тексту письма, император поручил Абраму Петровичу исполнять ту должность, которую занимал до него тайный кабинет-секретарь А. В. Макаров. 5 октября 1704 года Петр I поручил подьячему Ингерманландской канцелярии А. В. Макарову разборку и ведение всех «кабинетных дел». Царь решил выделить их в «особое правление» и назвать Макарова секретарем его величества или кабинетным секретарем, а закрепленных за ним писарей и подьячих (канцеляристы, подканцеляристы, копиисты) — Кабинетом его величества, или просто Кабинетом. Штат чиновников во главе с Макаровым составлял 5–8 человек, кроме них — 5—20 курьеров. В 1725 году у Макарова появился помощник — тайный кабинет-секретарь. До 1727 года

несменным главой Кабинета оставался Макаров, пока его не сделали президентом Камер-коллегии, центрального финансового учреждения империи^[311]. Возможно, по поручению Петра I он выполнял отдельные работы... Одновременно Петр I испытал крестника как военного инженера, направив его в Кронштадт и Ригу на строительство фортификационных и гидротехнических сооружений^[312]. Судя по всему, царские испытания он выдержал с блеском, и Петр Алексеевич направил А. Д. Меншикову следующее распоряжение:

«К его светлости князю.

Записано

Господину подполковнику

Абраму (арапу), который во Франции служил капитаном и привез свидетельство, того ради определите его по-рутчиком Бомбардирскую роту к инженерам, которых из молодых в кондукторы надлежит собрать корпоральство из наших полков и их детей, которых тому обучаютца.

Петр.

Питербург.

4 февраля 1724»^[313].

В русской армии кондуктор — воинское звание, присваиваемое сверхсрочникам, обычно ближайшим помощникам офицеров-специалистов. Царь намеревался организовать при Бомбардирской роте лейб-гвардии Преображенского полка своего рода учебное заведение для подготовки офицеров инженерных войск. Почти весь XVIII век русских инженеров в армии почти не было, Петр I желал покончить с зависимостью от иностранных специалистов. Крестнику отводилась ведущая роль, ему поручалось преподавание основных предметов — математики и фортификации. Присвоение новому русскому офицеру чина поручика Бомбардирской роты

(кажущееся понижение в сравнении с капитаном французской армии) объясняется тем, что император был всего лишь капитаном Бомбардирской роты Преображенского полка. Офицеры Бомбардирской роты «преимуществовали чином перед гвардейцами», то есть двумя чинами в сравнении с армейскими, поэтому Ганнибал в общем списке Преображенского полка указан капитан-поручиком. В первой половине XVIII века Бомбардирская рота поставляла для других воинских частей самых образованных офицеров русской армии. Приведем извлечение из «Записок» А. Т. Болотова; вспоминая события 1753 года, он писал:

«У дяди моего нашел я также и несколько математических книг печатных и скорописных, а особливо была у него прекрасная геометрия и фортификация, писанная и черченая самим им в молодости, когда он учился наукам сим у Ганибала»^[314].

Император возложил на него не только преподавание. Петр I лучше других понимал, что нехватка русских книг, «которые у других народов служили по приращению знаний», препятствует «ко введению в России наук и просвещения»^[315]. Особое внимание он уделял переводам, известно, что списки трудов иностранцев, подлежащих переводу, он просматривал тщательным образом и вносил в них правку. Поручая К. Н. Зотову перевод французских книг, Петр I писал ему: «А буде вы из тех книг, которых не изволите знать терминов, то извольте согласиться с Абрамом Петровым»^[316]. Здесь Петр Алексеевич проявил себя как знаток тонкостей перевода.

На закате жизни всесильный император впервые ощутил беспомощность перед изнурительной болезнью и подступом немощной старости, все чаще он желал уединения. На крохотном острове близ финского взморья при впадении чахлой Фонтанки в полноводную Неву, где глазу открываются необозримые дали, монарх

повелел Франсуа де Валлю по чертежам Стефано ван Звитена строить Подзорный дворец. Петр Алексеевич часто бывал в нем и часами в «зрительную трубу» с тоскою смотрел на корабли, гордо скользившие по водным просторам. Тревожить императора в это время не смел никто.

Последние годы его царствования омрачались мыслями о шаткости возведенного им здания и горечью разочарования в самых близких ему людях — Екатерине Алексеевне и Александре Даниловиче, причины были драматические и непростительные. Их спасла кончина императора. Емко и кратко она описана Пушкиным. Напомним читателю, что «Историю Петра» следует рассматривать как развернутый план-конспект лишь начатого труда, имеющего подзаголовок: «Подготовительные тексты». В Российском государственном историческом архиве хранится «Дело о рукописи А. С. Пушкина: «Материалы для истории Петра Велико-го». Это самое точное название того, что мы знаем как «Историю Петра». Александр Сергеевич предполагал дополнить известный нам текст выписками из архивных документов и отредактировать весь корпус; он собирался завершить работу над «Историей Петра» за невероятно короткий срок — полгода — год, но их у него не оказалось. Итак, смерть Петра Великого:

«16-го января Петр начал чувствовать предсмертные муки. Он кричал от рези.

Он близ своей спальни повелел поставить церковь походную.

22-го исповедовался и причастился.

Все петербургские врачи собрались у государя. Они молчали; но все видели отчаянное состояние Петра. Он уже не имел силы кричать и только стонал, испуская мочу.

При нем дежурили 3 или 4 сенатора.

25-го сошлись во дворец весь сенат, весь генералитет, члены всех коллегий, все гвардейские и морские офицеры, весь синод и знатное духовенство.

Церкви были отворены: в них молились за здоровье умирающего государя. Народ толпился перед дворцом.

Екатерина то рыдала, то вздыхала, то падала в обморок, она не отходила от постели Петра и не шла спать, как только по его приказанию.

Петр царевен не пустил к себе. Кажется, при смерти помирился он с виновною супругою.

26- го утром Петр (?) повелел освободить всех преступников, сосланных на каторгу (кроме двух первых пунктов и убийц), *для здоровья государя.*

Тогда же дан им указ о рыбе и клее (казенные товары).

К вечеру ему стало хуже. Его миропомазали.

27- го дан указ о прощении не явившимся дворянам на смотр. Осужденных на смерть по Артикулу по делам Военной коллегии простить, дабы молили они о здравии государевом.

Тогда-то Петр потребовал бумаги и перо и начертал несколько слов неясственных, из коих разобрать было можно только сии: *«отдайте всё»*... перо выпало из рук его. Он велел призвать к себе цесаревну Анну, дабы ей продиктовать. Она вошла, но он уже не мог ничего говорить.

Архиереи псковский и тверской и архимандрит Чудова монастыря стали его увещевать. Петр оживился, показал знак, чтоб они его приподняли, и, возведши руки и очи вверх, произнес засохлым языком и невнятным голосом: *«сие едино жажду мою утоляет; сие едино услаждает меня».*

Увещающий стал говорить ему о милосердии божием беспредельном. Петр повторил несколько раз: *«верую и уповаю».* Увещающий прочел над ним причастную молитву: верую, Господи, и исповедую, яко

Ты еси etc. Петр произнес: *«верую, Господи, и исповедую; верую, Господи: помози моему неверию»*, и сие всё, что весьма дивно (сказано в рукописи свидетеля), с умилением, лице к веселию елико мог устроевая, говорил, — по сем замолк...

Присутствующие начали с ним прощаться. Он приветствовал всех тихим взором. Потом произнес с усилием: «после»... Все вышли, повинувшись в последний раз его воле.

Он уже не сказал ничего. 15 часов мучился он, стонал, беспрестанно дергая правую свою руку, левая была уже в параличе. Увещающий от него не отходил. Петр слушал его и несколько раз силился перекреститься.

Троицкий архимандрит предложил ему еще раз причаститься. Петр в знак согласия приподнял руку. Его причастили опять. Петр казался в памяти до четвертого часа ночи. Тогда начал он охладевать и не показывал уже признаков жизни. Тверской архиерей на ухо ему продолжал свои увещевания молитвы об отходящих. Петр перестал стонать, дыхание остановилось — в 6 часов утра 28 января Петр умер на руках Екатерины.

Екатерина провозглашена императрицей (велеием Меншикова, помощью Феофана и тайного советника Макарова).

В тот же день обнародован манифест.

Полкам в Петербурге роздано жалование. Генерал-майор Дмитриев-Мамонов послан в Москву к сенатору графу Матвееву.

2 февраля напечатана присяга и разослана по всему государству.

Труп государя вскрыли и бальзамировали. Сняли с него гипсовую маску.

Тело положено в меньшую залу. 30 января народ допущен к его руке.

4-го марта скончалась 6-летняя царица Наталия Петровна. Гроб ее поставлен в той же зале.

8-го марта возведено народу погребение. Через два дня оное совершилось»[\[317\]](#).

Великого творца обновленной России похоронили на Заячьем острове в недостроенном соборе Апостолов Петра и Павла. При его погребении Феофан Прокопович воскликнул: «Что се есть? До чего мы дожили? О, Россияне! Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем!»[\[318\]](#).

Умиравший император позвал к себе самую образованную из дочерей. Анна Петровна (1708–1728), невеста, затем жена «высокомерного и медлительного» герцога Карла Фридриха Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского (1700–1739), мать Карла Петра Ульриха, будущего императора Петра III, любимая дочь Петра I. В 1726 году герцог Карл Фридрих был назначен Екатериной Алексеевной первоприсутствующим в Верховном тайном совете, то есть председательствующим при отсутствии императрицы. После ее кончины Анна Петровна с супругом поспешили покинуть Россию, с Меншиковым им ужиться не удалось. Феофан Прокопович (1681–1736) — авторитетнейший церковный деятель, европейски образованный человек, ректор Киево-Могилянской академии, писатель, философ, просветитель, близкий к Петру I, помогал ему в проведении реформ. С Макаровым читатель уже знаком. Иван Ильич Дмитриев-Мамонов (1680–1730), боевой генерал, следил в Москве за «охранением» порядка во время межвластия. Андрей Артамонович Матвеев (1666–1728), государственный деятель, в 1724–1725 годах руководил Московской конторой Правительствующего сената.

Петр Великий видел первые результаты своих титанических усилий, плоды, приносимые ими, но не приобрел уверенности в том, что среди идущих за ним

отыщутся способные продолжить им начатое. Таких, как он, и не обнаружилось, разве что отчасти Екатерина II.

Царь был скуп, прежде всего в отношении себя, его дворец был так мал, а владелец его столь велик, что гроб протаскивали в окно и обратно с покойником тем же путем выносили на невскую набережную.

Россия потеряла великого императора, может быть, самого великого. У Абрама Петрова при покровительстве венценосного крестного все складывалось превосходно; вслед за кончиной монарха для него наступил затяжной период невзгод.

ДОЛГАЯ ПОЛОСА НЕВЗГОД

Прежде чем продолжить описание жизни и трудов Абрама Петрова, отвлечемся ненадолго и поговорим о его фамилии.

Когда у Абрама Арапа появилась новая фамилия, почему и кем она придумана?

М. Д. Хмыров пишет:

«В Ирк[утской] летописи значится: «В декабре месяце [1727], прибыл из Тобольска лейб-гвардии бомбардирной роты, поручик Абрам Петров, араб Ганнибал, для строения Селенгинской крепости»^[319].

По-видимому, Хмыров обнаружил эту запись в журнале «Москвитянин»^[320], но об этом он почему-то умалчивает. Н. К. Телетова сообщает, что запись имелась «в утраченной ныне Иркутской летописи»^[321], и далее цитирует ее, ссылаясь на того же «Москвитянина». В тексте присутствует одна странность: фамилия написана с двумя «н», хорошо известно, что второе «н» появилось не сразу; например, под письмом Екатерине II, написанным в сентябре 1765 года, стоит подпись «А. Ганибал»^[322], в завещании 1776 года прадед поэта именуется «Аврам Петров сын Ганибала»^[323]. А. М. Бессонова без каких-либо

объяснений утверждает, что запись в Иркутской летописи «сделана чиновником Сибирского архива в 1840-х годах»^[324]. После 1727 года во многих официальных бумагах Абрам Петрович значится под фамилией Петров. Пушкинист Б. Л. Модзалевский, не ссылаясь на источники, утверждает, что фамилию «Ганибал» Абрам Петров «присвоил не ранее 1733 и не позже 1737 года»^[325].

Впервые фамилия Ганибал упомянута в официальном документе 1732 года при заполнении ландролле (списка имений или мыз с указанием их размеров и фамилий владельцев)^[326], затем пять лет спустя в «инженерном патенте», подписанным императрицей Анной Иоанновной:

«Аврама Петрова Ганибала, которой нам и предкам нашим служил лейб-гвардии от бомбандир поручиком и в Тобольском гарнизоне майором, а в 1730 году сентября 25 дня определен был в инженер-капитаны, а в прошлом 1733 мая двадцать первого дня за многую ево службу и за слабым здоровьем и за прочими имеющимися у него болезнями от службы нашей по имянному нашему указу отставлен вовсе, но только на тот чин патента поныне ему было не дано, того ради мы сим жалуем и учреждаем, повелевая всем нашим памянутого Аврама Петрова Ганибала за нашего инженер-капитана в ранге сухопутного майора надлежащим образом признавать и почитать. Во свидетельство того мы сие собственною нашею рукою подписали и государственною нашею печатью укрепить повелели.

Дан в Санктпетербурге лета 1737 февраля в 7-й день АННА»^[327].

Возможно, Абрам Петрович подвергался насмешкам: негр Петров, долго живя в России, начал понимать, что лучше бы внешности соответствовала и фамилия. Нет

оснований предполагать, что кто-то вынудил его сменить фамилию или придумал для него новую, и уж конечно же следует отказаться от утверждения, высказанного некоторыми исследователями в середине XX века, что фамилию Ганнибал придумал А. К. Роткирх.

Парижанин Гнамманку отыскал наиболее правдоподобную историю происхождения фамилии Ганнибал:

«Это имя напоминает нам самого знаменитого африканского полководца античности, победителя римлян — Ганнибала Карфагенского. Оно также схоже по звучанию с именем другого африканца, уже Абрамова современника, который служил во французской армии при великом Людовике XIV и судьба которого во многом похожа на судьбу героя этой книги. Звали его АНИАБА.

Аниаба, сын короля Зенана Ассинского, был усыновлен Людовиком XIV в 1701 году. Крестил его епископ Боссюэ в соборе Парижской Богоматери. При крещении ему было дано имя Луи (Людовик) Жан Аниаба. Во Франции он прожил шестнадцать лет. Получил военное образование, дослужился до звания капитана и должности командира кавалерийской роты.

К тому времени, когда Абрам в 1717 году попал в Париж, черный крестник французского короля уже уехал на родину в Африку. Естественно, прожив шесть лет во Франции и также дослужившись до капитанского чина, Абрам не мог не узнать истории этого человека. Не исключено, что французские офицеры, сослуживцы Абрама, которые знавали в свое время Аниабу, стали и Абрама звать этим именем. Это имя, возможно, даже стало его прозвищем, во время службы во французской армии. Тем самым имя Ганибал (Анибал) могло быть трансформацией имени Аниаба»[\[328\]](#).

И. В. Данилов, побывавший на родине Ганнибала, обратил внимание на человека с именем Нибаль и узнал,

что это распространено имя. Сходство с Анибаль — так звучит по-французски Ганнибал — очевидно^[329].

А. М. Букалов предложил свою версию объяснения фамилии Абрама Петровича. Напомнив, что иногда новому петровскому дворянству фамилии «выводились» из прозвищ, перечисляя известные прозвища Ганнибала, он спрашивает: «Почему бы не предположить в этом же смысловом ряду и другие прозвища арапа — Дикарь, Каннибал? А отсюда уже один шаг до Ганибала»^[330]. Маловероятно.

Журналист Н. П. Хохлов выдвинул совершенно невероятную версию, не имеющую даже самых слабых подтверждений: будто Рагузинский придумал Абраму фамилию Ганнибал, «дабы Петр ни на йоту не усомнился в ревностном выполнении его приказа. Нет, не с улицы схвачен перво-попавшийся на глаза «черненький», а из хорошего рода, из громкой фамилии Ганнибалов!»^[331] Был ли достаточно знаком с историей Рима купец Рагузинский? Отчего Абрама сразу не назвали Ганнибалом? Так ли нужен был Петру Великому арапчонок голубых кровей? Мы знаем, что царя прежде всего интересовали способности, трудолюбие и честность, но не происхождение, цену происхождению он знал.

А. М. Бессонова обнаружила, что в Эстонии фамилия Ганнибал имеет широкое распространение, но никто из ее носителей в родстве с Абрамом Петровичем не состоял. Известно, что он с семьей почти безвыездно жил в Эстляндии с 1731 по 1746 год. «Невольно напрашивается вывод, — размышляет А. М. Бессонова, — что эта фамилия появилась в Эстонии и была немецкого происхождения. Надо полагать, что произошла она, как и большинство фамилий, от прозвища. Этим прозвищем могла впервые назвать его жена немка Христина Матвеевна урожденная фон Шеберх, зная его характер.

А что же означает слово «ганнибал»? Это сложное слово состоит из двух: Hahn и Ball, вместе они создают Hahniball. Вполне можно предположить, учитывая свойства африканского характера Абрама Петровича, что данное слово могло в переводе звучать примерно так: «вспыльчивый», «шумный», «крикливый», «горячая голова», и это вполне сочетается с характеристикой, данной профессором антропологом Д. Н. Анучиным: «Относительно Абрама Петровича известно, что он был горяч, сварлив, упрям, ревнив и скуп...».

А. П. Ганнибал великолепно знал историю, а поэтому прозвище, ассоциирующееся с именем знаменитого карфагенского полководца, вполне ему импонировало. И оно превратилось в фамилию»^[332].

Версия Бессоновой объясняет появление эстляндских Ганнибалов: крепостные нередко получали фамилии своих помещиков.

Читателю предстоит решить, какая версия в его представлении более правдоподобна, наверное, могут быть выдвинуты и другие объяснения. Нам представляется наиболее достоверным предположение Д. Гнамманку, разумеется, если Луи-Жан Аниаба не плод фантазии автора-парижанина или кого-нибудь другого. Вполне возможно, что имя Аниаба стало прозвищем для всех темнокожих офицеров французской армии (вспомните Визапура), возможно, друзья-французы именно так Абрама и называли, а он вовсе на это не обижался. Но не следует исключать обнаруженного Даниловым имени Нибаль: Абрам Петрович мог помнить это имя, помнил же он название родного города.

После кончины Петра Великого Абрам долгие годы чувствовал себя осиротевшим, но более свободным без его строгого надзора. Ничем более не связанный с крестным, кроме искренней любви к нему, светлой памяти о нем и глубочайшей благодарности за покровительство и активное участие в своей жизни,

Абрам Петрович Петров решил сменить фамилию на более подходящую к его происхождению. Произошло это не позже 1737 года. Помня о прославившемся африканце, кавалерийском офицере французской армии, и вовсе не обидном прозвище Аниаба, он трансформировал его в Анибала, затем в Ганибала. Второе «н» не появилось и в 1776 году в завещании^[333]. Последнее из сохранившихся писем Ганнибала, отправленное до ноября 1780 года, имеет подпись с одним «н»^[334]. Следовательно, второе «н» впервые обнаруживается в «Немецкой биографии». Наверное, к этому Роткирха побудило желание вплотную приблизить своего тестя к великому африканскому полководцу. Автора биографии вполне устраивала его бесспорно африканская фамилия. Сыновья Абрама писали свою фамилию с двумя «н»^[335]. Сегодня крестник Петра Великого известен как Абрам Петрович Ганнибал.

Осенью 1724 года Ганнибал был послан в Ригу для участия в реконструкции крепостных сооружений, там и застало его трагическое известие о смерти императора. Петербург поблек, сделался тревожно чужим, прежняя, еще вчерашняя жизнь словно оборвалась. На сцене появились другие люди, вернее, те же, но игравшие иные роли. Покровительствовавшие ему в угоду покойному монарху, встречая его, делали вид, будто не замечают. Он ощутил презрительно холодное к себе отношение, ему сделалось одиноко и неуютно, растерянность не покидала его, с тоской вспоминался крестный, его наставления, поучения, шутки и даже наказания.

Более чем через столетие после описываемых событий двадцатитрехлетний А. С. Пушкин, находясь в Кишиневе, в «Заметках по русской истории XVIII века» писал 2 августа 1822 года:

«По смерти Петра I движение, переданное сильным человеком, все еще продолжалось в огромных составах

государства преобразованного. Связи древнего порядка вещей были прерваны на веки; воспоминания старины мало-помалу исчезали. Народ, упорным постоянством удержав бороду и русский кафтан, доволен был своей победою и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр. Новое поколение, воспитанное под влиянием европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвещения. Гражданские и военные чиновники более и более умножались; иностранцы, в то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластический педантизм по-прежнему приносил свою не приметную пользу. Отечественные таланты стали изредка появляться и щедро были награждаемы. Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностию подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности, и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе»^[336].

Мы привели здесь первый абзац «Записок о русской истории XVIII века» — так называли их редакторы, автор же перед текстом поставил « № 1 ». Написаны они задолго до начала серьезных занятий Александра Сергеевича историей. Некоторые неточности автора легко отыскиваются, не будем его критиковать — он «наше все».

У сына Петра I царевича Алексея (1690-1718) и его жены Шарлотты Христины Софии кронпринцессы Брауншвейг-Вольфенбюттельской (1694-1715) были дочь Наталья (1714-1728) и сын Петр (1715-1730). После гибели отца они осиротели, царь Петр Алексеевич о внуках не заботился, они росли среди чужих людей, не получая надлежащего воспитания. Согласно традиции бесспорное право на трон после кончины первого

русского императора имел его внук Петр Алексеевич, племянник императора Священной Римской империи Карла VI (1685–1740) Австрийского по материнской линии. Неприязнь к сыну Петр I перенес на внука и с самого начала не видел в нем своего преемника. 5 февраля 1722 года он подписал «Устав о наследовании престола» и объявил в нем, что суверен не ограничен ничем при назначении преемника, сломав тем самым традиционный порядок престолонаследия.

В мае 1724 года в Успенском соборе Московского Кремля по всем установившимся столетиями традициям волею Петра Алексеевича состоялась церемония коронации его жены Екатерины Алексеевны (1684–1727) и провозглашение ее императрицею. Близкие к Петру I лица полагали, что он таким образом возвел преграду перед троном для своего внука, препятствующую его восшествию на престол. Монарх не успел провозгласить наследника престола. Благодаря стараниям А. Д. Меншикова и поддержке гвардии власть получила вдова Петра Великого Екатерина Алексеевна.

Смерть монарха и восшествие на престол другого в период с 1725 до 1762 года сопровождались в России тревожными событиями с поблескиванием гвардейских штыков и угрозами кровопролития. Историки называют это время эпохой дворцовых переворотов. За тридцать семь лет на русском троне восседали Петр I, Екатерина I (1725–1727), Петр II (1727–1730), Анна Иоанновна (1730–1740), Иоанн Антонович (1740–1741), Елизавета Петровна (1741–1761), Петр III (1761–1762), Екатерина II (1762–1796). Когда умер крестный отец Абрама Петровича Ганнибала, ему шел двадцать девятый год, до его шестидесятишестилетия сменилось семь суверенов — многовато. Происходившее вокруг трона оказывало влияние на жизнь припорожника Абрама Арапа, порой — сильнейшее.

Итак, престол после Петра Великого наследовала его вдова, не умевшая и не желавшая заниматься государственными делами, ей требовались ежедневные развлечения, ничто другое ее не интересовало. Наслаждаясь властью, державой управлял светлейший князь, президент Военной коллегии, генерал-губернатор С.-Петербурга, фактический глава Верховного тайного совета всемогущий Александр Данилович Меншиков (1673–1729). Практичный и, как казалось ему, дальновидный светлейший князь убедил Екатерину Алексеевну объявить наследником престола внука Петра Великого подростка Петра Алексеевича с обязательством взять в жены его, Меншикова, дочь.

Вдруг, не без согласия Меншикова или по его подсказке, Екатерина Алексеевна вызвала бывшего «припорожника» и поручила ему, не оставляя преподавание в Бомбардирской роте, обучать математике и основам фортификации будущего императора Всея Руси Петра II. Возраст наследника престола, легкомыслие и вздорный характер доставили Ганнибалу немало хлопот. Это, казалось бы, удачное назначение обернулось для арапа фактически первой бедой.

Абрам Петрович не только преподавал кондукторам и наследнику престола, он занимался практической инженерской деятельностью и, кроме того, написал учебник «Геометрия и фортификация». В его основу легли конспекты лекций профессора Б. Ф. Белидора и книги, привезенные из Франции. Двухтомную писарскую копию этого труда 23 ноября 1726 года автор преподнес императрице с вставленным в первый том предисловием — посвящением. Оригинал не сохранился [\[337\]](#).

Поскольку текст посвящения принадлежит Ганнибалу и содержит его биографические данные, приведем его целиком:

«Всепресветлейшая императрица государыня
Ежели мое дерзновение нынешнее будет
простительно, то есть тому притчина. Его величество,
блаженныя и высо-кодостохвальныя памяти Петр
Великий, Отец Отечества, ваш государыня любезный
супруг, потому что всегда имел свои принципиальныя
труды Марсовы, чему и ваше величество последуете; и я
не возмогу лучше оная славныя учения поднести, токмо
неусыпно и неутруждаемо по нем во всех делах
наследнице.

Вся Еуропа удивлялася его императорскому
величеству. И уверена была через некую фабулу,
которую сказывали прежде сего о трудах Марса короля
траскаго, которого и обоготворили нынешния же
истории скажут истинную правду о трудах Петра
Великаго. Его величество никогда не делал, чтоб не
было полезно к услуге и к покою своему народу и к
славе своего владения. Тако и ваше величество во всем
том его величеству подражаете.

Тогда я всеподданнейший имел честь служить с
самого моего младенчества, а именно лет семи или
осьми от возраста моего при стопах его величества,
такжде и вашего Величества, и был мне восприемником
от Святыя Купели его величества в Литве в городе Вилне
1705-м году; а в 1717-м году изволил своим
несравняемым в свете милосердием меня оставить во
Франции для обучения военных дел. Того ради сам
монарх великий Отец Отечеству изустно меня
рекомендовать соизволил дюку Дюмену принцу Домберу
и великому генералу фельд-цейх-мейстеру Франции
сыну натуральному славного короля французского
Людвика Великаго; где я имел честь быть в службе от
1717 году, и дослужился до капитанскаго рангу, на
которыя ранги имею патенты за рукою его королевского
величества Людвика 15 от начала моей службы.

А когда мир славной которой его величество соблаговолил дать короне Шведцкой с таким авантажем, что едва можно изобресть в историях всего света, в пользу своим верным подданным Российской империи, что все четыре части Земли были наполнены от звону трубы Фамы о славе героической его императорского величества, то мне было сатисфакция слышать при армии сочиненной почитай всеми славными народами эвропскими, где реномея распустила славу нашего пресветлого Российского Марса труды; что ненадобно было вопрошать, понеже сила самая истинная исторгала из уст многих, которая натурално имели ненависть к распространению славы Империи российския.

Тогда я указ Его Величества о моем возвращении получил, и себя дегажировал (освободил. — Ф. Л.) честным маниром из службы короля французскаго, и поехал в Россию в таком намерении, чтою принести мой живот на жертву для интересу моего государя, который мне дал свет и учение: я имел честь по моем возвращении в Россию обнять стопы вашего величества в 1723-м году, и его императорское величество соизволил своею обыкновенною милостию сиротам меня определить в свою роту бомбардирскую лейтенантом, а изуственным указом повелел мне обучать молодых ундер-офицеров и салдат лейб-гвардии архитектуре милитарис. Неусыпным тцанеим и радением его величество, отечески желая в Российской империи всякое учение в совершенство привести, Петр Великий денно и нощно попечения имея о сей науке милосердуя о народе своем особливо указал, чтоб российский народ обучался всяким наукам не токмо в главных академиях, но и в войске при полках указал быть школам для обучения некоторых частей инженерства.

Того ради сия книга фортификация и геометрия практика переведена с французскаго на российския,

выбрана из книг славных разных авторов и искусных инженеров, в которой находится все части геометрии и фортификации, какова есть при сем; с показанием практики со всеми циркульными приемами и с некоторою частью вымеривания партикулярного действующаго к строению фортификаций и иных пропорций.

Того ради вашему императорскому величеству всеподданнейше подношу сии мои малая труды под протекцию августейшим вашим стопам, надеясь, что ваше величество как во всех делах наследствуете мужу славному Петру Великому, славная и великая государыня Екатерина, тако соблаговолит ваше величество усмотрит сию книгу колика потребна быть может молодым людям, желающим учения но и совершенным инженерам.

Вашего императорского величества нижайший раб
Абрам Петров»^[338].

Подношение было принято благосклонно, но обычных в подобных случаях чинов и наград не последовало.

Императрица скончалась 6 мая 1727 года, в тот же день злобный Меншиков отправил восьмидесятидвухлетнего графа П. А. Толстого в Соловецкий монастырь, отобрав у него чины и деревни; через день А. П. Ганнибал получил одобренное его учеником императором Петром II следующее распоряжение, продиктованное и подписанное светлейшим князем Александром Даниловичем:

«1727 Мая в 8 день, по его императорскаго величества указу, Государственная коллегия приказали лейб гвардии Преображенскаго полку от бомбардирпоручика Абрама Петрова отправить немедленно в Казань и велеть ему тамошнюю крепость осмотреть и каким образом его починить или вновь запотребно разсудить сделать цытадель, тому учинить план и проект, а

осмотря ее, в военную Коллегию отписать на почте, а которому числу тот план и проект поспеть может и отправить его на почте и дать ему почтовые подводы прогона из Казначейской конторы и о выдаче тех прогонных денег в Казначескую контору послать указ, а о подорожной в Ямскую канцелярию преамеморию, а в Казань к губернатору для ведения и о поможении послать указ же. Подленной приговор закреплён тако: Александр Меншиков»^[339].

В Казани бомбардир-поручик пробыл двадцать пять дней и получил новое распоряжение А. Д. Меншикова:

«Почтенны господин лейб-гвардии от бомбардирпорутчик Абрам Петров.

Его императорское величество указал ехать тебе в Тобольск и по инструкции губернатора князя Долгорукова построить крепость против сочиненного чертежа; того ради вам указом его императорского величества предлагаем, — изволь туда ехать без всякого замедления, понеже в строении той крепости состоит необходимая нужда, а чертеж пошлется к вам на предбудущей почте, а которого числа ордер получит и когда отправится, о том репортуй к нам в немедленном времени. Из Питергофа мая 28 дня 1727 года, Александр Меншиков»^[340].

На этом письме Абрам Петрович сделал помету: «с тем прибыл я в Тоболск и отправился на границу китайскую к Савве Рагузинскому».

Из Тобольска Ганнибал 25 октября писал друзьям в Петербург. Не получая ответа ни на одно письмо, он все же просил, чтобы они посодействовали его возвращению из далекой Восточной Сибири^[341].

Спешка при удалении Ганнибала из столицы предпринята светлейшим по двум причинам: «Абрам

Петрович был Меншикову неудобен из-за своей осведомленности»^[342], нередко он оказывался свидетелем неблагоприятных, оскорбительных действий Петра I в отношении светлейшего, бывший «припорожник» знал о его лихоимствах и был свидетелем превращения Алексашки во всемогущего временщика, самую влиятельную персону империи. Кому приятно видеть такого свидетеля? Но ссылка не заставила Абрама Петровича забыть то, что он знал. На худшее в отношении Ганнибала Меншиков почему-то не решился.

Оказавшись после кончины крестного в тревожной пустоте, Ганнибал прибил к кружку, группировавшемуся вокруг умной и честолубивой княгини Аграфены Петровны Волконской (ум. 1732), в девичестве Бестужевой, любимой гоф-дамы Екатерины Алексеевны^[343]. У нее собирались прежние знакомые Ганнибала, возмущенные происходившим вблизи трона после смерти Петра Великого. Среди них был близкий друг Ганнибала И. А. Черкасов, возможно, он привел Абрама Арапа к Волконской. В конце царствования Петра I Иван Антонович сделался близким ему лицом, тайным кабинет-секретарем, помощником Макарова. Меншиков люто ненавидел его за правдивость и нежелание скрывать от царя резко отрицательное к нему, Меншикову, отношение. В кружке обсуждались бесчинства Меншикова, его возвышение и стремление узаконить захваченную им власть путем предполагаемого брака его дочери с наследником престола. Было решено, что Волконская пойдет к императрице и «раскроет ей глаза», но этого не случилось: княгиня не успела, Екатерины Алексеевны не стало.

Меншиков знал о существовании кружка, о происходивших в нем бурных обсуждениях его деяний. Обнаружилось, что учитель будущего монарха —

представитель враждебной Меншикову группы вот-вот встанет рядом с трон и сможет нашептывать юному суверену без помех все что угодно, и светлейший решил убрать Ганнибала из столицы первым. За ним последовала княгиня А. П. Волконская, но на жительство в Москву. 8 мая к ней неожиданно явился кабинет-секретарь А. В. Макаров и потребовал передать ему все бумаги, находившиеся у нее. Вслед за Макаровым прибыл секретарь Меншикова А. Яковлев и объявил распоряжение генерал-губернатора покинуть Петербург немедленно^[344].

23 мая из столицы в Москву выслали И. А. Черкасова «за разные скверные дела», вскоре он оказался в Астрахани, затем в Казани. Ему очень повезло, Меншиков должен был с ним расправиться куда суровее — неприятностей из-за Черкасова у светлейшего было предостаточно. Иван Антонович не желал терпеть оскорбительных унижений Меншикова, а Петр I в их скандалах принимал сторону своего секретаря и сурово наказывал Алексашку. 29 ноября 1741 года Елизавета Петровна вернула Черкасова ко двору и назначила «для отправления комнатных письменных дел». Императрица выделяла Ивана Антоновича из числа других чиновников — скромный, исполнительный, честный, «суров и упрямец, но любил порядок и справедливость», его роль при дворе была весьма заметной, ему поручалось готовить и писать важнейшие указы, в 1747 году императрица назначила его членом Коллегии иностранных дел, вскоре он сделался правой рукой канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина. В 1742 году Черкасов получил титул барона, в 1745 — чин тайного советника, а в 1757 — действительного тайного советника (второй чин в Табели о рангах) и орден Александра Невского. По желанию Елизаветы Петровны он входил в число десяти самых влиятельных

сановников империи. Ох, как туго пришлось бы Абраму Арапу без сердечного друга юности Ивана Антоновича.

Кроме Меншикова у бывшего «припорожника» был еще один могущественный враг — Верховный тайный совет. Этот высший законодательный орган Екатерина I учредила именным указом от 8 февраля 1726 года, его главой формально являлась императрица, но ведущую роль играл Меншиков. По указу от 4 августа 1726 года акты, подписанные членами Верховного тайного совета (верховниками), приобретали силу закона. После смерти Екатерины Алексеевны Верховный тайный совет взял на себя функции регента малолетнего Петра II. Совету подчинялись Сенат, Синод, основные коллегии и Главная полицеймейстерская канцелярия. После смерти Петра II верховники отказались признать право строптивой незаконнорожденной дочери Петра Великого Елизаветы Петровны на престол, предпочтя ей более покладистую, как им казалось, Анну Иоанновну, но с некоторыми ограничениями самодержавной власти, изложенными в «Кондициях» (лат. — условия). Анна Иоанновна согласилась на условия верховников, затем прилюдно надорвала «Кондиции» и манифестом от 4 марта 1730 года упразднила Верховный тайный совет^[345], не дождавшись коронации, состоявшейся 28 апреля 1730 года^[346]. Так быстро после избрания на престол коронация в России не устраивалась никогда, более того, вскоре она распорядилась издать первый в России коронационный сборник^[347].

Новая императрица опасалась действий сторонников ограничения императорской власти, вот и спешила упрочить свое положение.

Наверное, существовало несколько причин преследования верховниками Абрама Арапа, одна из них — его африканское происхождение: не желали Рюриковичи видеть подле себя чужака. Позже

обнаружилось, что против него интриговал ловкий Рагузинский.

Из Казани 27 июня и Тобольска 25 октября и 15 ноября 1727 года Абрам Петрович, не зная о ссылке Волконской, отправил ей письма с просьбой о заступничестве^[348]. В состоянии растущего беспокойства и непонимания с ним происходящего, 27 июня он просит Волконскую, чтобы о нем не забыли его друзья по кружку: «...чтоб прислали поскорее деньги, чтоб мне не умереть с голоду в Сибири, понеже при себе имею очень малое число денег; такожде вас прошу, чтоб я не был оставлен в вашей особой милости наипаче в письмах; прости, моя государыня, чаю, что в последнее к вам пишу, может быть, больше не увидимся; к тому же может быть, зашлют меня в пустые города, так что в 20 лет собака не проедет; еще прости и вспомни мое бедное житие и изгнание, которых я претерпевал»^[349]. Но заступиться никто не мог, а кто мог — не пожелал. 27 июня 1727 года, имея предписание ехать в Тобольск, он в отчаянии обратился к Меншикову:

«Светлейший князь, премилостивый государь!

Прошу слезно высококняжескую светлость, дабы показать надо мною, сырым и беспомощным, свою отеческую милосердие, которую ваша княжеская светлость всегда обывала являть от своей природы бедным людям и сиротам. Всему свету известно о великодушии вашего высококняжеской светлости, как изволил всегда окордовать пардоны сущим своим неприятелем, а я, последняя креатура, чем дерзнул против вашего высочества и подвиг гнев ваш на себя ни в моем уме и во сне мне не грезывался, чтоб мысли, что противно ему было кроме того, что всегда прославлял ваше великодушие, колико я, бедной и беспомощной сирота, достоин всякого вашего милосердия.

Извесно самому его высококняжеской светлости, что я всегда имел надежду на него и многократно обнимал

стопы вашего высочества и слезно прашивал на словах в неоставлении в своем высоком милосердие, на что мне милостиво соизволили окордовать не оставить. И по таком милосердном обещании всегда пребывал и пребываю доднесь в той надежде, и молю у вашего высочества кровавыми слезами сиротскими, дабы явить надо мною свою Божескую милосердие, понеже вашему высочеству самому извесно, какой я инженер, и моего имени в таком достоинстве не бывала, понеже указ, которой я всенижайше вручил от его императорского величества высокодостохвальной памяти в 1724 году к вашему высококняжеской светлости, токмо чтоб меня определить порутчиком в Бомбардирскую роту и вручить мне капральства кондукторов, понеже, как я был оставлен по указу его императорского величества во Франции, приказал мне словесно, дабы я присматривал обхождение при войсках французских и при том обучался малые самые части инженерства, без чего офицеру обойтитца невозможно, а не так, как инженеру совершенному надлежит знать с фундаменту, которые по 10 и много лет тому обучаются. А я токмо был 5 лет и того всегда в походах при войсках французских. По вышепомянутому указу явствует, что я, нижайший, был капитаном.

Помилосерди, государь и отец, сирым, аще богатого и фамильного прощают, ничто же велие и аще вельможа, и об оном многие заступают, милуеши ничто же дивно достоен бо суть милость твоя, но на мне убогом беззаступным сироте удивит милость свою и явит человеколюбие твое.

Премилосерди отец и помощник сирым и вдовам, помилуй, за что вам воздаст сугубо Господь Бог и Божие Матер в сем и в будущем веце и всей вашей высококняжеской фамилии, не погуби мене до конца имене своего ради. И кого давать такому превысокому лицу такого гада, и самая последняя креатура на земли,

которого червь и трава может с сего света лишить: нищ, сир, беззаступен, иностранец, наг, бос, алчен и жажден. Помилуй, заступник, и отец и защититель сиротам и вдовицам, ради имени Бога живого и Пресвятой Божии Матере, истенно напрасно меня оклеветали мое недрузия пред Вашим Высококняжеским светлости. Кроме того от меня ничего не происходило, что всякая похвала и надеяние получить от вашего высочества к моему награждению, как сам изволил изустно меня сирого по своей высокой обыкновенной и природной милосердии обещать соизволил.

Такожде вашему высочеству самому было извесно, что мое недрузия такожде оклеветали пред ея императорским высокодостохвальныя памяти напрасно, в чем буду вовеки плакаться пред Богом, где не буду, токмо Бог весьма им воздаст, а иным уже воздал здесь и в будущем, паки что оные кривят на меня гнев вашего высочества невино.

Токмо припадаю к стопам вашего высококняжеской светлости, помилуй и не дай пропасть сироте невинному и беспомощному, которой не имеет никакой надежды, кроме тога и вашего высококняжеской светлости. Яви надо мною свою божескую милосердие, боец и заступник сиротам.

Помилуй, вышны Бог вам подаст всякую свою милость и что от него желаете и всей вашей высокой княжеской фамилии.

Помилуй сирого, беспомощного иностранца, помилуй, бога ради.

Вашего Высококняжеской светлости сирь и беззаступны раб Абрам Петров»^[350].

Светлейший с остервенением преследовал своих врагов и тех, кого можно было заподозрить в умысле

враждебных в отношении него действий, никому никогда не удалось его разжалобить.

30 июня 1727 года царский крестник прибыл в Тобольск и тут же получил предписание губернатора Сибири князя Михаила Владимировича Долгорукова (1667–1750) отправляться на китайскую границу в распоряжение чрезвычайного посланника и полномочного министра графа С. Л. Владиславича-Рагузинского для строительства Селенгинской крепости. Перед появлением Абрама Петровича в Тобольске Долгоруков получил от Меншикова письмо с требованием о немедленной отправке Ганнибала «сделать на китайской границе против чертежа крепость, а понеже он человек иностранный и опасно, чтобы не ушел за границу, того ради надлежит за ним иметь крепкий присмотр и в деле той крепости дать ему инструкцию, а чертеж будет прислан впредь»^[351].

Избавившись от Ганнибала, Меншиков оградил юного Петра II от всех, поселил его в своем дворце, никого к нему не подпускал и на всякий случай приступил к строительству дворца для него, разумеется, рядом со своим^[352]. 25 мая 1727 года ему удалось обручить дочь Марию с двенадцатилетним императором. 8 сентября к светлейшему Римского и Российского государств князю, генералиссимусу, действительному тайному советнику, президенту Военной коллегии, генерал-губернатору С.-Петербургской губернии А. Д. Меншикову неожиданно явился генерал и кавалер, обер-гофмейстер, подполковник лейб-гвардии Преображенского полка генерал-адъютант С. А. Салтыков и вручил ему бумагу. Отказавшийся повиноваться всесильному временщику Петр II благодаря нашептываниям А. И. Остермана подписал указ об его аресте и ссылке в Ренненбург, но вскоре по решению Верховного тайного совета Меншикова с семьей, включая императорскую невесту, сослали в

Березов и конфисковали все их имущество, включая города Батурин, Копорье, Раненбург, Ораниенбаум, Ямбург, имения в России, Польше, Австрии, почти сто тысяч крепостных, четырнадцать миллионов наличными и в ценных бумагах, — богатства, коими обладал не всякий европейский суверен.

За два с половиной года правления, от кончины Петра Великого до высылки, Меншиков успел насолить всем, унижить наиболее родовитых. Первое лицо империи, обвешанное титулами и орденами, утопавшее в богатствах, захватившее главнейшие государственные должности, несмотря на все это до конца дней своих оставалось Алексахой Меншиковым. Верных ему не обнаружилось, никто не предупредил его о надвигающемся несчастье, никто не попытался облегчить его участь, выразить сочувствие — все злорадствовали и ликовали.

Герой ниспровержения Меншикова Андрей Иванович Остерман (1686-1747), хитрый интриган, тихий вкрадчивый аналитик, вдумчивый и осторожный, умевший просчитывать ходы, строить замысловатые комбинации и многое предвидеть, воспользовался болезнью светлейшего и умело возбудил против него неуравновешенного мальчика-императора. Остермана ожидали удачи и возвышения, при Анне Иоанновне он безраздельно руководил внешней политикой, и вполне успешно. При восшествии Елизаветы Петровны на престол графа Андрея Ивановича арестовали, судили, приговорили к смертной казни, помиловали и сослали в Березов, там он и умер.

В Петербурге и Москве шли приготовления к предстоящей коронации Петра II; чтобы отправиться в древнюю столицу, долго ждали большого снега и санного пути. Наконец после Рождества пришла настоящая зима.

«9 января 1728 года император после обедни при пушечной пальбе выехал из Петергофа и 17-го прибыл в подмосковную князя Ивана Федоровича Ромодановскаго. «Помянутый князь с великим прилежанием старался, дабы его величество наипресплавнейше принять, а понеже тамошня места натурою и разными художествами зело украшены, и ко всем веселиям весьма угодны, то, слышно, его величество намерен до будущего воскресенья по 21 день сего месяца там забавляться». Так гласили «С.-Петербургския Ведомости» того времени. Оттуда Петр II переехал забавляться в село Всесвятское, и наконец 4-го февраля торжественно въехал в Москву»^[353].

Коронация состоялась 25 февраля, ее омрачила кончина сестры императора Натальи Алексеевны. Она была единственным существом, благотворно влиявшим на императора Петра II. Юноша очень любил сестру и прислушивался к ее словам.

Ближе других к царю удалось подступить жалкому интригану и тщеславцу князю Алексею Григорьевич Долгорукову (ум. 1734, Березов) и его развратному сыну Ивану (1708–1739). Они умело завлекали юного Петра Алексеевича в свое подмосковное имение Гостиницы и там особенно ловко устраивали для него «потехи». 30 ноября 1729 года Петр II оказался обрученным с княжной Екатериной Алексеевной Долгоруковой (1712–1745). История с первой невестой этого ветреного императора, дочерью светлейшего князя Меншикова, Долгоруковых ничему не научила. В Петербург Петр II с Екатериной Долгоруковой возвращаться не желал и не возвратился, об учителях своих он не вспоминал, до них ли ему было — такой развеселой и распрекрасной оказалась без них жизнь. Пятнадцати лет от роду взбалмошный мальчик-император скончался 19 января 1730 года в древней российской столице в тот самый

день, на который было назначено венчание. Какая же пропасть между дедом и внуком...

У постели умиравшего Петра II Алексей Григорьевич пытался подделать завещание и водрузить на освобождавшийся трон свою дочь — «государыню-невесту», но ему верховники не позволили — то ли из зависти, то ли из опасения возвышения вздорных и недалеких отца и сына Долгоруковых, возможно, и по иной причине. В Верховном тайном совете большинство было у Долгоруковых, но не все они по этому вопросу оказались единодушными. Невестино семейство Анна Иоанновна сослала в Березов. Отец умер своей смертью, Ивана пытали, чтобы узнать о «завещательном письме» Петра II, потом колесовали, он погиб в страшных муках; свидетели вспоминали, что несчастный перенес их мужественно. «Государыню-невесту» Елизавета Петровна вызволила из ссылки и выдала замуж, но она, не успев порадоваться столичной жизни, вскоре умерла.

Меншиков доживал свой век в далеком Березове, он умер 12 ноября 1729 года, пережив жену и дочь Марию, несостоявшуюся императрицу. Княгиня Дарья Михайловна до Березова не добралась. Ее, тяжело больную, вывезли из Раненбурга на тряской телеге, без шубы, горести и скудная еда вконец разрушили здоровье. 10 мая 1728 года в двенадцати верстах от Казани она тихо скончалась, ее похоронили на погосте села Верхний Услон^[354]. О чем вспоминал Алексей Данилович, какие сны ему снились? Ассамблеи в его дворце на Неве, игриво сверкающие хрустальные люстры и тысячи свечей, страшные глаза императора, его гневная беспощадная дубинка и он в гробу и все равно страшный, власть — возможность повелевать, кругом стелятся перед ним, усерднее, чем перед царем, видевшие и не видевшие его унижения; тоска, завывание ветра по ночам, а он все прислушивается, слава богу — никто не едет. Он был умен и хитер, знал,

что добрых вестей ему не дожждаться. По прихоти судьбы его могила и могила Остермана оказались совсем близко. Оставшихся в живых двух чад светлейшего из ссылки возвратила сердобольная Анна Иоанновна [\[355\]](#).

Победившие Меншикова верховники, ненадолго захватившие власть, ранее принадлежавшую ему, никого из кружка княгини А. П. Волконской, наказанных светлейшим, не помиловали. Заговорщик, недовольный, бунтарь ненавистен любой власти. Бывший заговорщик всегда подозрителен.

Несчастливая княгиня А. П. Волконская, погибавшая от тоски и безделья, решила устроить безобидную встречу прежних членов кружка в одной из принадлежавших ей подмосковных деревень. На этой тайной встрече ни о каком заговоре никто не помышлял. Однако 5 апреля 1728 года к барону А. И. Остерману явились дворовые «челядники» Волконской и принялись наперебой рассказывать обо всем, что знали и не знали [\[356\]](#). На Остермана свалилась удача — он одним махом раскрыл опаснейший заговор, все проглядели, а он — нет.

Никогда Верховный тайный совет не трудился столь энергично. Всех, кого могли, допросили и обыскали, разумеется, ничего не обнаружили, но тем не менее 28 мая 1728 года вынесли приговор. В нем говорится, «что они [члены кружка] делали партии и искали при дворе его императорского величества для собственной своей пользы делать интриги, и теми интригами причинить при дворе беспокойство, искали себе помочи через Венский двор у министра графа Рабутина, а именно: княгиня Волконская с братом Алексеем и с Абрамом Арапом, и для того имели переписки, и тако хотели вмешать посторонняго государя в домовыя его императорского величества дела» [\[357\]](#). Далее следует перечисление наказаний членам кружка, «Абрама Арапа» среди них нет, он находился слишком далеко, чтобы быть в чем-либо заподозренным; в изъятых

письмах ничего, бросавшего на него тень, не обнаружилось, результаты допросов членов кружка также ничего верховникам против него не дали^[358].

Таинственный граф Игнас Амадеус де Бюсси-Рабутен (ум. в Петербурге 28.08.1727), с апреля 1726 года австрийский посланник при русском императоре, участвовал в подготовке выгодного для России Венского союзного договора, в августе получил орден Святого Андрея Первозванного; после смерти графа русское правительство платило его семье пенсию. Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693–1766), брат княгини А. П. Волконской, дипломат, государственный деятель, получил превосходное образование, с 1712 года был на дипломатической службе, заняв место сосланного Остермана, при Елизавете Петровне сделался вице-канцлером, затем канцлером, до 1758 года безраздельно руководил внешней политикой империи, не избежал ссылки, возвращен Екатериной II. Алексей Петрович разделял взгляды сестры, чуть не ухудшил ее положение откровенными к ней письмами^[359]. Тогда же он пытался хоть что-нибудь сделать для Ганнибала, но у него ничего не получилось. После вступления на престол Анны Иоанновны положение княгини А. П. Волконской не улучшилось. Ее отец П. М. Бестужев-Рюмин (1664–1743) с 1712 года находился в Митаве при вдовствующей герцогине Курляндской Анне Иоанновне сначала гофмейстером, затем генерал-комиссаром и имел на нее влияние. Это он помог возвышению Бирона; в благодарность подозрительный выскочка привил герцогине неприязнь к Бестужеву, распространившуюся и на его дочь. Сыновьям избежать опалы как-то удалось.

Причина появления Ганнибала в Селенгинске нам известна, поводом, оказывается, послужил давний указ Верховного тайного совета от 30 декабря 1726 года, вступивший в силу еще в царствование Екатерины I. В нем содержится красочное описание города, в котором

Абраму Арапу предстояло жить около двух лет. Приведем его полностью:

«Доносил нам отправленный к китайскому двору чрезвычайным посланником наш действительный статский советник иллирийской граф Савва Владиславич с границы китайской от речки Буры от 31 августа, что по усмотрению его во всей Сибири ни одного крепкого города, ни крепости не обретется, наипаче на границе, по сю сторону моря Байкальского. Силингинск ни город, ни село, ни деревня, понеже в оном токмо 250 дворов, и строен на месте ни к чему годном, и ко всяким набегам опасном, ничем не огорожен, к тому-ж оной, за низкостью места, повсегодно водою и реки Селенги разлитием потопляется. И для того он, граф Владиславич, приискал к строению тамо фортеции иное вблизи удобное место. Почему и указали мы: крепость Се-ленгинскую строить вновь на приисканном от помянутого графа Владиславича месте у реки Селенги, теми военными людьми, которые отправлены к границе китайской с полковником Бухольцом; к тому-ж употребить по рассмотрению Сибирского Губернатора и тамошних жителей, и для строения оной отправить туда из Военной Нашей Коллегии Инженера и Артиллерийского офицера: а какую там крепость удобнее делать, каменную-ль или деревянную-ль, в том, також и во удовольствовании оной новой крепости артиллериєю и амунициєю и гарнизоном, нашей Военной коллегии поступить по своему рассмотрению»^[360].

Основным населением Селенгинска числились казаки, около двухсот пятидесяти человек. Кроме них там жили три дворянина и четверо детей боярских (из измелъчавших бояр, в первой половине XVIII века слившихся с дворянами). Эти цифры относятся исключительно к лицам мужского пола, следовательно,

в Селенгинске проживало около пятисот-семисот человек. Не Париж и даже не ЛаФер. Во второй половине XIX века в этот райский уголок Забайкалья отправляли на жительство лиц, освобожденных от каторжных работ, то есть вышедших на поселение.

По поводу приведенного здесь указа верховников М. Д. Хмыров писал:

«Указ этот подоспел как раз к первому открытию князем Меншиковым существования партии княгини Волконской — и Ганнибал, в качестве инженера ученого, командирован в Селенгинск, за 6000 с лишком верст от Петербурга, в климат, по меньшей мере странный для уроженца Африки»^[361]. В помощь Ганнибалу из столицы выехала команда кондукторов и офицеров, знакомых с инженерным делом. Меншиков воспользовался указом Верховного тайного совета как поводом, поэтому несчастный ссыльный долго ни о чем не подозревал и надеялся на скорое возвращение. В Селенгинске Абрам Петрович попал в распоряжение Рагузинского.

Чрезвычайный посланники полномочный министр, граф С. Л. Владиславич-Рагузинский имел широкие полномочия, с 1725 по 1728 год он занимал этот пост, имея задание заключить с Китаем договор о торговле и разграничении территорий. Договор 1719 года, подписанный капитаном лейб-гвардии Преображенского полка Л. В. Измайловым, не содержал четкой пограничной линии. Китайцы спросили его о размежевании, «но Измайлов ответил, что он о сем от Его Величества ничего не имеет, а по возвращении своем о сем донесет»^[362]. Поговаривали, что Савва Лукич не проявлял настойчивости при обсуждении размеров приграничных российских владений, а мошна его все больше раздувалась. Благодетеля царя Петра Алексеевича не стало, война с лихоимством ушла в прошлое. Савва хорошо помнил гордого, заносчивого князя Матвея Петровича Гагарина, всеильного

сибирского губернатора, помнил, как этого Рюриковича по повелению царя судил Правительствующий сенат, как 16 марта 1721 года его прилюдно повесили за кражу казенных денег из доходов от торговли с Китаем. Не удалось Петру Великому одолеть лихоимство, теперь Савве Лукичу кары ждать было не от кого — державой правил непревзойденный вор Алексашка Меншиков, после него из-за спины малолетнего царя — Долгоруковы и другие верховники, от них легко откупались все. Но Савва Лукич не забыл о парижских столкновениях с Абрамом Арапом из-за медных денег пенсионеров, упрямство и честность Ганнибала.

С таким характером толковый образованный инженер, свидетель его дипломатических успехов был полномочному министру не нужен и даже опасен: если отыщет доказательства воровства, то не промолчит. До Абрама быстро докатились слухи о территориальных уступках Китаю и личной пользе от этого чрезвычайному посланнику. Попытка примирения, предпринятая Рагузинским, ни к чему не привела. Требовалось срочно покинуть Селенгинск; в этом затерянном на краю света городе как бы чего не случилось... Наверное, у них все же состоялся сговор, но не тот, которого желал Савва Лукич. Он пообещал Ганнибалу помочь выбраться из Селенгинска.

По соглашению с Рагузинским Абрам Петрович 23 февраля 1728 года через него обратился с челобитной к Петру II: «Послан я раб вашего величества из Санкт-Питербурха в Селенгинск по письму князя Меншикова, писанного майя 28 числа 727 году, а за какую притчину — того не ведаю, токмо под видом будто для строения крепости при Селенгинском на новоприисканном месте.

А я в строении крепостей в практике не бывал, хотя по указу его императорского величества, моего крестного отца и государя, по своему великодушному милосердию я посылай во Францию для науки воинских

дел, и учился три года и выучился столько, что касается до моего рангу офицерского.

И видно, что вышеписанный князь Меншиков выслал мене, посягая на мене, последнего раба вашего, токмо для отлучения от двора вашего императорского величества и моей гибели и разорения, понеже не определил мне на подъем в таком предальном марше ничего, ниже об отдаче годового моего жалованья не определено нигде.

Итак, я за таким дальнем маршем и за неполучением денег на подъем и жалованья, пришел в последнюю нищету и разорение, токмо имел с собою от трех до четырех сот Рублев денег, которые из младенчества накопил при дворе вашего императорского величества Петра Первого, моего отца крестного и государя премилостивейшего.

И оные деньги я издержал в моем марше чрез сибирские города на покупку мяхкой рухляди, а именно белки и горносталя. И ту мяхкую рухлядь привез с собою в Селенгинск, понеже я не ведал, что отпуск мяхкой рухляди указом вашего императорского величества запрещено отпускать за границу, кроме государственного каравана.

И за тою притчиною никто у мене вышезначенной рухляди и ни по какой цене не покупает, отчего обретаюся в последней десперацы, не имея дневной пищи»^[363].

Не зная о государственной монополии на торговлю пушшиной, бедняга Абрам Петрович по дороге в Селенгинск на все имевшиеся у него деньги закупил беличьи и горностаевые шкурки, надеясь выгодно их продать на границе. Ганнибал просил власть помочь ему выйти из положения, в которое он попал по неопытности, тем более что жалованья ему давно уж не платили. Проблему с пушшиной Савва Лукич решил уладить сам.

Видя, что обещанное ему Рагузинским содействие в отъезде из Селенгинска не исполняется, рассерженный Ганнибал 5 апреля 1728 года отдал чрезвычайному посланнику царя вторую челобитную, обращенную к Петру II. Приведем ее в изложении Н. Павленко: «В ней он (А. П. Ганнибал. — *Ф. Л.*) сообщал, что 15 июня 1727 г. Меншиков, желая его, Ганнибала, «отлучить» от двора, «безвременно выслал с своим партикулярным письмом в Тобольск и писал к сибирскому губернатору тайному советнику князю Долгорукову, чтоб он меня послал ваше императорское величество в Сибирской крайней город Селенгинск будто за строением крепости на новоприисканном месте. И мню, что оное учинил он, князь Меншиков, без ведома вашего императорского величества, понеже не допустил меня взять книг и инструментов, к такому делу потребных, ниже определил жалованья Вашего Величества, ни денег на подъем, чем бы я мог в таких дальних странах себя содержать».

Губернатор, продолжал свою челобитную Ганнибал, «отправил меня в Селенгинск, дав мне от себя инструкцию, чтоб оную фортецу строить по чертежу, которой впредь от него, князя Меншикова, пришетца». Одновременно губернатор писал селенгинской администрации, в том числе и Рагузинскому, «чтоб мне жить в Селенгинску под призором, дабы не мог уйти за границу».

Но обещанный чертеж крепости не получен, «ис чего ясно видно, что я не за строением послан, понеже чертеж без осмотра мест и аситуации ни от кого сочинен быть не может. К тому же я совершенной практики в строении фортецы не имею и живу при границе втуне в последнем разорении».

Раньше Ганнибал просил подводы с уплатой прогонных денег из своего кармана. Теперь он, обращаясь к Походной посольской канцелярии

Китайской экспедиции, требовал выдать «проезжей лист и уреченное число подвод с прогонными деньгами до Санкт-Петербурга по моему рангу, дабы я мог вашему императорскому величеству и высокому тайному совету о аситуации новоприисканно-го места рапортовать».

На челобитной помета: «По сей челобитной вышеписанной порутчик Петров отпущен до Тобольска, а в Тобольск писано чинить с ним как вашему императорское величество указ повелевать будет»^[364].

«Рассмотрев» эту челобитную, глава китайской экспедиции 14 апреля 1728 года отпустил Ганнибала в Тобольск^[365] в распоряжение губернатора Сибири, сообщая что «понеже де он (А. П. Ганнибал. — *Ф. Л.*) по силе партикулярного письма князя Меншикова, а из Государственной иностранных дел коллегии в грамотах и ни откуда в указах его императорского величества о нем к нему (Рагузинскому. — *Ф. Л.*) не упомянуто»^[366]. Рагузинский мог себе позволить совершать подобные поступки, так как все пункты чрезвычайно важного для России Кяхтского договора с Китаем были согласованы, и писарские службы сторон готовили его к подписанию. Савва Лукич умел пускать пыль в глаза, умел надуть щеки, создавать иллюзии тяжелейших побед.

В Москве и Петербурге его ожидал триумф — орден Святого Александра Невского, один из самых значительных в наградной системе империи, и чин тайного советника, третья ступень в Табели о рангах^[367]. В Москве никто не догадывался о его проделках с приграничными территориями.

Талантливый интриган Рагузинский знал, что превысил полномочия, отпустив Ганнибала из Селенгинска. Поэтому, желая на всякий случай обезопасить себя и стремясь не допустить появления Абрама Арапа в столицах, он 22 апреля 1728 года отправляет в Верховный тайный совет донесение. Если верховники сочтут его поступок ошибочным, то

возвратят арапа обратно, а его лишь пожурят. Но к тому времени посольства уже в Селенгинске не будет, а Абрам может застрять в Сибири надолго или навсегда. Кому он теперь нужен? Никому, и уж точно не верховникам. Итак, донесение Рагузинского:

«Лейб-гвардии от бомбардер порутчик Абрам Петров послан в Тобольск по партикулярному письму князя Меншикова, а оттуда от сибирского губернатора в Селенгинск будто за строением фортецы, а более, чаю, в ссылку, ибо никакою передаточною экспедицею не определен, а писано, что определится впредь. А он, Абрам, жил здесь в десперации (отчаянии, унынии. — *Ф. Л.*) и подал челобитную, что он послан по ненависти князя Меншикова, которого партикулярных писем высокопочинным указом вашего императорского величества слушать не велено, притом же письменно декляровал, что он в строении фортецы практики не имеет, и протчие околичности изъяснял во том своем челобитье, с которого копию при сем прилагаю под № 4. Я, видя, что фортецы ныне строить время не допускает, и не зная, что с ним, Абрамом, делать, принял смелость ево и паки к сибирскому губернатору в Тобольск отпустить, дабы он с ним поступил, как вашего императорского величества указ повелевает, или впредь повелевать будет, по которому б или в Тобольску ево задержал, или б паки сюды отпустил с награждением, в чем ему нужда, или б к двору вашего императорского величества с своим пашпортом отпустил, ибо об оном Абраме ваше императорское величество в присланных ко мне грамотах нигде не упомянуто и очного указу о строении фортецы ниоткуда не имеетця»^[368].

Король пакостников, фельдмаршал, гротсмейстер, генералиссимус интриги Савва Лукич Владиславич-Рагузинский знал, с кем имеет дело, и все просчитал с необыкновенной точностью. 17 июля 1728 года в Верховном тайном совете слушали дело «О построении

крепости на китайской границе и о поручении сего дела поручику Абраму Петрову»^[369]. В тот же день в Тобольск князю М. В. Долгорукову была отправлена следующая резолюция:

«По сему доношению его императорское величество указал, посланного порутчика Аврама Петрова для строения на Китайской границе по чертежу крепости, ежели он в Тобольск прибудет, то послать по прежнему в то место, где он был, и велеть ему по прежде определенному чертежу крепость строить, по окончании строения той крепости ему писать и ожидать указу, а без указу никуда не выезжать; а буде он в дороге, то послать из Тобольска на встречу, чтоб его поворотили назад»^[370].

Получив распоряжение верховников, М. В. Долгоруков тотчас начал выпроваживать беднягу Аврама Арапа из Тобольска. Отправляясь из Петербурга, Ганнибал не мог даже предположить, что оказался в опале у светлейшего и наказан длительной ссылкой. Он начал это понимать лишь осенью, а тогда, в мае, выехал налегке, с незначительной суммой. Те деньги, что дал ему Рагузинский за купленные у него беличьи шкурки, давно кончились. Не в первый раз Абрам Петрович оказался без денег, на дорогу до китайской границы пришлось просить у М. В. Долгорукова. Приведем заключительную часть письма губернатора Сибири императору Петру II:

«И по силе онаго вашего императорского величества указу оной порутчик Аврам Петров из Тобольска на Китайскую границу отправлен сего августа 21 дня по прошению его, Петрова, для вышепомянутой посылки и для дальнего разстояния и необходимых его нужд выдано ему, Петрову, из Тобольской рентерей денег сто рублей, а оные денги даны ему, Петрову, жалованья никакого и по присланном вашем императорском величестве указом не определено, а доношением оной

Петров объявил, что определенного жалования он, Петров, не получал с прошлого 1727 году с майской трети, отчего пришел во всеконечную скудость и питатся нечем, и впредь будучи у одного дела жалованье ему, Петрову, по его трактаменту поведено ль будет давать, о том ожидаем вашего императорского величества повелительного указа. К поданию Верховном тайном совете.

Князь Михаила Долгоруков Иван Болтин

Секретарь Козма Боженков.

Августа 21 дня

1728 года.

А. № 385.

Канцелярист Федор Неволин»[\[371\]](#).

Подписав с китайцами договор, Рагузинский со свитой лихо мчался в Москву. Ганнибал покинул Тобольск 25 августа 1728 года и прибыл в Селенгинск 13 марта 1729 года — спешить ему было некуда. 9 ноября 1728 года их пути пересеклись[\[372\]](#). Поняв, наконец, что произошло, простодушный припорожник при встрече сделал вид, что Рагузинского не узнал.

Теперь, уже превосходно зная боснийца Савву, купца и дипломата, мастера на все руки, можно высказать вполне вероятное предположение: одновременно с донесением в Верховный тайный совет он мог послать частное письмо кому-нибудь из доверенных лиц, чтобы тот подсказал верховникам, как надобно поступить с инородцем-смутьяном Абрамом Арапом, коему никакого доверия быть не должно. В Петербурге он может только навредить — чужеземец-бунтовщик. Тогда понятно, почему уж очень гладко, как по нотам, у Рагузинского все задуманное им получилось.

За время пребывания в Селенгинске Ганнибал составил подробный план предполагаемой перестройки города и крепости, который не был осуществлен, но его

чертежи сохранились. Кроме этих чертежей Абрам Петрович с инженерной командой составил проекты небольших крепостей Кяхты и Троицкосавской. Причина утраты интереса к строительству новых крепостей кроется в подоспевшем завершении переговоров с китайским правительством о пограничных территориях. Высказывалась и другая причина: «И подлинно сие место, с первого виду, весьма способным кажется; но земля там вся каменная, чего ради другие признавали сие предложение за невозможное»^[373]. Странное объяснение.

Тоска и удручающее неведение, безделье разъедали душу Ганнибала; спасали мечтания, погружаясь в них, он думал о смутном будущем, как всегда в таких случаях — о Москве и Петербурге, сладостно вспоминал солнечную Францию, военную школу, шумных однокашников, вечно веселых и доброжелательных, опрятный Ла-Фер с башенками замков и черепичными крышами домов, кривыми мощеными улицами и изогнутыми мостами. Ему снились времена, когда он был припорожником, царев домик близ Троицкой площади с низкими закопченными потолками, веселый смех царя (все боялись Петра, кроме Абрама да малютки дочери Елизаветы)... Просыпаясь, он снова оказывался в бесконечно растянувшемся тревожном неведении.

Грустно живется тому, у кого лучшее остается позади, а настоящее и будущее видятся беспросветными. Требуется хоть какая-нибудь, пусть совсем крохотная радость, хоть что-нибудь, способное разорвать тоску, проделать в ней трещину, хоть чуть-чуть возбудить надежду ожиданием чего-то, пусть несбыточного, хотя бы в мыслях сокрушить навалившиеся невзгоды.

31 августа 1729 года Ганнибал решился лично отправить челобитную своему венценосному ученику с просьбой помочь выбраться из сложившейся странной и

мучительной истории — понять, за что он наказан светлейшим князем Меншиковым. После кончины Петра Великого и вдова его, и наследник относились к Абраму Арапу хорошо, покровительствовали ему. Став императором, Петр II, внук крестного, очень переменился, вряд ли читал он хоть что-нибудь: не до того ему было, душа требовала развлечений. Письмо Ганнибала особенно интересно тем, что об одних событиях из него мы узнаем впервые, о них нигде больше не упоминается, другим событиям находим в нем подтверждение. Итак, бывший учитель пишет юному монарху:

«Служу я вашему императорского величества в Преображенском полку в Бомбардирской роте и 1727 года был я послан по партикулярному письму бывшего-генералиссимуса Александра Меншикова в Казань, для снятия плана, и того же года получил я от него, Меншикова, партикулярное же письмо, в котором повелел мне ехать, рабу вашего императорского величества, на китайскую границу в Селенгинск, для строения крепости на приказанном месте графом Саввою Владиславовичем, а когда указом вашего императорского величества запрещено было дабы не исполнять ничего по письмам показанного Меншикова, и того ради я подал доношение посланнику Владиславичу, в котором я объявлял, что бывший генералиссимус меня послал для своего партикулярного интереса и по злобе и по наущению его креатур, а не для дела вашего императорского величества, понеже не дав мне инструкции и указу, где мне получать вашего императорского величества жалованья, такожде и инструментов, бумаги и краски, которые к тому делу принадлежат, и в вышеписанной моей челобитной объявлял я показанному графу Владиславичу, что я оному делу и строению городов не искусен и в практике не бывал, понеже оное великое дело требует весьма

человека искусного и практичного, но по которому моему челобитию отпущен был я до Тобольска и в 1728 году августа 17 дня был получен указ губернатору сибирскому князю М. В. Долгорукову, дабы меня вторично возвратил на границу к строению оной Селенгинской крепости и которому уже приисканному месту, от него, графа Владиславича, сочинен план и послан в Верховный тайный совет, понеже на оном месте строению никакому быть невозможно. А по указу вашего императорского величества послан нарочный для оного дела из Государственной военной коллегии инженерного корпуса прапорщик с кондукторами и ему же даны указы и инструкции, также инструменты и бумага, и краски, и прочее, что к тому принадлежит, а я раб вашего императорского величества, живу без всякого дела, чему уже идет третий год и без всякого определения, и умираю голодною смертью без вашего императорского величества жалованья. Окладу мне на месяц идет по 25 рублей, да рация дается на 11 лошадей и оного Вашего Императорского Величества мне и на денщиков не дано, с прошлого 727 года майской и сентябрьской трети, а рация я не получал с 726 года. А ежели оное строение по указу вашего императорского величества поведено будет мне делать, чтоб поведено было кондукторам быть с оным, а ежели же оное строение указом вашего императорского величества отрешено будет, дабы поведено мне было ехать в полк [т. е. в Петербург] или до Тобольска, впредь до указа вашего императорского величества»^[374].

Разумеется, никакого ответа на вопли Ганнибала не последовало, пожалуй, этим письмом он себе даже навредил. Ему бы молча дожидаться каких-либо перемен в стране, не напоминая о себе, так, быть может, удалось бы избежать последнего сибирского несчастья.

Прибыв в Москву, граф Савва Лукич начал натравливать на Абрама Петровича верховников; в

октябре 1729 года он составил «Мнение», предложив в нем: «Поручика Абрама Петрова перевести с границы на другое место, понеже человек злаго состояния и на границе от него никакого добра произойти не может, а именно послать его к капитану Берингу для осмотра Камчатских берегов и снесения чертежа, где удобно было [б] фортецу построить. Жалованье определить ему из губернии или по рангу, или по 10 рублей на месяц, чем может пропитаться»^[375]. Превосходная выдумка — послать африканца строить крепости на Камчатке. Преследование Ганнибала временщиками, жестокое и длительное, есть результат интриг Рагузинского. Однако профессор Н. И. Павленко, занимавшийся пребыванием Ганнибала в Сибири, в своем исследовании делает неожиданный вывод о «доброжелательности» Саввы Лукича в отношении Абрама Арапа^[376].

Оказавшись в 1731 году в Петербурге, Абрам Петрович занялся разоблачением дипломатической деятельности удачливого купца^[377]. Он рассказал своему старому знакомому советнику коммерции И. А. Мелиссино, что Рагузинский при разграничении территории с Китаем «многое к стороне китайской отдал». По своей инициативе или с согласия Ганнибала Мелиссино все рассказал Миниху. Приведем извлечение из «Записи допроса майора А. Петрова генералом Б. Х. Минихом о деятельности посланника С. Л. Владиславича-Рагузинского»:

«1731 году, генваря 13 дня ввечеру приехал к генералу и ковалеру графу фон Миниху Комерц-коллегии советник господин Мелесин и объявил, что майор Аврам Петров, будучи в компаниях по два раза, и разговаривал о полномочном после графе Рагузинском, что он из посольства своего репортовал, якобы разграничил он китайскую границу со авантажам к стороне ея императорского величества. А он де, граф Рагузинской, не токмо присовокупил, но и от стороны ея величества

многое к стороне китайской отдал, отчего ея величеству ныне в государственных зборах немалой убыток, понеже прежде збиралось разныя зборы на ея императорское величество, а ныне то отошло х Китайскому государству. Да резидент Ланг в бытность ево, Петрова, в Москве говорил ему, что де граф Рагузинской велел ему, Лангу, ево, Петрова, просить, чтоб он вышеписанное и все что знает за ним, графом, умолчал, за что де обещает ему, Петрову, денег 1000 рублей.

И по силе вышеписанного, маеор Петров и советник Мелесин сего генваря 14 дня перед Генерала и Ковалера Графа фон Миниха призваны. И спрашивай майор Петров, что он, будучи в компаниях, такие розговоры о графе Рагузинском говорил ли. На что он объявил, что некоторыя разговоры про графа Рагузинского, подал на немецком языке пункты, данныя ему от музыкантов, которыя обретались в свите при нем, графе»^[378].

Начатое расследование длилось до смерти подозреваемого^[379]. Возможно, именно тогда Абрам Петрович познакомился с Минихом. Первая их встреча произвела на Миниха благоприятное впечатление, и глава инженерной части империи решил покровительствовать Ганнибалу.

Мы забежали вперед, чтобы навсегда или почти навсегда расстаться с графом Саввой Лукичом Владиславичем-Рагузинским. Возвратимся в Селенгинск к находившемуся там в десперации Ганнибалу. Нет ничего страшнее ожидания в неопределенности. Обратиться за помощью было не к кому, ни Волконская, ни другие члены кружка ему не помогли: слишком важные персоны случайно вошли в соприкосновение с несчастным поручиком Бомбардирской роты. Прошло полтора года с последних распоряжений властей, касавшихся Ганнибала, казалось бы, пора верховникам о нем забыть, забыть о существовании несчастного африканца, тихо жившего на краю земли и каждодневно

сражавшегося за существование. Но нет, 22 декабря 1729 года вдруг возникла новая резолюция Верховного тайного совета:

«Его императорское величество указал послать в Сибирскую губернию к действительному тайному советнику и губернатору князю Михайлу Володимировичу Долгорукову указ, чтоб он велел выбрать в Тоболску кого из офицеров доброго и искусного человека отправить тайным образом на китайскую границу, где ныне обретается (посланный туда для строения крепостей) поручик Аврам Петров, и приказать тому посланному офицеру в начале упомянутого поручика Аврама Петрова пришед к нему в квартиру незапно, отобрать все обретающиеся при нем письма, которые хотя б в каких малых и черных ласкутках были, и собрав оные в одно место запечатать и к себе взять; а ежели у него, Аврама Петрова, есть какие книги, чертежи и инструменты инженерские, то осмотря, нет ли между ними каких писем, оставить оные при нем; и потом ево, Аврама Петрова, велеть отправить оттуда, где его тот посланный офицер найдет, с пристойным конвоем в Томск, но в пути вести его с крепкою осторожностью, чтобы каким способом куда не ушел; и в Томску велеть оного содержать впредь до указу его императорского величества за караулом с крепким же смотрением, дабы не мог оттуда уйтить. А жалованья ему, Авраму Петрову, давать в Томску из доходов в Сибирской губернии по десяти рублей на месяц. Вышеупомянутые же письма, которые возмутся у него, Аврама Петрова, — посланному туда офицеру привести в Тобольск и оттуду оные не осматривая прислать запечатав в Москву в Верховной тайной совет»[\[380\]](#).

Чем вызвана новая резолюция Верховного тайного совета, мы не знаем, возможно, чьим-то неведомым доносом или желанием Рагузинского основательно

навредить Абраму Петровичу. Верховники в сравнении с «Мнением» Рагузинского все же пощадили Ганнибала. Чуть менее двух с половиной месяцев отделяют подписание верховниками этой резолюции от упразднения Анной Иоанновной Верховного тайного совета. Если дата резолюции, приведенная Н. Гастфрейндом в его публикации (22 декабря 1729 года), верна, то почти невероятно, чтобы из Москвы курьер доставил резолюцию в Тобольск, оттуда офицер примчался в Селенгинск, опечатал бумаги, арестовал Ганнибала и доставил его в Томск. И тем не менее это случилось.

Правнучка Абрама Петровича А. С. Ганнибал опубликовала копию выписки из тетради некоего иркутского канцеляриста Ивана Беляева, предоставленную ей Б. Л. Модзалевским; приведем ее полностью:

«1) 1726

Прибыл по указу отправленной для строения Селенгинской крепости бомбардирской роты Порутчик Аврам Петров арап, которой и отбыл, за Байкал льдом покрылся, в Селенгинск.

2) 1727, в ыюне месяце.

Прибыл из Селенгинска Бомбардирской роты порутчик Аврам Петров, которой отпущен от града Савы Владиславича до Тоболска, которой в том же месяце отбыл водою в Тоболск.

3) 1729 в инваре месяце прибыл из Тоболска отправленной для взятъя из Селенгинска под арестом порутчика Аврама Петрова прапорщик Заворов, который ездил в Селенгинск и оного порутчика арестовал и по арестовании прибыл с ним в Ыркуцк, а из Ыркуцка отбыл с ним в Томск»^[381].

В этом странном документе имеется несколько существенных ошибок. В 1726 году Авраам Петров не

мог быть в Иркутске, в июне 1727 года он ехал из Казани в Тобольск. Запись, касающаяся 1729 года, для нас чрезвычайно интересна. В ней есть фамилия прапорщика, арестовавшего Ганнибала в Селенгинске. А. С. Ганнибал предположила, что в каждой записи переписчик ошибся на один год, — тогда все сходится в двух первых записях, но что делать с третьей? Может быть, она единственная не имеет ошибок?

Путь от Москвы до Тобольска по зимней дороге царский курьер проделывал за семнадцать дней, от Тобольска до Селенгинска езда длилась не менее двадцати трех дней, а из Селенгинска до Томска около двенадцати. Следовательно, резолюция Верховного тайного совета попала в Тобольск не ранее 8 января 1730 года, офицер с заданием произвести обыск и арестовать Ганнибала попал в Селенгинск около 2 февраля и привез Ганнибала в Томск примерно 14 февраля. Подсчеты сделаны путем сопоставления дат перевозки срочных государственных распоряжений с учетом времени года и предположения, что в пути никаких препятствий не встречено и задержек не произошло.

Пока прапорщик Заворов мчался в Селенгинск, чтобы арестовать Ганнибала, в Москве 19 января 1730 года от оспы, сопровождавшейся простудой, умер юный император Петр II, пресеклась прямая мужская линия Романовых. Верховный тайный совет (канцлер Г. И. Головкин, вице-канцлер А. И. Остерман, действительные тайные советники Д. М. Голицын, В. Л. и А. Г. Долгоруковы, генерал-фельдмаршалы М. М. Голицын и В. В. Долгоруков)^[382] собрался в Лефортовском дворце еще ночью с 18-го на 19-е. Одни верховники добивались провозглашения императрицей «государыни-невесты» княжны Екатерины Алексеевны Долгоруковой, другие желали посадить на трон племянницу Петра I герцогиню Курляндскую Анну

Иоанновну, и никто не подал голоса в пользу родной дочери Петра Елизаветы — опасались ее крутого независимого нрава, унаследованного от отца. Верховники ссылались на то, что она незаконнорожденная. Во время обряда бракосочетания Петра I и Екатерины Алексеевны рядом с ней, держась за подол ее платья, стояла трехлетняя Елизавета Петровна. Так одновременно с венчанием венценосных особ произошел обряд узаконения рождения ребенка — «привенчание». Но «при-венчание» это признали лишь после восшествия Елизаветы Петровны на престол. Не «привенчание», а дворцовый переворот снял с нее клеймо незаконнорожденной.

Инициатором избрания на престол Анны Иоанновны был авторитетный, всеми уважаемый глава верховников князь Дмитрий Михайлович Голицын (1665–1737), он же дерзнул предложить ограничение самодержавия в пользу Верховного тайного совета. Сторонники княжны Екатерины Алексеевны пытались выдать подложное «завещательное письмо», подписанное князем Иваном Алексеевичем Долгоруковым, за подлинное. Неожиданное выступление князя В. Л. Долгорукова решило судьбу русского престола — большинство предпочло Анну Иоанновну, но при условии ограничения самодержавной власти, записанного в «Кондициях» (*лат. conditio* — условие; *condicere* — сговариваться).

«Кондиции» лишали императрицу права объявлять войну, заключать мир, вводить новые налоги, конфисковывать имения, раздавать казенные вотчины, вступать в брак, назначать наследника престола, осуждать на смерть за оскорбление царского величества. Отбравшиеся у императрицы права передавались Верховному тайному совету. То есть вместо самодержавия в России вводилась олигархическая форма правления, олигархия верховников.

Эрнст Миних (1708–1788), сын генерал-фельдмаршала Б. Х. Миниха, благодаря отцу близкий к трону и достаточно осведомленный, пишет об избрании Анны Иоанновны и желании верховников ограничить ее власть:

«Сия до формы правления касающаяся перемена не могла быть столь скрытна, чтобы не спроведал об оной камергер покойного императора граф Густав Рейнгольд Левенвольде, которого старший брат, после бывший обер-шталмейстер у императрицы Анны Иоанновны, жил тогда в отставке в своих деревнях в Лифляндии и с давнего уже времени предан был герцогине Курляндской. Дабы уведомить сего и чрез него императрицу об оном деле как можно скорее, не нашел камергер граф Левенвольде иного удобнейшего средства, кроме как послать своего скорохода в крестьянской одежде к нему с письмом в Лифляндию. Вестник, наняв сани, скоро поспел туда, так что старший граф Левенвольде успел отправиться в Митаву и приехать туда целыми сутками ранее, нежели депутаты. Он первый возвестил новоизбранной императрице о возвышении ее и уведомил о том, что брат к нему писал в рассуждении ограничения самодержавия. При чем он дал свой совет, дабы императрица на первый случай ту бумагу, которую после нетрудно разорвать, изволила подписать, уверяя, что нация не долго довольна быть может новым аристократическим правлением и что в Москве найдутся уже способы все дела в прежнее привести состояние. После сего, откланявшись, без замедления возвратился в свои деревни»^[383].

Текст этот написан в ссылке, где сын и отец проживали вместе, в нем запечатлены рассказы отца, находившегося в 1730 году в Петербурге, поэтому в воспоминания Э. Миниха проникли некоторые неточности. Камергер Петра II Карл-Густав Левенвольде (ум. 1735), впоследствии обер-шталмейстер и генерал-

адъютант, сообщил брату своему Рейнгольду-Густаву (1693-1758) об избрании Анны Иоанновны и «Кондициях». При новой императрице, не занимая официально никаких постов, Левенвольде был весьма влиятельным лицом, обласканным и награжденным. Елизавета Петровна его судила, приговорила к смерти, помиловала и сослала в Соликамск, там он и умер.

Депутация верховников во главе с князем В. Л. Долгоруковым прибыла в Митаву 25 января 1730 года и встретилась с предупрежденной обо всем герцогиней Курляндской. Анна Иоанновна молча выслушала прочитанный ей текст «Кондиций» и собственноручно вывела: «По сему обещаюсь все без всякого изъятия содержать. Анна».

28 января князь В. Л. Долгоруков передал Анне Иоанновне написанный им от ее имени текст рескрипта членам Верховного тайного совета. Приведем его полный текст, исключив слова, зачеркнутые автором в подлиннике:

«Любезно верным нашим подданным присутствующим в Тайном верховном совете.

Отправленные от вас любезно-верные нам Тайны действительны Советник и член Тайного верховного совета князь В. Долгорукой, да тайно советник и сенатор князь Михайло Голицын и генерал-майор Михайло Левонтьев 25-го числа сего месяца приехав к нам в Митаву горестную и неописанную объявили нам печаль о преставлении его императорского вели[чества] Петра Второго, нашего любезнейшаго племянника и государя, мы как по близости крови, так и по всем его величества благосклонным к нам поступкам, признаваем тое печаль за крайнее божеское наказание нашей фамилии и всем российского народа праволубящим дрожайшее свое отечество. Потом вышеупомянутые отправленные к нам от вас особы объявили нам, что, по соизволению всемогущаго Бога, которой токмо един короны и

скипетры монархам определяет, избраны мы на Российской прародителей наших престол и хотя я разсуждала коль тяжко есть правление толь великой и славной монархии, однакож повинуюсь той Божеской воли и прося его Создателя помощи, к тому-ж не хотя оставить отечества моего и верных наших подданных, намерелась принять державу того государства и правительствовать елико Бог мне поможет, все наши подданные, как мирские, так и дохные, могли быть довольны, а понеже к тому моему намерению потребны благие советы, как и во всех государствах чинится того для пред вступлением моим на Российской престол по здравом разсуждении изобрели мы за потребно для ползы Российскаго государства и ко удовольствованию верных наших подданных, дабы всяк мог ясно видеть горячесть и правое наше намерение, которое мы имеем к отечеству нашему и к верным нашим подданным и для того елико время нас допустило, написав какими способы мы то правление вести хошем и подписав нашею рукою послали для соблюдения в Тайной верховной совет, а сама сего месяца в 29-й день, конечно, из Митавы к Москве для вступления на престол пойдем; впрочем обещаем вам и всем нашим подданным нашу монаршескую милость, которую по прибытии нашем действительно показать хошем и всех вас вручаем всемогущему Богу»^[384].

Тем временем Москву будоражили слухи: неизвестность и неопределенность всегда вызывает опасения. В первых числах февраля князь А. М. Черкасский (1680–1742), впоследствии великий канцлер, сенатор, кабинет-министр, задал верховникам вопрос о «Кондициях» и престолонаследии: «А каким же образом то правление впредь быть имеет?» Ничего вразумительного в ответ он не услышал. Тогда Черкасский 5 февраля собрал 249 подписей высших чиновных лиц из именитых дворянских фамилий под

проектом, написанным В. Н. Татищевым, где предлагалось обсудить управление империей на «всенародном собрании», некоем подобии Земского собора. Одновременно князь Антиох Кантемир (1708–1744), поэт и дипломат, собирал подписи среди офицеров лейб-гвардии Преображенского полка под составленным им «челобитием», доказывающим необходимость сохранения в России самодержавия. Понимая, что против верховников требуется выступить единым фронтом, обе группы приступили к переговорам. В конце концов все согласилось с тем, что текст Кантемира яснее и более подходит к сложившемуся положению.

Провозглашенная императрица 15 февраля торжественно въехала в Москву, 20 февраля чиновников и офицеров начали приводить к диковинной присяге «императрице и государству», формулировку придумали верховники. Встревоженные опасностью безраздельного господства Долгоруковых, А. И. Остерман и Феофан Прокопович принялись возбуждать горожан слухами об аресте императрицы, а возможно, и убийстве. Между самодержавием и олигархией подданные всегда отдают предпочтение самодержавию. В разгар всеобщих волнений утром 25 февраля около ста пятидесяти гвардейских офицеров и генералов явились в Адмиральский дом (дворец генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина; располагался на месте растреллиевского Зимнего дворца), где остановилась императрица, и потребовали аудиенции. Анна Иоанновна и на сей раз была предупреждена: ее племянница П. Ю. Салтыкова, близкая к противникам «Кондиций», беспрепятственно ходила в Адмиральский дом и рассказывала императрице обо всем, что происходило в городе.

От имени собравшихся императрицу приветствовал князь А. М. Черкасский и передал ей челобитную,

вызвавшую неудовольствие пришедших. Решили вновь собраться к вечеру с согласованным со всеми текстом. На сей раз предводительствовал любимец гвардии, генерал-фельдмаршал князь И. Ю. Трубецкой (1667–1750). Вслед за его приветствием князь Антиох Кантемир в присутствии гвардии зачитал императрице и верховникам новую, написанную им, челобитную.

Видя, что за верховниками нет твердого большинства, Анна Иоанновна публично надорвала «Кондиции» и утвердила новый текст «присяги самодержавию». Благодаря осведомленности императрица легко переиграла верховников. Гонения на них начались почти сразу, 8 апреля 1730 года императрица подписала указ о назначении наиболее влиятельных из Долгоруковых воеводами в отдаленные провинции, затем их отправили в ссылку, почти никто не избежал преследования. Несостоявшийся тесть Петра II князь А. Г. Долгоруков умер в Березове в 1734 году. Его сын Иван пьянствовал и вел опасные разговоры с березовски-ми жителями, в 1737 году на него поступил донос «в говорении непристойных слов о государыне». Из Березова его перевезли в Шлиссельбург, пытали дыбою, он рассказал о подложном завещании Петра II и оговорил своих дядьев. Началось новое следствие, завершившееся казнями многих Долгоруковых, среди них В. Л. Долгоруков, который, как поговаривали, когда-то собирался засылать сватов к Анне Иоанновне. Не помогло прежнее доброе отношение герцогини Курляндской Анны Иоанновны князю Василию Лукичу. Больше других повезло бывшему губернатору Сибири князю М. В. Долгорукову, быть может, в трудную минуту за него заступился князь А. М. Черкасский, передавший ему в 1724 году губернаторство Сибири. Весной 1729 года Петр II призвал князя М. В. Долгорукова ко двору, дал ему чин действительного тайного советника и сделал членом Верховного тайного совета. Анна

Иоанновна 8 апреля 1730 года отправила его губернатором в Астрахань, а месяцем позже сослала в деревню, потом назначила в Казань губернатором, через год сослала в Нарву. «Генеральное собрание», учрежденное Анной Иоанновной для рассмотрения «государственных воровских замыслов Долгоруких», почему-то не покарало бывшего сибирского губернатора столь жестоко, как других: его сослали в Соловецкий монастырь, там он дождался вступления Елизаветы Петровны на престол, возвратившей ему свободу и чины.

С первых дней появления в Москве Анна Иоанновна повела себя как властная, решительная царица. Эта высокая дородная женщина, далеко не красавица, неряшливая, лоснящаяся, громогласная, беспощадная, пугавшая окружающих, прожила не самую удавшуюся жизнь. Много раз венценосный дядюшка Петр Алексеевич и его преемники ни за что обижали герцогиню. Меншиков стремился отобрать у нее Курляндию. Множество несправедливостей в отношении нее, передаваясь изустно, превратились в стойкие легенды, скрывшие от потомков истинное лицо императрицы. Ее упрекали в поощрении немецкого засилия, все ее окружение в Курляндии состояло из немцев, но при Петре I, Екатерине, Елизавете, другой Екатерине немцев на Руси служило не меньше. Была бироновщина, был «Ледяной дом» и другие варварские развлечения, были титулованные шуты и глумление над Долгоруковыми, все было.

Но несмотря на это она возвратила в Петербург столицу, пеклась о его процветании, благодаря ее распоряжению появился первый «фиксационный чертеж» северной столицы и план застройки, открылись несколько учебных заведений. Анна Иоанновна отправила выносливых путешественников в далекие экспедиции, выиграла пришедшиеся на ее правление баталии. Ее правление для России не было худшим.

Напомним еще раз — 25 февраля 1730 года Анна Иоанновна надорвала «Кондиции» и сделалась самодержицей.

В тот же день верховники, почувствовав шаткость своего положения, сформулировали «№ 187. Протокол Верховного тайного совета о бытии бомбардир-поручику Абраму Петрову майором в Тобольском гарнизоне.

1730 года «» дня, ея императорское величество указала: от бомбардир-поручику Абраму Петрову быть в Тобольском горнизоне майором, а для того будет он по посланному декабря 23 дня 1729 году послан в Томск за караулом, оттуда его воротить и из-за караула свбодить и о том в ту губернию для ведома Военной коллегии послать указы, и буде которыя письма у него отобраны, те ему возвратить.

Подлинный подписали князь Михаил Голицын, князь Василий Долгоруков, князь Дмитрий Голицын, князь Алексей Долгоруков, Василий Степанов.

Подписан 25 день Февраля 1730 года»^[385].

Казалось бы, у верховников наверное имелись более важные дела, но почему-то они занялись судьбой Ганнибала. Мучила совесть? Нет, что-то другое, но что? Кто-то из них подсказал Анне Иоанновне в день, когда она расправилась с «Кондициями», «указать» верховникам освободить Абрама Арапа. Впрочем, возможно, протокол верховники подписали до чтения князем А. Д. Кантемиром его челобитной. Уже тогда верховники понимали, что события разворачиваются против них.

Князь М. В. Долгоруков утверждает, что бомбардир-поручик писал бывшему послу в Париже князю В. Л. Долгорукову и просил о помощи. Возможно, его хлопоты привели к подписанию Анной Иоанновной февральского указа^[386]. Что ж, после того, как выяснилась роль Рагузинского в судьбе Ганнибала,

можно воздержаться от обвинений Долгоруковых в злодеяниях против Абрама Арапа.

Приведем ответ Верховному тайному совету, полученный из Тобольска:

«Ея императорскому величеству самодержице всероссийской всеподданнейшее доношение из Сибирской губернии. № 1833.

В указе вашего императорского величества из Верховного тайного совета, писанном февраля 25, а в Тоболску полученном марта 13 чисел сего 1730 году, под № 36 в Сибирскую губернию, написано о бытии от Бонбандир-Порутчику Авраму Петрову в Тоболском гварнизоне мазором и свободе его ис Томска из за караулу и о возврате ему отобранных у него писем.

И по силе оного вашего императорского величества указу о свободе оного порутчика Петрова ис Томска из за караулу и о бытии ему в Тоболске вашего императорского величества указ в Томск послан с нарочнопосланным солдатом сего марта 14 дня. К поданию в Верховном Тайном Совете.

Иван Болтин

Секретарь Козма Баженов

Канцелярист Федор Неволин

Марта 18 дня

1730. № 134»^[387].

Просидев в томском карауле два месяца (томский краевед П. А. Барсагаев утверждает, что Ганнибала поместили в Алексеевский монастырь)^[388], Абрам Петрович вышел оттуда со званием майора и назначением в тобольский гарнизон. Еще 23 мая 1728 года Верховный тайный совет переименовал «от бомбар-поручика Абрама Петрова Арапа в Тобольский гарнизон мазором»^[389]. Верховники учинили ему обиду — перевели из самого привилегированного гвардейского

полка в провинциальную армейскую часть. Чиновники не всегда это помнили и именовали его по прежнему чину бомбардир-поручика.

Понятно, почему Меншиков не любил и преследовал Ганнибала; его преследовали и верховники, ниспровергшие Меншикова, и Анна Иоанновна относилась к нему с подозрением. Почему? После освобождения Абрама Петровича из-под стражи она оставила его в Сибири. Дальнейшую жизнь Ганнибала изменили обстоятельства — Россия нуждалась в военных инженерах, предстояло завершение строительства Ладожского канала, реконструкция Кронштадтской крепости и других устаревших и износившихся крепостей. В 1729 году Б. Х. Миних составил проект учреждения Инженерного корпуса. Он-то и явился новым покровителем Ганнибала, вытащившим его из Сибири.

Бурхардт Христофор Миних (1683-1767), сын датского инженера, тайного советника, российский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал, граф, кавалер ордена Святого Андрея Первозванного и многих других орденов, инженерному искусству учился у отца, семнадцати лет вступил в военную службу. В 1721 году в чине генерал-майора принял предложение князя Г. Ф. Долгорукова перейти в русскую армию генерал-лейтенантом, руководил инженерными работами на Балтийском побережье, строительством Ладожского канала, был генерал-губернатором Ингерманландии, Санкт-Петербурга, Карелии, Финляндии, президентом Военной коллегии, главнокомандующим русскими войсками в нескольких кампаниях. В 1741 году повелением Елизаветы Петровны отправлен в ссылку, в 1762 году возвращен Петром III, назначен директором Ревельской и Нарвской гаваней, Кронштадтского и Ладожского каналов. Незадолго до кончины Петр Великий сказал о Минихе в Сенате: «Из

всех иностранцев, бывших в моей службе, лучше всех умеет предпринимать и производить великие дела: содействуйте ему во всем!»^[390]

«В 1729 году, — пишет историк Ф. Ф. Ласковский, — при императоре Петре II, граф Миних, которому вверено было главное управление над Инженерным корпусом, в числе других административных преобразований по инженерной части, представил Правительственному Сенату на рассмотрение и утверждение новый штат крепостей. В нем число укрепленных пунктов возросло до 82, хотя Россия в этот краткий промежуток времени, после императора Петра, сделала самая незначительная поземельная приобретения в Персии»^[391].

К началу 1730-х годов многие русские крепости находились в весьма плачевном состоянии. Д. Гнамманку, не ссылаясь на источник, приводит любопытный документ, датируемый 1731 годом: «А в каком ныне крепости состоянии имеютца — ведомостей в скором времени, за далностью мест и за неимением доволного числа в практике искусных инженеров, порознь об всем аккуратно ныне сочинить невозможно. Однако ж генерално известно есть, что все крепости через долгое время исправлением упущены... А из иных крепостей, которые, как, например, бывшие швецкия пограничныя: Нарвская, Выборгская, Ревельская, Перновская, Рижская и Динаменская, — еще и во время швецкаго владения в надлежащем состоянии не были; однако ж и все еще великого исправления требуют... Ибо многим крепости, от долговременного в непоправлениях запущения, повредились во многих местах и через то в немалое худое состояние пришли, так что к обороне зело безнадежны. А другие, например, Ревель и Рига, хотя в своих линиях и в целости содержатся, однако ж обретаются местами весьма в худом фланкировании и несильной дефензии»^[392].

Конец последней фразы сообщает о худом прикрытии флангов и поэтому несильной способности крепостей к охране (обороне).

Для исполнения планов укрепления русских границ требовались специалисты. Исключительно одаренный, честный, работающий Миних добился прикомандирования А. П. Ганнибала к Инженерному корпусу: он высоко ставил знания и способности обучавшегося во Франции военного инженера. 25 сентября 1730 года его стараниями в Сенате была объявлена воля Анны Иоанновны «лейб-гвардии от бомбардир-поручика Абрама Петрова, которому велено быть в Тобольском гарнизоне майором, послать в команду графа фон-Минихена, а ему определить его в Пернове (ныне Пярну, Эстония. — *Ф. Л.*) к инженерным и фортификационным делам по его рангу»^[393].

И все-таки «бунтаря» Абрама Арапа в столице императрица повелела не оставлять, а возможно, это Миних решил его упрятать подальше от глаз подозрительного Бирона и его приспешников. Герцог Курляндский и Семигальский, обер-камергер, граф Эрнест-Иоганн Бирон (1690-1772), бессменный фаворит Анны Иоанновны, ее доверенное лицо, имел на императрицу абсолютное влияние. М. Д. Хмыров пишет о нем:

«Гордый, невежественный и злобный Бирон, к несчастью, был довереннейшим лицом государыни, волею которой коварно и дерзко играл он, окружая престол плотную стеною своих сторонников, таких же, как он, пришлецов. Левенвольды, Менгдены, Кейзерлинги и другие бесчисленные курляндцы, перемешанные с остзейцами, водворились тогда в Россию, овладели лучшими местами и должностями, наводнили все управления... Конфискации производились тщательно; розыски чинились неутомимо»^[394].

Б. Х. Миних — враг Бирона, хорошо его знавший, не самый субъективный свидетель — вспоминает: «Этот человек, сделавший столь удивительную карьеру, совсем не имел образования, говорил только по-немецки и на своем родном курляндском диалекте. Он даже довольно плохо читал по-немецки, особенно если попадались латинские или французские слова, и не стыдился публично признаваться при жизни императрицы Анны, что не хочет учиться читать и писать по-русски, чтобы не быть вынужденным читать ее величеству прошения, донесения и другие бумаги, которые ему присылали ежедневно»^[395].

Бирон был достаточно умен и понимал шаткость и противозаконность своего положения, оставалось одно — терроризировать, запугать так, чтобы не могли появиться желающие состязаться с ним за место у трона, у ушей матушки-императрицы.

Вернувшись в декабре 1730 года в столицу, безмерно счастливый Ганнибал не предполагал, что его подстерегает едва ли не бóльшая беда, чем сибирская ссылка. В Петербурге, отыскивая старых друзей, он встретился с Иваном Михайловичем Головиным (1673–1738), адмиралом галерного флота. У него в подчинении находился грек на русской службе капитан Андрей Петрович Диопер. Его младшая дочь красавица Евдокия понравилась Абраму Петровичу, он попросил у отца ее руки. Барышня была влюблена во флотского поручика Кайсарова, собиралась за него замуж и сделалась его любовницей. За Ганнибала она идти отказалась, «понеже арап, и не нашей породы»^[396]. На эти ее слова ни отец, ни жених не обратили внимания, а зря. Будущий тесть счел брак дочери с Абрамом Арапом удачным, дал согласие и вынудил дочь идти под венец. Отцу льстило выдать Евдокию за царского крестника и друга влиятельного адмирала. Скороспелый жених, плененный красотой и молодостью Евдокии, не замечал

ее враждебного отношения к нему. Он не видел, что невеста его практически не образована и лишена элементарной воспитанности (позже выяснилось, что и грамоте она не обучена).

В челобитной на имя Анны Иоанновны Евдокия Ганнибал следующими словами описывает сватовство Абрама Арапа: «В прошлом 1731 году генваря 17 дня отец мой, нижайший бывший морского галерного флота капитан Андрей Петров сын Диопер, выдал меня, нижайшую, по принуждению в жены означенному Петрову с согласия зятя своего Богдана Халябия, а тогда как нижайшая за него мужа своего Аврама Петрова замуж идти не желала, ибо он арап и не нашей природы. Понеже прежде показанного мужа моего сватался за меня тогда от флота порутчик Александр Кайсаров, за которого и намере была выйти замуж, однако отец мой с зятем своим Богданом Халябием учинить того не похотели и венчали меня, нижайшую, под вечер после вечерен в церкви святого Симеона Богоприимца»^[397].

Богдан Халябин, муж старшей дочери А. П. Диопера, поддержал тестя: ему также казалось, что новый родственник будет содействовать и его карьере. Знал ли отец об указе Петра I от 5 января 1724 года «О непринуждении родителями детей и господами рабов своих и рабынь к браку без самовольного их желания»? В разыгравшейся драме вина А. П. Диопера бесспорна^[398].

Венчание устроили 17 января 1731 года «в церкви Святого Симеона Богоприимца»^[399]. В это время в Петербурге была деревянная церковь Праведных Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, в 1731 году летом ее разобрали и по проекту М. Г. Земцова построили каменную, ныне существующую (Моховая ул., 48). Вероятно, молодых обвенчали в старом деревянном храме, возведенном при Петре Великом. Через месяц после свадьбы молодожены выехали в Перновскую

крепость, где инженер-капитану Ганнибалу предстояло учить кондукторов математике, фортификации и черчению.

Пернов основан в XIII веке, замок и город защищала каменная крепостная стена. Ко времени сдачи города шведами в 1710 году в нем насчитывалось около 350 домов, в них жили в центре бюргеры-немцы, на окраинах — ремесленники-эстонцы, всего 1670 человек; гарнизон состоял из Перновского полка, подчиненного коменданту. По указу Петра I в городе была учреждена Перновская гарнизонная школа, готовившая военных инженеров, в ней около трех лет предстояло преподавать А. П. Ганнибалу^[400].

Почти сразу по приезде молодоженов в Пернов семейная жизнь Абрама Петровича превратилась в ад: обнаружилась неверность жены, сделавшаяся известной всему гарнизону, вскоре начался бракоразводный процесс, растянувшийся на 21 год. Процесс этот подробно описан в статье петербургского священника С. И. Оpatовича^[401], основанной на документах военного, статского и церковного ведомств. Как показал юрист Е. А. Прянишников, Оpatович оказался не вполне объективен.

Ганнибалу донесли, что его жена сошлась с перновским донжуаном кондуктором Шишковым, что они задумали его отравить и что сводничеством занимались мещанка Морша и писарь Тимофеев. 28 февраля 1732 года Абрам Петрович обратился в Перновскую канцелярию с просьбой наказать жену и ее любовника. «Подав жалобу на своих подчиненных, — пишет С. И. Оpatович, — Ганнибал принялся и за жену, и плохо стало бедной. Он приставил к ней крепкий, надежный караул и неоднократно брал ее к себе, в свои покои. Там, в стены, повыше роста человеческого, ввернуты были кольца. Туда вкладывались руки несчастной, и ее тело повисало на воздухе. В комнате

заранее приготовлены были розги, батоги, плети, и муж «бил и мучил несчастную смертельными побоями необычно», принуждая ее, чтобы она на суде при допросах показала, будто «с кондуктором Шишковым хотела его, Ганнибала, отравить и с ним, Шишковым, блуд чинила». При этом, в случае, если она покажет не по его желанию, «грозил ее, Евдокию, убить». После таких внушений, в канцелярии (где производилось дело о нарушении супружеской верности и где сам Ганнибал играл роль немаловажную), Евдокия все показывала по желанию мужа, чтобы только вырваться из его рук. Тем не менее, в течение месяца она жила у мужа и только в конце марта того же года взята была в канцелярию. Ее посадили на Госпитальный двор, куда обыкновенно заключались осужденные. Там, под крепким караулом, провела она пять лет «пока суды кончались». На содержание арестованных никто не обращал внимания, и арестанты Госпитального двора питались или на средства родных, или на dobroхотныя подаяния христоролюбивцев. На содержание Евдокии Андреевны муж ничего не давал и сам нарочно затягивал дело, чтобы подольше продержать ее под караулом. Арестантке не раз приходилось страдать от голода в ожидании милостыни. Нечего уже и говорить о других условиях быта в Госпитальном дворе»^[402].

Жестоко? Да. Абрама Арапа доканали пересуды гарнизонных сплетников и немцев-бюргеров, возможно, произошел нервный срыв, и он в отношении Евдокии Андреевны сдержать себя уже не смог, жгучее болезненное переживание переросло в бешенство. Ведь он любил ее. Наверное, Абрама Петровича еще сильнее ранило то обстоятельство, что его, выпускника лаферской военной школы, крестника императора, учителя другого императора, представителя знатного рода предпочли кондуктору-недоучке. Не следует полностью полагаться на объективность Опатовича —

описание избиений и пыток, происходивших в доме Ганнибала, основано на тексте челобитной, поданной Евдокией Андреевной при обжаловании решения Перновского кригсрехта (военного суда): «И по подаче от него, мужа моего, в реченной канцелярии доношения, содержалась я, нижайшая, в доме мужа моего под крепким ево караулом, с два месяца, тогда показанной муж мой неоднократно брал меня, нижайшую, к себе, в своих покоях веся в кольцо бил и мучил смертными побои необычно, принуждая меня, нижайшую, чтоб при допросах против данного от него доношения показывала: якобы с выше реченным кондуктором Шишковым оправить ево хотели, и блуд будто чинили, еще он, муж мой, при том неоднократно ево надо мной мучении говорил, ежели де ты против поданного от меня доношения в чем станешь запиратца, то де убью тебя до смерти, а пропадешь же ты вместо собаки»^[403]. Однако подтверждения обвинений в избиениях и пытках в документах не обнаружено^[404].

Постоянных военных судов не существовало, поэтому жалобу Ганнибала на неверность жены и поведение его подчиненных Перновская гарнизонная канцелярия отправила в столицу в Фортификационную контору. Оттуда ее передали на рассмотрение рижского обер-губернатора, в результате чего появилось распоряжение о создании Перновского гарнизонного кригсрехта. Судебные заседания происходили в феврале 1733 года, о решении суда в пользу Абрама Петровича мы еще скажем. Косвенные доказательства преувеличений жестокого обращения с неверной женой в ее челобитной имеются. Ганнибал не раз выступал противником телесных наказаний, подтверждение этому читатель обнаружит позже. То обстоятельство, что он пожелал судебного разбирательства, также свидетельствует в его пользу. В первой трети XVIII века люди суровые, не любившие подчиняться закону, не

признававшие его, легко обходились без следствия и суда; Абрам Арап не пожелал нарушать закон, отчего ему тогда истязать жену? И все же отметим здесь, что в первой половине XVIII века порка жены была делом семейным.

Имеется косвенное подтверждение того, что Абрам Петрович пытался остановить жену, оградить от надвигавшейся катастрофы. В марте 1731 года Ганнибалы появились в Пернове, служба шла хорошо, имевший большое влияние в армии и императорском дворце генерал-фельдмаршал Б. Х. Миних покровительствовал ему. Неожиданно 10 октября 1731 года Миних ходатайствовал в Военной коллегии об увольнении просящегося в отставку нужного ему инженер-капитана Абрама Петрова из команды «и о милостивейшем к его, со всей фамилией, яко чужестранного, пропитании»^[405]. Вместо отставки Ганнибала вызвали в Канцелярию Главной артиллерии и фортификации в Петербурге для встречи с генерал-майором бароном И. Л. Люберасом для обсуждения с ним состояния Селенгинской крепости.

Попытка получения отставки и, следовательно, отъезда из ненавистного Пернова может быть объяснена лишь желанием увезти скучавшую молодую красавицу и оградить ее от тамошних ловеласов: наверное, до мужа начали доходить какие-то неприятные слухи. Попытка не удалась, и разыгралась драма. Высказывается предположение о том, что инженер-капитан, когда-то близкий ко двору человек, мог быть не удовлетворен своим положением — низким чином, должностью^[406]. Отчего тогда не просить отставки по приезде из Тюмени в Петербург? Он уже тогда знал о должности, но не подозревал о неверности жены.

Приведем извлечение из «Немецкой биографии»: «Но ему, человеку, чувствовавшему себя предназначенным к чему-то большему, чем латание крепостей, это новое

назначение было достаточно скучным, однако он нес его как только мог долго и терпеливо. В это время он женился во второй раз, а именно на дочери тамошнего капитана Матиаса фон Шёберга^[407]. Этот капитан Шёберг был по рождению швед, а его супруга лифляндка, урожденная фон Альбедиль. Итак, он решил покинуть не выгодную для него более службу, не имея в ней более никаких видов на новые удачи и дальнейшее повышение в чинах: он получил свои 2000 и все, что он сберег из своего жалования во время службы, и купил себе неподалеку от Ревеля лежащее имение Каррикюла в полтора ревельских гака, и зажил как сельский хозяин, как довольствующийся малым мудрец с растущим семейством (которое он не смог бы, не предприняв этого, достаточно хорошо обеспечить) столь хорошо и удовлетворенно, сколь к тому призывала его судьба»^[408].

Повторный доклад Миниха 7 июня 1732 года об отставке Ганнибала также остался без последствий^[409]. Не следует забывать, что при Анне Иоанновне и Елизавете Петровне каждый дворянин обязан был служить и не имел права протестовать против отказа в увольнении от службы. «Манифест о даровании вольности и свободы российскому дворянству», освободивший дворян от обязательной гражданской и военной службы, появился 18 февраля 1762 года повелением императора Петра Федоровича. До этого важнейшего законодательного акта дворяне увольнялись со службы с ведома суверена.

Третья попытка получения отставки была предпринята Ганнибалом в 1733 году. На основании его челобитной Б.-Х. Миних 30 апреля сделал доклад императрице Анне Иоанновне; приведем его полностью:

«Ее императорскому величеству всеподданнейший доклад.

Инженерного корпуса капитан Аврам Петров бьет челом вашему императорскому величеству. А мне подал челобитную, в которой написал, что служит он вашему императорскому величеству с 705-го года. И при дяде вашего императорского величества высокоблаженные и вечнодостойные памяти государе императоре Петре Великом был при всех тех баталиях, при которых его величество своею особою присутствовать соизволил, а именно: под Добриным, под Лесным, под Полтавою, при Ангуте, под Прутом и во многих зело трудных походах всегда при его величестве.

А в 716-м году по указу его, государя-императора, послан во Францию, где, быв для обучения военных дел и для присмотра тамошних порядков, служил в тамошней военной службе и тамо в 1718-м году при атаке города Фонтараби ранен тяжко на голове в двух местах. А в 724 году, прибыв оттуда паки в Россию, пожалован в лейб-гвардии в Бомбардирскую роту поручиком. А в 727 году послан был в Тобольск, а оттуда на китайскую границу в Селенгинск для строения тамошней крепости, где по силе вашего императорского величества указов порученные ему дела исправлял со всяким прилежанием. А в 730-м году по указу бывшего Верховного тайного совета в Тобольский гарнизон определен мазором, а Сентября 25 дня по именному вашего императорского величества указу во Инженерный корпус капитаном, где и поныне обретается.

А ныне за очную (глазную) болезнь и за слабым здоровьем в том корпусе служить не может и просит от воинской и штатской служб об отставке и за вышеописанную многолетнюю службу о всемилостивейшем от вашего императорского величества яко чужестранного и кроме жалованья никакого пропитания не имеющего человека награждении.

А понеже за очною болезнию и за слабым здоровьем и за протчими имеющимися у него болезнями при так касающемся яко инженер-капитану многотрудным до инженерного искусства деле ему, капитану, при Корпусе инженерном быть неспособно, того ради всеподданнейше вашего императорского величества прошу об отставке оного капитана Петрова о всемилостивейшем указе.

А для его, яко чужестранного человека пропитания не соизволит ли ваше императорское величество всемилостивейшее повелеть: по смерти его производить ему жалованье из ныне получаемой им суммы третью часть, а именно: по 100 рублей в год по рассмотрению Правительствующего Сената из какой суммы надлежит»^[410].

21 мая 1733 года «по челобитию за имеющимися болезнями» Ганнибалу дали отставку с пенсией 100 рублей^[411]. В дальнейшем его неоднократные прошения об увеличении пенсии услышаны не были. 30 июля 1739 года в Кабинете министров началось рассмотрение очередного прошения Ганнибала о прибавке ему к пенсии 100 рублей, так как увеличившейся семье «пропитание не хватает»^[412]. 9 августа в журнале Кабинета появилась запись: «По прошению майора Авраама Петрова Ганибала арапа справиться — чего ради он отставлен, и пропитание дано такое-ль, как по регламенту определено, и потом доложить»^[413]. На другой день новая запись: «Из Военной коллегии требовать ведомости: майора Авраама Петрова Ганибала, чего ради отставлен и пропитание дано такое-ль, как по регламенту определено»^[414]. Рассмотрев челобитную, чиновники решили, что сумма пенсии в 100 рублей плюс доходы с мызы обеспечивала скромное, но

достойное существование, после разбирательства появилась резолюция: «Велено отказать»^[415].

Добиваясь увеличения пенсии и постоянно получая отказы, Абрам Петрович решил просить не денег, а крепостных. В Делах о наградах за выслугу и о других актах Высочайшей милости читаем: «Били челом: в марте 1740 г., — отставной майор Аврам, Петров сын, Ганибал о прибавке ему к нынешнему сторублевому окладу о пожаловании из ревельских казенных мыз крестьянских семей, сколько соизволено будет... Челобитчик этот получил от Кабинета отказ»^[416].

Добиваясь отставки, Абрам Петрович продолжал хлопоты о разводе с Евдокией Андреевной. По завершении следствия Перновский военный суд выдал инженер-капитану Ганнибалу следующий документ:

«1733 года февраля 19-го числа по указу его императорского величества генерал-губернской канцелярии по промемории (должностная записка, подаваемая низшим должностным лицом высшему. — *Ф. Л.*) от фортификации господина барона фон Либерса в оную Канцелярию и по ордеру его Высокопревосходительства генерала Аншевта кавалера и Лифляндии губернатора Лесии повелено дело исследовать от фортификации господина капитана Петрова с кондуктором Яковом Шишковым во ослушании команды и в фальшивых доношениях к генералитетом и в блуде жены ево капитана и в отравке ево капитана женою и им Шишковым. Тако ж в оном деле в ведомстве (знании. — *Ф. Л.*) приличился в отраве кондуктор Гаврила Кузмицкий. И означенные кондукторы перед судом призналися во всем винны. И перед судом кондукторы просили слезно христианского прощения у господина капитана Петрова, на что означенный капитан Петров в обиде своей, не помня их злое умышление на ево капитана, во всем простил.

И того ради военный суд господина капитана Петрова признаваем всем судом правым. И от военного суда дан ему, господину капитану Петрову, сей аттестат»^[417].

Известна собственноручная резолюция Петра I, имеющая заголовок «Вины разводов брачных», где перечислены причины разводов; первым пунктом он записал: «прелюбодейства и челобитье о том брачных друг на друга»^[418]. Ей и руководствовался Перновский кригсрехт, выдавая этот аттестат.

До начала судебных заседаний во время предварительного следствия все свидетели и обвиняемые, включая Евдокию Андреевну, подтвердили обвинения, выдвинутые против них А. П. Ганнибалом. Вскоре после вынесения решения Перновским военным судом и выдачи его Абраму Петровичу осужденная отправила императрице челобитную.

Публикатор судебного решения (аттестата) Н. А. Малеванов критически отнесся к решению перновских судей, весьма расплывчато сформулированному, и утверждает, что, несмотря на признание вины кондукторов и Евдокии Андреевны и этот текст в пользу истца, на развод подавать было бесполезно. Ганнибал понимал слабость своего положения и поэтому полученным аттестатом пытался подменить документ о разводе.

Стремление возможно быстрее освободиться от первой жены объясняется появлением у него возлюбленной — Христины-Регины фон Шёберг (1717–1781)^[419], дочери шведа Матвея фон Шёберга, капитана русской армии, и лифляндской дворянки, урожденной Альбедиль. Это не было простым похождением инженер-капитана: с новой женой они проживут почти пятьдесят лет. Абрам Петрович всеми силами стремился узаконить брак венчанием. Предпринятые им попытки оказались

неудачными, именно поэтому он вышел в отставку и поселился на купленной у адмирала И. М. Головина мызе Карьякюла Ревельского уезда. Прежний владелец знал Абрама Арапа ребенком и взял с него недорого, денег, завещанных ему крестным, хватило на приобретение мызы^[420]. Не получив развода сразу, Абрам Петрович, преодолевая тысячи препятствий, в 1736 году уговорил военного священника Петра Ильина, и тот обвенчал его с Христиной-Региной фон Шёберг в Ревельской полковой церкви во имя Федора Стратилата^[421]. Храм этот официально назывался Преображенским собором, в нем находился образ Федора Стратилата, принадлежавший Эстляндскому полку, расквартированному в Ревеле (Таллине)^[422]. Приходские священники нередко совершали обряд венчания, не имея на то оснований, поэтому в 1730 году Синод повелел: «Ежели которые люди с женами своими, не ходя к правильному суду, самовольно между собою разводиться будут, то отныне впредь отцам их духовным, ни к каким разводным их письмам в таких разводах рук отнюдь не прикладывать, под тяжким штрафом и наказанием и под лишением священства»^[423]. Знал ли священник Ильин, что нарушает указ Синода, или нет, нам неизвестно. Кажется, наказания за этот его поступок не последовало.

5 июня 1736 года у Ганнибалов родился первенец Иван^[424], еще и поэтому счастливый отец стремился быстрее обвенчаться, чтобы его сын стал законнорожденным. Увы, формально законнорожденной будет лишь одна, младшая дочь стареющего арапа — Софья. Состоявшееся венчание Русская Православная церковь признать не могла. По существовавшим правилам Ганнибал не оформил развода с первой женой; Христина Шёберг была лютеранкой, а «православным

позволялось вступать в брак с иноверными только с разрешения епархиального начальства»^[425].

В книге А. М. Бессоновой, посвященной Ганнибалам, дата рождения первенца Ивана указана неверно — 5 июня 1731 года. Известно, что он сын второй жены Абрама Петровича, но летом 1731 года Ганнибал еще не был знаком с Христиной Шёберг. Если все же принять эту дату, то получится, что зачатие Ивана должно было произойти в октябре 1730 года, когда Абрам Петрович находился еще в Сибири. Известно, что автор взяла эту дату с надгробия или из некрополя. На самом деле Иван родился в 1736^[426] или 1735 году^[427]. Рождение дочери Евдокии А. М. Бессонова относит к сентябрю-октябрю 1731 года. Если эта дата верна, то речь идет о дочери Евдокии Андреевны — белокожем ребенке, о котором говорили и писали многие. Следовательно, она должна была родиться в перновском гарнизоне, а скрыть рождение у отца-негра белой дочери невозможно. Если так, то о какой неверности жены, бывшей на сносях, могла идти речь? Наверное, у А. М. Бессоновой дата рождения Евдокии также ошибочна: по-видимому, она родилась в 1737 году^[428].

Постоянные неприятности с первой женой продолжались до 1749 года. Ее то выпускали из-под стражи, то лишали свободы вновь. Оказываясь на воле, она тотчас принималась писать на Абрама Петровича жалобы и заводить любовников. 15 сентября 1749 года Ганнибал подал в Петербургскую консисторию прошение о том, «чтобы в рассуждение его долговременной и беспорочной службы и вторичного брака, его всемилостивейшее оборонить и бывшую его жену Евдокию взять в консисторию и за чинимое ею прелюбодеяние отрешить от него вовсе, дабы она прелюбодеица долее не называлась его женою и, таскаячись на воле, своими непотребствами еще более его к бесчестию не довела»^[429].

Архиепископ Петербургский Феодосий вынес следующее решение:

«1) Евдокию Андреевну с Ганнибалом разлучить; 2) по силе указа 8 января 1744 г., учиня ей наказание, послать в Оренбург или, по рассмотрению Синода, на труды монастырские вечно, потому что «таковая сквернодеица в резидующем граде бытии не может»; 3) генерал-майору

Ганибалу, к тому второбрачию не малую подала причину синтенция суда о наказании жены и ссылке ее на прядильный двор на работу вечно, что и всякому, не совершенно знающему духовных прав, покажется за действительное разлучение. Сверх же всего, с нынешнею его второбрачною женою в сожитии уже 13 лет и имеет 6 детей, чего ради, принесла покаяние перед отцом духовным и строго исполнит эпитимию, какая ей будет назначена»^[430].

Несчастную блудницу поместили в консисторскую тюрьму, и она просидела в ней еще четыре года. Присылал ли бывший муж ей еду или она кормилась подаями, мы не знаем. Уж очень жестоко поступал Ганнибал с Евдокией Андреевной. Однако и здесь в бракоразводной истории обнаруживается еще одна странность. Н. Д. Чечулин несколько туманно сообщает, что Абрам Петрович соглашался выдавать на содержание первой жены две с половиной тысячи рублей в год. Сумма огромная. Выдавал ли он ее или только намеревался — из текста понять трудно. О подобном содержании речь могла идти лишь в конце 1740-х годов. Не о второй ли жене идет речь?^[431]

Лишь 9 сентября 1753 года появилось окончательное решение, вынесенное С.-Петербургской консисторией: Евдокию Ганнибал «развести и препроводить в губернскую канцелярию для отсылки куда таковых посылают, или в отдаленный монастырь на труды монастырские вечно. Брак Ганнибала с Христиною

Шеберг утвердить, наложив на него эпитимию и денежный штраф»^[432]. Какой присудили Ганнибалу штраф и церковное наказание (епитимью), мы не знаем.

Первая женитьба принесла Абраму Петровичу много горя, унижений и волнений, разбила жизнь Евдокии Диопер, остаток дней проведенной «колодницей» в монастыре.

Приведем документ, засвидетельствовавший кончину Евдокии Андреевны:

«Святейшему Правительствующему Синоду
Из Новгородской Духовной Консистории
Репорт

Сего июнь 13-го дня присланным в оную Консисторию Тихфина Введенского девича монастыря эгумения Наталия с сестрами доношением объявила минувшаго мая 19 дня содержащаяся в том Введенском монастыре в подначалстве колодница бывая генерала Ганибала жена Авдотья Андреева дочь волею Бошией помре коя за оным монастыре и погребена. А по справке в Консистории значится упомянутая генерала Ганибала жена Авдотья Андреева к содержанию по указу Святейшаго Правительствующаго Синода прошлаго 1754 года генваря 8 числа для покаяния за вину ея прислана была Новгородской епархии в Староладожский девичь монастырь а из онаго в 762-м году по резолюции покойнаго преосвященнаго Димитрия митрополита Новгородскаго а по прошению того монастыря игумении Евфимии с сестрами переведена в означенный Тихфин в Введенский девичь монастырь о чем Святейшему правительствующему синоду Духовная Консистория сим покорно препортует,

июня 17-го дня

1771 года

№ 1537»^[433].

Таким образом, устанавливаются годы жизни Евдокии Андреевны: она родилась около 1710 года, скончалась в 1771 году.

Возвратимся на двадцать лет назад.

Жизнь на мызе Карьякюла быстро наладилась, хотя требовались талант и расчетливость, чтобы большой семьей прожить на сторублевую пенсию и доход от девяти трудоспособных крестьян^[434]. Но отставной майор не желал возвращаться в армию, пока в стране главенствовал Бирон.

«Известный арап Ганнибал, — писал М. Д. Хмыров, — крестник Петра Великого и предок славного Пушкина, избегая преследований страшного временщика, безвыходно скрывался в каком-то захолустье. Страшное «слово и дело» раздавалось повсюду, увлекая в застенки сотни жертв мрачной подозрительности Бирона или личной вражды его шпионов, рассеянных по городам и селам, таившихся чуть ли не в каждом семействе. Казни были так обыкновенны, что уже не возбуждали ничьего внимания, и часто заплечные мастера клали кого-нибудь на колесо или отрубали чью-нибудь голову в присутствии двух-трех нищих старушонок да нескольких зевак-мальчишек»^[435].

Второй брак Ганнибала оказался счастливым. О прадеде поэта написано сравнительно много, о прабабке — ничего. Она могла повлиять на унаследование Пушкиным лучших его черт не менее черного прадеда и других предков. Прадед ярче, деятельней — это так, его жизнь насыщена событиями, порой почти невероятными. Жизнь женщины, везде следовавшей за мужем, скрывавшейся в его тени, занятой детьми и хозяйством, описать трудно. О ней не оставили воспоминаний, мы не знаем, как она выглядела. Но нам известен ее подвиг — на глазах у всех девушка-дворянка, преодолев в себе обывательское благоразумие, ушла из дома к неразведенному мужчине. Наверное, она его очень

любила, поэтому стойко переносила невзгоды, затянувшийся бракоразводный процесс, служебные неприятности мужа, трудности, связанные с детьми, нелегкий характер Абрама Арапа, бесспорно любившего и уважавшего ее. Сыновья по достижении определенного возраста поступили в военные учебные заведения, двое из четырех доставили родителям немало огорчений. Дочерей Христина Матвеевна от себя до их замужества не отпускала, она сделалась их учителем и наставником, с ними хлопот у нее не было. Родственники и соседи относились к госпоже Ганнибал с почтением. Она не перешла в православие, в огромной православной семье осталась лютеранкой. Уж очень несправедливо стойкое молчание, окутавшее ее. Один лишь эстонский исследователь Георг Леец собрал о ней кое-какие сведения, приведем из них извлечения:

«Не позднее 1734 года А. П. Ганнибал вступил в связь, в 1736 году заключил церковный брак с Христиной-Региной фон Шёберг. Отец Регины, Матвей фон Шёберг, по национальности был шведом. Известно, что после Полтавской битвы Петр I брал к себе на службу пленных шведских офицеров. Так, когда 14 августа 1710 года Пернов капитулировал перед генералом Р. Ф. Боуром, шведский комендант полковник Я. Г. фон Швенгель вместе с вверенным ему гарнизоном (за исключением артиллеристов, ушедших в Ревель, тогда еще шведский) перешел на русскую службу. Видимо, и отец Христины, капитан Матвей фон Шёберг, был ранее офицером шведской армии.

Подтверждение этому находим в статье «Шведские предки Пушкина», помещенной в стокгольмской газете «Stockholms Dagblad» от 11 июня 1899 года. В ней говорится, что род Шёбергов был возведен в шведское дворянство в лице Матиаса Отто Шёберга, который родился в 1624 году и умер в должности шталмейстера шведского короля в 1692 году. Сын этого шталмейстера,

капитан Вестманландского полка Матиас фон Шёберг, упоминается в шведской военной историографии, где сообщается, что в октябре 1709 года ему было поручено сопровождать из Риги в Стокгольм 217 русских пленных. Уезжая, он оставил в Риге свою семью и все свое имущество. «Надо предполагать, — пишет автор статьи в «Stockholms Dagblad», — что этот Матиас Шёберг был женат и что его жена и дочь 4-го июня 1710 года попали в плен к русским, вступившим в Ригу, а затем препровождены в Ревель, взятый русскими 29 сентября... Христина фон Шёберг, как девица из благородной фамилии и в качестве дочери-пленницы, могла быть впоследствии принуждена вступить в неравный брак и сделаться женою негра».

После завоевания Петром I Прибалтики капитан Матиас фон Шёберг, видимо, вернулся из Швеции к своей семье в Эстляндию и вступил затем в русскую военную службу. Свою семью — жену и детей — он нашел в Ревеле...

Что касается матери прабабки А. С. Пушкина Христины Регины Ганнибал, то она была лифляндка, «урожденная фон Альбедиль». Семейство это — одно из древнейших в Ливонии, переселившееся сюда из Германии. Представители этого рода братья Клаус и Юрген впервые упоминаются в местной историографии в 1473 году. Семейство имело в Ливонии три ветви — лифляндскую, эстляндскую и курляндскую. Эстляндская ветвь владела крупными поместьями Аггерс, Кунда и Саус. В материалах Таллиннского городского архива упоминаются следующие родственники жены А. П. Ганнибала: в 1738 году гвардии капитан барон Альбедиль, барон Альбедиль (видимо штатский), в 1741 году полковник барон фон Альбедиль...

Документальные свидетельства службы капитана Матвея Шёберга в 1731-1733 годах в городе Пернове отсутствуют. Основанием для такого предположения

послужила, видимо, фраза из немецкой биографии А. П. Ганнибала: «За это время он вторично женился, именно на дочери тамошнего капитана Матвея фон Шёберг». Эта фраза из текста, где рассказывается о службе Ганнибала в Пернове, на первый взгляд, весьма убедительно подтверждает такой вывод. Однако, если, во-первых, принять во внимание, что эта биография была написана за пределами Эстонии после смерти Ганнибала, и, во-вторых, учитывать наличие в тексте биографии других неточностей и ошибок, то мы имеем право подойти к этой фразе более критически. По нашему мнению, понятие «тамошний» следует отнести в более широком смысле к *тамошнему краю*, к Эстонии — в противоположность тому месту в России, где писалась биография (мыза Суйда, где жил и умер Ганнибал)»^[436].

Дополним Г. Лееца сведениями Е. А. Прянишникова:

«Род Альбедилей происходит из Италии, откуда они переселились в Лифляндию в XIV веке. Одна из ветвей этого рода в XVII веке из Лифляндии перешла в Швецию, где некоторые из Альбедилей достигли генеральских чинов и королевой Ульфикой-Элеонорой были возведены в баронское достоинство. Известно, что члены этой семьи были как на русской, так и на прусской службе... О происхождении ее отца имеются такие сведения: ее дед Матиас Отто Шёберг родился в 1624 году в Германии, затем переселился в Швецию, где в 1688 году был внесен в список шведского дворянства, а умер в 1692 году в звании шталмейстера шведского короля. Матиас Отто фон Шёберг был женат на Кларе-Марии Гаттунг, от которой имел трех сыновей: Матиаса-Иоганна, Карла-Густава и Отто-Ларса»^[437].

Сведения о взаимоотношениях Ганнибалов с Шёберга-ми и Альбедилеями до нас не дошли.

Леец высказывает предположение о том, что Абрам Петрович, купив в 1732 году в двадцати пяти верстах от Ревеля мызу Карьякюла, познакомился с Христиной

Шёберг не в Пернове, а в Ревеле, и она поселилась у него на мызе уже после получения им отставки. И то и другое предположения ничего существенного к биографии прадеда поэта не добавляют. Необвенчанными им жилось на хуторе легче, чем на гарнизонной квартире под осуждающими взглядами кумушек. Вряд ли Христина согласилась бы жить в Пернове не обвенчавшись.

Восемь лет счастливо прожило семейство Ганнибалов на мызе Карьякюла, там у них родилось четверо детей. У Абрама Петровича прошли изнуряющие головные боли от сабельного ранения во франко-испанской баталии. Но каково энергичному образованному мужчине заниматься лишь мелкими хозяйственными делами? Свое положение изменить он не мог — держава оставалась под гнетом Бирона, Сибирь научила Ганнибала ждать и терпеть. Анна Иоанновна скончалась 17 октября 1740 года, 9 ноября 1740 года Миних с согласия Анны Леопольдовны, матери младенца-императора Иоанна Антоновича, арестовал ненавистного регента, десять лет не выпускавшего Россию из своих цепких рук.

Ганнибал, узнав о происшедшем в столице, тотчас устремился в Петербург, челобитная о возвращении на военную службу лежала у него в кармане. Именным указом «правительницы империи» Анны Леопольдовны, родной племянницы Анны Иоанновны, 23 января 1741 года отставной майор инженерных войск «за долговременные и беспорочные службы» был произведен в подполковники и определен в Ревельский гарнизон начальником артиллерии. Тем же указом «безарендно, по его смерть» он получил в Ревельском уезде деревеньку Раголе^[438]. Наверное, без замолвленного доброго слова Миниха здесь не обошлось. Через полтора года Елизавета Петровна

передала ему Раголе «в вечное и потомственное владение»^[439].

Вслед за объявлением в Сенате указа Анны Леопольдовны Абрам Петрович в Военной коллегии принял присягу на верность России и отправился представиться своему эстляндскому начальнику — ревельскому губернатору графу Вольдемару Левендалю (1700–1755), находившемуся в это время в Петербурге. Генерал Левендаль, датчанин, с 1714 года воюя под разными знаменами, с 1736 года на русской службе, в России не задерживался, в 1743 году он отправился во Францию, там в 1747 году сделался маршалом. Вспыльчивый и честолюбивый, он с порога набросился на пришедшего подполковника, «кричал как на своего холопа».

«А как я уже прибыл в Ревель, — писал А. П. Ганнибал позже в кабинет императрицы Елизаветы Петровны, — и команду артиллерийскую принял, то он, Левендаль, всячески меня гнал, чтоб мне в Ревеле не быть» и не только сам, но и «через бывшего тогда в Ревеле обер-коменданта Де-Бриния». Выслуживавшийся перед Левендалем подхалим де Брини потребовал от Ганнибала освободить казенную квартиру, угрожая «выкинуть на улицу багаж» (вещи)^[440].

Всю почти жизнь, исключая Францию, — в Петербурге, в Сибири, в походах — везде Ганнибал слышал о себе «не нашей породы». Назначенный в Ревель, он подвергся преследованию со стороны начальства и презрению подхалимов-подчиненных — чужак «не нашей породы»^[441]. В Эстляндии с давних пор начальство назначалось из немцев, для России все они были чужаками. Ганнибал утверждает, что из Ревеля стремились изгнать не одного его, но и многих русских офицеров^[442]. Немцы не желали терять традиционного главенства над Эстляндией, привилегированное положение выходцы из германских княжеств занимали и

среди аборигенов. Неприятности Ганнибала начались сразу. Время и силы начальника ревельской артиллерии главным образом уходили на борьбу с начальством и подчиненными.

«Укрепления Ревеля, — пишет Г. Леец, — состояли из двух возникших в разное время оборонительных поясов — построенной в XIII–XVI веках каменной городской стены с 35 башнями и воздвигнутой в XVII–XVIII веках внешней линии бастионов и редутов с широким и глубоким водным рвом. С 1650 года внимание шведского военного командования было сосредоточено на модернизации укреплений Ревеля в соответствии с новыми требованиями фортификационного искусства, так как с ростом могущества артиллерии главная роль отводилась теперь передней оборонительной линии. К началу XVIII века Ревель уже был окружен поясом бастионов и редутов по системе известного французского военного инженера С. Вобана.

Система ревельских укреплений была разработана главным инспектором шведских крепостей Э. Дальбергом. Однако проект его, утвержденный королем Карлом XI 5 января 1686 года, не был полностью реализован из-за большого объема работ и недостатка средств. В начале XVIII века, во время Северной войны, фортификационные работы продолжались шведами вплоть до капитуляции Ревеля 29 сентября 1710 года. К этому времени из запланированных 11 бастионов были закончены постройкой только три, остальные частично достраивались, частично были заменены редутами; из шести рavelинов успели закончить только один. В пояс бастионных укреплений были включены три реконструированные артиллерийские башни: Кик-ин-де-Кёк, Толстая Маргарита и Луренбург.

С переходом Ревеля к России назначение его как крепости менялось: из сухопутной она должна была

превратиться в морскую. Требовались соответственные перестройки и дополнительные укрепления для защиты крепости и базы военно-морского флота со стороны моря. В последующие годы были построены береговые батареи в районе гавани («двойная батарея»), в Екатеринентале, на горке Маарья-мяги («батарея Штрикберг») и у Западного мола («Крессель-батарея»). Были усилены ближайшие к морю крепостные верки — бастион у Больших морских ворот с мощной артиллерийской башней Толстая Маргарита, бастион Сконе и Стюарт, воздвигнуты небольшие звездообразные фортеции (штерншанцы) с артиллерией на южной оконечности острова Нарсен (Naisaar), на острове Вульф (Aegna) на Цигельвоппельской косе (Pakjassaar) и на полуострове Виймси близ одноименной мызы. Как мы видели, многие из этих укреплений обветшали с течением времени и еще в 1740 году нуждались в восстановительных работах.

В общем, ко времени назначения А. П. Ганнибала командующим артиллерией в Ревельский гарнизон оборонительную систему крепости вряд ли успели привести полностью в удовлетворительное состояние. Население города, насчитывавшее в начале XVIII века 18 000 человек и уменьшившееся вследствие эпидемии чумы к 1711 году до 1732 человек, проживавших в 490 домах, не достигло к этому времени еще 5000 человек.

Ревельская крепость по штатному расписанию подчинялась обер-коменданту в чине генерал-майора или генерал-лейтенанта. Артиллерийской частью ведал помощник обер-коменданта в чине подполковника. Обер-комендант Ревеля был подчинен по службе эстляндскому генерал-губернатору, которому принадлежала высшая военно-административная власть в губернии и который проживал обычно в Петербурге. После смерти в 1728 году графа Ф. М. Апраксина генерал-губернаторов в Эстляндию перестали

назначать, их функции в 1729–1761 годах исполняли губернаторы. По специальным вопросам, касающимся инженерного устройства в артиллерии крепости, обер-комендант подчинялся «генерал-фельдцейхмейстеру»^[443] и «генерал-директору над фортификациями» и обращался прямо в Петербург, в Канцелярию главной артиллерии и фортификации»^[444].

Начиная с 1734 года начальник артиллерии нес ответственность за состояние боевой готовности ревельской крепостной артиллерии, руководил работами на бастионах, куртинах, кронверках, рavelинах, в его обязанности входило их содержание в боевом состоянии^[445].

Ревельский губернатор граф Густав Дуглас доносил в столицу в 1738 году:

«Имеющиеся в море морские крепости (отдельные форты Ревеля. — *Ф. Л.*), цитадель и двойная батарея так обветшали и погнили, что и пушкам стоять опасно»^[446].

Ф. Ф. Ласковский пишет: «В Ревеле крепостные работы при императоре Петре Первом состояли преимущественно из приморских сооружений. Хотя крепость, при переходе ее во власть русских, была укреплена с сухаго пути весьма слабо, и многое в ней оставалось доделать, но, несмотря на то, для усиления ее с этой стороны, в царствование Петра, было сделано весьма мало, и все произведенные работы заключались единственно в ремонтировании и весьма незначительных исправлениях. Это невнимание к обеспечению крепости от нападений на нее с сухаго пути продолжалось некоторое время и в последующия царствования; доказательством чему может служить представленный в 1740 году ревельским губернатором, бароном фон Левендалем, проект исправления и усиления крепости; в нем между прочим сказано: «что перед двумя полигонами во многих местах через вал и

ров можно не только пешему пройти, но и конному проехать»^[447].

К появлению в Ревеле Ганнибала состояние фортификационных сооружений на Балтийском побережье изменялось в худшую сторону. Граф Дуглас, шведский офицер, попал в плен при штурме Полтавы, перешел в русскую армию, дослужился до полного генерала, предан суду за «изменническую переписку с Швецией», умер во время процесса в 1741 году. Левендаля не судили, в 1742 году его лишили должности губернатора Эстляндии.

Петр I охотно брал на службу иностранцев, создавал для них наиболее благоприятные условия, предоставлял всевозможные льготы, строил католические и лютеранские храмы; многие иностранцы оставались в России навсегда, ассимилировались, переходили в православие, женились на русских, большинство старательно трудилось в интересах новой родины, изредка встречались и такие, как Густав Дуглас. Левендаль, Дуглас и другие эстляндские начальники Ганнибала оказались на русской службе при Анне Иоанновне, Петр Великий вряд ли бы их взял, но если бы по ошибке взял, то тотчас избавился бы от них. Петр I пригласил Даниила Бернулли, вслед за ним потянулись Эйлер и другие крупнейшие европейские ученые. Император брал на службу тех, кто мог научить русских тому, что они не умели делать, например строить корабли. Петра Великого до сих пор обвиняют в отсутствии патриотизма, в искоренении национальных традиций. Он был самый русский из всех российских императоров XVIII–XX столетий, по крови и по отношению к Родине, к своим обязанностям, положивший жизнь свою на благо Отечества, все, что перенималось им на Западе, видоизменялось и приспособлялось к российским условиям и в интересах России. Петр Великий сделал Россию европейской

державой, заставил с ней считаться, отстаивая ее интересы. Он был самодержец, стремившийся к просвещению, понимавший его достоинства и не страшившийся его последствий для самодержавия; повелевать просвещенными труднее. Перечислить все, что он сделал для России, здесь нет никакой возможности, больше него не сделал никто.

Государев крестник с редким рвением относился к своим обязанностям, чтит закон, яростно боролся с любыми злоупотреблениями, доставалось и обер-коменданту, и губернатору: в донесениях столичному начальству Ганнибал называл содеянное ими своими именами. Таким людям, как Абрам Петрович, всегда и везде приходится трудно: они быстро наживают врагов, они не удобны ни начальству, ни подчиненным, для которых они служат укором и источником дополнительных хлопот. Поэтому Абрама Арапа стремились изгнать из Ревеля не только как чужака; он всем мешал, он был слишком честен и несговорчив, требователен к себе и другим. Попытки выдворить начальника артиллерии из Ревеля путем уговоров и угроз не удались, тогда в ход пошли хитрости и провокации.

Приведем два письма Ганнибала принцу Гессен-Гомбургскому Людвигу-Иоганну-Вильгельму (1704–1745), генерал-директору над фортификациями, генерал-фельдцейхмейстеру.

Письмо от 23 марта 1741 года:

«Светлейший князь, Премилосердный Государь.

Вашей высококняжеской светлости покорно дерзнул объявить: маэор Голмер, обижая меня, подговаривает порутчика Асеева, дабы просить врусской (т. е. в русской крепости) гарнизон, по некоторой к нему, маэору, рекомендации, чтоб сдесь место опорожнил для незнакомой некоторой персоны. А понеже оной афицер

при здешний артиллерии имеетца лутчеи, кому ж и его желания нет внутрь росеиские гварнизоны итьтит, — того ради вашей высококняжеской светлости покорно молю, чтоб оной порутчик Асеев из Ревеля от команды отлучен не был, и впред чтоб таких пропозиции, без их прошения, не было. Понеже при ревельской артиллерии в офицерах имеетца самая нужда. К тому ж ныне, по многим от вашей высококняжеской светлости строгим ордерам, велено ревельской гарнизон укомплектовать служителями по штатному положению, чтоб все было готово. И я ныне имею, со всеми здешними афицеры, во исправлении ревельской артиллерии неусыпной труд...»^[448].

Бравый майор-артиллерист Петр Петрович Гольмер мечтал занять освободившееся место начальника артиллерии, этого добивался и губернатор Левендаль, ему требовались везде свои надежные люди. А тут вдруг «сваливается» на них Ганнибал, да еще с таким дурным характером, и рушатся их планы; вот они и набросились на него.

Письмо от 14 мая 1741 года:

«Светлейший князь, премилосердый государь.

Вашу высококняжескую светлость и премилостиваго государя, уповая на ваше природное великодушие, сим покорно дерзнул утруждать и протом донести в несносных мне обидах от господина генерала маэра и обер коменданта Дебринии. Ибо, сначала принятие мною ревельской артиллерийской команды, беспрестанно от него принимаю не по делам моим, всякие несносные реприманды (выговоры) и изгнание, не так как артиллерии штап афицера, но и последней обер афицер снести того не может как персонал-но мне, так и заочно, и отданными при породе (пароле) письменными приказами. И в том я от своей братьи штап афицеров

имею не малое презрение. И хвалитца искать надомною всяких причин, которое уже ево намерение явно происходит ибо ордировал меня, чтоб я с ревельских крепостей излишние сверх штата пушки все снял долой на лагери. И потому ордеру я исполнение учинил, и о том вашей высококняжеской светлости я и репортировал, о запинании снимание пушек, которые уже и сняты были. Також ордировал меня, чтоб я по ревельским морским крепостям определил артилериских служителей к пушкам, и быть им с правяном безотлучно, денно и ночно, во всякой осторожности. И оной господин генерал маор Дебрини публично отпирался от тех ордеров, якобы он такими ордерами меня не ордировал, и то я учинил якобы по своей воли. А потом вторично меня ордировал, чтоб артилериских служителей с морских крепостей свести, а оставить по малому числу; а пушки, свезенные с крепости чтоб поставить по бастионам в свои места по прежнему. И по оным ордерам я исполняю. Теми переменными ордерами меня и Артилериских обер-афицеров приводить в немалую конфузию и, как можно видеть, особливо надо мною ищет, чем бы ни есть меня сгубить. И данную мне от ратуши квартиру всегда иметь намерение у меня отнять для одного приезжаго штапа офицера, которой меня млатчея. И призирая меня всем, якобы я протчих штап афицеров хуже. И в то самое время, в трудах рождение младенца жены моей, призывал от Ратуши служителя, чтоб Ратманы с квартиры меня свели безвременно; и в том ему Ратманы отказали, что оне отводят квартиры по своему рассмотрению, не по ево повелению. — И обо всех вашей высококняжеской светлости претерпеваемых мною в обидах донести окуротно, сим более вашу высококняжескую светлости утруждать не смею. И того ради всепокорнейший вашей высококняжеской светлости молю принять меня, бедного, в свою высокую протекцию, как изволили меня

искусно окордовать (аккордовать), и от таких нетерпимых и наглых напатковать меня бедного охранить»^[449].

Здесь следует пояснить: обер-комендант Ревеля генерал-майор Адран де Бреш по приказу губернатора Левендаля требовал от начальника артиллерии Ганнибала снять крепостные пушки за три месяца до начала войны со Швецией, Ганнибал противился выполнению этого преступного приказа. 27 июля Швеция объявила России войну. После Ништадтского мира, подписанного 30 августа 1721 года и положившего конец Северной войне, Швеция видела себя униженной. Вслед за кончиной Петра Великого шведские дипломаты предпринимали попытки пересмотреть условия мирного договора, конфликт зрел и требовал разрешения, это особенно ощущалось на Балтике. Крепостные сооружения нуждались в реконструкции и срочном ремонте. Весной 1740 года из столицы пришло распоряжение: прибалтийские крепости «в надлежащую исправность и оборону приводить с возможным поспешанием»^[450]. Испытывая недостаток в специалистах, именно тогда Миних содействовал возвращению Ганнибала в армию. Принц Гессен-Гомбургский благоволил Ганнибалу, получив послание Ганнибала, он в тот же день отправил в Ревель письмо, о содержании которого мы можем судить по ответу на него де Берни, датированным 25 мая 1741 года:

«Светлейший князь, высокопревосходительны господин генерал фельдцейхмейстер и лейб-гвардии подполковник, кавалер и наследны принц, премилосерды государь мой. — вашей светлости, примилосердного государя моего, писание, пущенное сего мая от 19, я, в Ревеле, 22 числа в покорности моей получил. Накоторе вашей светлости покорнейше

доношу: артиллерии господин подполковник Ганнибал, в случившихся по команде артиллериской неволь по требованиям ево, но сколько к случаю, по нынешней нужде, что касается до артиллерии, всякое вспоможение чинить долженствую, и что угодно ему впредь, по силе вашей светлости, премилосердного государя моего, писания, о касающихся нуждах ко артиллери, и в ево во всяких случаях, сколько возможность моя допустит, вспомогать буду. При том же вашей светлости, премилосердного государя моего, всепокорнейше прошу, дабы я через высокую вашей светлости милость оставлен не был светлейши князь, вашего высокопревосходительства, премилосердного государя моего, покорнейше слуга Андреян де Бирни»^[451].

Заступничество находившегося в столице генерал-фельдцейхмейстера, его явное покровительство заставило врагов Ганнибала действовать осторожнее, исподтишка, но работать спокойно они ему не давали.

Абрам Петрович был не только отличным знатоком артиллерии и фортификации в теории и на практике, вблизи Петра Великого он прошел серьезную школу анализирующего политика, чуткого к происходящему. Предчувствие надвигающейся войны посетило его раньше других, и он устремился приводить в боевую готовность артиллерию и инженерные сооружения Ревельской крепости.

В самый разгар начавшейся кампании Ганнибал получил из Секретной экспедиции Сената указ о необходимости «иметь от неприятеля крепкую предосторожность и как возможно здесь, в Ревеле, и земле (губернии. — Ф. Л.) разведывания о неприятельских шпионах»^[452]. Весной 1742 года Левендаль отправился в Петербург, освободив Ганнибала от своей вредоносной опеки. Исполняя полученный указ, Абрам Петрович сумел выявить двух

шведских шпионов. 28 марта 1742 года он писал Черкасову:

«Милостивый государь мой, Иван Антонович!

Сего числа отправил я отставного капитана Ото Эртман фон Массау, да ревельского гарнизона Дерптского полку Капитана ж фон-Михельсона в важном ея императорского величества деле, при всеподданнейшем моем доношении к ея императорскому величеству за конвоем ревельского гарнизона Ревельского полку поручика Текутьева, ибо хотя по указу и велено таких в важных делах отсылать в канцелярию Тайных розыскных дел; но однако ж разсудил я за важностию того дела отправить их к ея императорскому величеству. Того ради вас, милостиваго государя моего, покорно прошу, дабы оное отправленное к ея императорскому величеству от меня всеподданнейшее доношение через вас, милостиваго государя моего, было представлено и показанный поручик Текутьев по вашей милости был бы не оставлен»^[453].

Весьма существенное добавление к этому письму делает Н. Малеванов: «Умело организованная А. П. Ганнибалом контрразведка пресекла враждебную России деятельность шведских резидентов в Ревеле. Главных резидентов он отправил в Секретную экспедицию Сената, а их связных, вроде содержавшихся под караулом бывшего в шведской службе майора графа Фридриха Мангуста Штейнбока, служителей Ирика Крафта и Ягана Гегрена, заставил присягнуть и дать подписку о том, что «им во время нынешней войны в Швецию не ездить, також корреспонденций и пересылок туда не иметь»^[454].

Узнав от столичных чиновников об аресте и отправке в Петербург лиц, пользовавшихся его покровительством, Левендаль возмутился, почему «оныя посланы помимо

его»^[455]. Власти поняли, что губернатора пора освободить от должности, — в Ревель он не возвратился.

Война завершилась 7 августа 1743 года Абоским мирным трактатом (Або — современный город Турку). Швеция вновь потерпела сокрушительное поражение, договор для побежденных был достаточно мягким — великодушная Россия желала видеть Швецию своей союзницей, но этого не произошло. Напрасно Швеция не вынесла урок из Северной войны.

Пусть читателя не смущают часто встречающиеся написанные слитно слова и неграмотность изложения в письмах Ганнибала. Те, кому приходилось работать в архивах, знают, что нередко сохранились лишь писарские копии, а слитное написание слов очень часто встречается даже в текстах второй половины XIX века. Несмотря на невысокую грамотность изготовленных писарем текстов, исследователь предпочитает разборчивый почерк писаря почерку автора, который иногда бывает почти нечитаем. Автору этих строк приходилось сидеть над одной страницей по несколько дней; иногда не удается полностью расшифровать важнейший текст. Абрам Петрович не был идеально грамотен, и все же его образованность и знания вызывают удивление. Угодливость, понижающая тексты, есть общепринятый стиль, отступление от него расценивалось как дерзость, невоспитанность. В этом можно убедиться, взглянув на письма, например, Иоганна Себастьяна Баха (1685–1750) или других гениев, русских, западных, азиатских — как унижительно их тексты! Но кто помнит сегодня получателей этих писем?

В. В. Набоков, поверхностно знавший документы, отобразившие жизнь и деятельность Ганнибала в России, дал ему весьма нелестную характеристику:

«И хотя Абрам Ганнибал в своих униженных письмах к высокопоставленным лицам называл себя «бедным

негром», а Пушкин видел в нем негра «с африканскими страстями», человека блестящего, с врожденным чувством собственного достоинства, — на самом деле Петр Петрович Петров — он же Абрам Ганнибал, был человек угрюмый, раздражительный, низкопоклонный, робкий, честолюбивый и жестокий. Возможно, он был хорошим инженером. Но человек — ничтожный, ничем не отличившийся от типичных русских карьеристов того времени, образованных весьма поверхностно, грубых, из тех, что били жен, живших и действовавших в грубом скучном мире политических интриг, фаворитизма, немецкой военной муштры, страшной русской нищеты — под властью грудастых императриц, сменявших одна другую на бесславных Тронах»^[456].

Полагаем, что А. С. Пушкин ближе к истине, чем В. В. Набоков, многим дававший резкие и не всегда справедливые характеристики.

Смутное время (термин В. О. Ключевского) в нашей истории не закончилось избранием в 1613 году на русский престол Михаила Федоровича Романова: оно то вдруг вспыхивало, то угасало. Согласно завещанию Анны Иоанновны 17 октября 1740 года двухмесячный младенец Иоанн Антонович при регентстве Бирона вступил на престол, 9 ноября 1740 года Миних во главе «преображенского капральства» арестовал регента Бирона и передал власть ни к чему не способной легкомысленной Анне Леопольдовне, принцессе Елизавете Екатерине Христине Мекленбург-Шверинской (1718–1746). Ее мать великую княгиню Екатерину Ивановну Петр I привез в 1716 году в Данинг к жениху Карлу-Леопольду. В этой поездке при Петре Алексеевиче находился Абрам Арап. Ночью 25 ноября 1741 года то же «преображенское капральство» еще раз переменило власть и усадило на русский трон Елизавету Петровну, наконец преодолевшую длинную очередь к нему. Всеобщему ликованию не было конца. Сразу же

приступили к розыску сосланных и посаженных прежними правителями «где кто окажется» и возвращению их в столицу. Тотчас начали карать свергнутых, судьба семейства Анны Леопольдовны и ее сына сделалась ужасной^[457].

Дочь Петра Великого не была достаточно образованной и выдающейся правительницей, но обладала природным умом, превосходным вкусом, а главное — умела услышать и оценить. Ее стараниями были учреждены Московский университет, Пажеский корпус, Академия художеств, появился профессиональный русский театр, Фарфоровый завод. При ней Россия располагала победоносной армией. Императрица была прежде всего женщиной, ее стихия — балы, наряды, любование собой, она жила «не сводя с себя глаз» (В. О. Ключевский), могла потерять важнейший документ и даже секретный договор с дружественной державой, могла распорядиться отрезать фрейлине язык, но и поддержать Ломоносова. И все же царствование ее для России было благом.

Сделавшись императрицей, Елизавета Петровна пыталась воевать с немецким засильем. Трех самых знаменитых иностранцев первой половины XVIII столетия она удерживала в ссылке. Остерман, руководивший внешней политикой России при Анне Иоанновне, скончался в ссылке в Березове. Временщик Бирон, стоявший вплотную к трону Анны Иоанновны, по указу Анны Леопольдовны отправился в Пелым (Зауралье, ныне Свердловская область), в 1742 году ему было разрешено жить в Ярославле. Генерал-фельдмаршал Миних, самый талантливый из них троих, самый деятельный, приносящий огромную пользу России, по воцарении Елизаветы Петровны был тоже сослан в Пелым. Непонятно, отчего условия ссылки Бирона оказались много мягче, чем Миниха. Не оттого ли, что Миних учинил переворот, а его жертвой стал

Бирон?.. Бунтовщиков власти не любят. Но главное, его обвиняли в том, что он «способствовал вступлению на престол отпрыска Брауншвейгской фамилии, а не прямого потомка Петра I, цесаревны Елизаветы Петровны»^[458]. Пелымский затворник с завидным постоянством отправлял на имя Елизаветы Петровны не прошения о помиловании, а проекты переустройства государственного управления и огорчался, что он не вызван ко двору для получения достойной его должности. В Петербург Бирона и Миниха возвратил Петр III. На одном из первых торжественных приемов в только что отстроенном Зимнем дворце незадачливый император решил помирить непримиримых врагов, он предложил Миниху и Бирону взять бокалы с вином и в знак примирения вдвоем их осушить. Бирон уронил свой бокал, и они разошлись в разные концы зала^[459]. Екатерина II возвратила Бирону «курляндский престол», и он доживал свой век в Митавском замке. Во время переворота 28 июня 1762 года Миних оставался верным присяге, данной Петру III, Екатерина II простила его. По просьбе императрицы он до своей кончины «исполнял обязанности главного командующего над балтийскими портами в России».

В 1741 году Ганнибал лишился могущественного покровителя, но приобрел другого, еще более могущественного. Для Абрама Арапа воцарение Елизаветы Петровны сделалось благом. Она знала его с юных лет, от отца перешли к ней самые добрые чувства к припорожнику. 25 ноября 1741 года Елизавета Петровна оказалась на троне, а 12 января подписала именной указ:

«Всемилоостивейшее пожаловали мы от артиллерии подполковника Аврама Петрова сына Ганибала в наши генерал-майоры армейски и быть ему в Ревеле обер-

комендантом. А нынешнего обер-коменданта Философова перевести в Ригу в Рединга.

Онаму ж Абраму Ганибалу Всемилоостивейшее пожаловали мы за его долговременные и верные службы во Псковском уезде пригорода Воронича Михайловскую губу, которая после кончины блаженной памяти царевны Екатерины Ивановны приписана к нашему дворцу, в который по ведомости из нашей Дворцовой конторы показано по переписи генералитетской 569 душ, со всеми к ней принадлежащими землями в вечное владение и повелеваем нашему Сенату учинить по сему нашему указу. И о том, куда надлежит послать наши указы.

Елисавет»^[460].

Дочь венценосного крестного, минуя чин полковника, сделала крестника отца генерал-майором, назначила обер-комендантом далеко не захолустного города, крупного порта и цитадели, пожаловала земли с прославленным впоследствии именем Михайловское. На другой день указ поступил в Правительствующий сенат, 14 января с предписанием «Вотчинной конторе о том ведать и чинить по оному ея императорского величества указу»^[461]. 3 февраля Псковская провинциальная канцелярия получила копию указа с распоряжением Вотчинной конторы передать

А. П. Ганнибалу пожалованные ему императрицей деревни, включая Михайловское^[462].

Обогрeтый ласковым приемом императрицы, растроганный свалившимися на него щедрыми милостями, Абрам Петрович решил на другой же день после появления указа (по другим источникам в феврале)^[463] подать в Правительствующий сенат Прошение о грамоте на дворянство и фамильный герб. Его текст приведен в первой главе, никаких последствий для Ганнибалов оно не имело. Приложенный к прошению

эскиз герба и пояснения к нему пропали в середине XIX века.

В 1742 году появляется личная печать А. П. Ганнибала, известно ее изображение, оттиснутое в сургуче, сохранившемся на запечатанном с ее помощью конверте. Эта печать интересна тем, что на ней в центре геральдического щита изображен слон с царской (княжеской) короной, внизу хорошо прочитывается девиз «FVMMO» или «FUMMO» (РОДИНА). Специалисты полагают, что слон символизирует родину владельца, а корона — его знатное происхождение или близость к Петру Великому. Сколько всего Ганнибал заказал печатей, мы не знаем. На конверте письма от 8 января 1761 года сохранился сургучный оттиск еще одной печати. Крупнейший специалист по русской геральдике

В. К. Лукомский сообщает, что приобрел на развале в Новгороде оправленную серебром агатовую печать А. П. Ганнибала^[464], ее местонахождение в настоящий момент не известно. Опубликовано воспроизведение изображения этой печати, но из-за дурного качества многие его детали неразличимы.

По возвращении в Ревель вновь назначенный обер-комендант генерал-майор А. П. Ганнибал обнаружил, что ничего в отношении него не переменилось. Румяные, упитанные начальники с психологией банальных бюргеров остались прежними, вражда не ослабла — обман, придирки, грубость, провокация. Чужака пытались выжить еще настойчивее и старательнее. В XVIII веке в Ревеле из тринадцати обер-комендантов немцев было только три^[465]. Преодолевая интриги надменного гарнизонного начальства, Ганнибал к лету 1742 года превратил Ревель в надежно укрепленный город-порт. В Петербурге комендантом были довольны, все разумные распоряжения он выполнял с обычной для него четкостью и знанием дела, предельно целесообразно расходуя отпускаемые ему средства.

Помимо прямых обязанностей, связанных с поддержанием в боевой готовности крепостных сооружений, Ганнибал организовал отлично действовавшие службы контрразведки и наблюдения за движением шведских кораблей на Балтике. В столице не понимали, какие трудности ему приходится преодолевать, а в Ревеле не понимали, с кем имели дело. «Пустынная страна» Сибирь закалила африканца. Тысячи верст в санях и кибитках, где мороз и лихие люди безжалостно истребляли путников, где каждый день жизни требовалось отвоевывать, где не всякий перенес то, что довелось ему!.. Но были еще и рукопашные атаки на испанские окопы. Какая сила нужна была, чтобы его сломить!.. Когда обер-коменданта в Эстляндии что-нибудь огорчало, он вспоминал Сибирь, и улыбка появлялась на его лице — это ли неприятности в сравнении с пережитыми в Селенгинске и на бесконечных таежных дорогах! О чем он мог думать, когда его, арестованного, увозили в Томск, ведь не просто же так за ним примчались за тысячи верст, не награда же его ожидала после обыска... Раздражали, злили надменные розовощекие начальники — еще как! Но тут рядом дети, жена, уютный дом, где его ждут, а там, в Сибири — завывание ветра и пустота, а от огонька до огонька сотни верст, да и чей это огонек? Что тебя там ждет? Не понимали неугомонные остзейские начальники, с кем связались.

Плаксивые жалобы Ганнибала вводили врагов в заблуждение. Опека императрицы до Ревеля не дотягивалась. Сохранилось множество писем, рапортов, записок обер-коменданта с жалобами на начальство и подчиненных, на злоупотребления, противозаконные действия, несправедливость — он был один против всех. Абрам Петрович предстает в них сутягой, брюзгой, но это не так. Его систематически изо дня в день изводили, не давали работать, начальство и подчиненных не

устроивала его честность, отношение к обязанностям, порядочность, среди них он казался белой вороной. В столице его начали считать неуживчивым, не умеющим ладить с людьми, а ему только и надо было, чтобы не мешали честно трудиться. Ошибочность такого мнения о нем опровергается следующим фактом: в сентябре 1741 года был уволен де Брени и его место занял генерал-майор М. Философов, с которым у Ганнибала сложились в высшей степени хорошие отношения.

Губернатор Ревеля датский барон Вольдемар Левендаль, служивший в России семь лет (1736–1743), пришелец, искатель карьеры и наживы, преследовал цели, вовсе не совпадавшие ни с целями Ганнибала, ни с интересами России. Сознательные служебные упущения губернатора и его ближайшего окружения, разграбление казенных ценностей, сношения с противником во время войны со шведами (1741–1743) не давали покоя обер-коменданту, воспитанному Петром Великим, благодаря императору сделавшемуся патриотом своего нового отечества. Обер-комендант стал для губернатора еще опаснее, и борьба с ним сделалась жестче, чем когда он был начальником артиллерии. Процитируем резюмирующую часть донесения в кабинет императрицы от 22 ноября 1742 года: «Прошу, ежели мы оба с губернатором при одной команде в Ревеле еще пределимся (?), что меня от ево нападков пожаловать охранить, а буде же по вашему знанию то безнадежно, прошу искать, чтоб меня с ним развесть, ибо по его интригам мне с ним никак не быть не возможно, и при случае доложить Ея Императорскому Величеству, чтоб меня перевести в Нарву»^[466].

Если бы не поддержка старых друзей по кружку княгини А. П. Волконской, ее братьев А. П. Бестужева-Рюмина, канцлера, близкого Елизавете Петровне в продолжение почти всего ее правления, и М. П. Бестужева-Рюмина (1688–1760), обер-гофмаршала

императорского двора и действительного тайного советника барона Ивана Антоновича Черкасова, верного друга и заступника, проверенного тридцатилетним знакомством, неистового борца за справедливость, не удержаться бы и одного года Ганнибалу обер-комендантом Ревеля. Кроме друзей его постоянно поддерживал генерал-фельдцейхмейстер, генерал-директор над фортификацией принц Гессен-Гомбургский, который знал ему цену, ни один из его подчиненных не мог соперничать ни знаниями, ни делами с Абрамом Петровичем.

Барон В. Левендаль не по своей воле покинул Россию — нет ли в этом заслуги Ганнибала?.. Он постоянно докладывал в столицу о проделках Левендаля. Но обер-коменданту это почти ничего не дало. Губернатором Эстляндии 1 ноября 1743 года по протекции наследника престола великого князя Петра Федоровича императрица назначила генерал-поручика принца Петра-Фридриха-Августа Гольштейн-Бекского (1697–1775), вскоре обвинившего Ганнибала в «свирепом» отношении к подчиненным. Принц ранее служил под начальством Миниха, оставившего о нем следующую характеристику: «...не имеет больших дарований, дурно ведет себя; затрудняется командою, не зная русского языка»^[467]. Конфликт у обер-коменданта продолжался и с майором Гольмером, назначенным в январе 1742 года начальником артиллерии Ревельской крепости. С этого момента между Ганнибалом и Гольмером началось состязание в жалобах друг на друга. Приведем извлечение из письма Ганнибала от 26 марта 1744 года на имя генерал-фельдцейхмейстера, близкого друга нового губернатора. Простодушный крестник Петра Великого не понял, что его положение ухудшилось. Итак, текст письма:

«В надежде вашей светлости высокой ко мне милости, взял дерзновение, по самой необходимости,

жалобу мою в следующем представить: ревелской артиллерии майор господин Гольмер мне такие по команде приносит досады, что всего того стерпеть уже не в состоянии нахожусь. Во-первых, наложил на себя свыше регула меру: в артиллерической команде мне товарищем быть, и некоторые дела без моего ведома начинал. И как скоро то ему, чрез мои приказы, пересекается стало, вздумал упрямитца и так пренебрежно со мною обходится, что и персонально гордым обычаем во многих поступках и словах меня обижает, за что я хотя власть и имею штрафу подвергнуть, однако ведая вашей светлости ко мне высокую милость, к тому ж все оные артиллерийские чины в высокопоставленной вашей светлости команде состоять, не желая тем принести досады, еще терпение содержусь. И для того не в самую жалобу, но для удержания от таких его поступков, чтоб он напоследок в безответной штраф не впал, всепокорно прошу: высоким вашей светлости повелением ево, майора господина Гольмера, на истинной путь наставить, чтоб он впредь команду пренебрегать оставил...»^[468].

Грустно читать эпистолярные Ганнибалы, их сохранилось много, они однообразны — жалобы, жалобы, жалобы, одни жалобы; жалобы быстро надоедают, даже доброжелателям скучно длительное время читать одно и то же. Суровый, побывавший в боях генерал-майор не справляется с майором, постоянно жалуется на него и никак не может привести его в чувство при «свирилом» отношении к подчиненным — это странно; своими жалобами он изрядно надоед начальству. На этом письме имеется собственноручная резолюция принца Гессен-Гомбургского: «Писат к Гольмеру, чтоб с ним (Ганибалом) поступал, как ево должность требует, а не ссорно, и не допускал бы ево господина г. М. (генерал-майора) впредь своими

досадами жаловатца. И к нему г. Ганибалу отвечать и поздравлять»^[469].

Скандалы между генерал-майором и майором не утихали, ничье заступничество Ганнибалу не шло на пользу; иногда ругань делалась публичной и развращала других, а жалобы обер-коменданта раздражали начальство. Человек, ходивший в атаку, познавший сибирскую ссылку, оказался бессильным перед наглецом. Странно: может, ему мешал цвет кожи, надменное превосходство окружающих, которые на самом-то деле ничем его не превосходили... Один против всех...

Правнучка А. П. Ганнибала Анна Семеновна Ганнибал, многие годы занимавшаяся поисками в архивах документов, связанных с жизнью и трудами Абрама Петровича, и их публикацией, пишет о нем:

«Деятельная натура Абрама Петровича требовала усиленной работы: он с горячим рвением относился к своим служебным обязанностям: безпрестанно указывал начальству на совершаемые в Ревеле злоупотребления, с которыми энергично боролся; указывал на неотложные нужды, на упадок дисциплины, одним словом — на разстройство военного дела; это делало его, конечно, очень неприятным в глазах некоторых лиц. Сослуживцы Ганнибала и его подчиненные, недовольные его требовательностью и постоянным стремлением водворять законность в той сфере, где до тех пор царствовала распушенность и произвол, — старались всячески уязвить Абрама Петровича»^[470].

Странная наша жизнь. Мы ни во что не ставим знание, умение, талант, опыт, при назначении на должность решающую роль играют взаимоотношения, личная преданность, угодливость, и иначе было разве что во времена Петра I. А. П. Ганнибал был самым крупным знатоком фортификации и баллистики, владел теорией и практикой проектирования и строительства

крепостей и артиллерийской стрельбой. Один человек мог соперничать с ним — создатель Инженерного корпуса генерал-фельдмаршал граф Б.-Х. Миних. Это ему принадлежит фраза: «Россия управляется непосредственно Господом Богом, иначе чем объяснить ее существование...» Он ценил Ганнибала и деятельно принимал участие в его судьбе. Когда в 1741 году Миниха арестовали и он двадцать лет провел в далекой сибирской ссылке, у Ганнибала конкурентов не стало вовсе. Ни знания и опыт, ни покровительство императрицы не улучшали его положения. Лишь в кругу семьи находил он радости и покой.

Была еще одна причина постоянных столкновений с эстляндским начальством — его свободолюбие, он желал главенствовать в порученных ему делах, без посредников подчиняться прямому своему столичному начальству, оно было куда образованнее эстляндских «взыскательных невежд», получать от него распоряжения и отчитываться об их исполнении — тогда его заслуги никто не сможет присвоить. Он желал наиболее эффективно употребить свои знания и опыт. Ревельскому губернатору, коли обер-комендант не покинул Ревель добровольно, хотелось видеть его беспомощным и невежественным в своем деле. Но если знания есть, то куда они денутся? В одном из писем И. А. Черкасову Ганнибал пишет:

«А при жизни блаженной и вечно славы достойной памяти, государе императоре Петре Великом с самого начала взятия города Ревеля учреждено было, так что губернатор здесь в Ревеле имел команду только над губерниею и землею, а обер-комендант над гарнизоном, а генерал губернатор был адмирал граф Апраксин, которого он губернатор и обер-комендант рапортовали каждый от себя особо по двое команде, а один другим не командировали; и так состояло до 736 года, почему и происходило в командах их порядочно, а ныне ежели

так учинить на прежнем основании и гарнизон обстоять поручить Военной коллегии или кому поведено будет, то бы конечно все беспорядочные поступки пресечены были, а без того никоим образом пресечь такого чинямаго им в команде беспорядочнаго поведения невозможно»^[471].

Далее он сообщает, как прекратил плутовство офицеров с полковыми деньгами (гарнизон Ревеля состоял из трех полков) и дровами для обогрева казенных помещений, как сэкономил на кирпиче для печей и строительных материалах, закупил двадцать семь лошадей для нужд полков, не прося ни у кого денег, и др.

Кому же это понравится? Работая лучше, чем другие, много лучше, он превратился в живой укор, лишивший кого-то прибавки к жалованию. От Ганнибала исходила тревога, он никому не давал покоя. Обер-комендант самостоятельно выносил решения, предпринимал по ним действия и лишь «по исполнении доносил обо всем этом» ревельскому губернатору, не желавшему терпеть такой самостоятельности своего подчиненного. Одновременно с рапортом ревельскому коменданту Ганнибал сообщал о сделанном в столицу. Это особенно раздражало эстляндское начальство: ему не удавалось труд обер-коменданта приписать к своим заслугам.

Сохранилась жалоба принца П.-Ф.-А. Гольштейн-Бекского на А. П. Ганнибала, изложенная в письме от 15 декабря 1744 года принцу Л.-И.-В. Гессен-Гомбургскому:

«Канцелярии главной артилери и фортификации кантора, что до здешной Ревельской крепости касаетца о артилериских и инженерных обрядах, указы прямо в здешнюю Гварнизонную канцелярию посылает, по которым обер-комендант господин генерал маэор Ганибал, точно якобы при здешной крепости шеф, и исполнение чинит, и о том оной Канторе репортует, а мне толко для ведома сообщает в таком образе, что я,

якобы уже в том и команды никакой иметь не должен. Вашей же светлости довольно известно, что обер-коменданты в губерниях при губернаторах, полных повеление не имеют, но должны, что принадлежит х крепости, обо всем чрез губернатора куды надлежит представлять. Я, милостивый государь, и канторе вины не приписую, потому что обер-комендант из гарнизонной канцелярии, преимуществуя предо мною, не объявляя мне ничего, прямо в кантору представляет, почему и кантора имеет резон указы в ту канцелярию присылать мимо меня. И хотя я чрез многия к нему, обер-коменданту, ордера требовал, чтоб со всех тех присылаемых к нему указов, как скоро оныя получаемы будут, ко мне сообщал (копии), но он, толкуя то, что ему точно по указу, исполнять приказано, в репортах своих пишет, что исполнении учинит он, не требуя от меня на то повеления; что подлежит токмо до одной команды, ибо она, по всем регулам, почтена быть должна, ведая то, что все указы ненарушимо исполняютца, токмо во всех командах оныя идут по команде, кроме Ревеля. Во уверение ж сей моей к вашей светлости жалобы, три репорта от него обер-коменданта, для лутчаго усмотрения при сем исключаю. И при том предаю себя в здравое разсуждение: ежели Канцелярия главной артиллерии и фортификации и той Канцелярии Кантора не имеют о мне сумнительства, что я, здесь поверенной Губернатор, в артеллирийских и инженерных в здешной крепости подлежащих обрядах какое упущение учинил бы, в тех мерах имеют мне доказательство предписать; буде же оных не сыщется, то без резон и обитать не надлежало, понеже я чин генерал порутчика в Российской империи, по воле всемилостивейших монархов, не без дел заслужил. И для того вашей светлости, оставя протчие мне огорчения, о вышеписанном прошу повелеть: о касающихся до ревельской крепости артиллерийских и инженерных

обрядах указы присылать ко мне, по которым я исполнять и ответ дать должен; а от обер-коменданта, мимо меня, представлении не принимать, дабы команда в целой, по регулу, обсервации остатца могла. Я о предписанном вашей светлости чрез сие мое покорное (письмо) мою огорчительную жалобу в такой силе приношу, что в том имея правосудного рассмотрения во власти надежду полную, на то резолюцию ожидать буду, которая такая непорядки и несогласия пресечь может и каждого по своим заслугам и званиям удоволствованна оставить»[\[472\]](#).

Здесь мы сталкиваемся с отсутствием четкости в законодательстве. Военный обер-комендант города-крепости подчинялся генерал-фельдцейхмейстеру, губернатор, ответственный за все, разумеется, стремился иметь обер-коменданта в своем подчинении. Возможно, Ганнибал и не прав, но помыслы его были чисты, он не искал себе выгод, просто не мог и не желал поступать иначе. Гордость не позволяла ему подчиняться губернатору, куда менее сведущему в его делах, чем он сам. После назначения губернатором Эстляндии принца Гольштейн-Бекского генерал-фельдцейхмейстер все реже отвечал на письма обер-коменданта Ревеля. Поэтому Ганнибал 8 апреля 1745 года отправляет И. А. Черкасову следующее письмо:

«Понеже я обдержим немощию тому уже немалое время, и того для не имею чести персонально вам, милостивому государю моему, мое бедное и печальное приношение донести не могу, токмо чрез сие начертание, всепокорно прошу не оставить. 1) Чтоб мне быть при команде по прежнему пока гавань ревельской починится для скорости и безостановочного порядку и скорейшему исправлению той починки гавани, а по окончании оной поведено б было мне явиться в Кабинет; 2) С пожалования моего выдать мне удержанное мое жалование по ненависти других и впредь чтоб выдавать

полное по моему рангу армейское; 3) Истинно от верности и ревности моей и от страха вышнего не дерзал ни к чему как другие забыкли, отчего беден и в долгу нахожусь; — я бы желал, чтоб все так были как я: радетелен и верен по крайней моей возможности (только кроме моей черноты). Ах батюшка, не прогневайся, что я так молвил — истенно от печали и от горести сердца: или меня бросить, как негодного урода, и забвению предать, или начатое милосердие со мною совершить, яко Бог, а не по злым вымыслам человеков»^[473].

Наверное, не случайно Абрам Арап напомнил о цвете кожи, наверное, ему давали понять, кто он. Ущемленный таким образом нередко проявляет излишнюю гордость, даже гордыню, как ответ на оскорбление, обиду, унижение.

Приведем меморию (памятную записку) Ганнибала, отправленную преданному другу и вечному заступнику Черкасову, вероятнее всего, во второй половине 1745 года, после кончины принца Гессен-Гомбургского:

«Генерал майор Ганибал по всевысочайшей милости ея императорского величества пожалован в упомянутой чин генерал-майорской от армии и обер-комендантом в Ревель, где сколько до его должности принадлежит, по государственным правам и указам исправляет без упущения и никому послабляя, ниже посягая, как о всем Военной Коллегии и Главному комисариату известно. Но от ненависти некоторых и тамошняго народа убегая, принужден находится у ея императорского величества высокомонаршеской милости просить: 1) об определении его в Санкт-Петербург обер-комендантом на место господина Игнатьева, кой, как слышно, за старостью и неможением в отставку просить; 2) или в Выборге на место умершаго генерал-майора князя Юрья Репнина, бывшего тамо губернатора; 3) или же в Москву в обер-коменданты же на место имеющего ныне тамо Танеева, который потомуж за старостию намерен

отставки просить; 4) Когда же высокое соизволение ея императорскаго величества последует о бытии ему по прежнему в Ревеле в прежней должности, то всеподданнейше просить, дабы ему тамо обер-комендантом быть на таком основании, как было при жизни государя императора Петра Великаго, ибо в то время как гарнизон, так артиллерия и инженерные служители под собственною полною командой обер-коменданта состояли, дабы в наблюдении высочайшаго интереса ея императорскаго величества ни от кого помешательства не происходило и оказавшиеся от инженерных и артиллерийских тамо обретающихся команд непорядки пресечены быть могли, и он, обер-комендант, уже бы только о всем репортовал и под апелляцию состоял Военной коллегии и куда надлежит, а не у губернатора; також и что положено на него починка дворцов по указу из Сената, а ревельской военной гавани от Военной коллегии, то потомуж под его, обер-коменданта, смотрением токмо состояло для безостановочнаго и безпомешательнаго исправления.

Он же, Ганибал, как выше упомянуто, пожалован в генерал-майоры, от армии, а жалованье не генерал-майорскаго окладу получает, он со уменьшением токмо по обер-комендантскому чину, и для того всерабственно просить о выдаче ему со времени пожалования его в тот чин недоданных денег, и впредь о произвождении по полному окладу генерал майора армейскаго»^[474].

Это не письмо к старому другу, а официальный документ, крик отчаяния не слабого, но мужественного человека, боровшегося против всех ревельских начальников. Годами кружила над ним стая врагов, ожидая, когда он упадет на колени, но этого не произошло. Он поднял в гарнизоне дисциплину, добился идеального порядка в финансах, сделал боеспособной артиллерию, усилил крепостные сооружения. Но какой ценой... Теперь он почувствовал близость конца

затянувшейся баталии и понял, что терпит поражение. Принц П.-Ф.-А. Гольштейн-Бекский был энергичнее и хитрее прежнего губернатора и имел своих людей вблизи трона, он побеждал. Через год после смерти принца Гессен-Гомбургского, в 1746 году, Канцелярия главной артиллерии и фортификации выпустила распоряжение о выводе инженерных отрядов из подчинения комендантов и обер-комендантов. Приведем извлечение из фундаментального труда Ф. Ф. Ласковского: «Указом Военной коллегии 1729 г., ноября 11-го, велено во всех крепостях, при постройке нового казенного строения, иметь губернаторам предварительное сношение с находящимися при тех крепостях генералами и штаб-офицерами, дабы оно было правильно построено».

Это не совсем определенное, а вместе с тем не соответствовавшее пользам самого дела положение было в 1746 году точным образом определено предписанием канцелярии главной артиллерии и фортификации, в котором, между прочим, сказано: «Всем обер-комендантам и комендантам иметь с инженерами во всех крепостных работах доброе согласие и должны инженеры подавать из одного только почтения о касающихся делах рапорты, но отнюдь не подчинять себя в точную их команду»^[475].

Лучшего военного инженера России лишили возможности приносить пользу отечеству своими знаниями. С урезанными правами Ганнибал продолжал исполнять обязанности обер-коменданта, ссор с губернатором больше не возникало. Но у Абрама Петровича было и другое поле сражений, куда менее жестокое, и борьба на нем ничем не напоминала столкновения с военными властями.

В ведении обер-коменданта находилась канцелярия (комендатура). Она «была, — пишет Г. Леец, — единственным русским по духу государственным

учреждением среди сохранивших средневековые привилегии магистрата, Эстляндского рыцарства, судебных, церковных и прочих служебных и сословных инстанций, функционировавших на основании утвержденных Петром I в 1710 году аккордных пунктов и условий капитуляции. Ориентироваться в дебрях этих привилегий и традиций было для обер-коменданта делом нелегким, но необходимым, чтобы избежать конфликтов с вышеназванными институтами, весьма ревниво и придирчиво следившими за соблюдением своих «прав и преимуществ». Знакомство в течение десятилетнего пребывания в Эстонии с укладом и особенностями местной жизни сослужило А. П. Ганнибалу при этом не малую пользу. Кроме того, общая обстановка со вступлением на престол Елизаветы Петровны благоприятствовала Ганнибалу и укрепляла его позицию, поскольку теперь иноземцы и местные немцы в значительной степени утратили свое влияние в государственном аппарате»^[476].

Избежать трений с магистратом Абрам Петрович не мог: чиновники цепко держались за традиции и привилегии, мешавшие ему в повседневных трудах. Первые столкновения начались из-за языка — магистрат требовал вести переписку по-немецки, Ганнибал использовал русский язык, поэтому все его письма магистрату хранятся в архиве с подколотыми к ним переводами на немецкий, сделанными эстляндскими чиновниками. Магистрат всеми средствами стремился не принимать участия в фортификационных работах, но без его помощи обер-комендант обойтись не мог. Ему попытались дать взятку — «две бочки рейнвейна и 60 фунтов сахара, но он с возмущением ее отверг»^[477]. Абрам Арап для русского меньшинства населения Ревеля был заступником, он вмешивался в дела судебные, магистрат жаловался на него в Правительствующий сенат. Однако трения между обер-комендантом и

городскими властями во главе с бургомистром не приводили к открытым конфликтам, наоборот, в 1744 году магистрат письменно выразил ему полное доверие и благодарность за оказываемую помощь^[478]. Он пекся о противопожарной безопасности города, поддержании общественного порядка. Гарнизонные враги Ганнибала пытались воспользоваться его трениями с магистратом, но из этого ничего не получилось.

Со временем ревельское обер-комендантство удовлетворяло Абрама Петровича все меньше. Из круга обязанностей исключили наиболее интересную для него инженерную деятельность, его неукротимая энергия, многие годы натывавшаяся на искусственные препятствия, начала иссякать, и в то же время его угнетала невозможность приложить свои знания к делу. Друзья в Петербурге понимали это, помнили полный отчаяния текст мемории; наконец подвернулся случай ему помочь.

Вслед за подписанием Абоского мирного трактата возникла двусторонняя комиссия «по разграничению со Швец-кой короной земель»^[479]. Летом 1745 года председатель комиссии генерал-аншеф И.-Л. Люберас был отправлен чрезвычайным послом в Швецию: так, полагали в Петербурге, дело с разграничением должно было пойти лучше.

Решение своевольной императрицы о поручении военному инженеру барону Иоганну Людвигу Люберасу сложного дипломатического задания следует назвать непростительной ошибкой. При его назначении канцлер граф А. П. Бестужев-Рюмин ворчал: «Всегда прибыточнее будет россиянина дурака, да верного преданного, нежели иноземца-изменщика в такое важное дело употребить»^[480]. Канцлер шовинистом не был: он хотел лишь доходчивее объяснить Елизавете Петровне, что миссия легкомысленного недалекого Любераса непременно провалится, — но его не

послушали. 18 января 1744 года в сопровождении свиты барон через Польшу, Германию и Данию двинулся в Швецию, тратя казенные деньги, разыгрывая важную персону, располагающую особыми полномочиями и секретным поручением. В Стокгольме он появился в конце года и там провалил все переговоры. Наконец императрица приняла решение о его срочном разжаловании из дипломатов, но лишь в июне 1746 года он покинул Швецию.

Судя по всему, и инженер он был так себе, Ганнибал относился к нему сдержанно. Но вот что странно — его ценил Миних. Проектирование и строительство крепостных сооружений и канала в Кронштадте вызвало к Люберасу настороженное отношение, едва не закончившееся судебным разбирательством^[481]. Увы, барон И.-Л. Люберас был не из лучших иностранцев на русской службе.

Для усиления состава двусторонней комиссии 15 июня императрица подписала указ: «Мы указали генерал-маэора и ревельского обер-коменданта Ганибала определить к разграничению по последнему мирному трактату с Швецией земель, и для отправления его к сей Комиссии велеть ему явиться в нашей Коллегии иностранных дел»^[482].

После аудиенции у императрицы 22 июня появился новый указ, по которому Ганнибал назначался первоприсутствующим (председателем) в Комиссии:

«...Понеже в трактате вечного мира между нами и его величеством королем и королевством швецким чрез полномочных обоих стран министров в Або 7-го августа 1743-го года учиненном, который уже с обоих стран, как от нас, так и от Его королевского величества швецкого ратифицирован, в седмом пункте постановлено, что для разграничения земель между обоими нашими государствами Российским и Швецким в Финляндии и Карелии, где по оному мирному трактату

определено быть границе, тот час по воспоследовании ратификации того мирного трактата с обеих стран имеют быть назначены комиссары; того ради мы по силе сей нашей явственной полномочной к помянутому разграничению определили и уполномочили нашего генерала маэора Аврама Ганибала таким образом, что он имеет с его королевского величества и королевства швецкого полномочными комиссарами с одним или несколькими, кто от его королевского величества и королевства швецкого к оному разграничению определен и равною полномочною снабжен будет, в согласенное с обеих сторон место съехатца, и с ними помянутое разграничение земель между обоими нашими государствами Российским и Швециким по оглашению заключенного между нами и Его Величеством королем и Королевством швецким трактата вечного мира, как о том в седмом пункте оного изображено чинить, и по окончании привести, и о том разграничении с комиссары его королевского величества и королевства швецкого для предбудущих веков и неоспоримого со обеих сторон земель владения о письменных инструментах соглашатца и оные постановить, заключить и подписать, и тако мы обещаем нашим императорским словом, что мы все то, что помянутый генерал маеор в оном разграничении с его королевского величества и королевства швецкого комиссары учинит на письме, постановит, подпишет и разменяет, не токмо за благо и важно примем и исполним, но оное надлежащим образом ратифицировать будем»^[483].

Комиссию при ее создании возглавлял военный и государственный деятель, любимец императрицы Александр Иванович Румянцев (1679–1749), человек умный, настойчивый. Его сменил князь Василий Никитич Репнин (1696–1748), вскоре заболевший и уступивший место Ганнибалу. Размежевание пограничных земель шло очень медленно главным образом по вине

Любераса, Абрам Петрович боролся за каждый клочок земли, оценивал местность и намечал участки для строительства оборонительных укреплений вдоль границы. Очень помогли ему безупречное знание французского языка, упорство и даже вспыльчивость, в Коллегии иностранных дел им были довольны, при нем фактически и началось размежевание. Живя в Финляндии, Ганнибал постоянно ожидал приезда из Швеции Любераса, без которого не выносились окончательные решения. Занятый по большей части не свойственной ему дипломатической деятельностью, не понимая на первых порах, как себя вести, тоскуя без семьи, Абрам Петрович пытался изменить свое положение. Вот его письмо И. А. Черкасову из Финляндии:

«Милостивый государь мой Иван Антонович

Я вашему превосходительству по сие время и по отъезду моего не мог смелости принять мои покорными служить, дабы ваше превосходительство за случившимися вам и без того суетами не беспокоить, ныне же принял смелость до-несть: дело мое по Коммисии разграничения незнаемо по какому несчастью и поныне ни малого плода не имеет, поныне же, как и сами изволите приметить, наступает зимнее время, где и без того претерпевал, за недостатком к пропитанию, нужду, а ныне и колми паче того за зимним временем последовать может, того бы ради желал на зимнее время в деревнишки мои уволену быть, где бы по новоза-водившему случаю хотя бы малое поправить что мог, а как бы приспело время к езде на Коммисию, тогда бы без всяких принуждений готовность мою я объявить не оставил, о чем я к его высокографскому сиятельству графу Алексею Петровичу (Бестужеву-Рюмину. — Ф. Л.) с прошением писал, в коем случае и вас, милостивого государя, прошу в той моей крайней

бедности помочь, в протчем же препоручая в вашу высокую милость, пребуду как и всегда со глубочайшим респектом

вашего превосходительства
милостиваго государя моего
нижайший слуга

А. Ганибал.

Шкофорс

12 октября 1746 г.»[\[484\]](#)

Черкасов письмо Ганнибала с просьбой об отпуске передал в Коллегию иностранных дел. Наверное, канцлер А. П. Бестужев-Рюмин порекомендовал старого друга в эту комиссию, чтобы дать ему передышку от ревельских дел. Была ли какая-либо реакция Бестужева-Рюмина на просьбу Ганнибала, мы не знаем. На сей раз в отпуск его не отпустили, но и в Ревель не отправили — слишком много дел было в комиссии. С отстранением от дел Любераса работа комиссии значительно улучшилась.

А. М. и Я. А. Гордины, изучившие в Архиве внешней политики России Историко-дипломатического управления Министерства иностранных дел России документы, касающиеся жизни и деятельности А. П. Ганнибала, пишут:

«Отбыв на границу, Абрам Петрович вел сложные, на многие годы затянувшиеся переговоры с шведским комиссаром в Штокфорсе — штаб-квартире комиссии. В первые два года для переговоров использовались летние и осенние месяцы. В начале зимы генерал-майор возвращался в столицу. Месяцы пребывания в Петербурге были заняты подготовкой к следующему туру переговоров и разного рода хлопотами по комиссии. Кроме того, к нему обращались за консультациями как к инженеру и фортификатору.

С 1747 года распорядок изменился. Начало зимы русский комиссар провел на границе и был отозван

только 18 января 1748 года.

В 1748 году Государственная коллегия иностранных дел попыталась вывести переговоры из тупика, организовав конференцию в Петербурге, в которой с русской стороны участвовали граф Румянцев, барон Люберас и генерал-майор Ганнибал. Конференция шла всю весну и лето»^[485].

Странно, что в работе конференции пригласили участвовать И. А. Румянцева и И.-Л. Любераса, отошедших от работы в комиссии. Во время переговоров нередко случались конфликты: шведы страдали от настойчивости Абрама Петровича, непоколебимого желания добиться для России наиболее выгодной пограничной полосы, они не привыкли к такому напору и незавуалированным требованиям уступок. Жалобы шведов и бумаги Ганнибала рассматривались в Коллегии иностранных дел и по их обсуждению передавались Елизавете Петровне. В «Обзоре внешних сношений России» за 1747 год имеется следующая запись:

«Августа 21 в имянном указе, данном генералам графу Румянцеву и барону Люберасу, предписано: поелику разграничение земель с Швециею, по силе Абовскаго трактата, не окончано и шведской комиссар Стернштет отозван в Швецию для присутствования в Сенате, то и поручается им Румянцеву и Люберасу, яко бывшим при Абовском конгрессе, взяв дела, производимыя Ганибалом на комиссии и принадлежащая к тому карты, немедленно в чем с шведской стороны споры происходят, рассмотреть, оныя же с содержанием трактата сличить, и по довольном рассмотрении и разсуждении между собою советовать и себя предуготовить — каким образом те споры прекратить и границу с пользою Российской стороне постановить надлежит. А потом немедленно же с шведским посланником графом Барком, а буде он как чаятельно отсюда вскоре отъедет, то с едущим ныне

сюда на его место посланником Вулфенштиерном в конференции вступить, пригласив к оним генерала-маеора Ганибала по возвращении его из Финляндии, дабы все трое вместе толь лучше в состоянии были произшедшие споры обстоятельно разобрав и доказывая — которым имянно землям, островам и водам в российской стороне остаться надлежит, соглашаться с ним, шведским министром, и такое точное постановление на письме учинить, дабы впредь при съезде с обоих сторон комиссаров никаких споров уже не было...»^[486]. Споров, разумеется, избегать не удавалось, но очень помогали Ганнибалу А. П. Бестужев-Рюмин и И. А. Черкасов.

13 июля 1749 года Абрам Петрович подал челобитную на высочайшее имя:

«Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Елизавета Петровна самодержица всероссийская государыня всемилостивейшая.

Бьет челом генерал майор и кавалер Аврам Петров сын Ганибал, а в чем мое прошение тому следующие пункты

1. Имею я нижеименованный в псковской провинции в Воронежском уезде в Михайловской губе деревни мои, и для поправления тея самые требуют меня туда необходимые нужды мои.

И дабы высочайшим вашего императорского величества указом поведено было во всемилостивейшем разсуждении тех моих предписанных крайних нужд в реченная деревни мои отпустить меня именованного на двадцать на девять дней.

Всемилоостивейшая государыня, прошу вашего императорского величества о сем моем челобитие решение учинить.

Июля... дня 1749 года.

К подписанию подлежит в Государственную коллегия иностранных дел»^[487].

Через полтора месяца пришел следующий ответ:

«Указ ея императорского величества самодержицы всероссийской из Государственной коллегии иностранных дел господину генерал майору Ганибалу.

Просили вы чтоб для исправления необходимых нужд из Санкт-Петербурга отпустить вас в деревни ваши в Псковской провинции на двадцать на девять дней; а на такое ваше прошение через сие позволяется, и вы потому можете на помянутое время в деревни свои отъехать, а по тому паки в Санкт-Петербург возвратиться.

Граф Алексей Бестужев Рюмин,
граф Михайло Воронцов.

31 августа 1749»^[488].

Эту бумагу из Коллегии иностранных дел Ганнибал получил 16 сентября и 20 сентября отбыл в псковское имение. Так сообщил он отправителям письма, а 30 октября отрапортовал о возвращении в Петербург^[489].

Комиссия продолжала работать в тлеющем режиме до 1754 года^[490].

Глава IV

ФОРТИФИКАЦИОННЫХ ДЕЛ

МАСТЕР

Прежде чем начался последний, наиболее плодотворный и счастливый период деятельности военного инженера Абрама Петровича Ганнибала, он занялся хозяйственными делами семьи: дети росли, их было уже шестеро, для достойного существования требовались значительные средства.

Вскоре после приезда в Эстляндию инженер-капитан Ганнибал приобрел в Ревельском уезде мызу Карьякюла и там, получив отставку, жил со второй женой Христиной Матвеевной с мая 1733 года по январь 1741 года. Возвращая Ганнибала на военную службу, Анна Леопольдовна передала ему в пожизненное владение деревеньку Раголе (Рахула) Ревельского уезда. Императрица Елизавета Петровна по прошению Абрама Петровича пожаловала эту деревеньку ему и его семейству навсегда:

«Ее императорское величество в присутствии в Правительствующем сенате минувшего сентября 28 дня сего 1743 года именным указом, подписанным собственною ея императорского величества рукою на челобитие генерал майора и ревельского обер коменданта Абрама Ганибала всемилостивейшее пожаловала в Ревельском уезде, деревне Рогала, ему Ганибалу в вечное потомственное владение и во исполнение оногo ее императорского величества всемилостивейшего указа»^[491].

Назначенный ревельским обер-комендантом генерал-майор Ганнибал с семьей переехал в Вышеград на казенную квартиру в двухэтажный «Комендантский

дом» на улице Тоомпеа, 1. Первый этаж занимала подчиненная ему Гарнизонная канцелярия, на втором этаже располагались жилые помещения, при доме имелись служебные строения и сад. «За обер-комендантом Ревеля числилась в качестве «столовой мызы» крупное имение Тайбель в 14 километрах от города Гапсаля (Хаапсула)»^[492]. Всем этим растущее семейство Ганнибалов владело с 1742 по 1752 год.

В 1744 году Абрам Петрович продал мызу Карьякюла и полученные деньги употребил на приведение в порядок деревеньки Раголе, основательно запущенной прежними владельцами^[493]. Не имея возможности хорошенько заняться хозяйством, Абрам Петрович в марте 1743 года сдал две трети деревни вместе с крестьянами, инвентарем и угодьями профессору Иоахиму фон Тирену в аренду за шестьдесят рублей в год. В договоре, подписанном владельцем и арендатором, было отмечено, что арендатор не вправе налагать на крепостных повинности сверх перечисленных в вакенбухе (переписная подворная книга, в которую вносились сведения о повинностях, долгах и др.), а также эксплуатировать их иным путем и подвергать любым телесным наказаниям^[494].

Профессор фон Тирен оказался жадным, жестоким и надменным человеком. «Арендатор, — пишет Г. Леец, ознакомившийся с делом аренды по документам Центрального Таллиннского государственного архива, — однако, не посчитался с этим требованием и начал вести хозяйство по-своему, думая только о личной выгоде. Так, если соседние помещики в страдную пору нуждались в дополнительной рабочей силе, то фон Тирен с легкой совестью «одалживал» им за плату ганнибаловских крестьян. Когда положение стало невыносимым, крестьяне решили обратиться за помощью к Ганнибалу. Собравшись втайне, они избрали двух посланцев, Эско Яана и Нутго Хендрика, которые должны были

отправиться в Ревель и доложить о жестоком обращении арендатора с крепостными обер-коменданта.

Посланцы крестьян-эстонцев рассказали Ганнибалу о положении в Рахула: фон Тирен не придерживается установленных вакенбухом норм барщины; часто применяется жестокая порка; границы крестьянских наделов с соседними участками не урегулированы; соседним помещикам разрешается пользоваться крестьянскими сенокосами и пастбищами, за что арендатор получает плату. Эско Яан добавил, что если так будет продолжаться, то крестьянам не останется другого выхода, как покинуть свои жилища и бежать. Вместе с тем Эско Яан и Нутто Хендрик просили Ганнибала заступиться за них и защитить от грозящей им теперь мести фон Тирена.

За восьмилетнюю жизнь в Карьякюла А. П. Ганнибал, видимо, научился эстонскому языку настолько, что в беседе с крестьянами мог обойтись без переводчика. Он их выслушал и отпустил. Визит крестьян к Ганнибалу, конечно, не укрылся от фон Тирена. Эско Яан в качестве зачинщика был зверски избит и пролежал четыре недели в постели — за то, что осмелился «побеспокоить» господина обер-коменданта.

Услышав о происшедшем, А. П. Ганнибал вызвал к себе фон Тирена. Не дослушав объяснений арендатора и юридического обоснования якобы принадлежавшего ему по местным узаконениям права телесного наказания крепостных крестьян, Ганнибал тут же аннулировал заключенный 29 марта 1743 года арендный договор, указав на статью 3-ю договора:

«Арендатору не разрешается увеличивать повинности крестьян, он должен придерживаться установленных норм барщины; за все прежние споры и провинности с крестьян не взыскивать. Если на крестьян будут наложены не предусмотренные нормами повинности или если их будут подвергать порке или

иным каким способом притеснять, то настоящий договор аннулируется».

Дознание, произведенное в Рахула харьюмааским гакенрихтером (судьей) Пиларом фон Пильхау, подтвердило обоснованность жалобы крестьян. На судебном процессе фон Тирен пытался сослаться на то, будто он получил от «господина генерал-майора и обер-коменданта» словесное разрешение наказывать крестьян по своему усмотрению. Ганнибал отрицал это и указал на статью 4-ю договора, которая обязывала подписавшихся честно выполнять его условия, избегать обмана и казуистического толкования статей. Оберландгерихт (верхний земский суд) установил факт нарушения арендного договора фон Тиреном и аннулировал договор»^[495].

Событие для Эстляндии, да и для всей России поразительное — генерал-майор русской службы, африканец выступает в суде против немецкого профессора-дворянина, защищая эстляндских крестьян; это был единственный такого рода процесс, если не в мире, то в России.

Раголе оставалась во владении Ганнибалов до 1764 года, они нуждались в ней, пока глава семейства служил в Эстляндии; последние 15 лет деревня находилась в управлении родственников Христины Матвеевны. В земельной описи 1765 года Раголе записана за неким фон Веймарном^[496].

В 1742 году щедрая Елизавета Петровна пожаловала Абраму Арапу земли в Псковской губернии. В середине июля 1746 года Елизавета Петровна, наследник престола Петр Федорович и его жена Екатерина Алексеевна, сопровождаемые свитой, посетили Эстляндию и Лифляндию. Первым пунктом этого развлекательного путешествия был Ревель, императрица пожелала на несколько дней остановиться в Екатеринентальском дворце, в покоях, когда-то

служивших кровом ее родителям^[497]. Все время пребывания в прибалтийских провинциях тридцатисемилетняя Елизавета Петровна находилась в отличном расположении духа, ее неотлучно сопровождал канцлер граф А. П. Бестужев-Рюмин. Мы не располагаем документами, подтверждающими встречу императрицы с крестником ее отца. Возможно, Ганнибал и встречался с Елизаветой Петровной в присутствии Бестужева-Рюмина, Абрам Петрович мог рассказать о своем незавидном положении, и императрица решила забрать его из Ревеля; возможно, именно тогда императрица вручила Ганнибалу заветную Жалованную грамоту, которая является косвенным свидетельством этой встречи. Иначе зачем в 1746 году собственноручно подписывать грамоту на то, что пожаловано в 1742 году? Наверное, все это дело рук Бестужева-Рюмина и Черкасова или одного из них.

«Им принадлежали, — пишет о Ганнибалах А. М. Гордин, — обширные пашни, луга, леса — всего около пяти тысяч десятин земли, более сорока деревень, в которых насчитывалось более восьмисот крепостных крестьян»^[498]. По переписи 1758 года на псковских землях за Ганнибалами числилось 854 души мужского пола^[499]. Для управления псковскими поместьями новый владелец «назначил приказчика Якова Баранчеева, сразу по вступлении во владение в 1742 году»^[500].

Абрам Петрович в 1746 году посетил пожалованные ему псковские деревни^[501] и сделал первые распоряжения по ведению хозяйства; его дети и последующие поколения Ганнибалов поселились там на многие годы. К милостиво пожалованным Елизаветой Петровной землям в течение нескольких лет Ганнибал прикупал соседние угодья, значительно расширив свои владения, последнее приобретение он сделал за два года до кончины и успел распределить земли и деревни

между сыновьями. Лето 1746 года Христина Матвеевна с детьми провела в будущем имении второго сына Петра Абрамовича, что «удостоверяется исповедальной росписью Воскресенской церкви пригорода Воронина», в ней перечислены дети генерал-майора Ганнибала, проживавшие там с матерью^[502]. При жизни первого поколения Ганнибалов все псковские деревни оставались во владении семьи.

Земли под Петербургом Абрам Петрович начал приобретать в мае 1759 года, последний приют для себя и жены стареющий Ганнибал приготовил в Суйде, что в пятидесяти верстах от столицы. Ревельский обер-комендант начал подумывать о недвижимости в Петербурге задолго до покупки мызы Суйда. На Васильевском острове территория, где сегодня по Среднему проспекту расположены дома № 11 и № 13, в 1740-х годах принадлежала Ганнибалам. Не ссылаясь на источники, Н. К. Телетова пишет:

«31 мая 1745 года он покупает за 500 рублей дом, постройки около него, сад и двор статского советника Василия Ивановича Демидова, «на Васильевском острове во второй линии на Малой першпективе», 30 июня 1750 года прикупает к этому участку на имя сына Ивана соседний двор со строениями у вице-президента мануфактур-коллегии Ивана Афанасьевича Мелиссино. Значительное владение соответствует современному адресу: Малый пр., № 11 и 13»^[503].

Мелиссино — старинный приятель Ганнибала, это он в 1730 году помог Абраму Петровичу, вернувшемуся из Сибири, вывести на чистую воду Рагузинского.

Родители понимали, что подрастающим детям нужен не провинциальный Ревель, цену хорошим учебным заведениям бывший офицер французской армии, выпускник лучшей инженерной школы знал и загодя обзавелся в столице землей и строениями на ней.

В 1757 году восточную часть участка Ганнибалов приобрел их давний знакомый пастор лютеранской общины Сухопутного шляхетного кадетского корпуса Галларис-Герман Гененг (1713-1792)^[504]. 21 февраля 1750 года он из Петербурга отправил письмо неустановленному лицу, предположительно профессору теологии Галльского университета Якобу Баумгартену^[505]. Оно интересно не только характеристиками старших Ганнибалов, но и тем, что свидетельствует об их пребывании в Петербурге до 1750 года. Приведем фрагмент, касающийся Ганнибалов:

«...Имею честь сообщить, что здесь у одного известного знатного господина, а именно у его Превосходительства Господина Генерал-Майора де Ганибала, супруга которого принадлежит к моей общине и у меня исповедуется и причащается, открылась служба, для которой требуется порядочный студент, особенно искусный во французском языке. Собственно этот господин является африканцем и урожденным негром, но обладает впрочем способностью к тем наукам, которые относятся к его форуму^[506]. И потому что он сам принадлежит к греческой церкви, то по закону здешней страны также дети все без исключения исповедуют русскую религию. Но супруга — евангелическо-лютеранскую. Вот оба меня просили выписать такого студента, который, прежде всего, мог гарантировать, что покажет свои знания французского, как предусмотрено по предложенным условиям, так что было бы мне, а также господам, конечно, очень приятно, если бы был найден честный студент теологии, который был бы расположен к этому и захотел бы принять такое приглашение. Но поскольку такие редки и Господин Генерал был бы удовлетворен, если бы он только являлся хорошим французом и при этом обладал хорошим кондуитом, а в прочих науках был посредственно сведущ, то было бы ему все равно, будет

ли он теологом, юристом или медиком. И когда такие студенты, которые изучают языки и другие науки, иногда имеют желание посмотреть другие страны, то считаю, что надо рискнуть и удовлетворить просьбу господ. Но хотел бы также сердечно просить Ваше Высокопреподобие позаботиться о не слишком юном и пожилом студенте. А поскольку Господин Генерал был во Франции и, значит, является любителем французского языка, а также имеет хорошую библиотеку, то мог бы тот, кто хочет совершенствоваться во французском языке, доставить себе удовольствие частными разговорами и от такого искусного француза, каким является Господин Генерал, еще многим воспользоваться: даже, если бы он был юристом или медиком, при случае составить свое счастье, но о чем мне, однако, не сообщено ничего положительного. Госпожа генеральша, впрочем, очень утонченная дама с хорошим характером и находится сейчас в самом расцвете сил»^[507].

Ближайшая к дому Ганнибалов лютеранская община образовалась при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, церковь Святой Екатерины, что на углу Большого проспекта и Первой линии, построена Ю. М. Фельтеном в 1768–1771 годах. Отыскался ли домашний учитель для второго поколения Ганнибалов, мы не знаем. Сама просьба свидетельствует о желании родителей дать детям хорошее образование.

Дом Ганнибалов стоял на месте нынешнего № 13 по Среднему проспекту (№ 41 по Второй линии). Участок дома № 43 по Второй линии в 1739 году приобрела Академия наук, с 1741 по 1757 год здесь в одноэтажном флигеле жил М. В. Ломоносов. В 1748 году в глубинке участка он завершил строительство каменного здания первой в России химической лаборатории^[508]. Ганнибалы и Ломоносовы имели общий забор и, безусловно, были знакомы как соседи. По роду деятельности Абрам

Петрович сотрудничал с Михаилом Васильевичем при составлении им географического атласа^[509]. В доме на Васильевском острове находилось выдающееся книжное собрание Ганнибалов, возможно, им пользовался и М. В. Ломоносов.

Основу своей библиотеки Абрам Петрович заложил во Франции, он вывез оттуда около четырехсот книг. Часть из них по неизвестной причине он продал в марте 1726 года в Библиотеку Академии наук за двести рублей — мы не знаем, какие это были книги^[510]. В 1730 году после ареста в Селенгинске его книжное собрание в Петербурге поспешили конфисковать и передали в Библиотеку Академии наук. В начале 1742 года Ганнибал приступил к хлопотам о его возвращении. Директор библиотеки И.-Д. Шумахер (1690–1761), на протяжении многих лет занимавшийся ее комплектованием, а до этого — пополнением личной библиотеки Петра I, хорошо знавший и ценивший книгу, неохотно расставался с собранием Ганнибала, обогатившим Библиотеку Академии наук.

Известный книговед, крупнейший знаток частных и государственных книжных собраний С. П. Луппов утверждает, что личная библиотека Ганнибала была весьма значительной среди подобных собраний первой половины XVIII века. Число книг в ней ближе к самым крупным, чем к средним; если брать во внимание книги только светского содержания, то библиотека Абрама Петровича — из числа самых крупных^[511]. По настоянию владельца в 1742 году был составлен реестр его книг, поступивших в Библиотеку Академии наук в 1730 году^[512]. Поэтому мы можем судить о составе личной библиотеки А. П. Ганнибала на время его высылки Меншиковым из Петербурга. Специально занимавшийся библиотекой прадеда Пушкина И. Л. Фейнберг пишет:

«Такое книжное собрание для XVIII века было действительно большим не только для России, если мы

вспомним, что в библиотеке Свифта, например, сохранилось 657 томов.

Среди книг Ганнибала мы находим книги, посвященные истории, путешествиям, философии. Обращают на себя внимание книги Мальбранша «Разыскание истины»(1721) и «Беседы о метафизике» (1711), а также книги по политической истории — «Государь» Маккиавели, «Придворный» Грасиана, «Политическое Евангелие» Кольбера и Левуа. Особый интерес представляет «Путешествие в Московию» Стрюйса (1719), голландского парусного мастера и путешественника, приехавшего в 1668 году в Россию и описавшего Москву почти такой, какой позже увидел ее юный Ганнибал (книга Стрюйса была тогда же переведена на русский язык).

Если еще учесть, что Ганнибал заведовал кабинетом Петра, куда входила и библиотека царя, которой он мог свободно пользоваться, то нет сомнений в том, что прадед поэта был одним из образованнейших людей своего времени»^[513]. Абрам Петрович никогда не «заведовал кабинетом Петра», но библиотекой мог пользоваться.

Иного мнения о Ганнибале и его библиотеке другой историк литературы, М. Вегнер:

«Заслуживает внимания, что вся библиотека состояла исключительно из таких книг, которые вышли в самом конце XVIII века, и, в особенности, в 1700-1721 годах. Таким образом, после возвращения из Франции Ганнибал совсем не пополнял свой книжный запас. А это значит, что либо Ганнибал составлял библиотеку не в удовлетворение своих интеллектуальных запросов, а в угоду царю-преобразователю, который поощрял собирание библиотек, переводы иностранных книг и т. п., может быть по прямому приказу царя; либо по возвращении из Франции умственные интересы Ганнибала быстро пошли на убыль — в нервной

обстановке Петровской эпохи и следующих царствований ему было не до чтения книг; не благоприятствовала этому ссылка в Сибирь, потом увлечение помещичьим хозяйством и накоплением богатства и т. д.»^[514].

Странный опус: во-первых, нам известен состав библиотеки Абрама Петровича на 8 мая 1727 года (день его отъезда из Петербурга); во-вторых, не исключено, что в реестр вписаны книги, купленные в России до высылки владельца из Петербурга, в-третьих, известно, что книги Ганнибал приобретал после возвращения из ссылки^[515], в-четвертых, слишком дорога была бы цена и тяжела ноша за угодливость царю; наконец, современники, знавшие Абрама Петровича, считали его одним из образованнейших людей. Отзывы Вегнера о Ганнибале диссонируют с абсолютным большинством мнений других исследователей.

Шумахер был знаком с Ганнибалом давным-давно и «относился к нему с величайшей любезностью... хлопотал о пополнении его библиотеки, выписывая для него из Голландии книги, которые нельзя было найти в Петербурге»^[516]. Между Ревелем и Петербургом ходили почтовые кареты, в них Шумахер по частям переправил обер-коменданту его сокровища. В процессе возвращения и пересылки книг возникали недоразумения и трудности, наконец, в конце июля 1742 года владелец поставил последнюю книгу в шкаф на втором этаже Комендантского дома. Оттуда книжное собрание переехало в Петербург и находилось в собственном доме Ганнибалов на Васильевском острове. Сыновья один за другим отправлялись в кадетские корпуса, находившиеся совсем близко от дома, они часто бывали в семье; дочери выходили замуж. Оказавшись не у дел, Абрам Петрович с женой и младшей дочерью поселились на мызе Суйда, туда же

переместилась библиотека. Городской участок с домом и всеми строениями он продал^[517].

Желание перебраться в Петербург возникло у Абрама Петровича, потому что Эстляндия не стала для него домом: немногочисленные друзья юности жили в столице, возможно, хлопотали о его переезде, возможно, высокое начальство понимало, что давно пора по знаниям и опыту дать Ганнибалу более высокую должность, или, еще проще, надоели его жалобы. Формальным поводом для перевода Ганнибала в Петербург послужила кончина Любераса. За три месяца до смерти генерал-аншефа, когда лекари признали его положение безнадежным, генерал-майора по армии Ганнибала назначили на его место. М. Д. Хмыров писал:

«25 апреля 1752 г. ревельский обер-комендант переименован в генерал-майоры от фортификации и ему вверено управление инженерной частью по всей России, но с большим ограничением. Ганнибалу «предоставлена была только искусственная часть, т. е. рассмотрение годовых отчетов о вновь строившихся и исправляющихся работах, и проектов со сметами, с представлением мнений своих по этим предметам в канцелярию главной артиллерии и фортификации; экономическая же и инспекторская части управления были предоставлены самой канцелярии»^[518].

Наверное, странное ограничение начальника инженерной части империи в его полномочиях было предпринято, потому что молва о нем как о человеке неуживчивом, скандалисте имела широкое распространение. Его правнучка А. С. Ганнибал пишет:

«Неприятное отношение других к Ганнибалу не могло не отозваться на его репутации. Его аттестовали, как человека неуживчивого, перессорившегося со всем генералитетом Ревеля, не терпимым сослуживцами и подчиненными. Даже и впоследствии, получая высшие назначения, он все-таки не был поставлен в главе

Инженерного Ведомства, хотя в этой своей специальности едва ли имел в то время соперников»^[519].

А. С. Ганнибал допускает неточности. Приведем высказывание историка русских инженерных войск А. Савельева:

«После князя Репнина, до графа Шувалова Инженерный Корпус был в ведении инженера генерал-майора Ганнибала. Ему предоставлена была только строевая (строительная. — *Ф. Л.*) часть; на обязанности его было: разсматривать проекты, проверять срочные донесения и годовые отчеты о работах, и все эти дела представлять, со своим мнением, на утверждение Канцелярии Главной Артиллерии и Фортификации. Экономическая и инспекторская части управления были предоставлены самой Канцелярии»^[520]. То есть глава военных инженеров должен был получать одобрение Общего присутствия Канцелярии главной артиллерии и фортификации. Князь В. А. Репнин скончался в 1748 году, должность командира Инженерного корпуса формально сделалась свободной. По-видимому, в период между 1748 и 1752 годами отдельные поручения по этой должности исполняли Люберас и Ганнибал.

М. Д. Хмыров видел еще одну причину в ограничении должностных полномочий Ганнибала — «противодействие «арапу» со стороны лиц высокопоставленных»^[521]. Чужаку не давали забыть знойную Африку. Тайное и явное враждебное отношение к нему проявлялось до конца служебной карьеры: хоть и православный, а все равно басурманин.

Автор капитального труда по истории инженерного искусства в России генерал-лейтенант Ф. Ф. Ласковский, опубликовавший массу архивных документов, недоумевает:

«В 1752 г., по высочайшему повелению, управление инженерной частью было вверено инженер-генерал-майору Ганибалу, но с большим ограничением. Ему

предоставлена была только искусственная часть, т. е. рассмотрение годовых отчетов о вновь строившихся и исправляющихся работах, и проектов со сметами, с представлением мнений своих по этим предметам в Канцелярию главной артиллерии и фортификации; экономическая же и инспекторская части управления были предоставлены самой Канцелярии.

Как должно понимать это весьма важное изменение, сделанное в правах главноуправляющего инженерной частью? Касалась ли эта мера ограничения власти только генерала Ганибала, или на нее следует смотреть как на начало того административного принципа, который, постепенно развиваясь, имел впоследствии важное влияние на изменение характера управления инженерной частью?»[\[522\]](#)

Возможно, это вовсе не изменение, а констатация установившегося порядка. А. И. Савельев пишет:

«Во время управления князя Репнина артиллерийским и инженерным ведомством в совокупности, власть его как начальника инженеров утратила прежнее высокое значение генерал-директора. Князь Репнин находился в зависимости не только от Сената и Военной коллегии, но и от Канцелярии главной артиллерии и фортификации и от Фортификационной конторы (Инженерной) последняя, как административное место управления, присвоив себе не соответствующие ей права, позволяла себе требовать от князя Репнина сведений (указов) о различных делаемых им назначениях. Помимо князя Репнина установлены были многие порядки и распоряжения в инженерном ведомстве; искусственная и ученая части были в ведении Канцелярии главной артиллерии и фортификации, а не у князя Репнина. Контора сама сходила в сношения с губернаторами, комендантами, обер-комендантами и начальниками департаментов по хозяйственной и строевой частям; рассылала

инструкции строителям, инженерным командам, предлагая в то же время на все свои распоряжения генерал-фельдцейгмейстеру высылать указы и «рассмотрительные резолюции», гарантировавшие распоряжения конторы»^[523].

Князь Василий Аникитич Репнин, сын фельдмаршала и отец фельдмаршала, в 1742 году был назначен генерал — фельдцейхмейстером и поставлен во главе Инженерного корпуса. Чиновники, захватившие во время его управления не принадлежавшие им права, при подготовке указа о назначении А. П. Ганнибала решили просто-напросто их узаконить.

Инженерный корпус возник в царствование Петра II стараниями графа Б. Х. Миниха. «В 1728 году, — пишет Л. Г. Бескровный, — из артиллерийского полка были выделены инженеры, пионеры (саперы), минеры и понтонеры и сведены в самостоятельный инженерный корпус, который состоял из инженерного штаба, инженерного полка инженерной роты. В артиллерийском полку остались бомбардирская рота, шесть канонирских рот и петардисты.

Выделение инженерного корпуса в самостоятельную часть было крупным шагом вперед. Правда, строевой частью была только минерная рота, а инженерный полк состоял главным образом из инженеров и обслуживавших их нестроевых солдат.

Состав инженерного корпуса. Штаб: генералов — 3, штаб- и обер-офицеров — 5, солдат — 15; полковой штаб: штаб- и обер-офицеров — 13, солдат — 42; инженерная рота: обер-офицеров — 40, кондукторов — 192, солдат — 76; минерная рота: обер- и унтер-офицеров — 32, минеров — 150, нестроевых — 29»^[524].

Инженерный корпус, входя в Фортификационную контору, одновременно с ней претерпевал переподчинения, сначала Военной коллегии, затем Правительствующему сенату.

Указом Анны Иоанновны от 14 июля 1731 года по инициативе Миниха вся приграничная территория империи с 82 штатными крепостями делилась на шесть инженерных департаментов во главе с командирами. Находясь в подчинении Фортификационной конторы, они-то и руководили инженерными командами, состоявшими в штатах крепостей^[525]. Фортификационную контору учредила Екатерина I указом от 25 июня 1726 года. Контора «занималась вопросами сооружения и инженерной подготовки крепостей, службы личного состава Инженерного корпуса; курировала работу военно-инженерной школы... Назначенный 23 мая 1728 года генерал-директором фортификации Б. Х. Миних в 1729 году стал генерал-фельдцейхмейстером. Артиллерийское и инженерное ведомства объединились: 28 июля 1729 года Артиллерийская канцелярия и Фортификационная контора были слиты в Канцелярию главной артиллерии и фортификации»^[526]. В 1742 году Фортификационная контора возникла вновь, оставаясь в подчинении генерал-фельдцейхмейстера.

Канцелярия главной артиллерии и фортификации, находясь под управлением Правительствующего сената, «занималась вопросами: заготовки и снабжения армии оружием, боеприпасами, артиллерийскими орудиями; строительства и эксплуатации казенных артиллерийских, оружейных и пороховых заводов и арсеналов; строительства, ремонта и вооружения крепостей». Кроме того Канцелярия ведала казармами, лазаретами, конюшнями, подготовкой офицеров и др. Важнейшие вопросы решались в Общем присутствии Канцелярии главной артиллерии и фортификации^[527].

«Такая организация инженерных войск сохранилась без особых изменений до 1771 года, с той лишь разницей, что инженерный полк был увеличен до двух

саперных, двух минерных и двух мастеровых рот, с личным составом 1587 человек.

В этом корпусе и пришлось служить А. П. Ганнибалу с 25 апреля 1752 года. По-видимому, он был назначен одним из трех генералов штаба корпуса, а именно тем, кто должен был руководить технической частью. При этом, очевидно, учитывалась его высокая квалификация в области инженерного искусства»^[528].

Все службы Инженерного корпуса помещались в Инженерном доме, построенном военным инженером Х. де Мирином по проекту Д. Трезини (?) в 1743–1746 годах внутри стен Петропавловской крепости вблизи Государева бастиона, в 1874 и 1892 годах были надстроены служебные флигели^[529]. Там на протяжении десяти лет у генерал-майора от фортификации А. П. Ганнибала был служебный кабинет.

Канцелярия главной артиллерии и фортификации 2 мая 1752 года получила указ Военной коллегии от 25 апреля о назначении генерал-майора от фортификации А. П. Ганнибала «во Инженерный корпус». Указом определялся также круг вопросов, которыми должен был заниматься Абрам Петрович. Всем частям и подразделениям, входившим в «инженерный корпус», предписывалось «впредь о состоянии объявленных служителей оного генерал-майора репортовать от команды: по Остзейскому департаменту — Бригадиру инженер-полковнику Лудвиху, а по российским — инженер-полковнику Бибикову и о всяких касающихся до команды делах представлять к нему ж, Генерал-Майору, и резолюции требовать от него»^[530].

Абрам Петрович тотчас принялся за дело. Чуть больше чем через неделю он доложил Канцелярии главной артиллерии и фортификации, что «посланными от него к бригадиру Лудвиху и ко инженер-полковнику Бибикову ордерами предложено:

1. Подать к нему, генерал-майору и кавалеру без дальнего медления репорты, сколько при которой крепости каких находится служителей порознь с подробным показанием при том, сколь давно из них, кто, где имеется и прежде где в каких командированиях и при других исправлениях обретались, и какие в том имеют ат<т>естаты, и ныне кто, где, при каком исправлении, от кого определенный состоит.

2. Крепостям планы с профили и показанием около их ближних ситуаций.

3. Какие в которой крепости и какими казенными или вол<ь>ными люд<ь>ми ныне работы исправляютца и впредь заправлять должно и по чьим, когда последовавшим прожекам.

4. Сколько в которую крепость к нынешнему году нужно каких материалов и припасов для чего требуется <....> и нет ли где от недостатка какой остановки.

5. Отныне о всех происходимых командных и экономических делах и о командовании по крепостям и в другие места и об отпусках в дома и к производству чинами инженерных служителей и о прочем для резолюции представлять; также о состоянии всех команд и прочего и о фортификационных работах с приложением обыкновенных планов и профилей месячные и третные годовые репорты подавать особливо ж и семидневные репорты; кроме С.-Петербургской и Шлиссельбургской крепостей, ис прочих отдаленных каждому командующему во оных присылать прямо к нему генерал-майору и кавалеру, а таковые ж семидневные репорты о С.-Петербургской и Шлиссельбургской крепостях подавать к нему ж, генерал-майору и кавалеру, и бригадиру инженер-полковнику Лудвиху.

6. О С.-Петербургской и Московской инженерных школах, кто что ученики обучили и давно ли находятся в учении <....> прислать к нему ж, генерал-майору и

впредь такие ж семидневные и месячные о состоянии оных учеников и резолюции требовалось от него»^[531].

Даже неискушенному в делах фортификации и управления войсками видно, что Ганнибал стремился выявить состояние крепостных сооружений империи, определить потребность в их реконструкции и ремонте, необходимость в материалах, состав крепостных команд, количество необходимых боеприпасов и продовольствия. Получив исчерпывающую картину состояния фортификационных сооружений, Абрам Петрович распорядился впредь все работы производить «по ево генерал-майора и кавалера рассуждению»^[532]. Он пожелал взять руководство работами в свои руки и не побоялся ответственности. Ни один проект, связанный с фортификацией, даже малозначительный, не реализовывался без его «оппробации», ни одно крепостное сооружение не закладывалось без его участия. Россия второй половины XVIII века обязана ему созданием эффективной системы современных оборонительных комплексов.

Искусством проектирования крепостных сооружений в полной мере владеет лишь тот, кто знает техническое оснащение штурмующих войск противника. Высота и толщина крепостных стен, расстояния между соседними бастионами зависят от наступательного и оборонительного оружия. Лук, арбалет, огнестрельное оружие, штурмовые лестницы и др. диктуют параметры крепостных сооружений. Возведением крепостных стен и бастионов занимались Леонардо да Винчи, Микеланджело Буонарроти, Никколо Макиавелли, огромный вклад в проектирование оборонительных сооружений внесли арабы. Взгляните на архитектурные чертежи старинных крепостей: как же все разумно спроектировано. Неслучайно фортификация и артиллерия в XVIII веке были неразрывно связаны: во время оборонительных сражений они действуют сообща,

как единое целое. Генерал-майор от фортификации А. П. Ганнибал всегда стремился к их административному объединению. С некоторым отставанием от России Франция создала «Артиллерии и Инженерства Королевский корпус»^[533], но просуществовал он около года.

В марте 1759 года Людовик XV вновь соединил инженеров и артиллеристов и поручил командовать ими члену Французской академии, бывшему учителю Ганнибала Бернару Форе де Белидору^[534]. Эта попытка оказалась удачной.

Документов, относящихся к жизни и деятельности А. П. Ганнибала в период 1746–1762 годов, найдено чрезвычайно мало, о его переписке с семьей мы не знаем, нет упоминаний о нем в мемуарах, совсем немного разыскано служебных бумаг, да и много ли их было в молчаливое XVIII столетие... Поэтому приходится восстанавливать этот период жизни А. П. Ганнибала, используя не только вполне надежные документы, но и не самые достоверные источники, догадки, косвенные подтверждения и др.

Получив в 1745 году назначение в Смешанную русско-шведскую комиссию по разграничению «между Российской империей и Шведской короной земель», Абрам Петрович с 1746 года практически перестал исполнять должность обер-коменданта Ревеля. Наверное, тогда же семья окончательно переехала в Петербург, к ним из Финляндии приезжал Ганнибал, работа в Комиссии требовала его частого присутствия в столице, а не в Ревеле. В декабре 1752 года Елизавета Петровна повелела «объявить, дабы господин генерал-майор Ганибал по-прежнему для разграничения со Швециею отправлен был»...

Зимой Комиссия работы на натуре производить не могла из-за возможных ошибок в оценке местности, приходилось ожидать таяния снега. 7 мая 1753 года

Елизавете Петровне «поднесен был к подписанию указ стац-конторы об отпуске в Коллегию иностранных дел на дачу отправляющемуся к разграничению земель с Швециею генерал-майору Ганнибалу столовых и на канцелярские расходы денег 1000 рублей»^[535]. Указ императрица подписала 9 июля 1753 года. Но при этом Ганнибал должен был выполнять и другие числившиеся за ним работы и нередко получал еще дополнительные задания.

В 1751-1754 годах А. П. Ганнибал занимался облицовкой бастионов Петропавловской крепости. Припорожник Абрам Арап, находясь в Петербурге при царе, жил в домике Петра I близ Троицкой площади, из окон домика была видна крепость. Жилище царя находилось под защитой ее артиллерии. С крепости начал строиться город, основанный закладкой на Заячьем острове 16 мая 1703 года Государева бастиона (через 45 лет рядом с ним возник Инженерный дом).

Дерево-земляная крепость возводилась по чертежу Петра, превосходно знавшего фортификацию и устройство лучших европейских цитаделей. Ему, обремененному массой дел государственной важности, тяжелейшей войной, начавшейся не в пользу русской армии, удалось найти время, чтобы составить проект крепости, вобравший в себя мировой опыт военного искусства. Заячий остров стоит в самом широком месте Большой Невы, наиболее уязвимом в случае нападения противника. Ни один корабль не может проникнуть вглубь территории острова, минуя крепостную артиллерию.

Размеры Заячьего острова (после подсыпки принесенной в мешках земли — примерно 750 х 360 метров) соответствовали размерам задуманной царем цитадели, вне ее стен оставалась узкая полоса земли. Царь повелел своим ближним сподвижникам — К. А. Нарышкину, Ю. Ю. Трубецкому, Н. М. Зотову,

Г. И. Головкину и А. Д. Меншикову — надзирать за строительством бастионов и примыкающих к ним куртин. За сооружением шестого, Государева, бастиона Петр Алексеевич наблюдал сам. Многие знали, каков царь во гневе, «перед его дубинкою все были равны», и работа шла «с великим поспешанием». Первыми возвели бастионы (сооружения пятиугольной формы, выдвинутые в сторону противника перед основным фронтом обороны), в начале XVIII века их называли больверками, в допетровское время — раскатами; за ними куртины (крепостные валы по фронту обороны между смежными бастионами). К концу сентября 1703 года основные работы по возведению бастионов и куртин менее чем за полгода были завершены.

С некоторым отставанием от крепости сооружали кронверк, призванный защищать ее на ближайших подступах с суши. Строительство осуществлялось в 1705–1708 годах по чертежу Петра I. Дерево-земляной кронверк состоял из бастиона, двух полубастионов, куртин, внешнего вала и рва с водой. И сегодня его следы можно увидеть на территории Александровского парка в южной части Петроградского острова.

Анализируя действия основателя города, его указы, можно предположить, что план переноса столицы на берега Балтики зрел в его голове с 1704 года. Обычно столица государства располагается как можно ближе к географическому центру территории, а тут — самая окраина. Однако мысль Петра все более склонялась к образованию столицы в Петербурге, и он решил, что временные земляные сооружения посреди города пора менять на каменные: за крепостью тогда еще оставалось ее основное назначение — защита города от возможных вражеских нападений. «Крепость Санкт-Петербургская началась строиться каменным зданием 1706 года мая 30 дня, то есть: в самый день Преподобного Исаакия Далматийского, в который

торжество-ван был день рождения его императорского величества, и перьво всех заложен фланг бойверка, бывшего тогда князя Меншикова именованный»^[536]. Авторами проекта перестройки крепостных сооружений в кирпиче принято называть Петра I, Д. Трезини и французского инженера Ж.-Г. Ламбера; торжественная закладка происходила в присутствии царя. Котлованы под фундаменты рылись глубиной около двух метров, в дно забивались сваи, стены клали из хорошо обожженного кирпича, его наружную поверхность штукатурили и красили в «брусничный» цвет. Местами кирпичная кладка видна и сегодня. Крепость в камне ни Петр, ни Д. Трезини не увидели — работы закончились в 1740 году. В 1731–1740 годах к бастионам и куртинам добавились построенные инженером генерал-фельд-маршалом графом Б. Х. Минихом два равелина (наружные вспомогательные постройки треугольной формы, расположенные за рвами крепости и служащие для дополнительной защиты от вражеского артиллерийского огня куртин, имеющих ворота) — Алексеевский и Иоанновский.

Абрам Петрович видел, как перестраивали крепость «каменным зданием», видел, как под напором климатических воздействий разрушался внешний ряд кирпича и понимал, что пора принимать меры по его защите. Мы не знаем, кто был инициатором облицовки эскарповых (наружных) стен крепости камнем, но Д. Гнамманку, не ссылаясь на источники, утверждает, что облицовку плиткой предложил Ганнибал, так как «плита несравненно с кирпичом, но весьма долговременно стоять может»^[537]. По повелению Елизаветы Петровны в 1751–1754 годах Ганнибал занимался пробной облицовкой известняковыми плитами, «положенными плашмя к лицу эскарповой плиты» между Нарышкиным (позже некоторое время его называли Екатерининским) и Трубецким бастионами.

Желая выполнить повеление императрицы как можно лучше, Абрам Петрович даже наем «рабочих людей» требовал производить «по рассмотрению ево генерал-маэра»^[538].

Для освидетельствования экспериментального участка и выявления возможности производить облицовку всех поверхностей эскарповых стен 9 августа 1754 года генералы инженерных служб и архитекторы С. И. Чевакинский, А. Ф. Вист, М. А. Башмаков и Д. Трезини присутствовали при «пробной одежде плитой» второго участка Екатерининской куртины. В составленном авторитетной комиссией протоколе отмечено, что «по довольному рассуждению согласно положили (в чем подписались, которая подписка Канцелярии главной артиллерии и фортификации) следующее: хотя, как выше явствует по опробованному той крепости плану (имеется в виду план С.-Петербургской крепости в 1732 г., утвержденный Анной Иоанновной. — *Н. М.*), о той плитной одежде не назначено, но оное должно учинить»^[539].

Однако выяснилось, что «для одевания С.-Петербургской крепости плиты тесаной и на теску годной на лицо не имеетца»^[540]. В 1760 году был разработан проект «об обложении стен крепости, обращенных к Неве, гранитной плитой»^[541]. Длительные наблюдения за участком стены, облицованной Ганнибалом, показали, что пористый известняк не пригоден для предохранения кирпича от сырости. Облицовка эскарповых стен гранитом началась в 1779 году, в ней Ганнибал не участвовал, но его рекомендации учли при составлении проекта.

Если встать на Дворцовой набережной напротив Петропавловской крепости, то самый левый бастион, который виден, — Трубецкой. Он расположен в юго-западной части Заячьего острова. Обойдем по часовой стрелке крепость снаружи вдоль ее стен (в скобках

указаны даты строительства крепостных сооружений в камне и, через точку с запятой, — облицовки гранитом). Трубецкой бастион (1708-1710; 1779-1785) и следующий за ним Зотов бастион (1708-1730) соединяет Васильевская куртина (1707-1710), имеющая Васильевские ворота, прикрывавшаяся Алексеевским рavelином (1733-1749; 1781-1784). Между Зотовым бастионом и Головкиным (1707-1730) расположена Никольская куртина (1729-1730). Самый северный крепостной бастион — Головкин — соединен с Меншиковым бастионом (1706-1709) Кронверкской куртiной (1708-1709). Петровская куртина (1717-1719), ориентированная строго с севера на юг, идет к Государеву бастиону (1717-1734; 1779-1785) и имеет Петровские ворота, через которые в крепость попадает большинство посетителей сегодня. Петровские ворота защищает Иоанновский рavelин (1731-1740; 1781-1784). Невская куртина (1728-1735; 1779-1785) расположена между Государевым и Нарышкиным (1725-1728; 1780-1782) бастионами, Невская куртина имеет Невские ворота (1748; 1784-1787), выходящие на Невскую (Комендантскую) пристань (первая треть XVIII в.; 1774-1777). Нарышкин бастион легко отличить — он имеет Флажную башню (1774; 1780-1782). Екатерининская куртина (1710-1727; 1779-1785) соединяет Нарышкин бастион с Трубецким.

Три столетия стоит Петропавловская крепость — шедевр архитектуры, результат труда нескольких поколений. Изломы стен, бастионы, башни, пристань, ворота — все необыкновенно пропорционально и гармонично. Цвет облицовочного камня, нередко покрытого влагой, иногда инеем, в блестках, — суровый, серый, холодный, отличающийся от гранитных блоков облицовки набережных. Цвет камня подбирался в зависимости от предназначения сооружения. Теперь уж и не представить Большой Невы без крепостных стен на

Заячьем острове и стройной колокольни Петропавловского собора.

Знал ли Александр Сергеевич о роли его прадеда в облицовке крепостных стен? Наверное, нет; он очень многого не знал о нем, иначе еще больше гордости за Ганнибала вселилось бы в душу поэта. А эта работа прадеда — пустячок в сравнении с остальным, что ему удалось сделать.

Е. В. Гусаровой сравнительно недавно удалось существенно расширить наши знания о деятельности Абрама Петровича, она пишет:

«Я ознакомилась — на предмет выявления роли Ганнибала — с архивными делами конца 1750-х годов по некоторым крепостям юга России. Оказалось, Ганнибал ведал и их строительством: распоряжения, содержащие подписи «главного инженера Российской империи», его отчеты Главной Канцелярии артиллерии и фортификации, генерал — фельдцейхмейстеру Шувалову имеются в делах по крепостям Царицынской, Енатаевской, Чернойрской, Св. Анны, Бахмутской, Торской, Оренбургской. Это значительно расширяет известную на сегодня географию фортификационной деятельности Ганнибала. К сведениям, приведенным М. Д. Хмыровым, Н. А. Малевановым, Г. А. Леецом о курировавшихся им работах в Западной Сибири, добавим, что Абраму Петровичу, как следует из документов, поручалась также защита Забайкальского края: в мае 1758 г. граф Шувалов приказал ему «разсмотреть, каким образом около Нерчинских и прочих серебрянных заводов от нападения мунгальцов (монголов. — Е. Г.) укрепления учинить и какия ко обороне и отвращению набегов меры употребить»...»^[542].

Находясь в Петербурге, Абрам Петрович участвовал в обсуждении всех инженерных дел, касавшихся Канцелярии главной артиллерии и фортификации. В

конце 1754 — начале 1755 года Ганнибал занимался анализом плана Киево-Печерской крепости, его предложения по реконструкции 27 февраля 1755 года одобрило Общее присутствие Канцелярии главной артиллерии и фортификации^[543]. Во время работы над этим проектом он получил «Рапорт к высокородному и превосходительному от фортификации господину генерал-майору и кавалеру Аврааму Петровичу Ганибалу от инженер-капитана поручика Зенбулатова»^[544]. Рапорт содержал обоснование необходимости преподавания, кроме «архитектуры милитарис» (фортификации), гражданской архитектуры будущим военным инженерам. Ганнибал оценил предложение и добился внесения в программу Инженерной школы «гражданской архитектуры, хотя в элементарном объеме»^[545]. Ученики Инженерной школы, кроме специальных предметов, изучали гуманитарные дисциплины. Благодаря этим нововведениям в России возникла школа высокообразованных военных инженеров, сыгравшая заметную роль в развитии русской архитектуры^[546]. Большинство зданий для Военного ведомства проектировали и возводили не архитекторы, а военные инженеры. По примеру военных инженеров гражданской архитектурой овладевали также и инженеры путей сообщений; при проектировании мостов они прекрасно справлялись с архитектурной их частью: взгляните на старые петербургские мосты через каналы и реки... Знание архитектуры считалось полезным и необходимым — подтверждение этому находим в постановлении Канцелярии главной артиллерии и фортификации: оно запрещает отводить места для строительства обывательских домов на территории крепостей без сношения с архитекторами.

Абрам Петрович охотно занимался преподаванием, составлял программы для обучения военных инженеров,

привлекал для этого крупнейших ученых, открыл при Корпусе несколько инженерных школ. Его заинтересованность в подготовке грамотных офицеров заключалась еще и в том, что он нес ответственность за личный состав Инженерного корпуса. В обязанности «генерала инженера Аврама Ганибала» входило составление ежемесячных рапортов «для ведома» генерал-фельдцейхмейстера о состоянии штата Корпуса. Он руководил «аттестацией «штап и унтер офицеров и кондукторов» для произведения в открывавшиеся при Корпусе порозжие вакансии, формировал для этого комиссии, организовывал принятие их членами присяги («клятвенного обещания»). Сохранилась датированная 1758 г. бумага и с его собственной присягой: «Я, ниже именованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, Пресвятым Его Евангелием и Животворящим Крестом Спасителя моего в том, что следующих к повышению аттестовать имею по сущей правде, справедливости, ни наравя никому для дружбы и непосягая ни на кого ни для зависти и вражды, но по самой чистой совести, так, как я пред Богом и Его Судом Страшным ответ дать могу. В заключение же сей моей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего, Аминь. У сей присяги был и подписал генерал инженер Аврам Ганибал. К присяге приводил Инженерного корпуса священник Иоан Петров»^[547].

Преждевременная кончина Петра Великого сказалась на оборонительной системе России весьма неблагоприятно. Многие им намеченные не были осуществлены или выполнены небрежно, упрощено. Он все глубоко продумывал и ничего не делал напрасно — недалеким преемникам не всегда удавалось понять царевы замыслы, и они не осуществляли их или изменяли проекты, доводя до абсурда. Абрам Петрович воплотил не один замысел Петра Великого, преодолевая препятствия, он доводил начатое императором до конца.

Задуманный Петром Алексеевичем Астраханский канал начал строиться в 1744 году. В 1752 году фактическим руководителем работ сделался А. П. Ганнибал^[548].

30 марта 1755 года Ганнибала назначили руководить работами в Рогервикской гавани, на Кронштадтском и Ладожском каналах. В указах говорилось, что он «довольно знаемый Правительствующим сенатом и способный к тому делу»^[549]. Ладожский канал нуждался в углублении, Кронштадтский канал и Рогервикская гавань требовали серьезной реконструкции. Кронштадтский канал, строительство которого началось еще при Петре I, Ганнибал превратил в сооружение, сделавшееся образцом для русских и европейских гидротехников. «В числе активных его помощников в те годы был инженер-капитан Илларион Голенищев-Кутузов, отец будущего победителя Наполеона»^[550].

И. Л. Фейнберг, побывавший в 1970-х годах в Кронштадте, вспоминает:

«Когда приходишь в Кронштадт на корабле и видишь: в доке на канале, задуманном Петром, директором которого стал Абрам Петрович Ганнибал, стоит пароход и там ремонтируется — это очень хороший, неустаревший док и канал, по очень новой технической идее осуществленный»^[551].

Сохранились документы, свидетельствующие о стремлении Абрама Петровича улучшить положение «наемных мастеровых и работных людей», трудившихся на фортификационных сооружениях Кронштадта. Он добивался сбора денег на их лечение и улучшение пропитания^[552]. Н. А. Малеванов, много лет изучавший жизнь Ганнибала, пишет:

«До конца своей службы А. П. Ганнибал оставался, как и в дни молодости, требовательным и заботливым начальником. В меру своих возможностей стремился облегчить нелегкие условия жизни и труда тех сотен

наемных мастеровых и работных людей, что строили канал, дамбы гаваней и по инициативе А. П. Ганнибала возобновили строительство Ораниенбаумского канала»^[553].

Мы располагаем множеством свидетельств необычно гуманного отношения Абрама Петровича к рабочим, их детям, нижним чинам, младшим офицерам; о его отношении к крепостным мы уже говорили. Обостренное чувство справедливости не давало ему покоя всю жизнь.

Указом 25 декабря 1755 года императрица произвела Абрама Петровича в генерал-поручики и назначила губернатором Выборга. Всеми силами он противился этому почетному назначению — сыновья привязаны к Петербургу; настаивал эстляндский опыт. Работа в Инженерном корпусе его устраивала, именно ею ему хотелось заниматься и ни на что ее не менять. В протоколе Военной коллегии от 3 января 1756 года записано: «Ее Императорское Величество указать изволила Генерал-Поручику и Ковалеру Ганнибалу остаца при Инженерном корпусе попрежнему... понеже оной господин генерал-поручик и ковалер командует ныне всем Инженерным корпусом и подлежащих до того корпуса делах представлени<я>, також и о состоянии инженерных служителей месячные и третные табели и списки в Канцелярию подает и о подлежащих же делах от себя х командам предложении чинит»^[554].

Отыскались, точнее всплыли, и другие причины отмены решения о его отправке в Выборг — в Инженерном корпусе не нашлось равноценной ему замены, обнаружилось также, что возложенное на него руководство многочисленными практическими работами некому поручить. Наша инженерная школа не могла еще конкурировать с лаферской. Поэтому в течение всего XVIII столетия так много иностранных фамилий встречается на инженерных должностях в России. В

инженерном деле генерал-поручику А. П. Ганнибалу не было равных.

31 мая 1756 года властолюбивый граф Петр Иванович Шувалов (1710–1762), кузен И. И. Шувалова, фаворита Елизаветы Петровны, и муж ближайшей подруги императрицы Мавры Егоровны Шепелевой (1709–1759), человек умный и образованный, был пожалован чином генерал-фельдцейхмейстера. Он тотчас объединил артиллерию с инженерными войсками, а генерал-поручику от фортификации Ганнибалу 5 июля присвоил звание инженер-генерала^[555]. Фактически Абрам Петрович утратил должность командира Инженерного корпуса, но продолжал «управлять инженерной частью по всей России»^[556]. С 1752 года он подписывал документы «генерал инженер Аврам Ганибал». Это была должность.

Не исключено, что императрица подписала указ о назначении Абрама Петровича в Выборг по просьбе Шувалова, предполагавшего главенствовать и в фортификации. Абрам Арап виделся ему строптивым подчиненным — кому нужны лишние хлопоты... Возможно, Шувалов, спохватившись, просил императрицу об отмене указа. Но есть и другое объяснение: назначение Ганнибала в Выборг — повод для присвоения нового чина, а отправлять его из Петербурга императрица вовсе не собиралась и поступила так, чтобы не огорчать злобных завистников, недоброжелателей, придворных бездарей...

В этом же году инженер-генерал организовал на Выборгской стороне учебный полигон. Ф. Ф. Ласковский пишет:

«Обращено было внимание также и на практическое образование по инженерной части воспитанников; для чего, с 1750 г. по приказанию генерал-майора Ганнибала, заве-дывавшего в то время инженерным корпусом, возведен был в Выборгской стороне, где

артиллеристы занимались практической стрельбой, учебный полигон, против которого воспитанники инженерной школы вели примерную атаку. Нововведение весьма полезное, о котором заботился еще и Петр Великий при основании им инженерной школы — но в последствии оно было совершенно оставлено»^[557].

Вкралась ли ошибка в дату начала командования Инженерным корпусом или, быть может, Ганнибал приступил к исполнению обязанностей руководства корпусом за два года до указа? Возможно, Абрам Петрович в 1750 году выполнял разовые поручения. Повторяю — командира Корпуса с 1748 года не было. Что касается полигона, у Ганнибала был достаточный опыт обучения инженерному искусству, приобретенный во Франции. Ганнибал постоянно участвовал в практических занятиях будущих инженеров, проводившихся на Выборгском полигоне.

Весной 1757 года Абрама Петровича ввели в Комиссию для рассмотрения положения российских крепостей, вскоре ему предложили занять кресло первоприсутствующего. Указ от 21 мая 1757 года об учреждении Комиссии гласил:

«Многия перед сим бывшая на границах крепости по распространении российских границ, от оных уже удалены, и прежней своей надобности уже не имеют, и та служба, для чего они тогда были построены, не весьма нужна, а оныя еще и по ныне равное содержание и починку из фортификационной суммы, без дальней в них нужды получают, через что она напрасно излишние расходы нести принуждена; а напротив того при самых границах в некоторых местах, в потребных, для закрытия оных, укреплениях недостаток находится, да и некоторыя крепости совсем, за худобою положения мест, к переноске на другия места подлежат, а к тому за неузаконением в крепостях надлежащей фигуры,

происходят в укреплениях великия перемены, и от излишней переломки, и употребляемой на то из фортификационной, сверх надобности и необходимости нужды, суммы, некоторые крепости уже, за недостатком денег, без починки остаются»^[558].

Судя по содержанию, текст указа готовил Ганнибал: только он располагал полнотой сведений о российских крепостях. Шестидесятитрехлетнего инженер-генерала нагружали многими поручениями, а он успевал исполнять их, и отлично исполнять. М. Д. Хмыров пишет: «Наконец, в самом начале этого же 1758 года, к прочим служебным заботам генерал-инженера прибавилась новая, характера педагогического: генерал-фельдцейхмейстер, граф Шувалов «разсмотрев состояние и обучение в науках артиллерийской и инженерной школ, нашел, что в артиллериской фортификации, а в инженерной артиллерии необучают, которые науки знать им взаимно необходимо надобны; и для того от него, генерал фельдцейхместера, генваря 7 числа сего (1758) году, артиллерии к генерал поручику Глебову и генерал-инженеру и кавалеру Ганибалу ордерами и предложено, чтоб в школах артиллеристов фортификации, а инженеров артиллерии обучать; а для каких то резонов определено, о том к ним довольно в тех ордерах изображено»^[559].

Иван Федорович Глебов (1707-1774) — впоследствии Андреевский кавалер, генерал-аншеф и Киевский губернатор. Судьба его дядьки, майора Преображенского полка Степана Глебова связана с проявлением жестокости Петра I. Сослав свою первую жену Евдокию Лопухину (1669-1731) в Суздаль, царь приставил к ней присматривать несчастного Глебова. До ушей венценосца донесся слух о «блудной связи» Евдокии с бедным майором. Прискакав в Суздаль, царь распорядился посадить майора на кол, собственноручно накиннул на него тулуп, дабы тот не замерз ранее, чем

погибнет на колу от страшных мук, а может, образумится и раскроет то, что утаил от следователей^[560]. Порой жесток был крестный Абрама Петровича.

Известный пушкинист М. Вегнер, автор книги «Прадед Пушкина», много работавший в архивах, пишет:

«Как работник Абрам Петрович отличался хорошими деловыми качествами — иначе его крупная карьера была бы необъяснима. Правда, он имел и некоторую протекцию. Но едва ли ему стали бы протектировать, если б он не представлял собой значительной ценности. Имеется достаточно данных, чтобы считать его крупным для своего времени и образованным инженером. В качестве такового современники его ценили и при том в течение долгого времени. Не менее очевидно, что он был хорошим преподавателем инженерных и математических знаний»^[561].

Мы не знаем, как и каким образом выполнялось распоряжение генерал-фельдцейхмейстера; наверное, Ганнибала отчасти радовало возвращение к любимой педагогической деятельности, хотя, возможно, наоборот, раздражало, потому что все указания прямого начальства инженер-генерал привык принимать в штыки. Он не желал подчиняться не нюхавшему пороха; эполеты и шпагу особенно щегольски носят в канцеляриях и комиссиях, вдали от полей сражений. Выдающийся организатор в военной и экономической сферах, генерал-фельдцейхмейстер граф П. И. Шувалов никогда не воевал, в 1744 году по именному указу был назначен «к присутствию в Сенате», там он занимался главным образом финансами и регулярно получал очередные воинские чины, дослужившись до действительного генерал-фельдмаршала. Елизавета Петровна считала, что

П. И. Шувалов много сделал для улучшения экономического положения России. Екатерина II,

наоборот, полагала, что принципы, которыми он руководствовался, были «хотя и не весьма для общества полезными, но достаточно прибыльными для него самого»^[562]. Благодаря могучим связям при дворе Шувалов нигде и ни в ком не имел соперников, с врагами расправлялся жестоко, «почти открыто воровал казенные деньги, присваивал доходные государственные монополии и заводы, беспощадно подавлял конкурентов»^[563]. Ему все сходило с рук, возражений он не терпел. Ему удалось разгромить «партию» графа А. П. Бестужева-Рюмина, всесильного канцлера, старинного друга Абрама Петровича. Мог ли Ганнибал мирно подчиняться такому начальнику?.. Конфликты возникали разные — от мелких до разбирательств в Правительствующем сенате; разумеется, Сенат принял сторону сенатора, генерал-фельдцейхмейстера графа П. И. Шувалова.

Столкновения между властолюбивым Шуваловым и непокорным Ганнибалом происходили постоянно. Однако Шувалов не мстил подчиненному, не преследовал, нередко прислушивался к его возражениям.

«Итак, в июле 1758 г., — пишет Е. В. Гусарова, — получив от Ганнибала рапорт с приложенными отчетами, Шувалов ответил довольно резкой отповедью: «Вашему превосходительству неоднократно данным от меня ордером поведено: как вам, так и подкомандующему генералитету, присылаемые из крепостей о работах планы с профили и ведомостями рассматривая, подавать ко мне с вашим мнением, кои вами о многих крепостях подаваемы были без мнений, да и ныне от вас при репорте о Торской крепости без мнения вашего превосходительства представили... рассмотря, какие по укреплению оной надлежит употребить способы, о том положи надлежащее мнение, для рассмотрения представить ко мне. А впредь

рекомендую, чтоб в силе прежних моих повелений, как по сему, так и по каждой крепости, что в которой исправить надлежит или что зачем отменить должно, по рассмотрении вашем, во мнениях описывать, имянно как того должность требует, и ко мне представлять для апробации. Вашего высокопревосходительства охотной слуга граф Петр Шувалов». Не менее резким оказался поступивший через два дня ответ Ганнибала: «Вашему сиятельству донести имею. Хотя и во все крепости о исправлении при оных работа мнения давать по характеру моему за должность почитаю, которая, как до вступления вашего сиятельства над Корпусом команды, так и по вступлении уже немалое время, вашему сиятельству по рачительной ея императорского величества моей службе всегда подаваны были, по которым и надлежащие опробации... успех имели. А для чего... на подаваемые о исправлении при крепостях работ в репортах мнения не описано было, о том вашему сиятельству февраля 10, марта 11 и 13, також и 26 чисел сего году репортами довольно изображено — какие я по характеру моему и летам с обидою в том безвинно стерпеливо сносить принужден. Но как на оныя мои репорты я в ответ ничего не получил, а ныне тем вашего сиятельства повелением... бес всякого уже упоминания о происходимых мне прежде напрасных нареканий, подлежащего мнения от меня требовать изволите, то я во оном ныне опасным себя уже не нахожу и, как моя должность велит, подаваемые от меня к вашему сиятельству мнения описывать имею. Чего ради о Торской крепости во исправлении работ согласуюсь и оныя планы с профилями... и ведомости паки при сем представляю... генерал инженер Аврам Ганибал»^[564].

«Генерал-фельдцейхмейстер, сенатор, ея императорского величества генерал-адъютант, действительный камергер, лейб-компания поручик, государственный межевщик, обоих российских орденов

кавалер» (числом званий, должностей и титулов он перещеголял самого А. Д. Меншикова) граф П. И. Шувалов молча признал свою неправоту и «учинил опробацию» вторично присланных Ганнибалом документов.

И все-таки Шувалов, ценя стареющего инженер-генерала, не переводил несогласия и ссоры во вражду. Иначе как можно объяснить пожалование 23 октября 1759 года Ганнибала высоким чином генерал-аншефа? Без согласия Шувалова Елизавета Петровна указ не подписала бы, а менее чем через год, 30 августа 1760 года, «возложила на него орден Святого Александра Невского». Это были последние милости императрицы; вскоре ее здоровье начало катастрофически ухудшаться, 25 декабря 1761 года ее не стало. Почти двадцать лет она оберегала припорожника, крестного брата своего, свидетеля ее счастливого, радостного детства при живых родителях. 8 января 1762 года появился сенатский указ: «Для ныне состоящего печального случая, с того времени, как глубокий траур надет быть имеет, как в Правительствующем Сенате, так и во всех санктпетербургских и московских присутственных местах, и в губерниях, провинциях и городах, присутственные столы покрыть черным сукном, и на стулья наложить черныеж из фланели, или другой какой черной материи чахлы, а письма отныне посылать за черною печатью»^[565].

Все присягнули кратковременному императору Петру III, взбалмошному и недалекому. 4 января 1762 года отошел в иной мир прямой начальник Абрама Петровича генерал-фельдцейхмейстер П. И. Шувалов. Последние десять лет жизни он занимался реформированием армии, его особой заботой была артиллерия, в ее реорганизации и перевооружении Шувалов видел главную свою цель; его вмешательство в дела инженерных служб следует признать

минимальным. О его кончине скорбели многие. Он умел завоевывать сердца подчиненных. Только офицерам оборонительных линий он увеличил жалованье в два с половиной раза^[566]. Обязанности генерал-фельдцейхмейстера временно исполнял близкий друг умершего генерал Ф. И. Глебов. Временный начальник веса при дворе не имел, и когда у Абрама Петровича начались последние служебные неприятности, он заступником не был. Глебов знал, что его скоро сменит другой генерал и будет расхлебывать все, случившееся при нем.

Зимой 1762 года, когда работы на каналах, в гаванях и крепостях не велись, Абрам Петрович и «Военно-походная канцелярия его превосходительства Ганибала» находилась в Петербурге и занималась приготовлением к летнему сезону — отыскивали наиболее выгодных поставщиков и подрядчиков. Наступил строительный сезон, и вдруг 9 июня шестидесятишестилетний инженер-генерал в чине генерал-аншефа, начальник инженерной части русской армии, директор Ладожского канала, Кронштадтских строений, член Канцелярии главной артиллерии и фортификации, председатель «Комиссии для рассмотрения положения российских крепостей» получил отставку «за старостей»^[567] — такова единственная официальная формулировка, никакого прошения в архивах не обнаружено.

Возвращенный в начале апреля из ссылки семидесятидевятилетний граф Б. Х. Миних^[568] 17 мая назначается членом только что учрежденного Петром III Императорского совета^[569], затем получает все должности, вакантные после увольнения Ганибала. Абрамом Арапом пожертвовали ради возобновления насильственно прерванной карьеры Миниха, который был более талантливым организатором и удачливым царедворцем. Не всякий суверен способен оценить ум,

знания и опыт своего подданного. Одновременно с Минихом в Императорский совет Петр III ввел давнего недруга Абрама Петровича генерал-фельдмаршала принца Петра Гольштейн-Бекского и сделал его своим главным советчиком — заступиться за Ганнибала было некому. Поговаривали, что именно Гольштейн-Бекский и отомстил бывшему ревельскому обер-коменданту за упрямство и несговорчивость.

Петр III лишился трона 28 июня 1762 года. В одном из писем бывший император умолял Екатерину II сохранить ему скрипку, собачку, арапа и любовницу Елизавету Воронцову, выражал при этом намерение поселиться в уединении и сделаться философом^[570]. Вскоре после удавшегося дворцового переворота отставной инженер-генерал отправил молодой императрице челобитную:

«Всеприсветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая.

Бьет челом генерал и кавалер Аврам Петров сын Ганибал. А о чем мое прошение, тому следуют пункты:

1. Вашего императорского величества вселюбезнейшему деду блаженныя и вечной славы достойныя памяти государю императору Петру Великому, предкам вашим и вашему императорскому величеству верно рабскую мою службу продолжал 57 лет беспорочно, а июня 9 дня неповинно и без всякого моего преступления от службы отстранен без награждения.

И за ту мою долголетнюю беспорочную и усердную службу, припадая к стопам вашего императорского величества, прошу из высочайшей природной вашего императорского величества щедроты милосердия пожаловать меня для пропитания з бедною моею фамилиею всеподданнейшего раба вашего в

Ингерманландии в Копорском уезде из принадлежащих к Рождественской дворцовой мызы дач с деревнями, называемыми Старое Сиверко, Новое Сиверко, Большевомежно, Выра, Рыбица; в них мужеска пола по последней ревизии пятьсот семь душ, с принадлежащими до оным деревнями, пустошью Куровицкою и протчим землям сенным покосам и с лесными угодьями. Или из сего числа, сколько по благоизволению вашего императорского величества, всемилостивейшее пожалованием удостоить соизволите в вечное и потомственное владение.

Всемилоостивейшая государыня, прошу вашего императорского величества о сем моем челобитье решение учинить. Июля... дня 1762 году.

К сей челобитной генерал и кавалер Абрам Петров сын Ганибал руку приложил»[\[571\]](#).

Наверное, обиженный служака хотел напомнить новой власти о беспорочной службе, о неожиданной и несправедливой отставке, лишении полагавшегося при отставке вознаграждения. Текст прошения подтверждает нежелание А. П. Ганнибала отправляться на покой. Челобитная осталась без последствий. Только что вступившей во владение империей Екатерине II было не до Ганнибала. Приведем характеристику царствования Екатерины II, данную двадцатитрехлетним А. С. Пушкиным в его «Заметках по русской истории XVIII века»:

«Царствование Екатерины II имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России. Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила [их] на счет народа и унизила беспокойное наше дворянство. Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивления потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты

привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество. Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве...

Екатерина уничтожила звание (справедливее — название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопашцев), и закрепила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку — а Тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шешковского в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами — и Фон-Визин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если б не чрезвычайная его известность»^[572].

Степан Иванович Шешковский (1727-1794), «домашний палач кроткой Екатерины» (А. С. Пушкин), начальник Тайной канцелярии, руководил политическим сыском империи, современники называли его «кнутобойцем». В последние года царствования Елизаветы Петровны жена наследника престола Екатерина Алексеевна так натерпелась от стареющей вздорной императрицы, что возненавидела все, чем та дорожила, и многих из тех, кого любила. Возможно, поэтому Екатерина II не возвратила Абрама Петровича на службу и оставила без последствий его слезливую челобитную, возможно, поэтому пригласила Миниха. Позже Миних о ней напишет: «В отличие от других императриц Екатерина II не только царствовала, но и управляла». И еще: «Главнейшее искусство государей состоит в умении выбирать лиц, годных и способных выполнять обязанности на тех должностях, которые им

доверяют, коих чистота, неподкупность, честность, прилежание в делах, усердие и благочестие испытаны и известны. Народ, слава Провидению, не испытывает сегодня недостатка в хороших подданных, а равно и ее величество императрица не испытывает недостатка в проницательности, чтобы сделать из них лучший выбор»[\[573\]](#).

Абраму Арапу в столице делать было нечего, и Ганнибалы начали готовиться к переезду на мызу Суйда.

Глава V

ДАЙ СЕБЕ ПОКОЙ

Итак, Абрам Петрович с женой и младшей дочерью Софьей отправился на мызу Суйда и прожил там почти двадцать лет. Его правнучка А. С. Ганнибал пишет:

«Об этих последних годах его жизни ничего не сказано; не известно куда делись его бумаги и библиотека, унаследованная его старшим сыном Иваном — героем Наварина и Чесмы. Абрам Петрович умер в Суйде и был похоронен на кладбище между селом Суйдой и селом Кобриным; могила его, как выяснилось после нашей поездки на место, до ныне не сохранилась, надгробная плита исчезла, да и самая кладбищенская церковь Воскресения, выстроенная в 1718 г. графом Апраксиным, была разобрана и перенесена в 1848 году на ее нынешнее место, в село Суйду»^[574].

Многие земли Водской пятины, включая Суйдинский погост, еще в XV веке принадлежали Пушкиным^[575]. По Столбовскому договору 1617 года земли Водской пятины, одной из пяти административно-территориальных единиц владений Новгорода Великого, отошли к шведам. Завоеватели предложили русским, имевшим там владения, не покидать насиженного. Пушкины бросили все свое имущество, но под «свейскую корону» не пошли.

Покинутые русскими земли шведский король щедро раздал своим отличившимся подданным. Краевед и музейщик А. Бурлаков пишет: «Суйда с окрестными деревнями была пожалована Его королевским высочеством вскоре после захвата русских земель шведами и перехода их во владение «свейской короны», то есть после 1617 года. При Георге фон Роре (1550–1632 гг.), уроженце Бранденбурга, отставном

подполковнике, скончавшемся в Суйде, и был, по моему мнению, построен первый господский дом. Позднее он принадлежал его сыновьям, один из которых, капитан Ханс Христофор фон Рор, согласно имеющимся документам, родился в Суйде в 1627 году и погиб в сражении под Нарвой в 1700 году. Сохранившиеся шведские Поземельные книги, Мантальные (податные) росписи и Книги мельничной подати XVII столетия позволяют проследить хронику местного землевладения в усадьбе «Суйда», которая в некоторых источниках упоминается как мыза Swyda (Свида)»^[576].

Через восемьдесят пять лет царь Петр Алексеевич приступил к возвращению Водской пятины. Вскоре он начал раздавать освобожденные приневские территории своей родне и ближайшим сподвижникам, сохранив значительную часть земель за дворцовым ведомством. Водскую пятину царь назвал Ингерманландией, до конца XVIII века ею владели главным образом близкие к трону фамилии.

В 1712 году суйдинские земли царь подарил графу Петру Матвеевичу Апраксину (1659–1728), крупному государственному деятелю, президенту Юстиц-коллегии. Его младшая сестра была замужем за царем Федором Алексеевичем, сводным братом Петра I. При Апраксине в 1718 году построили храм Воскресения Христова. После кончины первого владельца Суйда перешла его сыну Алексею (ум. 1735), затем к Е. М. Апраксиной (1712–1747), вдове сына. После ее смерти происходит стремительная смена формальных владельцев мызы.

В мае 1759 года Ганнибал приобрел Суйду, село Воскресенское, деревни Мельница и Пыжма у графа Ф. А. Апраксина, следовательно, он сделался хозяином вотчины, некогда принадлежавшей В. К. Пушкину, отдаленному предку нашего великого поэта. Ганнибалы не только владели прежними землями Пушкиных, но и

трижды роднились с ними (см. генеалогическое древо, с. 16–17). Вскоре Абрам Петрович купил у камер-фурьера Д. А. Симонова соседние с Суйдой земли с деревнями Кузнецове, Елицы и Малая Вопща, а у А. И. Головина, брата прабабки А. С. Пушкина, — Малые Тайцы и восемь соседних с ними деревень.

Согласно «Справке о разделе имений А. П. Ганнибала в Софийском уезде между сыновьями», составленной 4 марта 1783 года, суммарно по всем деревням и мызе числилась 691 душа, следовательно, всего около полутора тысяч крестьян, из них к Суйдинской мызе дворовых людей приписано 45 душ^[577]. В старости Ганнибалы числились среди солидных помещиков. По исповедальной росписи суйдинской Воскресенской церкви дворовых людей православного вероисповедания на мызе было 39 мужчин и 25 женщин^[578].

По-видимому, Абрам Петрович тотчас по приобретении ингерманландских земель, находясь еще на службе, приступил к благоустройству мызы Суйда. Когда в 1762 году пришло время покинуть Петербург, он предпочел псковским имениям облюбованную им вблизи столицы мызу^[579]. Желание чаще видеть детей перевесило неприятие дурного ингерманландского климата. Впрочем, быть может, он надеялся, что его позовут обратно служить, а он тут, под боком у императрицы — вскочил в кибитку и тотчас в Зимнем.

Мы располагаем описанием усадьбы, сделанным в 1912 году троюродной сестрой А. С. Пушкина, правнучкой владельца А. С. Ганнибал: «Мыза Суйда лежит в небольшом расстоянии от села, к ней ведет аллея, бывшая, вероятно, когда-то густой и тенистой. В парке стоял большой дом с обширной территорией, выходящей в сад... Большой дом сгорел, недавно только разобрали его фундамент. Нынешний владелец Геймбюргер живет в старинном флигеле, неоднократно перестроенном. От старины уцелели, может быть,

только разные украшения на флигеле, в виде полотенец. Под парком и теперь еще до сорока десятин; его вековые дубы и липы в два обхвата существуют несомненно со времени старого Ганнибала»^[580].

Приведем описание окрестностей Суйды 1970 года:

«Красивая дорога между двумя рядами берез ведет к старому парку бывшей усадьбы Суйда, некогда принадлежавшей Ганнибалам. Парк пересекает тенистая липовая аллея, которая обрывается у поляны, обрамленной деревьями, и граничит с небольшим озером. Здесь много света и простора. В центре поляны — большой валун с высеченным в нем сиденьем — «каменный диван». А поближе к озеру возвышается шестисотлетний дуб. Искалеченный временем и огнем отгремевших здесь сражений, со сквозными отверстиями в стволе, он выглядит все же весьма внушительно»^[581].

В Российском государственном историческом архиве древних актов хранится план мызы Суйда, составленный по результатам двух межеваний — 1746 года, то есть до ее приобретения Ганнибалом, и 1857 года. При его рассмотрении легко обнаруживаются постройки времени владения Суйдой Абрамом Петровичем.

Привыкшему пребывать в постоянном труде нелегко погрузиться в безделье, созерцание, от случая к случаю заниматься хозяйством, не думать о деньгах. Этого и не произошло. Переехав в Суйду, Абрам Петрович, отставной генерал-аншеф, как заправский помещик энергично занялся приведением в порядок большого основательно запущенного хозяйства. Пригодился восьмилетний опыт безвыездной сельской жизни на мызе Карьякюла и владения другими эстляндскими землями. Размеры земель были иными, но приобретенные практические знания остались.

В 1765 году с благосклонного согласия Екатерины II крупнейшие русские землевладельцы основали в

столице Вольное экономическое общество. 5 февраля 1766 года «черный барин» получил анкету, составленную только что образованным Обществом. Сохранились его обстоятельные ответы на вопросы анкеты, касающиеся сельского хозяйства. «А. П. Ганнибал как опытный землевладелец, хозяин-практик пытался дать объективную картину экономического состояния Копорского уезда, вскрыть причины упадка в развитии земледелия и животноводства, высказал ряд предложений по их улучшению»^[582]. Он описал почвенно-климатические условия, дал анализ причин низких урожаев, отметил необходимость удобрения пахотных земель и развития скотоводства. Многие ответы свидетельствуют о его достаточно глубоких знаниях прогрессивного ведения хозяйства. Им даны рекомендации по отбору и организации зернового фонда.

Понимая, что при бедном мужике помещичье хозяйство не может быть хорошо развитым, А. П. Ганнибал уделил особое внимание жизни крестьянина. Одной из причин неблагополучия крестьян по опыту, приобретенному в Эстляндии, он видел в отсутствии промыслов: «...здешние мужики, кроме пашни, других промыслов не имеют, только что в черной работе по временам находятся осенью по окончании своих работ»^[583].

О живости ума семидесятилетнего «черного барина» свидетельствует его интерес к появившейся в России невидали — картошке: «До сего времени земляные яблоки (картошка. — Ф. Л.) не имелись и не были известны, а будущей весной пробы будут учинены. А на мызе у меня показанные яблоки давно имеются, и для домашнего расхода довольно родится»^[584]. Судя во всему, Абрам Петрович постоянно интересовался сельским хозяйством и знал в нем толк. Он жил с женой и младшей дочерью, приезжали внуки, гостили

месяцами. Старшие внуки были на год младше Софьи. Они радовали стариков. Из четырех сыновей двое, скандальный Петр и ветреный Осип, доставляли огорчения, но старший, Иван, своими выдающимися достижениями вселял гордость в душу «черного барина». В Суйде во флигеле подолгу жила внучка Надежда Осиповна, мать поэта. 28 сентября 1796 года^[585] в Воскресенской церкви, что рядом с мызой Суйда, она венчалась с Сергеем Львовичем Пушкиным, свидетелем был сосед Ганнибалов П. Ф. Малиновский, брат будущего первого директора Царскосельского лицея^[586]. Близ этой церкви пятнадцатью годами раньше похоронили Абрама Петровича и его жену Христину Матвеевну.

Свое отношение к жене Абрам Арап красноречиво запечатлел в важнейшем документе, завещании, составленном в день его восьмидесятилетия 13 июля 1776 года: «...всем движимым и недвижимым по смерти моей именем владеть и доходами пользоваться супруге моей Крестине, Матвеевой дочери, доколе она здравствовать будет беспрепятственно, не отделяя себе однако ж ни единые души в седьмую часть, и при ее жизни детям моим во владение назначиваемого не вступать, когда же по власти всевышнего и она отыдет от сего света, тогда уж детям моим во владение вышепредписанного вступать, равномерно и движимое имение, какое выше означенного, тако ж и дворовых людей на лицо по смерти обоих нас останется, все то разделить сыновьям нашим между собою полюбовно»^[587].

Этот текст — извлечение из духовной крепости (завещания) А. П. Ганнибала. Основная его идея заключается в желании Абрама Петровича следовать к тому времени отмененному указу Петра I о майорате (наследование по праву превосходства, когда старший из детей получает все имущество родителей). Поэтому

основные земли и капитал он завещал старшему сыну Ивану, оставшееся имущество разделил между Петром, Осипом и Исааком, но с условием, что они вступят во владение после кончины Христины Матвеевны. По действовавшим законам седьмая часть наследства выделялась вдове — «вдовая часть», но Абрам Петрович желал, чтобы после его кончины полновластной хозяйкой всего им нажитого оставалась Христина Матвеевна.

Дочери выходили замуж, получали приданое, сыновья служили, кроме жалования, на которое прожить было нелегко, всем помогал отец. Постоянные войны требовали усиления армии, правительство поощряло стремление дворян к военной службе, раздавая всевозможные льготы. «Если дворянин определял своего сына или которых-либо из сыновей в гражданскую службу, то делал это вследствие невозможности прилично содержать их в полку, что и тогда стоило не дешево»^[588]. Абрам Петрович желал видеть своих сыновей только среди военных, лучшее образование давалось в Пажеском и Кадетском корпусах. Иваном он гордился, успел порадоваться его ратным успехам, чинам, наградам. Иван был не только выдающимся военачальником, но и личностью. Его авторитет на службе и в Зимнем дворце был чрезвычайно высок, сына Абрама Арапа любили за легкий нрав, честность, храбрость, верность, умение быть другом. Отец надеялся, что после его кончины Иван сделается главой клана. Так оно и произошло, пока не начался раздел имущества, оставленного отцом. Самым справедливым и порядочным из сыновей Абрама Петровича оказался Иван. Петр нередко огорчал отца; от Осипа, деда А. С. Пушкина, исходили одни неприятности. А. С. Ганнибал пишет:

«Осип Абрамович служил в артиллерии; женившись в 1773 г. на Марье Алексеевне Пушкиной, он вышел в

отставку и жил с женою то в Петербурге, то у отца, в его имении Суйда, недалеко от Петербурга. Еще до женитьбы за свои кутежи и мотовство Осип Абрамович был лишен отцом выдававшегося ему содержания. На этой почве между бережливым отцом и расточительным сыном происходили постоянные столкновения. Вскоре после женитьбы у Осипа Абрамовича начался разлад и с женою; Марья Алексеевна в размолвке его с отцом держала сторону свекра, обвиняя во всем мужа. Жизнь эта скоро наскучила Осипу Абрамовичу, — и он уехал из Суйды, никого не предупредив. Неизвестно, увезли он тогда же и дочь, или взял ее к себе несколько позже, но только мы видим Надежду Осиповну в руках отца в 1776 году, когда она была еще у кормилицы»^[589].

Дочь свою из Суйды забрал он не тогда. Мария Алексеевна отправилась в Петербург на поиски мужа, Осип Абрамович, воспользовавшись отсутствием матери, увез грудного ребенка в Красное Село, где поселился у своего друга майора А. О. Маза^[590]. Мария Алексеевна тревожилась за дочь, будущую мать Александра Сергеевича, родившуюся 21 июня 1775 года, ей не было года, когда отец похитил ее. Нетрудно представить, как волновались старые Ганнибалы, видя, что происходит с внучкой и сыном у них на глазах. Посоветовавшись с родней, зная наклонности мужа, Мария Алексеевна решила отказаться от любых имущественных претензий и дать согласие на расторжение брака^[591]. 18 мая 1776 года отправила ему следующее «разлучное» письмо:

«Государь мой, Осип Абрамович! Несчастливыя как мои, так и ваши обстоятельства принудили меня сим с вами изъясниться: когда уже нелюбовь ваша ко мне так увеличилась, что вы жить со мною не желаете, то уже я решилась более вам своею особою тягости вам не делать, а разстаться навеки и вас оставить от моих претензий во всем свободна, только с тем, чтобы дочь

наша мне отдана была, дабы воспитание сего младенца было под присмотром моим. Что ж касается до содержания как для нашей дочери, так и для меня, — от вас и от наследников ваших ничего никак требовать не буду, и с тем остаюсь с достойным для вас почтением ваша, государь мой, покорная услужница

Мария Ганибалова»^[592].

Такое развитие событий вполне устроило беспутного отца, малютка дочь ему изрядно надоела, хлопоты о ее содержании, оплата кормилицы Осипа Абрамовича удручали. Не для того он покинул жену и отчий дом. 28 мая 1776 года он пишет покинутой жене заносчивое, неумное послание, приведем из него заключительную часть: «Надежда препоручена от меня в Красном Селе моему приятелю, господину мазору и управителю Александру Осиповичу Мазу, для отдачи вам, которую и можете от него получить благопристойно, а кормилица при ней как не собственная моя, так я и власти не имею оставить вам при дитяти, и за тем желаю пользоваться вам златою вольностию, а я в последния называюсь муж ваш Иосиф Ганибал»^[593].

9 января 1779 года Осип Абрамович обвенчался с капитаншей Устиньей Толстой, предъявив фальшивое свидетельство о кончине Марии Алексеевны. Разумеется, подлог был раскрыт. 17 января 1784 года появился указ с «резолуцией, положенной государыней, по которой повеленно второй брак Осипа Ганнибала с Толстой почитать уничтоженным», а за двоеженство «послать его на корабль в Средиземное море»^[594]. Возможно, весьма легкое наказание объясняется хлопотами И. А. Ганнибала.

Встречался ли впоследствии отец с дочерью, мы не знаем, внуков своих он не видел никогда и ими не интересовался. Семья Ганнибалов была дружная, братья жалели Осипа и поначалу приняли его сторону. Но

произошло то, что и должно было произойти, — отношение Осипа к бывшей жене, к родителям, да и к братьям делалось столь несносным, что все от него отвернулось. После кончины родителей главой клана сделался Иван Абрамович, 22 февраля 1784 года он вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта и поселился в Суйде. Бездетный холостяк, богатый и скромный, приютил у себя Марию Алексеевну и Надежду Осиповну, племянницу выдал замуж, крестил ее дочь Ольгу Сергеевну Пушкину. Судьба распорядилась так, что в 1806 году Осипа Абрамовича похоронили в Святогорском монастыре, рядом с ним в 1818 году погребли Марию Алексеевну, в 1836 — Надежду Осиповну, в 1837 году — Александра Сергеевича, в 1848 — Сергея Львовича^[595]. Земля примиряет всех.

Мы остановились на жизненных коллизиях Осипа Абрамовича, потому что они прямо касались старика Ганнибала: нередко скандалы происходили в его суйдинском доме, он очень переживал за сына, — но еще и потому что он был дедом нашего великого поэта. Первый брак Абрама Петровича оказался крайне неудачным, из пяти его сыновей от второго брака один умер в младенчестве; Иван женат не был и детей не имел; Петр прогнал жену с детьми и не желал назначать им приличного содержания; Осип мучил жену всю жизнь; Исаак вполне счастливо прожил с одной женой и имел пятнадцать детей. Не будь этих неприятностей, мы много меньше знали бы о Ганнибалах.

О детях, о семье Абрам Петрович заботился постоянно, приобретая земли, строя дома, он думал не о себе. Понимая, что в столице нужно иметь жилище, где можно при случае остановиться, он затеял строительство особняка. В 1770-х годах Абрам Петрович приобрел участок между Сергиевской и Фурштатской улицами и по старому «типовому проекту» М. Г. Земцова предпринял строительство кирпичного двухэтажного

особняка с фасадом на Сергиевскую (ныне дом № 29) [\[596\]](#). Судя по приведенному ниже письму, строительство оплачивал «черный барин», а его представителем в столице был Петр Абрамович:

«Сын мой Петр Абрамович

Посланное от тебя счет столярной работы в каменных покоях я видел. Весьма безмерная цена и мне несносная. При сем посылаю табель почему оне подрядчики требуют. А почему давать на поле от меня написано в той же табели, а когда по моей цене показанной не возьмут то и нужды до их нет и наши столяры по возможности могут исправлять хотя и не скоро и невдруг.

А тебе рекомендуют сколько потребно подрядить купить сухия доски сколько потребно для полов панели ставни и протчее.

Брат твой купил мне белей (беличий. — *Ф. Л.*) мех которой зимой не греит а летом неспреит, того ради, приторгуй белей мех сибирской по средней цене и ко мне отписать, что требуют за такой мех.

А Евстрату без моего письма денег ни на что.

Ваш добродетельный отец

А. Ганибал

Ежели можешь достать голанских сельдей настоящих и постарайся как можно

Ноября 10 дня

1780 года

Р. С. Письмо мое твоему брату Ивану продержал у себя более двух месяцев и не уповаю чтоб оно было послано».

На обороте:

«сыну моему Петру Аврамовичу

Ганибалу

В Санкт Петербург» [\[597\]](#).

За строившимся домом располагался сад, тянувшийся до Фурштатской улицы. После смерти владельца дом с участком перешел к его сыновьям Петру и Осипу, деду поэта, в 1784 году братья продали дом Ивану Абрамовичу. Получив деньги и переложив на старшего брата все расходы по содержанию, прежние владельцы годами жили в этом доме. После смерти в 1801 году Ивана Абрамовича дом с участком числился за наследниками и был продан в 1809 году.

Нет-нет да промелькнет у наших авторов фраза о жадности, скупости Абрама Петровича, но обратите внимание — все, чем владел он, нажито им, его трудом, ничего, кроме небольшой суммы, завещанной венценосным крестным, и части псковских земель, дарованных Елизаветой Петровной, ему с неба не свалилось. Наверное, он все же был бережливым, но не жадным. Известная скупость Абрама Петровича уживалась с гостеприимством, нередко в Суйду заезжали бывшие сослуживцы. Василий Иванович Суворов (1705–1775), генерал-аншеф и сенатор, отец будущего генералиссимуса любил бывать у Ганнибалов. В царствование Анны Иоанновны В. И. Суворов допрашивал в Тобольске князя И. А. Долгорукова, это ему тот признался в составлении подложного завещания Петра II, что и послужило поводом для казни Долгоруковых. Александр Васильевич, друживший со старшим сыном Абрама Петровича Иваном, при первой возможности посещал Суйду. Приведу извлечение из дневниковой записи за 6 марта 1845 года, сделанной А. О. Смирновой-Россет:

«Ввечеру был Суворов. Говорил, что он получил от Хвостова пропасть писем деда к Хвостову, также много писем к неизвестным ему лицам; по-видимому, фельдмаршал боялся почты: во многих только намеки, род арга (*фр.* диалект социально-замкнутой группы. — *Ф. Л.*). Аннибал, дед (прадед. — *Ф. Л.*) Пушкина, решил

судьбу Суворова. Отец его, генерал-аншеф, очень умный и просвещенный человек по тогдашнему времени, прочил его в штатскую службу, потому что он был слабого сложения. На что Суворов не соглашался и все читал военные книги. Аннибал был однажды подослан к нему, чтобы уговорить его пойти в службу, нашел его лежащим на картах на полу и так углубленного, что он и не заметил вошедшего арапа. Наконец тот прервал его размышления, говорил с ним долго, вернулся к отцу его и сказал: «Оставь его, братец, пусть он делает как хочет: он будет умнее и тебя и меня»^[598].

Гостем Россет был граф Александр Аркадьевич Суворов (1804–1882), внук генералиссимуса, впоследствии генерал-губернатор Петербурга; стихотворец граф Дмитрий Иванович Хвостов (1756–1835) был женат на племяннице Александра Васильевича Суворова. Ганнибалы, Пушкины и Суворовы утверждали, что Абрам Петрович сумел убедить Василия Ивановича не препятствовать сыну в выборе суровой профессии.

У суйдинских хлебосольных хозяев любили бывать соседи, из Петербурга приезжали молодые люди, друзья сыновей. В конце XVIII столетия многим хотелось увидеть, а если повезет, то поговорить с крестником Петра Великого, близко его знавшего, Абрам Арап пережил почти всех. Летом 1777 года Ганнибалов часто посещал Михаил Никитич Муравьев (1757–1807), личность замечательная — писатель, в будущем товарищ министра народного просвещения, сенатор, воспитатель цесаревича Александра Павловича. Сделавшись куратором Московского университета, он из питомцев пансиона И. М. Шадена тотчас отметил юного Карамзина и, несмотря на разницу в возрасте, многие годы поддерживал с ним дружеские отношения. Профессор университета И. М. Шаден оказал на Николая Михайловича, занимавшегося у него в 1775–1781 годах,

сильнейшее влияние, его мысли Карамзин развивал в своих литературных произведениях. Узнав, что Николай Михайлович решил расстаться с литературой и заняться историей, Шаден «довел об этом до сведения государя, который милостиво принял [его], назначил жалование и приказал дозволить Карамзину пользоваться архивами и библиотеками»^[599]. М. Н. Муравьев находился с Ганнибалами в близком свойстве — родной брат его отца Никиты Артамоновича (1721–1799) Матвей Артамонович Младший (1714–1799) был женат на родной сестре Христины Матвеевны Ганнибал. Поэтому его появление на мызе Суйда не вызывает удивления^[600].

31 июля 1777 года Михаил Никитич писал отцу: «Обедал с Иваном Матвеевичем у Анибалов весело и с десятком итальянцев. Иван Абрамович вам приказывал засвидетельствовать свое почтение, меня просил часто ходить к себе... Иван Матвеевич хотел к вам нетерпеливо писать, да его увел один итальянский с Анибалом живущий офицер». Письмо от 15 августа: «Вчерась приходила Христина Матвеевна Анибалыпа и Иван Матвеевич, зовут меня сегодня к ней»^[601].

Михаил Никитич и его двоюродный брат Иван Матвеевич Муравьев (1752–1813) были с Ганнибалами соседями по имениям.

В 160-е годы римлянин Марк Аврелий сказал, что высшее назначение человека — готовиться к смерти. Так, наверное, следует рассматривать последние годы жизни крестника Петра Великого. Он радовался внукам, старался привести в порядок разросшееся хозяйство, вспоминал крестного, Францию, Африку, Стамбул, бескрайние сибирские снега. И не понимал, верить ли ему в то, что все это произошло с ним. Он многое успел и поэтому умирал умиротворенным.

Христина Матвеевна тихо, незаметно, как и жила, скончалась 13 марта 1781 года; Абрам Петрович уже не вставал с постели, почти не видел и не слышал, силы

покидали его, он пережил супругу на 48 дней. Петр Абрамович Ганнибал, очевидец кончины родителей, вспоминал почти пол века спустя:

«1760-м году [А. П. Ганнибал] уволен императором Петром III в отставку, а 1781 году скончался в апреле 20-го числа, а мать моя скончалась того же году феврале месяце, по отставке жили в купленной отцом моим деревне, отстоящей от С. Петербурга 55-ти верстах, Ингерманланде в мызе Суйде, где и погребены в оной церкви, при селе находящейся»^[602].

А. К. Роткирх, писавший «Немецкую биографию» вскоре после печальных суйдинских событий, сообщает нам, что Христина Матвеевна и Абрам Петрович были погребены в «Суйдовской церкви»^[603]. Названное им место погребения супругов совпадает с указанным Петром Абрамовичем. Но Христина Матвеевна до конца дней своих оставалась лютеранкой и по существующим правилам могла быть погребена лишь на лютеранском кладбище — ближайшее находилось в Кобрине, родной деревне Арины Родионовны. Абрама Петровича внутри «Суйдовской церкви» похоронить не могли — указ Петра I, запрещающий захоронения внутри храмов, никто не отменял. Следовательно, Петр Абрамович запомнил, а Роткирх на похоронах не присутствовал (не мог он все позабыть через пять-шесть лет) и в доме Ганнибалов появился после кончины хозяина.

Деревянная церковь («Суйдовская церковь») Воскресения Христова иждивением графа П. М. Апраксина, освобождавшего эти земли от шведов, построена в 1718 году на старом фундаменте православного храма. Храм стоял на месте Никольского Суйдовского погоста, там в начале XVIII века хоронили русских, павших в Северной войне, там, вероятнее всего, погребли «черного барина».

В 1880-е годы академик Д. Н. Анучин пытался найти место захоронения Абрама Петровича, ему удалось

узнать, что «на местном кладбище действительно находится могила Ганнибала, но от времени плита вросла в землю и отыскать ее трудно»^[604]. Старой церкви уже не было, ее за ветхостью снесли в 1845 году. На месте мызы Суйда в 1937 году побывал писатель Б. Семенов, он пишет: «Невдалеке за пределами усадьбы сохранилось старое неухоженное кладбище с черными чугунными крестами и гранитными надгробиями. Здесь долго бродили мы, читая вполне еще разборчивые и трогательные эпитафии»^[605]. Но могилы Ганнибала найти не удалось.

Могила А. П. Ганнибала безвозвратно утрачена. В 1971 году вблизи того места, где предположительно он похоронен, установлен гранитный обелиск с надписью:

ГАННИБАЛ
Абрам Петрович
генерал
Русской армии прадед
А. С. Пушкина
1697-1781

Под обелиском его захоронения нет. Итальянцы, например, нередко устраивают пустые гробницы — кенотафы. Флорентинцу Данте, умершему вне Флоренции, в храме Санта Кроче (Святой Крест) установлен кенотаф — так земляки отдали должное памяти чтимого ими великого поэта. Могила гениального скульптора Донателло находится в недоступной для посещения старой крипте церкви Сан Лоренцо, а очень красивый кенотаф расположен в левом нефе базилики. Раз уж так произошло — захоронение Ганнибала утеряно, хорошо, что есть обелиск. Почему на нем нет имени прабабки Александра Сергеевича Христины Матвеевны? Наверное, это чья-то непростительная оплошность. Нам не дано определить

меру влияния на личность и талант поэта его прародителей.

Утрачены не только могилы. Мы не знаем, куда делись ценнейшая библиотека, архив, предметы убранства, мебель Ганнибалов. Книги из Ревеля перевезли в Петербург, оттуда — в Суйду. Вскоре после кончины «черного барина» между сыновьями из-за наследства вспыхнула ссора. В 1792 году Иосиф Абрамович, младший из сыновей, отец пятнадцати детей, находясь в весьма затруднительном материальном положении, в челобитной на имя императрицы Екатерины II писал, что «при любовном нашем разделе уступили мы ему одному (старшему брату Ивану Абрамовичу. — *Ф. Л.*) всю отцовскую библиотеку»^[606].

Библиотека, «целый ящик золотых медалей» и архив «черного барина» хранились в суйдинском помещичьем доме после его смерти и смерти унаследовавшего мызу И. А. Ганнибала. В 1805 году дом в Петербурге и Суйду продали. Особо ценное движимое имущество Петр Абрамович увез в Петровское Псковской губернии, где проживал почти безвыездно с 1786 по 1819 год, оттуда переехал в Сафонтьево Новоржевского уезда Псковской губернии, не взяв с собой имущество отца. После кончины владельца в 1826 году Петровское перешло в собственность его сына Вениамина Петровича (1780–1839). Он был холост, но прижил с крепостной дочь Марию (1802–1889), выданную им в 1826 году замуж за дворянина, поручика Новоингерманландского пехотного полка Ф. П. Коротова. Незаконнорожденная Мария Вениаминовна имела шестерых детей, крестным отцом Коротовых был их дед В. П. Ганнибал. Он завещал им все движимое имущество, недвижимость получили законные наследники^[607]. В 1839 году Коротовы бблыпую часть полученного наследства перевезли в село Заречье Новоржевского уезда. Сохранившиеся у Коротовых

документы из архива А. П. Ганнибала всплывали вплоть до 1969 года, медали бесследно исчезли, библиотека тоже. Такова печальная судьба архива, библиотеки и коллекций прадеда А. С. Пушкина.

Поразительные повороты преподносит нам своенравная богиня Фортуна. Шестилетнего мальчишку чужие люди хватают на берегу реки в Экваториальной Африке и опасным караванным путем, преодолев тысячи километров, доставляют во дворец грозного Османского султана. Каждый дюйм этого пути, длившегося около года, мог быть последним. Среди диковинного мира его чему-то учат, могут обратить в ислам, могут превратить в евнуха, могут убить за ничтожную провинность или проступок. Что его ожидает в дальнейшем?.. Сделаться слугой султана или его жен в гареме, кого-то из приближенных, подаренным или проданным в Азию или Европу, обменянным на товар... Опасное похищение русскими могло обернуться погоней и закончиться для него гибелью в пути. Жизнь арапа при царе Петре Алексеевиче сложилась счастливо, но мог оказаться в полку барабанщиком или вообще кем угодно. И не увидеть Францию, не получить серьезного образования. Во Франции тоже — могла быть любовь, женитьба, уговоры, он мог и не возвратиться в Россию. Он остался жив в Восточной Сибири, счастливо миновав смертельные опасности, исходившие от лихих людей, лютых морозов и интриг чиновников. Преодолеl враждебное отношение начальства в Эстляндии, стремившееся его сокрушить и уничтожить. Был крупным военным начальником. Стал отцом большой семьи. Достались ему и почти двадцать лет спокойной жизни. Из каких же кружев связана наша жизнь... И в каждом узелке подстерегает нас случайность, способная изменить все.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Петр I с арапчонком.

Портрет работы Л. Шхонебека. 1705 г.

Вид Константинополя.

***Из «Атласа городов земного мира Франса
Хогенберга». 1572 г.***

Невольничий рынок в Стамбуле.

По рисунку Т. Аллома. Фрагмент. Первая половина XIX в.

Вид Константинополя.

М. Мериан. Фрагмент. 1641 г.

Федор Алексеевич Головин.

Портрет работы П. Шенка. 1706 г.

Граф Петр Андреевич Толстой.

И.-Г. Таннауэр. 1710-е гг.

План Нарвы. 1701 г.

Первый вид Петербурга.

Гравюра П. Пикарта. 1704 г.

Памятная доска на стене Пятницкой церкви в Вильнюсе, где в 1705 году Петр I крестил Абрама Ганнибала

Екатерина I с арапчонком.

***Портрет работы И. Г. Одольского. Не позднее
1726 г.***

Граф Бурхард Христофор фон Миних

***Барабанщик Абрам Петров на поле битвы у
деревни Лесной в 1708 г.***

С картины П.-Д. Мартена-младшего

***Медаль в память взятия Пернова 14 августа 1710
года***

Морская баталия близ Гангута.

Гравюра Л. Ф. Зубова. Фрагмент. 1715 г.

Сражение при Лесной.

Барельеф работы И. К. Нартова.

Фрагмент. 1720-е гг.

Полтавский бой.

Барельеф работы И. К. Нартова.

Фрагмент. 1720-е гг.

Людовик XV

Петр I на смертном одре.

И. Н. Никитин. 1725 г.

***Светлейший князь Александр Данилович
Меншиков.***

Неизвестный художник первой четверти XVIII в.

Мария Александровна Меншикова.

Портрет работы И.-Г. Таннауэра. 1722-1723 гг.

Петр II.

Портрет работы И. Ведехинда. Около 1730 г.

Императрица Анна Иоанновна.

Портрет работы Л. Каравака. 1730 г.

Императрица Елизавета Петровна.

Портрет работы Л. Токке. 1758 г.

«Проспект вниз по Неве-реке между Зимним дворцом и Академией наук».

Гравюра Г. А. Качалова и Е. Г. Виноградова по рисунку М. И. Махаева. Фрагмент с видом Академии наук. 1753 г.

***Портрет, долгие годы считавшийся портретом
А. П. Ганнибала. Сейчас полагают, что это портрет
И. И. Меллер-Закомельского.***

***Портрет работы неизвестного художника.
Конец XVIII в.***

Иван Абрамович Ганнибал.

***Портрет работы неизвестного художника.
Конец XVIII в.***

***Бюст Абрама Петровича Ганнибала в усадьбе
Суйда.***

Скульптор В. В. Шевченко. 1996 г.

***Бюст Абрама Петровича Ганнибала в усадьбе
Петровское.***

Скульптор Е. А. Косова. 1986 г.

Гранитный обелиск на месте предполагаемого захоронения А. П. Ганнибала

INFO

Лурье Ф. М.

Л 86 Абрам Ганнибал / Феликс Лурье. — М.: Молодая гвардия, 2019. — 293(11) с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1781).

ISBN 978-5-235-04259-9

УДК94(47)(092)"17"

ББК 63.3(2)51

знак информационной продукции 16+

Лурье Феликс Моисеевич
АБРАМ ГАННИБАЛ

Редактор *Г. А. Петров*
Художественный редактор *К. В. Забусик*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректор *И. В. Андреева*

Сдано в набор 03.12.2018. Подписано в печать 11.01.2019. Формат 84х108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 15,96+0,84 вкл. Тираж 2000 экз. Заказ № 1904120.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Суховская ул.,

21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail:
dsel@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с
качеством предоставленного электронного
оригинал-макета в ООО «Ярославский
полиграфический комбинат» 150049, Ярославль,
ул. Свободы, 97

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

**Митрополит Иларион
ИИСУС ХРИСТОС**

Книга, предлагаемая вниманию читателей, необычна. Она посвящена не просто одному из великих героев древности, но Человеку, Которого в течение вот уже двух тысяч лет почитают воплотившимся Богом. В истории человечества нет и не было никого, кто оказал бы столь глубокое, всеобъемлющее и оплодотворяющее влияние на развитие человеческой культуры, ибо именно Иисус Христос на долгие века задал вектор культурного развития нескольких континентов. Но, признавая Иисуса Богом, можно ли издавать книгу о Нем в светской серии, посвященной «жизни замечательных людей»? Да, объясняет нам автор книги, ибо Церковь всегда заявляла твердо и однозначно: Он является полноценным Богом, но одновременно является и полноценным человеком, во всем — кроме греха — подобным нам. Земная история Иисуса Христа прослеживается автором на основании всех имеющихся в нашем распоряжении источников; проведен сравнительный анализ всех четырех Евангелий, выявлены причины содержащихся в них различий, степень их достоверности. При этом книга написана живым, доступным языком и обращена к самому широкому кругу читателей.

В. В. Бондаренко

ОТЕЦ ИОАНН (КРЕСТЬЯНКИН)

«Добрый пастырь», «земной ангел и небесный человек», «духовник всея Руси» — так называли великого старца Русской Православной Церкви архимандрита Иоанна (Крестьянкина, 1910–2006). Почти столетняя жизнь отца Иоанна была посвящена беззаветному служению Богу и людям. Он оставил по себе настолько светлый след, что и после кончины по-прежнему остается нравственным камертоном, по которому сверяют себя тысячи православных по всему миру. Новая книга историка и писателя Вячеслава Бондаренко основана на архивных материалах и воспоминаниях людей, лично знавших старца, и содержит множество ранее неизвестных подробностей его биографии.

И. Р. Фаликов

БОРИС СЛУЦКИЙ

Борис Слуцкий (1919–1986), один из крупнейших поэтов военного поколения, прожил значительную и трагическую жизнь. Знаковую, как видится сегодня, — не случайно сказал о себе: «Я историю излагаю». Уроженец донецкого Славянска, прошедший детство и юность в Харькове, к началу Великой Отечественной войны в Москве окончил два вуза. Образование дополнил суровым опытом фронта, пройдя всю войну — от Подмосковья до Австрии. Раны и контузии, послевоенные хвори и бездомность... — много испытаний досталось гвардии майору в отставке Слуцкому. И счастьем, и горем стала женщина его судьбы, ее болезнь и смерть. Бесстрашные стихи поэта долго не печатались, ходили по рукам в списках; первый сборник «Память» вышел в 1957-м. Предшественник громких шестидесятников, признанный ими мэтр, Слуцкий воспитал много учеников. Крушение идеалов,

одинокость и безумие до времени свели его в могилу. Илья Фаликов, автор жизнеописаний Евг. Евтушенко, Б. Рыжего, М. Цветаевой («ЖЗЛ»), книгу о Слуцком писал долгие годы, и вот, в канун 100-летия поэта, она сложилась. Вольно или невольно, строки Слуцкого — «Мелкие пожизненные хлопоты / По добыче славы и деньжат / К жизненному опыту / Не принадлежат» — стали и лейтмотивом книги и звучат как завещание поэта.

В. А. Лопатников
ДАНИИЛ ГРАНИН

В почти столетнюю биографию писателя, публициста, общественного деятеля Даниила Гранина уместилось множество событий — первые пятилетки и Великая Отечественная война, хрущевская оттепель и горбачевская перестройка, споры «физиков» и «лириков», распад Советского Союза и трудное рождение новой России. Все это Даниил Александрович сумел осмыслить, прочувствовать и воплотить в своих произведениях. О чем бы он ни писал — о жизни и труде ученых, о пережитых им трагических годах войны и блокады или о далеком прошлом — в центре его внимания всегда оставались проблемы морали, нравственный выбор, стоящий перед каждым человеком. Сам он не раз делал этот выбор, выступая за справедливость и милосердие, за сохранение исторического облика своего родного Ленинграда-Петербурга. Первая книга о Гранине в серии «ЖЗЛ» выходит к 100-летию писателя и составлена из его собственных воспоминаний (он называл их «причудами памяти»), документов и свидетельств современников.

Л. В. Кириллина
ГЛЮК

Кристоф Виллибальд Глюк (1714-1787) — один из гениев, определивших пути развития музыкального искусства второй половины XVIII века. Современники полагали, что он совершил революцию в музыке. Глюковская реформа оперного жанра была начата трогательной историей любви — «Орфей и Эвридика» (1762) и завершена грозной и страстной трагедией «Ифигения в Тавриде» (1779). Но путь к реформе был долгим и тернистым: в молодости Глюк служил в княжеских капеллах, работал в кочующих антрепризах, писал музыку для празднеств венского двора. Его творчеством восхищались императоры и князья, философы и поэты, светские дамы и ученые-энциклопедисты. Книга профессора Московской консерватории Ларисы Кириллиной рассказывает о том, как сын лесника из глухой баварской деревни, неуклонно следуя своему призванию, покорила Италию, Австрию и Францию, а в конце жизни стал кумиром всей просвещенной Европы.

Е. В. Лобанкова **ГЛИНКА**

Михаил Иванович Глинка (1804-1857) — одна из ключевых фигур в музыке и подлинный герой русской культуры. Невероятная, еще прижизненная, слава композитора способствовала возникновению вокруг него многочисленных мифов и домыслов. В представленной биографии воссоздается реальная, порой противоречивая личность Глинки. Впервые показано, как на его мировоззрение и творчество влияла принадлежность к русскому дворянству и европейскому высшему свету. Жизнь композитора рассмотрена в широком историческом контексте, дополненном рассказами о путешествиях, медицине, моде, семейном праве, издательском процессе, домашнем музицировании и др. Жизнь Глинки связана с

царствованием трех императоров — Александра I, Николая I, Александра II — и национально-патриотической составляющей их политики, в частности с идеологией «официальной народности» в рамках Российской империи. Автор биографии — Екатерина Лобанкова (Ключникова), кандидат искусствоведения, специалист по истории русской музыки — опирается на современные исследования по истории культуры и искусства, включая зарубежных авторов, и предлагает свою интерпретацию исторических фактов и свидетельств времени.

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

С. Михеенков «МАРГЕЛОВ»
В. Лопатников «ДАНИИЛ ГРАНИН»
Е. Матонин «СИДНЕЙ РЕЙЛИ»
Митрополит Иларион «ИИСУС ХРИСТОС»
И. Фаликов «БОРИС СЛУЦКИЙ»
В. Бондаренко «ОТЕЦ ИОАНН (КРЕСТЬЯНКИН)»
А. Горбунов «ВИКТОР МАСЛОВ»
В Антонов «КЕМБРИДЖСКАЯ ПЯТЕРКА»
Н. Михайлова «БАРКОВ»
А. Бондаренко «ГЕРОИ «СМЕРШ»»
Н. Бодрихин «АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВ»
С. Михеенков «БЕРЛИН-45»

.....

Сканирование/обработка: TomPlatz/vtijnr

notes

Примечания

Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919. С. 525.

Государственность России: Словарь-справочник. Кн. 6, ч. 2. М., 2009. С. 245.

Государственность России. Кн. 6, ч. 1. С. 43.

См.: Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929. С. 20.

См.: Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. М., 1975.

См.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. М., 1987. С. 346.

Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. 1799-1826. СПб., 1873. С. 1-2.

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т.
М., 1974. Т. 1.С. 69.

Лотман Ю. М. «Смесь обезьяны с тигром» // Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979. С. 110-112.

Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в
Александровскую эпоху. С. 12.

Цит. по: Букалов А. М. Пушкинская Африка. СПб., 2006. С. 33.

Оленина А. А. Дневник. Воспоминания. СПб., 1999. С. 67-68.

См.: Рейсер С. А. Пушкин в салоне Фикельмон (1829–1837) // Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л., 1980. С. 36–43.

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 140.

Цит. по: Букалов А. М. Пушкинская Африка. С. 133.

Модзалевский Б. Л. Пушкин. С. 36.

Бессонова А. М. Прадед Пушкина Ганнибал и его потомки: Очерки. Родословная роспись. СПб., 2003. С. 157-224.

Литературное наследство. Т. 16-18. М., 1934. С. 806-807.

Госпожа (англ.).

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. I–XIX. М., 1994–1997 (далее — Пушкин. Соч.). Т. XI. С. 275, 278.

Бурсов Б. И. Пушкин. Л., 1989. С. *Т1()* — *ТП*, 278.

Греч Н. И. Записки моей жизни. М.; Л., 1930. С. 702.

Там же. С. 180.

Русская старина. 1886. № 4. С. 105–106.

См.: Телетова Н. К. Забытые родственные связи
А. С. Пушкина. СПб., 2007. С. 166–169.

Цит. по: Столпянский П. Н. Пушкин и «Северная пчела» // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. XIX–XX. СПб., 1914. С. 145.

Пушкин. Письма. Т. 3. М., 1989-1999 (далее — Пушкин. Письма). С. 441.

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 220.

Пушкин. Письма. С. 441.

Модзалевский Б. Л. Пушкин. С. 47.

Анненков П. В. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. СПб., 1873. С. 4.

См.: Романюк С. К. О семье Пушкиных в Москве в 1801–1830 гг. // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985. С. 130.

Павлищев Л. Н. Из семейной хроники: А. С. Пушкин.
М., 2000. С. 45.

Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 95.

Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 338, 337.

Там же. С. 438.

Люблинский П. И. Из семейного прошлого предков Пушкина// Литературный архив. Т. 1. М.; Л., 1939. С. 167.

Пушкин. Соч. Т. XV. С. 171 (Письмо Бенкендорфа — Пушкину. 30 июня 1834 года).

См.: Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина.
4-е изд. М., 1964. С. 131.

«Пушкин». Документы Государственного С.-Петербургского и Главного архива Министерства иностранных дел, относящиеся к службе его 1831-1837. СПб., 1900. С. 17-18.

Там же. С. 18.

Там же. С. 18.

Там же. С. 21.

Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина. С.
17.

См.: Русская старина. 1903. № 2. С. 315–316.

Пушкин. Соч. Т. XVI. С. 45.

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 45.

Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. С. 15-16.

Там же. С. 15.

Эйдельман Н. Я. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 356. — Здесь и далее курсив авторов цитируемых текстов. Все «вторжения» автора книги в цитируемые тексты оговариваются в примечаниях.

Иерейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 182.

Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в
Александровскую эпоху. С. 24.

Летопись жизни и творчества Александра Пушкина в четырех томах (далее — Летопись.) Т. 1. М., 1999. С. 30, 37, 51.

Любавин М. А. Лицейские учителя Пушкина и их книги. СПб., 1997. С. 15.

См.: Там же. С. 5—24.

Пушкин. Соч. Т. XI. С. 276.

Анненков П. В. А. С. Пушкин. Материалы... С. 24-25.

Пушкин. Соч. Т. XII. С. 305. — Первые 8 томов разошлись за 25 дней; см.: Кизеветтер А. А. Н. М. Карамзин // Русский исторический журнал. 1917. № 1-2. С. 14.

Там же. С. 306.

См.: Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987.
С. 300.

Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и Арзамасское братство. Л., 1974. С. 197-199.

См.: Летопись. Т. 1. С. 177.

Там же. С. 435.

Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. С. 308.

Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М., 1983. С. 42.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника.
Л., 1987. С. 253.

Цит. по: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 346-347.

См.: Бессонова А. М. Прадед Пушкина Ганнибал... С. 159.

Исторический Вестник. 1899. № 5. С. 444.

Шляпкин. И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина.
СПб., 1903. С. 318.

См.: Бессонова А. М. Прадед Пушкина Ганнибал... С. 159.

Гордин А. М. Пушкин в Псковском крае. Л., 1970. С. 169.

См.: Козьмин Б. М. «В деревне, где Петра питомец...»
// Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982. С.
167-171; Будылин И. Т. Деревенский Пушкин. М., 2008. С.
183-184.

Летопись. Т. 1. С. 117.

Между приездом в Михайловское и написанием 11-го примечания к первой главе «Онегина».

См.: Гордин А. М. Пушкин в Михайловском. Л., 1989.
С. 409.

Пушкин. Соч. Т. XII. С. 305.

Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. С. 11-12.

См.: Щеголев П. Е. Пушкин и мужики. М., [1928]. С. 10, 51, 83.

Там же. С. 10.

Там же. С. 6.

См.: Летопись. Т. 1. С. 449.

См.: Там же. С. 446.

Пушкин. Соч. Т. VI. С. 530-531.

Фейнберг И. Л. Абрам Петрович Ганнибал — прадед Пушкина. М., 1986. С. 45.

Пушкин. Письма. Т. 1. С. 487.

Летопись. Т. 2. С. 78.

См.: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 162. — С полным текстом можно ознакомиться, например, в кн.: Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. СПб., 2001. С. 202–206, там же репринтно воспроизведен оригинал.

Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в
Александровскую эпоху. С. 12.

РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 162. Л. 32. См. также
Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 205.

См.: Исторический вестник. 1899. № 5. С. 407–408.

См.: Павлицев Л. Н. Из семейной хроники. С. 59.

Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные
тексты. М., 1935. С. 42.

См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. XVII
(дополнительный). С. 59.

Рукою Пушкина. С. 40.

См.: Летопись. Т. 2. С. 283.

См.: Пушкин. Соч. Т. XVII. С. 58–59.

Пушкин Л. С. Биографическое известие об А. С. Пушкине до 1826 года // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 58; Эйдельман Н. Я. Пушкин. История и современность в художественном сознании. М., 1984. С.343.

Пушкин. Соч. Т. XII. С. 434-437.

См.: Рукою Пушкина. С. 34–59.

См.: Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1999. С. 13.

Бессонова А. М. Прадед Пушкина Ганнибал... С. 160.

Там же. С. 33.

Там же. С. 160; Государственность России. Кн. 4. С. 265.

См.: Бессонова А. М. Прадед Пушкина Ганнибал... С. 158.

Опатович С. И. Евдокия Андреевна Ганнибал, первая жена Абрама Петровича Ганнибала. 1731-1753 // Русская старина. 1877. № 1. С. 78.

См.: Ганнибал А. С. Ганнибалы. Новые данные для их биографий // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. XIX-XX. СПб., 1914 (далее — Ганнибал А. С. Ганнибалы II). С. 271.

Бессонова А. М. Прадед Пушкина Ганнибал... С. 158–167.

Литературный архив. М;Л., 1938. Т. 1.С. 171.

110

РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 19.

См.: Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 205.

См.: Телетова Н. К. Забытые родственные связи
А. С. Пушкина. С. 264.

Новый мир. 1981. № 5. С. 263.

Mohr (нем.) — мавр, в России переводится как арап — темнокожий.

Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 186.

См.: Набоков В. В. Комментарий к роману
А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 12.

Фейнберг И. Л. Абрам Петрович Ганнибал — прадед Пушкина. С. 39.

См.: Набоков В. В. Комментарий к роману
А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 705–736.

См.: Эйдельман Н. Я. Пушкин. История и современность... С. 301.

Эйдельман Н. Я. Ганнибалов колокольчик // Наука и жизнь. 1985. № 10. С. 92.

РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 163.

Бурсов Б. И. Судьба Пушкина. Л., 1989. С. 233.

Анненков П. В. А. С. Пушкин. Материалы... С. 198.

См.: Фомичев С. А. Об одном редакторском заголовке произведения Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982. С. 106–109.

См.: Вульф А. Н. Дневник (Любовный быт Пушкинской эпохи). М., 1929. С. 171.

Пушкин. Соч. Т. VI. С. 531.

Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. М.; Л., 1960. С. 202.

Русский архив. 1903. Кн. I. С. 143.

Цит. по: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 315.

Анненков П. В. А. С. Пушкин. Материалы для биографии. С. 427.

См.: Набоков В. В. Комментарий к роману
А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 736.

См.: Букалов А. М. Пушкинская Африка. СПб., 2006. С. 122.

См.: Телетова Н. К. Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. СПб., 2004. С. 6.

Цит. по: Бессонова А. М. Прадед Пушкина Ганнибал...
С. 31.

См.: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 19.

См.: Там же.

См.: Пушкин А. С. Т. XVII; Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 165–193. — Кроме русского текста в этом издании опубликованы репринт оригинала и текст в современной немецкой орфографии.

См.: Рукою Пушкина. С. 39–43, 56–59.

См.: Набоков В. В. Комментарий к роману
А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 706–736.

Пушкин. Соч. Т. XVII. С. 49-61.

См.: Там же. С. 718.

См.: Там же. С. 712.

Подробнее о появлении копии и комментариев к ее тексту см.: Телетова Н. К. Жизнь Ганнибала. С. 224–230; там же опубликован текст (с. 231–245).

См.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, научно-исторический архив. Коллекция рукописных книг 115. Дело 583.

См.: Вегнер М. Предки Пушкина. М., 1937. С. 93.

См.: Русский архив. 1891. Т. 2. С. 101.

РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 161.

См.: Русский архив. 1891. Т. 2. С. 101-102.

См.: Баранов П. И. Опись высочайшим указам за XVIII век. СПб., 1878. С. 85.

См.: Там же. С. 133 (9113).

См.: Грановская Н. И. Вместе с Пушкиным от Царского Села до Михайловского: Очерк-путеводитель, предлагающий путешествие по пушкинским местам. СПб., 1999. С. 88.

РО ИРЛ И. Ф. 244. Оп. 3. Д. 161.

Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал... С. 188.

См.:РГИА. Ф. 1405. Оп. 1.Д. 5168.Л. 12-13 об.

Пушкин. Соч. Т. XII. С. 311-313.

Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. 2. М., 1836. С. 12-14.

Стасов В. В. Арап Петра 1-го и калмык Екатерины II-й.
СПб., 1861.

Сондоевский Г. И. К биографии Ганнибалов, предков А. С. Пушкина // Сборник трудов членов Псковского Археологического общества. Псков, 1896. С. 1 — 10.

Сондоевский Г. И. К биографии Ганнибалов... С. 10.

Там же. С. 1.

Горнунг М. Б., Липец Ю. Г., Олейников И. Н. История открытия и исследования Африки. М., 1973. С. 5.

Там же. С. 18-22.

См.: Данилов И. В., Завьялова О. Ю., Пригорицкая Д. В. Всемирная история в таблицах. Африка. СПб., 2008. С. 5-6.

Анучин Д. Н. А. С. Пушкин (Антропологический эскиз). М., 1899. С. 13.

Цветаева М. И. Мой Пушкин. М., 1967. С. 43.

Вегнер М. О. Предки Пушкина. С. 14.

См.: Грот. Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887.

См.: Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг
А. С. Пушкина. СПб., 1903.

См.: Русский архив. 1891. Т. II. С. 101-102.

Анучин Д. Н. Пушкин... С. 16.

Там же. С. 15.

См.: Хохлов Н. П. Присяга времени. М., 1973.

См.: Фейнберг И. Л. Абрам Петрович Ганнибал — прадед Пушкина.

См.: Хохлов Н. П. Присяга времени. С. 55–70.

В 1880-е гг. Италия захватила Эритрею, провинцию Эфиопии, и готовилась к колонизации всей ее территории.

Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина
«Евгений Онегин». С. 713.

Там же. С. 716-717, 733-736.

Гнамманку Д. Так где же родина Ганибала? // Вестник Российской академии наук. 1995. Т. 65, № 12. С. 1094-1101.

См.: Африканское искусство из собрания Михаила и Леонида Звягиных. СПб., 2009.

180

См. примечание 176.

181

Загадочный (лат.).

Гнамманку Д. Так где же родина Ганибала? С. 1098.

См.: Гнамманку Д. Абрам Ганнибал. М., 1999. С. 16.

См.: Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 186.

См.: Там же. С. 45-50.

Гнамманку Д. Так где же родина Ганибала? С. 1099–1100.

Все даты приняты по старому стилю. См.: Русский архив. 1864. № 2. Ст. 185; Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 737, 740.

См.: Лонгинов М. Н. Абрам Петрович Ганнибал // Русский Архив. 1864. № 2. Ст. 180–191.

Барт Г. Путешествие по Африке; цит. по: Данилов
И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 83.

Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 43–44.

Там же. С. 48.

См.: Пригорицкая Ю. В. Султанат Логон // Данилов
И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 65.

Цит. по: Гнамманку Д. Абрам Ганнибал. С. 18–20.

См.: Телетова Н. К. Забытые родственные связи
А. С. Пушкина. С. 156.

Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина
«Евгений Онегин». С. 727.

См.: Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 186.

См.: Петросян Ю. А., Юсупов А. Р. Город на двух континентах. М., 1981. С. 107.

Русский биографический словарь. Т. Тобизен —
Тургенев. М., 1999. С. 83.

Там же. С. 83.

Беннигсен А. Россия XVIII в архивах Оттоманской империи // Франко-русские экономические связи. М.; Париж, 1970. С. 68.

Русский биографический словарь. Т. Тобизен —
Тургенев. С. 82.

Там же. С. 83.

Там же. С. 84.

Там же. С. 84.

Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина
«Евгений Онегин». С. 724.

См.: Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 187.

Подробнее о Рагузинском см.: Павленко Н. Савва Лукич Владиславич-Рагузинский // Сибирские огни. 1978. № 3. С. 155-172.

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. Ч. II. М., 1896. С. 242-243.

Павленко Н. Савва Лукич Владиславич-Рагузинский.
С. 157.

Письма и бумаги Петра Великого. Ч. 2. СПб., 1889. С. 207-209.

Лаптева Т. А. Об «арапе Петра Великого». Материалы для биографии А. П. Ганнибала // Исторический архив. 1992. № 1. С. 187.

Цит. по: Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 187.

Лаптева Т. А. Об «Арапе Петра великого»... С. 188.

Там же. С. 185.

Русский Архив. 1867. № 2. С. 308.

См.: Телетова Н. К. Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. С. 35.

См.: Там же. С. 33.

Лаптева Т. А. Об «Арапе Петра Великого»... С. 186.

Там же. С. 184.

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. Ч. II. С. 243.

Грановская Н. И. Вместе с Пушкиным от Царского Села до Михайловского. С. 82-83.

См.: Телетова Н. К. Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. С. 48-54.

См.: Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 186.

Пушкин. Соч. Т. X. С. 71.

Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1.СПб., 1862. С. 163.

Эйдельман Н. Я. Твой XVIII век. Прекрасен наш союз.
М., 1991. С. 24.

Малеванов Н. А. «Петра питомец» Ганнибал. По новым архивным материалам // Нева. 1972. № 2. С. 192.

Хмыров М. Д. Исторические статьи. СПб., 1873. С. 6–7.

См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. VIII. Т. 15-16. С. 530.

230

Библиотека РАН. ПБ. 24/1. Т. 1. Л. 3.

См.: Набоков В. В. Комментарии к роману А. С Пушкина «Евгений Онегин». С. 743.

См.: Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 189.

См.: Там же. С. 205.

См.: Телетова Н. К. Забытые родственные связи
А. С. Пушкина. С. 154.

См.: Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. Таллин, 1984.
С. 25.

Цит. по: Хмыров М. Д. Исторические статьи. С. 7-8.

Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 187–188.

См.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, научно-исторический архив. Коллекция рукописных книг 115. Д. 583.

Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 188.

Миних Б. Х. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи // Безвременные временщики: Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720—1760-е годы). Л., 1991. С. 37.

См.: Хмыров М. Д. Исторические статьи. С. 7.

Логинов М. Н. Абрам Петрович Ганнибал // Русский архив. 1864. № 2. Ст. 183.

Впервые формулярные списки появились в 1716 г., см.: Государственность России. Кн. 6. Ч. 2. С. 366.

Малеванов Н. А. Прадед поэта // Звезда. 1974. № 6. С. 157.

Грановская Н. И. Вместе с Пушкиным от Царского Села до Михайловского. С. 82.

Походный журнал за 1714 год. СПб., 1854. С. 109.

См.: Юрналы и Камер-фурьерские журналы 1695–1774 годов. М., 1867.

Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. С. 31.

Русский архив. 1877. Кн. III. С. 284.

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. Ч. II. С. 243-244.

См.: Пушкин. Соч. Т. X. С. 193–205.

См.: Государственность России. Кн. 4. С. 183.

Пушкин. Соч. Т. X. С. 18.

[Украинцев Е. И.] Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М., 1872. С. 52. — Ефимок — серебряная монета, равная немецкому талеру.

255

Там же. С. 21.

256

Там же. С. 25.

257

Там же. С. 60.

Петр Великий во Франции // Русская старина. 1875.
Май. С. 111, 113-114.

Пушкин. Соч. Т. VIII. С. 3-4.

[Украинцев Е. И.] Сборник выписок из архивных бумаг... С. 61.

Фейнберг И. Л. Абрам Петрович Ганнибал. С. 280.

Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1.М., 1861. С. 67.

Цит. по: Фейнберг И. Л. Абрам Петрович Ганнибал. С.
31-32.

[Украинцев Е. И.] Собрание выписок из царских бумаг... С. 64.

265

Там же. С. 68.

Пушкин. Соч. Т. X. С. 204.

См.: Троицкий С. М. Система Джона Ло и ее русские последователи //Франко-русские экономические связи. М., 1970. С. 90.

Франко-русские экономические связи. С. 85.
Подробнее о Юрове см.: Курукин И. В. Алексей Юров —
«лишний человек» в эпоху Петра I // Россия вXVIII
столетии. Вып. 3. М., 2009. С. 136-151.

Пекарский П. П. Наука и литература в России при
Петре Великом. Т. 1.СПб., 1862. С. 163.

См.: Трубников А. А. 1) Пенсионеры Академии художеств в XVIII в. // Старые годы. 1907. Июль — сентябрь. С. 348-356; 2) Первые пенсионеры императорской Академии художеств // Там же. 1916. Апрель — июль. С. 67-92.

Библиотека РАН. ПБ. 24/1. Т. 1. Л. 3; см. также:
Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 163.

Ганнибал А. С. Ганнибалы, новые данные для их биографий // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. XVII-XVIII. СПб., 1913 (далее — Ганнибал А. С. Ганнибалы I). С. 206.

«Один ефимок (название пошло от названия денежной единицы «йоахимсталер», в России произносимый по-своему) был эквивалентен талеру или российскому серебряному рублю весом 28 граммов» (Кучирь А. Г. Арапы Петра Великого // Защита и безопасность. 2008. № 2. С. 44).

Курукин И. В. Алексей Юров... С. 142–144.

Цит. по: Вегнер М. О. Предки Пушкина. М., 1937. С. 146.

Пекарский П. П. Наука и литература в России... С.
164.

См.: Русская старина. 1872. Июнь. С. 856–860.

Цит. по: Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. СПб., 1908. С. 125.

Там же. С. 164-165.

Ганнибал А. С. Ганнибалы I. С. 207.

Хмыров М. Д. Исторические статьи. С. 11.

См.: Телетова Н. К. Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. С. 61.

Там же. С. 59.

См.: Телетова Н. К. Забытые родственные связи. С. 172.

См.: Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. С. 124.

Ганнибал А. С. Ганнибалы I. 208–209.

Гнамманку Д. Абрам Ганнибал. С. 47. — Д. Гнамманку цитирует документы, предоставленные ему мэрией Ла-Фера.

Там же. С. 46.

См.: Курукин И. В. Алексей Юров... С. 139–142.

Ганнибал А. С. Ганнибалы, новые данные для их биографий... I. С. 211-212.

См.: Там же. С. 211.

Там же. С. 213.

Вегнер М. О. Прадед Пушкина. С. 32.

Ганнибал А. С. Ганнибалы II. С. 14–15.

Там же. С. 15.

Там же. С. 15-16.

Пекарский П. П. Наука и литература в России... С. 242.

Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 190.

См.: Пушкин А. С. Т. XII. С. 312.

Пушкин А. С. Т. VIII. С. 10.

Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. 4. М., 1836. С. 93–94.

Юрнал 1723. СПб., 1855. С. 6.

Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. 2. М., 1836. С. 266.

См.: Эйдельман Н. Я. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 340-341.

См.: Ганнибал А. С... Ганнибалы I. С. 231–238.

Там же. С. 234.

Там же. С. 217.

Сондоевский Г. И. К биографии Ганнибалов. С. 5.

Г. И. Сондоевский в 1897 г. впервые опубликовал письмо Екатерины II по подлиннику, хранившемуся у В. Ф. Коротова (1847–1908), сына правнучки А. П. Ганнибала Марии Вениаминовны (ок. 1802–1889), в 1903 г. И. А. Шляпкин вторично предпринял его публикацию по подлиннику, находившемуся в Псковском археологическом музее, см.: Рукою Пушкина. С. 863.

310

Там же. С. 13.

См.: Государственность России. Кн. 2. С. 133–135.

См.: Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. С. 51; Модзалевский Б. Л. Пушкин. С. 49; Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 190.

Ганнибал А. С. Ганнибалы I. С. 217.

Цит. по: Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. С. 52.

Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Л., 1990. С. 144.

316

Цит. по: Вегнер М. О. Прадед Пушкина. С. 34.

317

col1_0 X. C. 245-246.

Цит. по: Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. С. 145.

Хмыров М. Д. Исторические статьи. С. 20.

Москвитянин. 1853. Т. 6. № 24. Кн. 2. Отд. IV. С. 35.

Телетова Н. К. Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. С. 66.

См.: Письма Абрама Ганибала (Архивные докумены).
Издал Н. Гастфрейден. СПб., 1903. С. 13.

323

РГИА. Ф. 1405. Оп. 1.Д. 5168.Л. 12.

Бессонова А. М. Прадед Пушкина Ганнибал... С. 17.

Модзалевский Б. Л. Пушкин. С. 49.

См.: Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. С. 97–98.

Цит. по: Бессонова А. М. Прадед Пушкина Ганнибал...
С. 17.

Гнамманку Д. Абрам Ганнибал. С. 77.

См.: Наш Следопыт. 1999. № 10. С. 15-16.

Букалов А. М. Пушкинская Африка. С. 116.

Хохлов Н. П. Присяга просторам. М., 1973. С. 60.

Бессонова А. М. Прадед Пушкина Ганнибал... С. 29.

См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 5168. Л. 12.

См.: Грановская Н. И. Вместе с Пушкиным от Царского Села до Михайловского. С. 95.

См.: ОР РГИА. Ф. 244. Оп. 3. Д. 162; Данилов
И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 204.

Пушкин. Соч. Т. XI. С. 14. — Примечание А. С. Пушкина к этому абзацу: «Доказательства тому царствование безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона и сладострастной Елизаветы».

С. П. Луппов относит эту рукопись не к самостоятельной работе А. П. Ганнибала, а к переводу, попавшему в Библиотеку Академии наук из собрания книг А. И. Остермана. См.: Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время. 1725–1740. Л., 1976. С. 188.

См.: Библиотека РАН.ПБ 24/1. Посвящение см.: Т. 1. Л. 3—4об. — Репринтное воспроизведение и полный текст впервые опубликованы в кн.: Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 158-164.

Письма Абрама Ганибала. С. 7.

Там же. С. 7.

Ганнибал А. С. Ганнибалы I. С. 220–221.

Вегнер М. Прадед Пушкина. С. 39.

Подробнее об А. П. Волконской и ее кружке см.:
Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. С.
123-164.

Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. С. 133.

См.: Государственность России. Кн. 1. М., 1996. С. 62.

См.: Юрналы и камер-фурьерские журналы 1695–1774 годов. С. 9.

Описание коронации Ее Величества Императрицы и самодержицы Всероссийской Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве в Апреле 1730 г.

См.: Письма Абрама Ганибала. С. 219.; Шубинский С. Н. Княгиня Волконская и ее друзья // Исторический вестник. 1904, декабрь. С. 938-939.

Исторический вестник. 1904, декабрь. С. 939.

Цит. по: Павленко Н. И. Ганнибал в Сибири // Нева.
1983. № 8. С. 191-192.

Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. С. 140.

Дворец Петра II (Университетская набережная, дом 11) перестроен по проекту Доменико Трезини и др. в 1727, 1759-1761 гг. из дома Ф. А. Соколова, дворецкого А. Д. Меншикова. Дом этот был возведен в 1710-1714 гг. на территории, принадлежавшей светлейшему князю.

Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. С.
151.

См.: Русская старина. 1875. Т. XII. С. 395–396.

См.: Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Осьмнадцатое столетие. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2001. С. 615.

См.: Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. С. 155.

Цит. по: Хмыров М. Д. Исторические статьи. С. 24.

См.: Ганнибал А. С. Ганнибалы I. С. 226–230.

См.: Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. С. 133.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее — ПСЗ). Т. VI. СПб., 1830. С. 724–725.

Хмыров М. Д. Исторические статьи. С. 26–27.

См.: Русский архив. 1879. Т. 17. Кн. 2. С. 174.

Павленко Н. И. Ганнибал в Сибири. С. 193.

Там же. С. 194.

См.: Павленко Н. Савва Лукич Владиславич-Рагузинский. С. 160; Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. С. 180.

366

Вегнер М. Прадед Пушкина. С. 62.

Подробнее о Рагузинском в Сибири см.: Павленко Н. Савва Лукич Владиславич-Рагузинский. С. 155-172.

Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 3. 1727–1729. М., 2006. С. 241.

Баранов П. И. Опись высочайшим указам за XVIII век (1725-1740). СПб., 1875. С. 157 (3116).

Письма Абрама Ганибала. С. 11.

Ганнибал А. С. Ганнибалы II. С. 222.

Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 3. 1727–1729. С. 386.

Хмыров М. Д. Исторические статьи. С. 28.

Цит. по: Вегнер М. Прадед Пушкина. С. 64–66.

Русско-китайские отношения... С. 386.

См.: Павленко Н. И. Ганнибал в Сибири. С. 194.

См.: Телетова Н. К. Забытые родственные связи
А. С. Пушкина. С. 180-182.

Русско-китайские отношения... С. 396.

См.: Телетова Н. К. Забытые родственные связи
А. С. Пушкина. С. 180–182.

Письма Абрама Ганибала. С. 11-12.

Ганнибал А. С. Ганнибалы I. С. 224-225.

Плотников А. Б. Акты ограничения самодержавной власти в 1730 году// Россия вXVIII столетии. Выпуск III. М., 2009. С. 153.

Миних Э. Записки // Безвременье и временщики: Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720-е — 1760-е годы). Л., 1991. С. 100.

Цит. по: Русская старина. 1877. Март. С. 511-512.

Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 101. СПб., 1898. С. 542.

См.: Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. С. 72.

Ганнибал А. С. Ганнибалы II. С. 230–231.

См.: Барсагаев П. А. Узник Алексеевского монастыря (Арап Петра Великого в Томске) // Былое и новь: Краеведческий альманах. Томск, 1992. С. 219-220.

Вегнер М. Прадед Пушкина. С. 83.

Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 1. СПб., 1840. С. 181.

Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. III. СПб., 1865. С. 9.

Гнамманку Д. Абрам Ганнибал. С. 175–176.

Цит. по: Вегнер М. Прадед Пушкина. С. 69.

Цит. по: Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. С. 78.

Миних Б. Х. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи. С. 61.

Опатович С. И. Евдокия Андреевна Ганнибал, первая жена Абрама Петровича Ганнибала. 1731-1753 // Русская старина. 1877. № 1. С. 70.

Цит. по: Прянишников Е. А. Историко-правовое исследование по материалам архивного бракоразводного дела и законодательства XVIII века (в защиту чести и достоинства прадеда А. С. Пушкина Абрама Петровича Ганнибала) // Адвокат. 1998. № 5 (далее — Прянишников Е. А. Историко-правовое исследование I). С. 106.

Там же. С. 106.

Малеванов Н. Прадед поэта. С. 159.

См.: Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. С. 74–75.

См.: Оpatович С. И. Евдокия Андреевна Ганнибал...
С. 69–78.

Там же. С. 71-72.

Прянишников Е. А. Историко-правовое исследование
I. С. 109.

404

См.: Там же.

Хмыров М. Д. Исторические статьи. С. 30.

См.: Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. С. 76–77.

Подробнее о вступлении А. П. Ганнибала во второй брак будет рассказано далее.

Данилов И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 191.

См.: Малеванов Н. Прадед поэта. С. 160.

Малеванов Н. Прадед поэта. С. 157. — Начало доклада цитировалось в первой главе. В статье дана отсылка на: РГИА. Ф. 1329. Оп. 3.Д. 64. Л. 125.

Малеванов Н. Прадед поэта. С. 160.

Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 130. Юрьев, 1909. С. 54.

Там же. С. 88.

Там же. С. 93.

Там же. С. 54.

Внутренний быт русского государства с 17-го октября 1740 года по 25 ноября 1741 года по документам, хранящимся в Московском Архиве Министерства юстиции. Кн. 2: Высшие государственные учреждения. М., 1886. С. 34.

Малеванов Н. Прадед поэта. С. 160. — В статье
отсылка на РГИА. Ф. 796. Оп. 30. Д. 479. Л. 13.

Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 53.

Прянишников Е. А. Новый документ об Абраме Петровиче Ганнибале и его семье // Из коллекции редких книг и рукописей научной библиотеки Московского университета. М., 1981, С. 73. — По другим источникам годы жизни Христины — 1717-1781, см.: Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. С. 223.

Русский библиографический словарь. Т. Гаг —
Гербель. М., 1914. С. 216.

См.: Оpatович С. И. Евдокия Андреевна Ганнибал... С.
73.

См.: Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. С. 84–85.
Прим. 12.

Семенова Л. П. Очерки истории быта... С. 53.

См.: Коган В. «России он служил» // Нева. 1991, № 2.
С. 184.

Опатович С. И. Евдокия Андреевна Ганнибал... С. 77.

См.: Бессонова А. М. Прадед Пушкина Ганнибал... С. 158; Модзалевский Б. Л. Пушкин. С. 55; Русский биографический словарь. Т. Гаг — Гербель. С. 217.

См.: Лонгинов М. Н. Указ Абрам Петрович Ганнибал // Русский архив. 1864. № 2. С. 191 Ст. 191.

Прянишников Е. А. Историко-правовое исследование по материалам архивного бракоразводного дела и законодательства XVIII века (В защиту чести и достоинства прадеда А. С. Пушкина Абрама Петровича Ганнибала) // Адвокат. 1998, № 6 (далее — Прянишников Е. А. Историко-правовое исследование II). С. 134.

Опатович С. И. Евдокия Андреевна Ганнибал... С. 77.

Люблинский П. И. Из семейного прошлого предков Пушкина //Литературный архив. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 162.

Чечулин Н. Д. Русская провинция во второй половине XVIII века. СПб., 2010. С. 155–156.

Опатович С. И. Евдокия Андреевна Ганнибал... С. 78.

433

РГИА. Ф. 796. Оп. 30. Д. 479. Л. 34.

См.: Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. С. 96.

Цит. по: Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. С. 78.

436

Там же. С. 91-94.

Прянишников Е. А. Историко-правовое исследование
II. С. 133-134.

Малеванов Н. Прадед поэта. С. 161. — Ссылка на
РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 133. Л. 353.

Баранов П. И. Опись высочайшим указам за XVIII век.
СПб., 1878. С. 133 (9113).

Малеванов Н. Прадед поэта. С. 161.

Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина. М., 1967. С. 211.

Всемирный вестник. 1903. № 11. С. 116.

Feldzeugmeister (нем.) — начальник артиллерийско-технического обеспечения; в русской армии — глава всех артиллерийских войск империи и всего, что к ней относится.

Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. С. 104–105.

Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. С. 206.

Письма Абрама Ганибала. С. 15; Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. С. 206.

Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. С. 203.

Письма Абрама Ганибала. С. 15.

Там же. С. 15-16.

Леец Э. Абрам Петрович Ганнибал. С. 102.

Хмыров М. Д. Исторические статьи. С. 36–37.

Малеванов Н. Прадед поэта. С. 163.

Письма Абрама Ганибала. С. 18–19.

Малеванов Н. Прадед поэта. С. 165.

455

Там же. С. 164.

Цит. по: Фейнберг И. Л. Абрам Петрович Ганнибал — прадед Пушкина. С. 23.

Подробно о свергнутом Иоанне Антоновиче см.:
Левин Л. И. Российский генералиссимус герцог Антон
Ульрих (история «Брауншвейгского семейства» в
России). СПб., 2000.

Хмыров М. Д. Исторические статьи. С. 41.

Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 1. С. 196.

РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 66. Л. 129; см. также: Малеванов Н. Прадед поэта. С. 162; Баранов П. И. Опись высочайшим указам за XVIII век. СПб., 1878. С. 85 (8728).

Литературный архив. С. 214.

Гордин А. М. Пушкин в Михайловском. С. 12.

См.: Русский архив. 1891. Т. 2. С. 101.

Лукомский В. Печать с гербом Ганнибала, Арапа Петра Великого // Русский библиография. 1911. № 8. С. 97-99.

См.: Леец Г. Абрам Перович Ганнибал. С. 143.

466

Письма Абрама Ганибала. С. 48.

Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 1. С. 311.

Хмыров М. Д. Исторические статьи. С. 40.

469

Там же. С. 40.

Ганнибал А. С. Ганнибалы II. С. 240.

Письма Абрама Ганибала. С. 72–74.

Хмыров М. Д. Исторические статьи. С. 52-54.

Письма Абрама Ганибала. С. 61.

Там же. С. 62-63.

См.: Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. С. 678.

Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. С. 138.

Прянишников Е. А. Историко-правовое исследование
II. С. 136.

См.: Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. С. 141.

Русский биографический словарь. Т. Гааг — Гербель.
С. 216; Гнамманку Д. Абрам Ганнибал. С. 134.

Русский биографический словарь. Т. Лабзина —
Ляшко. СПб., 1914. С. 801.

Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. Л., 1988. С. 64-69.

Гордин А. М. Пушкин в Михайловском. С. 16.

Цит. по: Гордин А. М., Гордин Я. А. Ганнибал, Михайловское, Пушкин // Нева. 1988. № 6. С. 193.

Ганнибал А. С. Ганнибалы I. С. 243–244.

Гордин А. М., Гордин Я. А. Ганнибал, Михайловское, Пушкин. С. 194.

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. 4.4. М., 1902. С. 242.

Цит. по: Гордин А. М. Пушкин в Михайловском. С. 18.

Цит. по: Там же. С. 18.

Цит. по: Там же. С. 18-19.

Малеванов Н. А. К биографии А. П. Ганнибала // Пушкин: Исследования и материалы. Т. IV. М.; Л., 1962. С. 409.

ЦГИА ЭССР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 286. Л. 799. Копия. Цит. по:
Фейнберг И. Л. Абрам Петрович Ганнибал — прадед
Пушкина. С. 12.

Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. С. 117.

См.: Там же. С. 143.

См.: Там же. С. 144.

См.: Там же. С. 144-145.

496

См.: Там же. С. 146.

См.: Чумиков А. А. Императрица Елизавета Петровна в Ревеле в 1746 году// Русская старина. 1885. № 6. С. 417-420.

Гордин А. М. Пушкин в Псковском крае. С. 11.

Русский биографический словарь. Т. Гааг — Гербель.
С. 210.

Гордин А. М. Пушкин в Михайловском. С. 19.

По другим источникам, Абрам Петрович впервые побывал на Псковщине осенью 1749 года (см.: Гордин А. М., Гордин Я. А. Ганнибал, Михайловское, Пушкин. С. 193). Трудно представить, чтобы новый владелец увидел пожалованное ему лишь через семь лет.

Малеванов Н. Прадед поэта. С. 160.

Телетова Н. К. Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. С. 78.

Никитенко Г. Ю., Соболев В. Д. Василеостровский район: Энциклопедия улиц Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 403.

См.: Грановская Н. И. Вместе с Пушкиным от Царского Села до Михайловского. С. 91.

506

Наверное, отправитель письма подразумевает круг профессиональных знаний.

Прянишников Е. А. Новый документ об Абраме Петрович Ганнибале и его семье // Из коллекции редких книг и рукописей научной библиотеки Московского университета. М., 1981. С. 76-77.

Никитенко Г. Ю., Соболев В. Д. Василеостровский район. С. 179.

См.: Букалов А. М. Пушкинская Африка. С. 281–282.

См.: Ганнибал А. С. Ганнибалы II. С. 234.

См.: Луппов С. П. Книга в России первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 271.

См.: Ганнибал А. С. Ганнибалы II. С. 231–234.

Фейнберг И. Л. Абрам Петрович Ганнибал — прадед Пушкина. С. 15.

Вегнер М. Прадед Пушкина. С. 131–132.

См.: Грановская Н. И. С Пушкиным от Царского Села до Михайловского. С. 93.

Ганнибал А. С. Ганнибалы II. С. 236.

См.: Никитенко Г. Ю., Соболев В. Д. Василеостровский район. С. 404.

Хмыров М. Д. Исторические статьи. С. 57.

Ганнибал А. С. Ганнибалы II. С. 245.

Савельев А. И. Исторический очерк инженерного управления в России. СПб., 1879. С. 100.

Хмыров М. Д. Исторические статьи. С. 57-58.

Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. С. 678–679.

Савельев А. И. Исторический очерк инженерного управления в России. С. 94.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. С. 59-60.

См.: Государственность России. Кн. 2. С. 112.

526

Там же. Кн.4. С. 372.

Там же. Кн. 2. С. 193-196.

Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. С. 149.

См.: Степанов С. Д. Санкт-Петербургская Петропавловская крепость. История проектирования и строительства. СПб., 2000. С. 153, 154, 159.

Малеванов Н. К биографии А. П. Ганнибала. С. 408.

Там же. С. 408-409.

Там же. С. 409.

См.: Гнамманку Д. Абрам Ганнибал. С. 148, 151.

См.: Там же. С. 151.

Телетова Н. К. Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. С. 78.

Богданов А. И. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 год. СПб., 1779. С. 37.

Гнамманку Д. Абрам Ганнибал. С. 144.

Малеванов Н. К биографии А. П. Ганнибала. С. 409.

539

Там же. С. 410.

Степанов С. Д. Санкт-Петербургская
Петропавловская крепость. С. 86.

541

Там же.

Гусарова Е. В. Генерал инженер Абрам Ганнибал // Вопросы истории. 2006. № 10. С. 154.

См.: Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. С. 661.

544

Там же. С. 661.

545

Там же.

См.: Гинзбург А. М., Кириков Б. М. Архитекторы — строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века. СПб., 1996.

Гусарова Е. В. Генерал инженер Абрам Ганнибал. С.
150-151.

Там же. С. 154-155.

Малеванов Н. К биографии А. П. Ганнибала. С. 410.

Малеванов Н. Прадед поэта. С. 165.

Фейнберг И. Л. Абрам Петрович Ганнибал — прадед Пушкина. С. 41. — Подробнее о строительстве фортификационных сооружений на острове Котлин в первой половине XVIII в. см.: Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. С. 20-69.

Малеванов Н. Прадед поэта. С. 166.

Там же. С. 165-166.

Малеванов Н. К биографии А. П. Ганнибала. С. 410–411.

См.: Ганнибал А. С. Ганнибалы II. С. 246.

Гусарова Е. В. Генерал инженер Абрам Ганнибал. С.
158.

Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. С. 661.

ПСЗ. Т. XIV. № 10705. Цит. по: Хмыров
М. Д. Исторические статьи. С. 59-60.

Хмыров М. Д. Исторические статьи. С. 60–61.

Простор. 1971. № 1. С. 109. — По другой версии, С. Глебов прибыл в Суздаль набирать рекрутов.

Вегнер М. Прадед Пушкина. С. 132.

Русский биографический словарь. Т. Шебанов — Шютц. С. 490.

Анисимов Е. В. Шувалов // Три века Санкт-Петербурга. Т. 1. Кн. 2. С. 542.

Гусарова Е. В. Генерал инженер Абрам Ганнибал. С.
156.

Хмыров М. Д. Исторические статьи. С. 63–64.

Савельев А. И. Исторический очерк инженерного управления в России. С. 109.

567

Там же. С. 64.

Сборник Русского исторического общества. Т. 18. С.
63.

См.: Государственность России. Кн. 2. С. 109-110.

Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. Л., 1975. С. 21.

РГИА. Ф. 468. Он. 1. Д. 4006. Л. 275-275 об. Цит. по:
Панин Э. С. Об обстоятельствах отставки
А. П. Ганнибала// Пушкин: Исследования и материалы.
Т. IV. М.; Л., 1962. С. 413.

572

ПушкинА. С. Т. XL С. 15.

Миних Б. Х. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи. С. 77.

Ганнибал А. С. Ганнибалы II. С. 246.

См.: Грановская Н. И. Вместе с Пушкиным от Царского Села до Михайловского. С. 69.

Бурлаков А. Усадебный дом Ганнибалов в Суйде. История и современность. Перспективы его восстановления. Создание в нем нового музея // Лукоморье. 2006. № 1. С. 3.

Литературный архив. Т. 1. С. 217.

См.: Грановская Н. И. Вместе с Пушкиным от Царского Села до Михайловского. С. 94.

По другим источникам, Ганнибалы переселились в Суйду в 1766 году, см.: С.-Петербургский институт истории РАН, научно-исторический архив. Коллекция рукописных книг 115. Дело 583. Л. 18-18 об.

Цит. по: Грановская Н. И. Вместе с Пушкиным от Царского Села до Михайловского. С. 72.

Круковский А. Родовое гнездо Ганнибалов // Нева.
1970. № 2. С. 215.

Прохоров М. Ф. Ответы А. П. Ганнибала на анкету
Вольного экономического общества // Советские архивы.
1989. № 4. С. 80

583

Там же.

584

Там же.

См.: Бессонова А. М. Прадед Пушкина Ганнибал... С. 162.

См.: Телетова Н. К. Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. С. 113.

587

РГИА. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 5168. Л. 12об.

Белозерская Н. А. Предок Пушкина // Исторический вестник. 1899. № 5. С. 437.

Ганнибал А. С. Ганнибалы II. С. 286–287. — Венчание Осипа и Марии Ганнибалов произошло 9 ноября 1772 г., см.: Бессонова А. М. Прадед Пушкина Ганнибал... С. 159.

См.: Люблинский П. И. Из семейного прошлого предков Пушкина. С.167.

Дело о разводе О. А. Ганнибала с первой женой см.:
Михневич В. О. Дед Пушкина // Исторический вестник.
1886. Январь. С. 87-143.

592

Ганнибал А. С. Ганнибалы II С. 287.

Михневич В. О. Дед Пушкина. С. 107.

Белозерская Н. А. Предок Пушкина. С. 428–429.

См.: Будылин И. Т. Деревенский Пушкин. М., 2008. С. 367.

См.: Жерихана Е. И. Литейная часть от Невы до Кирочной. 1711-1918. СПб., 2004. С. 133.

Всероссийский музей А. С. Пушкина. Цит. по:
Грановская Н. И. Вместе с Пушкиным от Царского Села
до Михайловского. С. 95.

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 8.

599

Рассказы бабушки... С. 256, 424.

См.: Телетова Н. К. Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. С.298.

Прянишников Е. А. Историко-правовое исследование
II. С. 140.

РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 3. Д. 162. Цит. по: Данилов
И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 205.

См.: Там же. Оп. 24. Д. 19. Цит. по: Данилов
И. В. Прадед Пушкина Ганнибал. С. 192.

Цит. по: Грановская Н. И. Вместе с Пушкиным от Царского Села до Михайловского. С. 112.

605

Там же. С. 109.

Ганнибал А. С. Ганнибалы 11. С. 301.

См.: Грановская Н. И. Вместе с Пушкиным от Царского Села до Михайловского. С. 105–107; Бессонова А. М. Прадед Пушкина Ганнибал... С. 159, 162, 169, 188.